

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

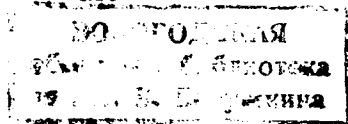
Май — Июнь

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. главного редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан

О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Все крупные обществоведческие проблемы наших дней являются комплексными. И хотя эта идея не нова, на практике наблюдается стремление ученых замкнуться в рамках узкоспециальных проблем. Однако комплексность в решении научных задач не отрицает, а, наоборот, требует четкого выявления предметной области каждой научной дисциплины. Обычно в трудах социологов с этой точки зрения рассматривается предметная область социологии в соизмерении с экономической, правовой и другими науками, изучающими конкретные сферы общественной жизни. К сожалению, при этом социологи упускают из виду две очень важные для соотношения с социологией науки — историю и этнографию. А именно при учете специфических познавательных функций этих наук во многом может быть уточнен и наш взгляд на социологию.

Проблемы взаимосвязи и разграничения наук чрезвычайно сложны. Это общее и бесспорное положение, однако, относится к разным типам общественных наук далеко не одинаково. Когда мы говорим о соотношении наук, изучающих отдельные конкретные сферы жизни общества, например, таких как экономика, право, лингвистика, то здесь — при всей условности и подвижности их границ — несомненно, имеется сравнительная устойчивость в междисциплинарном размежевании.

Но обращаясь к таким наукам как история и этнография, мы сразу же сталкиваемся со значительными трудностями и в определении их предметной области, и в их разграничении. Ведь обе они претендуют на широкий охват общества, стремятся к изучению всех сторон общественной жизни. К этому в последние годы добавилась активизация работ в области социологии — науки, также претендующей на изучение общества в целом. Долгие годы у нас под социологией разумелся лишь исторический материализм, который в своем развитии опирался на конкретные исследования специальных общественных наук. Теперь же развитие исторического материализма опирается также на собственное эмпирическое основание — конкретные социологические исследования, которые в последнее время стали энергично проникать в некоторые традиционные области изучения этнографической и исторической наук. В этой новой ситуации представляется особенно существенной необходимость разобраться в соотношении трех названных наук. Решение этого нелегкого вопроса осложняется тем, что каждая из них составляет фактически систему научных дисциплин, отдельные из которых могут также рассматриваться как относительно самостоятельные отрасли знания.

Немалая путаница в трактовке вопроса о соотношении этнографии, истории и социологии связана с тем обстоятельством, что в силу близости этих наук один и тот же ученый в своих работах очень часто переходит грани, условно их разделяющие, выступая одновременно и историком, и социологом, и этнографом. Между тем, мы обычно склонны причислять труды этого ученого, а соответственно и все изучаемые им сюжеты, к одной из названных наук.

До сих пор подчас можно встретить мнение, что определение предмета соответствующей науки, ее взаимосвязи со смежными научными дисциплинами не имеет существенного значения. Однако, как показывает опыт развития науки, невнимание к этому важному методологическому вопросу нередко приводит к серьезным просчетам в планировании научных исследований, затрудняет разделение и кооперацию труда, ведет как к ненужному дублированию, так и к образованию пробелов в изучении отдельных важных проблем. В свою очередь, такое невнимание, отчетливо проявившееся в недостаточном развитии исследований по классификации наук, способствовало, в частности, тому, что интересующий нас вопрос о соотношении истории, этнографии и социологии не получил еще вполне четкой характеристики.

Рассматривая этот вопрос, следует иметь в виду, что вообще формирование предметной области любой науки — исторически непрерывный процесс, вызываемый общественными потребностями. Предметная область научных дисциплин складывается в силу научных традиций, реального опыта науки. Изменение предметной области конкретных дисциплин происходит в настоящее время также путем системно-логического анализа науки. В этом анализе, в частности, существенная роль принадлежит выявлению из всей совокупности познавательных задач, выдвигаемых практикой, именно тех, решение которых составляет специфику данной науки в отличие от других.

Вместе с тем определение предмета науки неразрывно связано с выяснением ее соотношения со смежными областями знания. Хотя это может показаться парадоксальным, но как раз узко взятые суждения о предмете отдельных наук всегда чреваты опасностью расширительного толкования его.

Именно поэтому в настоящей статье особое внимание уделено соотношению истории и этнографии с такой близкой им дисциплиной как социология.

Однако, прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению этой основной темы статьи, представляется необходимым отметить некоторые общие и специфические черты всех трех названных наук, учет которых может оказаться полезным для определения их места в системе наук об обществе.

Начнем с исторической науки.

Историческая наука — наиболее широкая и многоплановая отрасль знания об обществе, но не о современном его состоянии, а о прошлом; даже современное общество историческая наука рассматривает как конечный (на момент исследования) этап прошлого. Речь идет, разумеется, об исторической науке в узком смысле слова. «Специфика той науки, которой занимается историк, — справедливо отметил А. В. Гулыга, — состоит в том, что она обращена к прошлому ... История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы имеют важное значение при определении последних), ее взгляд ретроспективен, ее внимание приковано к достигнутым результатам»¹.

Итак, предмет исторической науки — прошлое человеческого общества во всем его реальном многообразии. Нет тех сторон в жизни человечества, которые не были бы предметом рассмотрения в истории².

¹ А. В. Гулыга, О предмете исторической науки, «Вопросы истории», 1964, № 4, стр. 23—24; см. также В. М. Лавровский, К вопросу о предмете и методе истории как науки, «Вопросы истории», 1966, № 4.

² Многие важные вопросы, касающиеся определения предметной области истории как науки, рассмотрены в ряде вышедших в последние годы работ: Б. А. Грушин, Очерки логики исторического исследования, М., 1961 (особенно стр. 17—18); П. Н. Федосеев и Г. П. Францов, Социология и история («Социология в СССР», т. I, М., 1965); А. И. Уваров, Структура теории в исторической науке («Труды Томского ун-та», т. 178, 1965, т. 193, 1967); В. Н. Орлов, Роль научного описания в исто-

Историческая наука органически сочетает познание единичного, особенного и общего в развитии человечества. Своеобразие ее подхода к рассмотрению общества состоит в том, что она обращается к единичному не только как к базису для выявления особенного и общего, но и для сохранения в памяти человечества реального хода событий, для воспроизведения индивидуального и случайного. Поэтому фактической единицей анализа в исторической науке выступает не только социальная (в том числе и этническая) группа, но и индивид, поскольку задача этой науки состоит в выявлении, с одной стороны, общего и особенного, а с другой — в раскрытии индивидуального и случайного, что предполагает освещение роли конкретных исторических личностей, действующих в конкретных исторических ситуациях. Поэтому в истории значительное место занимает описание происходивших явлений, реконструкция исторического образа.

По способам исследования историческая наука отличается преобладанием генетического подхода над структурным (который не отвергается, но является вспомогательным средством). Попутно заметим, что, как известно, история не выступает в виде летописи событий дней минувших, что специфика творчества историка (и этнографа) не сводится к его особой близости к музам. Кстати, на практике под этой близостью зачастую понимается бесконечное и достаточно скучное (несмотря на встречающееся, хотя и редко, блестящее по форме изложение) описание третьестепенных исторических подробностей, интересных лишь самому автору, но опускаемых при чтении даже его ближайшими коллегами. Прав был П. Н. Федосеев, когда говорил, что отождествление истории с искусством «преследует цель взорвать историю как науку»³.

Советские этнографы в своем большинстве сходятся на том, что объектом их науки являются все этнические общности. Рассматривая в качестве такого объекта в первую очередь современные народы, этнографы отнюдь не ограничиваются этим. Они включают в поле своего зрения не только существующие в момент изучения, но и все когда-либо существовавшие в прошлом этнические общности⁴.

Ядро предметной области этнографии, на наш взгляд, составляет изучение устойчивых характерных черт, прежде всего отличительных особенностей этносов, создающих в своей совокупности их неповторимый облик. При этом, в силу диалектической взаимосвязи отдельного и целого в поле зрения этнографов нередко оказываются целиком те сферы общественной жизни, в которых наиболее отчетливо проявляется этническая специфика.

рическом исследовании («Философские науки», 1966, № 1); А. В. Гулыга, Понятие и образ в исторической науке («Вопросы истории», 1965, № 9); его же, О характере исторического знания («Вопросы философии», 1962, № 9); Г. М. Иванов, Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке («Вопросы истории», 1962, № 12); Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки («Вопросы истории», 1966, № 8) и т. д.

На наш взгляд, несколько расширительно трактуется предмет исторической науки в статье А. И. Вербина и П. М. Егидеса «О соотношении законов исторического материализма и исторической науки» («Вопросы философии», 1968, № 2). Они относят раскрытие специфических законов к области исторического знания в его чистом виде, тогда как это область исторической социологии, общей зоны истории и социологии. Приводимые ими примеры о теоретической деятельности конкретных авторов говорят лишь о том, что данные авторы (Л. Г. Морган и другие) выступали не только как историки, но и как социологи.

³ Заключительное слово акад. П. Н. Федосеева в сб. «История и социология», М., 1964, стр. 133.

⁴ См., например, «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, М., 1957, стр. 7—13; С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 133; «Основы этнографии», под ред. С. А. Токарева, М., 1968, стр. 5—6.

Кроме того, следует иметь в виду, что этнические черты на разных этапах социального развития общества проявляются далеко не одинаково. Как известно, в ранних архаических формах этнических общностей в силу их социально-экономической замкнутости этнические особенности пронизывают все сферы общественной жизни. На следующей ступени этнического развития — на стадии так называемой народности — этническая специфика обычно находит наиболее устойчивое проявление в языке и материальной культуре, но в некоторых других сферах (например, в социальных отношениях) она уже менее выразительна, чем на предыдущей ступени. На стадии нации, в условиях которой повседневная жизнь, в первую очередь материальная культура и быт, все более нивелируется, сфера проявления этнической специфики еще более сужается: она концентрируется (помимо языка) в основном в духовной культуре и сознании этнической принадлежности. Более того, в современных обществах наблюдается тенденция исчезновения этнической специфики даже в обычаях, обрядах и других материальных носителях духовного склада этнической общности. Этническая специфика все более уходит в глубинные сферы этнической психологии⁵. Поэтому не случайно этнограф, занятый архаическими обществами, изучает и структуру производства, и социальную структуру и т. д. Когда же он переходит к изучению народностей, то его внимание сосредоточивается прежде всего на анализе культурно-бытовых явлений, ибо здесь этническая специфика проявляется особенно отчетливо.

Поскольку этнографическое изучение этнических общностей в высоко развитых обществах только начинается, на него нередко переносят представление о предмете этнографии, сложившееся применительно к предшествующим типам этносов. И для этого есть определенное основание. Общеизвестно, что этнические процессы протекают более медленно, чем социально-экономические. В силу такой замедленности даже в промышленно развитых и значительно урбанизированных странах определенная этническая специфика долгое время сохраняется и в сфере материальной культуры и быта. Если же учесть, что между этнографическим изучением народностей и наций практически не проводится принципиальных различий, то станет понятным, почему исследование культурно-бытовых особенностей этнических общностей стало сутью этнографического подхода к современности. Отсюда и особое внимание этнографов к семье, являющейся той социальной ячейкой, которая аккумулирует и воспроизводит информацию о повседневном образе жизни и является носителем традиций этого образа жизни.

Характерная черта процесса познания, присущего этнографической науке, в конечном счете сводится к рассмотрению единичного лишь как базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном. Поскольку выявление особенного связано со сравнительно высоким уровнем абстракции, отвлечением от единичного, постольку в этнографии гармонично сочетаются структурный и генетический подходы. Познание же особенного помогает понять всеобщее в развитии человечества. Тем самым этнография может выступать и как наука, разрабатывающая специальные теории, раскрывающие закономерности развития этнических общностей.

Методика этнографических исследований в значительной мере predetermined их предметом, тем, что этнография изучает не только прошлое, но и настоящее народов. С этим связана большая роль в этнографических исследованиях материалов, полученных о современном населении в ходе специальных полевых экспедиций, включая широко

⁵ Кстати сказать, с указанными изменениями в немалой степени связаны и те недо-разумения, которые возникают при обсуждении предметной области этнографической науки в процессе дискуссий между этнографами, занятыми изучением обществ, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития.

распространенный метод непосредственного наблюдения. Важное значение имеет и ретроспективный метод; большие возможности его приложения связаны с тем, что этнические особенности, изучаемые этнографией, отличаются высокой степенью устойчивости, и поэтому сведения о современных народах могут широко использоваться для реконструкции их этнического прошлого. Этнография базируется также на данных письменных, археологических и других самых разнообразных источников. Вообще следует подчеркнуть, что поскольку познавательные задачи этнографии требуют исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народов, а всех сфер, в которых находит проявление этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приемов изучения общества, созданных в различных науках.

Рассмотрим теперь предметную область социологии.

Когда речь идет о предмете социологии, то следует иметь в виду, что предмет социологии не оставался неизменным на разных этапах ее развития. Мы будем говорить лишь о предмете современной марксистской социологии.

В течение многих лет сам термин «социология» обычно употреблялся лишь применительно к буржуазным исследованиям. Однако во второй половине 1950-х годов этот термин стал вновь активно применяться в марксистской литературе. При этом не лишне вспомнить, что В. И. Ленин именовал исторический материализм марксистской социологией. Но марксистская социология не исчерпывается историческим материализмом. Как склонны считать многие советские социологи, она имеет три уровня рассмотрения общества:

а) уровень общесоциологической теории (исторический материализм, который выступает и как философская, и как социологическая наука), т. е. общей теории функционирования различных социальных организмов. К этому уровню относится, например, раскрытие основных закономерностей смены социально-экономических формаций, соотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д.;

б) уровень специальных социологических теорий (теория города как социального организма, теория социальной структуры, теория этнических общностей);

в) уровень конкретных социологических исследований, которые проводятся для анализа механизма действия законов общественного развития, изучаемых именно социологией. Эти законы суть законы взаимодействия, внутренней связи различных сторон общественной жизни⁶.

Если большая часть общественных наук изучает общество по сферам, родам деятельности, то социология изучает общество в целом, так и его подсистемы (нации, поселения, классы, предприятия, семьи и т. д.) в единстве основных сторон жизнедеятельности.

Социологии на всех ее уровнях присуще рассмотрение общества как системы, т. е. она изучает его как сложнейшее переплетение классовых, профессиональных, национальных, семейных отношений, взаимосвязей между группами индивидов, обладающими определенными социальными свойствами и вытекающими из этих свойств их специфическими интересами. Это, подчеркиваем, наука, занимающаяся группами, а не лицами.

⁶ См. по этому вопросу: В. П. Рожин, О предмете марксистской социологии, сб. «Вопросы марксистской социологии», Л., 1962; Ф. Константинов, В. Келле, Исторический материализм — марксистская социология, «Коммунист», 1965, № 1; Г. В. Осипов, Основные черты и особенности марксистской социологии, сб. «Социология в СССР», т. I, М., 1965; В. Ж. Келле, О некоторых направлениях развития исторического материализма, «Вопросы философии», 1967, № 10; В. А. Ядов, К вопросу о марксистской социологии как науке, «Философские науки», 1968, № 2; М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган, Ю. Е. Волков, Социология: некоторые методологические вопросы, там же.

Наблюдение за реальным ходом развития научных исследований показывает, что имеет место тенденция к формированию относительно самостоятельных научных дисциплин, анализирующих социальные объекты как подсистемы общества (и базирующихся на разрабатываемых специальных социологических теориях, которые апеллируют в общеметодологических посылах не только к историческому материализму, но и к марксистской политической экономии и т. д.). Речь идет о социологии классов, социологии города, этносоциологии и т. д. Они образуют, вместе взятые, социологию как самостоятельную науку, которая имеет предметом исследования совокупность материальных, экономических, социально-психологических и идеологических отношений в функционирующих сегодня социальных объектах⁷.

Общесоциологическая марксистская теория, т. е. исторический материализм, в своем развитии опирается на достижения частных общественных наук, использует результаты конкретных социальных исследований, проводимых экономистами, правоведами, этнографами, историками и др. Но она в своем поступательном движении базируется также на конкретных социологических исследованиях, которые специально ориентированы на раскрытие механизма действия как общих законов взаимосвязи различных сторон общественной жизни (например, закона об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, законов классовой борьбы и т. д.), так и социологических законов конкретных формаций, которые также относятся к данному обществу, взятому в целом, а не к отдельным сферам его жизни, скажем, экономической (например, законов сближения между умственным и физическим трудом, стирания граней между классами в коммунистической формации).

Касаясь вопроса о характере конкретно-социологических исследований, представляется существенным остановиться на одном довольно частом недоразумении: к числу таких исследований относят обществоведческие работы на том лишь основании, что в них используются материалы опросов, применяются математические методы и получаются результаты, приложимые к практике управления обществом. Между тем все три момента как порознь, так и в совокупности могут иметь место и в работах представителей других общественных наук, скажем, экономистов, этнографов и т. д. Так, очень многие исследования этнографов имеют прикладной характер и по своей методике подчас мало отличимы от конкретно-социологических изысканий. Суть дела, естественно, не в методике, а в общей цели, определяющей познавательные задачи той или иной науки.

Впрочем, указанное недоразумение не случайно. Специфические особенности развертывания конкретно-социологических исследований в нашей стране не могли не сказаться на их методике. С самого начала они

⁷ Ряд авторов (по-разному аргументируя свою точку зрения) уже сегодня склонны считать социологию самостоятельной научной дисциплиной (см. А. Г. Агамбегян, Э. Г. Юдин, Актуальные проблемы марксистской социологии, «Вопросы философии», 1966, № 2; Р. В. Рывкина, О структуре предмета социологии как системы наук, «Социологические исследования. Вопросы методологии и методики», Новосибирск, 1966; Г. В. Осипов, Социология как наука, «Социальные исследования», вып. 2, М., 1968; А. М. Румянцев и Г. В. Осипов, Марксистская социология и конкретные социальные исследования, «Вопросы философии», 1968, № 6). А. М. Румянцев и Г. В. Осипов отмечают: «Социология изучает общество как целостную, организованную систему социальных отношений, институтов, общественных групп, взаимодействующих друг с другом, т. е. социальную структуру общества ... Специфика и отличие социологии от других общественных наук (политической экономии, права и др.) состоит в том, что она изучает социальные системы и социальные явления с точки зрения их воздействия на развитие социальных отношений между людьми, на формирование человека, его сознание и поведение; при этом исследуется и обратное влияние определенных систем социальных отношений людей на экономическое и политическое развитие общества» (Указ. раб., стр. 5).

в методическом плане были ориентированы на использование современных научных процедур (системный анализ, математический аппарат и т. д.), которые получили развитие в психологии, биологии, математической физике и т. д. В сочетании с традиционными в гуманитарных науках способами исследования образовался богатейший набор методических и технических приемов. Это, между прочим, и привело к широко распространенному убеждению, что наличие определенных приемов сбора и переработки информации в той или иной обществоведческой работе делает ее социологической. Но это, конечно, далеко от истины. Не процедура исследования, а его познавательные функции определяют своеобразие научной дисциплины, хотя здесь имеет место и определенная взаимосвязь.

Познавательные задачи социологии как науки определяют своеобразие, присущее ей в способах анализа общества. В социологии единичное выступает лишь как носитель информации об особенном и всеобщем. При этом социология в своих выводах абстрагируется не только от единичного, но и от особенного, стремясь раскрыть всеобщее, т. е. раскрыть все виды закономерностей взаимосвязи различных сторон общественной жизни. А это в конечном счете обуславливает преобладание в социологии структурного подхода, ее можно отнести к научным дисциплинам, где генетический подход (метод) является лишь вспомогательным способом анализа.

На уровне конкретно-социологических исследований совершается в процессе познания переход от первичных эмпирических данных, сформированных в узлы фактов, к анализу конкретной социальной ситуации. Именно это позволяет произвести первичные теоретические обобщения, а уже на данной основе при доказательстве их типичности перейти к конструированию специальной теории. Однако подобный переход ко второму уровню социологии связан с дедуцированием определенных теоретических посылок из общесоциологической теории и не является поэтому прямым и непосредственным обобщением информации, собранной в процессе конкретно-социологического исследования.

Конкретные исследования, вытекающие из общественных функций социологии, совсем не сводятся к одному типу. Их по крайней мере можно отметить три. Во-первых, это конкретно-социологические исследования, которые претендуют на раскрытие механизма действия законов взаимосвязи сфер общественной жизни на современном материале. Во-вторых, это конкретно-эмпирические исследования, проводимые социологами для изучения конкретных сторон жизни современного общества и не претендующие на получение широких обобщений, помогающих выявлению закономерностей общественного развития (например, конкретные исследования в области радио, телевидения, деятельности партийных организаций на предприятиях и т. д.). Наконец, третья группа (или третий тип), о которой обычно забывают, — конкретные социолого-исторические, если можно так выразиться, исследования. Этот тип аналогичен первому с той разницей, что базируется не на сборе информации от живых людей или в текущем делопроизводстве, а ориентирован на информацию, содержащуюся в исторических источниках. Последний тип исследований образует в конечном счете область исторической социологии (например, изучение социальной структуры феодального общества). Таким образом, эта область знания, можно сказать, является общей зоной для исторической и социологической наук⁸.

⁸ В этой связи привлекает внимание та часть предложенного М. М. Громыко определения задач исторической социологии, где она отмечает возможности этой науки, связанные с выявлением «общих социальных закономерностей», для выделения «в механизме социальных связей общего для разных эпох» (М. М. Громыко, О некоторых задачах исторической социологии, «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук», № 11, вып. 3, 1967. стр. 121).

Переходя к непосредственному сравнению истории, этнографии и социологии следует прежде всего еще раз подчеркнуть некоторые наиболее существенные общие черты в их подходе к изучению общества. Как и во всех марксистских общественных науках, у них едины философско-методологические принципы рассмотрения общества. Единым является объект изучения — человеческое общество на всех этапах его развития. Общее есть и в том, что имеются «зоны» знания, равноправно и одновременно входящие в предметную область двух или трех рассматриваемых наук. Общей является во многих случаях источниковедческая база для решения специфических познавательных задач. Совпадают также и многие применяющиеся методы и процедура исследования.

Различие проявляется прежде всего в специфике способов познания в этих науках. Как мы уже говорили, в то время как историческая наука органически сочетает познание единичного, особенного и всеобщего в развитии человечества, этнографический подход к изучению общества предполагает прежде всего рассмотрение единичного лишь как базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном.

В отличие от этнографов социологи в своих выводах обычно абстрагируются не только от единичного, но и от этнически особенного, стремясь прежде всего раскрыть всеобщее, т. е. основные законы взаимосвязи различных сторон общественной жизни. Но познание особенного и познание всеобщего представляет собой диалектически единый процесс. Поэтому сравнительное изучение особенностей этносов неразрывно связано с раскрытием типичных черт общего в развитии человечества. Это, так же как и отвлечение в процессе познания от единичного, сближает этнографию с социологией на всех ее уровнях.

Специфика каждой из рассматриваемых наук проявляется также в формировании их предметной области, т. е. в своеобразии угла зрения, видения общества. Одни и те же конкретно-исторические ситуации по-разному преломляются в присущем каждой научной дисциплине подходе к их рассмотрению.

Поясним этот тезис. Возьмем для примера село Вирятино, которому этнографы посвятили специальную монографию⁹. Это село, рассматриваемое само по себе, выступает как единичное явление; рассматриваемое же как тип русского села оно выступает носителем этнически особенного; но в нем есть и всеобщее, типичное для социалистического села. Очевидно, что этнограф абстрагируется от единичного, характерного только для данного села, скажем, от действия отдельных его жителей, конкретных событий и т. д., хотя все это важно для историко-этнографического изучения того же села. Внимание этнографа прежде всего, естественно, привлекают этнические особенности, присущие жителям Вирятина, причем эти особенности могут быть характерными либо для всего русского народа, либо для его отдельной этнографической группы. Социологи тоже монографически изучают села. Вспомним, например, исследование Копанки¹⁰. Авторы этого исследования прежде всего интересовались данным селом как носителем информации об общем, присущем всему крестьянству Советского Союза.

Конечно, нами предложена как бы идеальная модель исторических, этнографических и социологических исследований. На практике же мы обычно имеем дело с переплетением исследований, когда, как уже говорилось, один и тот же ученый или группа ученых одновременно осуществляют функции представителей разных дисциплин.

Указанные выше различия между рассматриваемыми науками в способе познания особенно отчетливо проявляются на уровне конкретных исследований (и исторических, и этнографических, и социологических).

⁹ «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», М., 1958.

¹⁰ «Копанка. 25 лет спустя», М., 1965.

Ведь именно на этом, так сказать, первичном уровне более всего сказывается разница в их отношении к единичному, особенному и всеобщему. На уровне же специальных теорий происходит сближение и даже определенное совпадение предметных областей всех трех рассматриваемых наук. Обусловлено это тем, что в данном случае не только социолог, но и представители двух других наук в конечном счете занимаются выявлением закономерностей. Не случайно, скажем, в происходящей сейчас дискуссии по такой специальной теории, как теория наций, приняли участие и философы, и историки, и этнографы. Что же касается высшего теоретического уровня, то здесь история, этнография и социология как бы сливаются, точнее говоря, первые две дисциплины как бы поглощаются социологией.

Поэтому совершенно очевидно, что наиболее многозначной и сложной, а следовательно и заслуживающей наибольшего внимания, является проблема их взаимосвязи на уровне конкретных исследований.

Остановимся на некоторых аспектах соотношения исторических и социологических исследований. Это тем более важно, что тематика работ по современности в реальной практике историков советского общества и социологов на сегодняшний день в значительной мере совпадают.

И в конкретно-историческом, и в конкретно-социологическом исследовании имеются две части: методологическая и процедурная (методика и техника исследования)¹¹.

На уровне общей методологии и историческое, и социологическое исследования базируются на общей социологической теории, т. е. историческом материализме. Здесь нет различий между отмеченными типами исследований.

Следующий уровень — специальная методология данного исследования. На этом уровне речь идет о специальных социологических теориях, имеющих общую методологическую основу, о механизме действия социологических законов в конкретных исторических условиях, о формулировании гипотез и об определении основных понятий данного исследования, эмпирической трактовке их, создающей условия для перехода от теоретического этапа исследований к сбору данных.

В таком общем виде и на этом этапе не улавливаются различия между историческим и социологическим исследованием. На самом деле здесь уже есть несовпадающие зоны, которые раскрывают специфику исторической и социологической методологии. Такой основной структурной частью, отсутствующей в социологии, в методологии исторического исследования является реконструирующая часть со своим понятийным аппаратом¹². Отсюда по-иному выступает проблема факта в историческом исследовании. Социолог в конкретном исследовании может прибегнуть к прямому наблюдению, обратиться даже к эксперименту. Историк, как правило, лишен такой возможности. Прошрое предстает перед ним в виде «следов», оставленных событиями в документах и в жизнедеятельности общества на момент исследования.

В этой связи характерны высказывания двух авторов. Один из них занялся проблемой факта с позиций социолога (В. А. Ядов)¹³, другой подошел к проблеме факта с позиций исторического знания (В. Н. Орлов)¹⁴.

¹¹ Общая схема основных элементов конкретного социологического исследования описана В. А. Ядовым (см. его статью «Актуальные вопросы конкретных социологических исследований», «Философские науки», 1965, № 5, особенно стр. 6; его же, Методология и процедуры социологических исследований, Тарту, 1968).

¹² Здесь мы исходим из посылки, что к теории относится не только совокупность знаний об объекте, но и типовые способы получения знаний. Эти типовые способы являются сущностью специфического «видения» общества с позиций конкретной науки.

¹³ В. А. Ядов, Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании, «Философские науки», 1966, № 5.

¹⁴ В. Н. Орлов, Роль научного описания в историческом исследовании.

Общим для обоих авторов является признание того, что научный социальный факт всегда содержит в себе элементы научной абстракции. Для этого они (факты) должны быть описаны, проверены (адекватно ли отражают события), объяснены и включены в теоретическую систему истории или социологии как эмпирическая основа.

Различия выступают при рассмотрении фактов индивидуального поведения и индивидуального сознания. В. А. Ядов ставит задачей «суметь увидеть в фактах индивидуального поведения и индивидуального сознания их социально-всеобщую сущность»¹⁵. Поэтому для него понятие «научный факт» приближается к понятию «статистический факт»¹⁶.

В историческом же исследовании чрезвычайно важны и факты отклоняющегося индивидуального поведения и сознания. Для социолога одиночка-изобретатель из рабочей среды не представляет научного значения, так как его задачей (социолога) является лишь обнаружение устойчивых причинно-следственных связей. И поэтому он констатирует отсутствие в данной ситуации технического творчества рабочих. Для историка этот одиночка-изобретатель выступает как исторически значимый факт из прошлого народа, факт, не только эмоциональный и имеющий воспитательное значение, но и как факт, индивидуализирующий портрет эпохи¹⁷. В. Н. Орлов совершенно справедливо добавляет: «В исторических фактах устанавливаются и отображаются: а) определенные моменты в развитии исторических процессов (их возникновение, функционирование, переход в другое состояние); б) конкретные свойства, признаки, принадлежащие только данному явлению и выражающие его характерные особенности»¹⁸.

Отсюда вытекают специфические методологические функции исторической теории, связанные с реконструкцией объекта исследования¹⁹. Этих функций нет в методологии конкретного социологического исследования, что связано с различным подходом к изучению одного и того же объекта у историков и социологов. Возьмем для примера изучение становления коммунистического отношения к труду. Социолог выявляет структуру отношения к труду, раскрывает ее причинно-следственные связи с социальной действительностью и со структурой личности работника, изучает статистически фиксируемые тенденции. Историк показывает, как менялось и меняется отношение к труду рабочих на фоне конкретных исторических ситуаций, наполняет изложение живыми лицами, героями истории.

Социологический анализ современности зачастую толкает на поиск в прошлом такого рода фактов, которые в цепи событий 1920-х или 1940-х гг. казались незначительными, второстепенными, «следы» которых в документах встречаются крайне редко. Поэтому развитие конкретных исторических и социологических исследований должно проходить в тесной взаимосвязи, а во многих случаях и комплексно, в рамках единых коллективов.

Например, было бы весьма эффективным проводящееся советскими социологами исследование диалектики материальных и духовных стимулов к труду дополнить историческим исследованием на эту же тему, охватывающим все годы Советской власти. Это дало бы большой эффект и для социологии, ибо многие взаимозависимости, казалось бы, анало-

¹⁵ В. А. Ядов, Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 32.

¹⁷ На практике же речь идет о расстановке акцентов: историк самоцелью исследования может сделать персоналию о рабочем самородке, социолог же использует данный научный факт, обнаруженный историком, в своем обобщающем (абстрагированном от индивидуализирующих деталей) сочинении.

¹⁸ В. Н. Орлов, Указ. раб., стр. 48.

¹⁹ Вопрос этот разрабатывался в нашей отечественной литературе А. И. Уваровым (А. И. Уваров, Указ., раб.).

тичные при рассмотрении основных характеристик структуры данного явления на современном этапе развития, находят объяснение в историческом прошлом.

Что касается процедуры исследования в конкретных исторических и социологических работах, то это должно служить предметом специальной публикации. В общем виде можно было бы отметить следующее. Почти нет методов и технических приемов, традиционных в практике как историков, так и социологов, которые были бы бесполезны или не нужны для конкретных исследований и в той и другой области. Речь идет лишь о пропорциях в их применении.

В этой связи следует остановиться на историческом способе познания, который часто вызывает у историков ощущение резкого отграничения их науки от социологии. Дело в том, что в реальной практике развития исторической науки конкретно-описательные исследования явно преобладают. Поэтому генетический метод, как правило, предстает лишь как хронологический-описательный, что и дает возможность реконструкции деталей эпохи. Такой способ реализации генетического метода ограничен целиком рамками исторической науки. В социологии ему нет места. Но генетический метод имеет и другой способ реализации — стадийный подход. Этот подход вполне приложим к практике как историко-социальных, так и социологических исследований.

Определение взаимозависимости таких сложных и многоэлементных систем наук как социология и история требует выявления особых отношений каждой из частных дисциплин, входящих в одну из этих систем, с конкретными составными частями другой системы. Особого внимания заслуживают при этом стыковые научные дисциплины, общие зоны для этих наук. Такой зоной, например, является историческая социология, которую не следует путать с социологией (или философией) истории. Историческая социология, другими словами, социальная история, как мы уже отмечали, это конкретная дисциплина, исследующая историческое развитие совокупности социальных отношений в обществе. Она равноправно входит как в историческую науку, так и в социологию.

Эта мысль может быть пояснена сравнением с историей экономики, которая выступает как экономическая история, частью и исторической науки, и экономической.

Перейдем теперь к рассмотрению в некоторых общих чертах соотношения этнографии с историей и социологией.

Советская этнография является глубоко исторической дисциплиной; и это относится не только к ее методу, но и в значительной мере к предметной области. В то же время следует подчеркнуть, что этнография не ограничивается реконструкцией прошлого, она вместе с тем рассматривает современные народы как живую, существующую в настоящий момент действительность. Поэтому в этнографии есть исследовательские зоны как входящие в рамки исторической науки, так и выходящие за ее пределы. При конкретном сопоставлении этнографии с историей, разумеется, следует особо остановиться на так называемых общих зонах знания, равноправно и одновременно входящих в предметную область обеих наук. Как известно, важнейший раздел этнографической науки составляет так называемая историческая этнография, которая включает в себя прежде всего этническую историю. Этот раздел в то же время является существенным компонентом исторического знания. Показательно, что исследования по этнической истории принадлежат перу как этнографов, так и историков, включая археологов. При этом историков и этнографов объединяет применение стадийного подхода в изучении динамики этнических процессов, в то время как во многих других случаях в исторических исследованиях применяется иной вариант исторического метода — хронологический-описательный, например, в политической истории. В рассматриваемом случае в значительной мере обща и источ-

никоведческая база. Но здесь у этнографов есть также своя специфика — применение материалов полевых наблюдений современных народов для ретроспективного изучения этнической истории. Правда, они в данном случае служат скорее дополнением, чем основным источником. Гораздо важнее свидетельства письменных памятников, а там, где они отсутствуют, показания археологических источников, которым нередко принадлежит определяющая роль в исследованиях ранних этапов этногенеза.

Важную сферу взаимопроникновения интересов этнографов и историков представляет история культуры в широком смысле этого термина, т. е. история всех материальных и духовных ценностей, созданных людьми.

В силу огромного многообразия культуры наряду с исторической наукой, охватывающей историю культуры в целом, изучением ее отдельных аспектов занято, как известно, немалое число специальных дисциплин: таких, как, например, история искусств, в свою очередь распадающаяся на целый ряд субдисциплин (история изобразительного искусства, музыки, театра и т. д.), история различных областей науки и техники, история литературы и т. д. Так как этнические черты в той или иной степени проявляются почти во всех сферах культуры, то ее этнографическое изучение пересекается не только с исторической наукой в целом, но и почти с каждой из перечисленных специальных дисциплин. Это в известной мере распространяется даже на те из них, которые исследуют результаты индивидуального профессионального творчества в области искусства и литературы, что недавно было отмечено в специальной статье С. А. Токарева²⁰. Но гораздо более близки интересы этнографии и исторической науки, в том числе и некоторых специальных исторических дисциплин, при изучении массовых форм культуры. Первостепенное внимание этнографов к этому роду культурных ценностей легко объясняется тем, что именно в явлениях массовой культуры наиболее ярко проявляется этническая специфика.

Особенно значительное место в этнографических исследованиях в нашей стране уже издавна занимает изучение истории массовых народных форм материальной культуры. Как раз в этой области традиционно сотрудничают этнографы и археологи. Их кооперация основана прежде всего на том, что для тех и других основным источником являются не письменные, а вещественные памятники.

Однако в подходе этнографов и археологов к таким памятникам есть и существенные отличия. Они, во-первых, состоят в том, что этнографы исследуют не только и не столько памятники, добытые в археологических раскопках, сколько те предметы материальной культуры, которые либо сохранялись от прошлого в музейных и иных коллекциях, либо бытуют в момент изучения. Поскольку при изучении истории материальной культуры важнейшим является метод непосредственного наблюдения, постольку этнографии принадлежит в этом случае особая роль; разумеется, тут речь идет о тех разделах истории материальной культуры, которые не базируются на археологических источниках.

Второе различие требует некоторых пояснений. Изучение памятников материальной культуры, помимо добытых в археологических раскопках, составляет традиционную и почти монопольную область этнографии. Поэтому этнограф здесь проводит, как правило, исследования комплексного характера: описывает и классифицирует вещественные памятники, раскрывает общие тенденции в развитии материальной культуры и, наконец, выполняет «заказ» собственной науки по выявлению

²⁰ См. С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 136 и след.

этнической специфики материальной культуры путем сравнительно-исторического анализа.

Нам представляется, однако, что дальнейший прогресс научного знания требует более четкой специализации в изучении истории материальной культуры. Все ошутимей становится отсутствие особой отрасли исторической науки, главной целью которой явилось бы изучение закономерностей развития материальной культуры, конкретно-историческое описание ее форм и классификация их. Существование такой дисциплины позволило бы этнографам сосредоточиться и в данном случае на выявлении черт этнически особенного в вещественных памятниках.

Нельзя не упомянуть и такую важную сферу научных интересов этнографов как быт народов. Подобно истории материальной культуры в его изучении решающая роль принадлежит этнографам. Объясняется это тем обстоятельством, что в качестве основного носителя информации выступают материалы, собранные методом непосредственного наблюдения.

Значительная роль данных, собранных подобным способом, отличает и этнографический подход к изучению истории таких носителей этнической специфики, как обычаи, обряды и нравы. Непосредственные наблюдения, сбор полевых материалов являются важнейшим методом и при рассмотрении одного из наиболее массовых видов духовной культуры — устного народного творчества. Правда, в целом — это область исследования особой науки — фольклористики, соотношение которой с этнографией составляет особую проблему²¹.

Важную область сопряжения этнографии с другими историческими дисциплинами, в первую очередь с археологией, представляет история первобытного общества. В силу отмеченных выше причин этнограф при этом охватывает общество в целом и в данном отношении его подход ничем по существу не отличается от подхода к изучению общества историком в узком смысле слова. Отличие здесь в ином: опять-таки в источноведческой базе. При изучении, например, этнической истории этнограф, как уже говорилось выше, привлекает полевые материалы лишь в качестве дополнения, при изучении же первобытности этнограф прежде всего базируется на материалах, собранных в ходе непосредственного наблюдения архаических явлений, а чаще их пережиточных форм; свидетельства письменных источников, как и данные археологии, используются им обычно лишь как дополнение.

Таким образом, у истории и этнографии есть немало общих зон исследовательских поисков, хотя специфика подхода к рассмотрению изучаемых объектов и в этих случаях сохраняется. Однако этнография имеет исследовательские зоны, которые выходят за рамки исторической науки. Историческая наука, в узком смысле слова, трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов; более того, одной из ее задач является определение тенденций в развитии этнических общностей, прогнозы в области этнических отношений.

С другой стороны, если история как наука обращается к единичному для реконструкции реального хода событий, то этнография в этом плане не интересуется единичным. Историзм этнографии — в стадильном подходе к динамике развития изучаемых объектов, ей не присущ хронологический описательный подход. Поэтому реконструкция исторического образа в историко-этнографических исследованиях носит более абстрактный характер, чем в исторической науке.

²¹ См. К. В. Чистов, Фольклор и этнография, «Сов. этнография», 1968, № 5.

Благодаря давним традициям контактов между историками и этнографами вопрос о взаимоотношениях этих двух областей знания не вызывает каких-либо недоумений и неясностей. Иначе обстоит дело с взаимосвязью этнографии и социологии.

Перед советскими этнографами поставлена важнейшая и ответственнейшая задача — исследовать современные этнические процессы как у нас в стране, так и за рубежом. Актуальность этой проблемы была отмечена на XXIII съезде КПСС.

Сама же проблематика современных этнических процессов лежит на стыке двух наук — этнографии и социологии. Это, в свою очередь, заставляет поставить вопрос о соотношении конкретно-социологических и конкретных этнографических исследований.

В кругах этнографов и социологов можно встретить примерно такие точки зрения на соотношение этнографии и социологии:

а) социология — наука теоретическая, этнография — эмпирическая дисциплина;

б) социология изучает современное урбанизированное общество; этнография — неурбанизированное общество;

в) социология изучает социальные процессы, этнография — этнические (некоторые социологи не относят этнические процессы к социальным);

г) социология в процедурной части основывается на математике и статистике, а этнография — на научном описании и объяснении наблюдаемых явлений.

После всего сказанного об этих науках, нет, очевидно, необходимости доказывать, что такого рода подходы упрощают проблему.

При ее рассмотрении прежде всего необходимо подчеркнуть, что у этнографии и социологии имеется общая зона. Ею является этническая социология, которую можно рассматривать как подраздел, с одной стороны, этнографии, а, с другой стороны, социологии.

Эта зона образуется при изучении взаимного пересечения этнических и социально-классовых явлений. Такого рода исследования являются основой этносоциологии; при этом их можно расщепить на два взаимосвязанных направления: социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в отдельных социальных группах; одно, так сказать, социально-этническое, другое — этно-социальное. Оба направления, как мы видим, представляют пересечение процессов и структур. Конечная задача исследований первого направления — выявление путем сравнительного анализа воздействия различных этнических сред на ход социальных процессов. Основная цель исследований второго направления — установить зависимость от социальных факторов степени устойчивости традиционных форм быта, а также других аспектов этнических процессов, таких как национально-смешанные браки, двуязычие и т. п.

Само собой разумеется, что разработка первого из названных направлений представляет особый интерес для социологов, а в исследовании второго более заинтересованы этнографы. Но бесспорно, что в обоих случаях специалисты по одной из этих дисциплин не могут обойтись без помощи другой.

Поскольку этническая специфика наиболее наглядно проявляется в сфере культуры и быта и воспроизводится прежде всего через семью, постольку именно в данных областях имеет место особенно активное взаимодействие этнографических и конкретно-социологических исследований.

Следует заметить, что в силу уже отмеченных причин особая близость наблюдается между конкретно-социологическими и полевыми этнографическими исследованиями современности. Именно этим в значительной мере объясняется то, что на протяжении довольно длительного отрезка времени этнография в нашей стране фактически была единст-

венной наукой, частично выполнявшей функции конкретной социологии, правда, нередко довольствуясь при этом традиционными этнографическими методами.

Касаясь процедуры исследования, видимо, следует также учитывать изменение объекта исследования у этнографа. В урбанизированном обществе этническая специфика, как уже отмечалось, все более исчезает из материального быта. Более того, в сфере духовной культуры уходят в прошлое такие традиционные носители этнической специфики как обряды, верования и т. д., которые этнографы успешно изучают сложившимися в этнографической науке методами. Этническая специфика у современных народов все более уходит в глубины этнической психологии, проявляясь в национальном самосознании, национальных стереотипах, национальном характере. Поэтому изучение этих фундаментальных основ национально особенного невозможно без решительного обогащения методики и техники исследования, так как непосредственное наблюдение в данном случае явно недостаточно.

Здесь этнографу (пожалуй, в большей мере, чем историку, работающему преимущественно над письменными источниками), есть что позаимствовать у социолога и психолога.

В свое время социологи как у нас в стране, так и за рубежом, активно использовали опыт полевых наблюдений, накопленный этнографами. В свою очередь, этнографическая наука в настоящее время может использовать методику и технику исследований, которые не являются достоянием лишь социологии, но получили в ней большое развитие. Было бы в равной мере неверно как отбросить богатейшие научные традиции, так и ограничить себя лишь непосредственным наблюдением и другими традиционными методами сбора информации.

Все более активный переход этнографической науки к исследованию народов современных промышленно-развитых стран уже сам по себе предполагает применение в дополнение к традиционным методам непосредственного наблюдения методик, разработанных в социологической и психологической науках специально для нужд анализа взаимоотношений людей в современном обществе.

Речь идет, прежде всего, о системно-структурном подходе к анализу объектов, когда любой социальный процесс (объект) рассматривается как сложная система. При этом отдельные стороны, характеризующие данный процесс, изучаются как элементы целостной системы, структуру которой представляет взаимосвязь этих элементов. При этом предусматривается изучение объекта как системы, находящейся в развитии, с учетом воздействия на него внешних факторов и процессов, происходящих в самой системе²².

Кроме того, из опыта социологии могут быть использованы методы формализации, типологизации и квантификации (т. е. применения количественных методов), а также моделирования²³. Что касается применения математических методов, то, как показало Всесоюзное совещание по применению количественных методов в социальных исследованиях, состоявшееся в апреле 1967 г. в г. Сухуми, нет никаких оснований для

²² См.: Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, М., 1964; В. Н. Садовский, Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы, «Социология в СССР», т. I; Б. А. Грушин, О структуре динамических процессов, там же; его же, Очерки логики исторического исследования; Н. Стефанов, Методологические проблемы на структурный анализ, София, 1967; Н. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, Системный подход в социальных исследованиях, «Вопросы философии», 1967, № 9, и др.

²³ В. А. Устинов, Применение вычислительных машин в исторической науке, М., 1964; П. П. Маслов, Статистика и социология, М., 1967; «Количественные методы в социологии», М., 1966; В. Н. Шубкин, Количественные методы в социологии, «Вопросы философии», 1967, № 3; Э. В. Белая, Проблемы социологического измерения, «Вопросы философии», 1967, № 7; «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», М., 1968, и др.

пессимизма. В то же время ничем не оправданы надежды решить принципиальные теоретические вопросы гуманитарных наук с помощью математики²⁴. Это всего лишь хорошее вспомогательное средство²⁵. Весьма плодотворным представляется использование выборочного метода и типологических процедур (оба эти вопроса связаны между собой). Современная наука, к сожалению, не может отразить всего богатства и разнообразия фактов, как хранимых источниками, так и наблюдаемых в живой действительности. Поэтому чрезвычайно важен опыт социологов по применению типологических процедур. Ведь только классификация по типам социальных функций общностей индивидов (включая этнические общности) позволяет активно применять выборку. Проблема эта методологическая, поскольку сводится к установлению взаимосвязи между общим, особенным и единичным. По-видимому, весьма перспективной окажется для этнографов так называемая органическая классификация по нескольким свойствам, отражающим одно и то же качество общностей индивидов²⁶. В результате можно исследовать сложнейшие исторические и этнические процессы в масштабах целой страны, опираясь на данные, полученные на сравнительно ограниченном числе объектов.

Опыт конкретной социологии весьма полезен также в области сбора и переработки информации: методы проверки первичной информации, метод обработки массовой печати (контент-анализ), опросы с отработанной процедурой их проведения, сбор автобиографий с опорными вопросами, методы статистико-математической обработки информации и применения ЭВМ²⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что этнографические исследования тесно взаимодействуют отнюдь не только с историческими и социологическими. Специфика предмета этнографии приводит к тому, что у нее нет «зон», разделов знания, которые не пересекались бы с какой-либо из смежных наук, позволяющих углубить познание этнически особенного. Поэтому, наряду с историко-этнографическим и этнографо-социологическим, в ней существуют и другие научные направления, являющиеся результатом пересечения этнографии с географией, лингвистикой, психологией, антропологией и т. д. Более того, в тех случаях, когда при этом рассматриваются явления, относящиеся к прошлому, мы имеем как бы пересечение трех наук: этнографии, одной из только что названных наук (например, географии) и истории.

Сочетание же этнографии с сопредельными науками при изучении современности приводит к формированию научных зон, выходящих за рамки исторической науки. Это обусловлено уже указанным выше особым подходом этнографии к современности, отличающим ее от истории, но зато тесно сближающим с конкретной социологией.

Таковы некоторые наблюдения о взаимоотношении истории, этнографии и социологии. Мы прекрасно сознаем, что эти наблюдения носят

²⁴ «Количественные методы в социальных исследованиях. Материалы совещания в Сухуми», «Информационный бюллетень ССА», 1968, №№ 8, 9.

²⁵ Как справедливо заметил В. Э. Шляпентох, «...престиж математики у гуманитариев зависит от их математической подготовки: у людей, абсолютно несведущих, математика пользуется минимальным престижем; у тех, кто знает о ней не очень много — максимальным; у людей более подготовленных — умеренным» («Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 40).

²⁶ Фрэнк Йетс, Выборочный метод в переписях и обследованиях, М., 1965; Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, М., 1961, стр. 259—263; Г. М. Андреева, Современная буржуазная эмпирическая социология, М., 1965, стр. 160—165.

²⁷ В. А. Ядов, Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования, «Вопросы философии», 1966, № 10; А. Л. Свенцицкий, Интервью как метод конкретного социологического исследования, «Философские науки», 1965, № 5; Г. М. Андреева, Современная буржуазная эмпирическая социология, и др.

самый предварительный характер и далеко не охватывают всей проблемы. Но нам все же представлялось своевременным наметить решение хотя бы части непосредственно относящихся к ней дискуссионных вопросов.

SUMMARY

The article shows that ethnography, history and sociology have features in common and specific features. As in all Marxist social sciences they are at one in their philosophical-methodological principles underlying their approach to the study of society. The object of research—human society in all stages of its evolution—is the same. These three sciences also have in common certain spheres of knowledge which enter simultaneously as equivalent parts into their fields of research. Specific features of each science are mainly manifested in the angle from which society is viewed.

Soviet ethnography is a profoundly historical branch of science. This is characteristic not only of its methods but to a large extent also of its range of subjects. Historical ethnography, which includes primarily ethnic history, the most important section of ethnographical science, represents at the same time a vital component of historical knowledge. The same is true of the history of primitive society. However ethnography includes spheres of research which stand outside the field of historical science. History in the narrow sense of the word has for its subject the past of human society though its study is brought up to modern times. Ethnography does not confine itself to reconstructing the past; at the same time it considers modern peoples as a live reality existing in the present.

History studies in an integral unity the individual, the special, and the general in human evolution; it turns to the individual not only in order to bring out the special and the general but also to elicit the unique, the accidental. On the other hand, the ethnographic approach to the study of society presupposes the examination of the individual merely as a base for revealing the ethnically special, merely as a carrier of information about this special.

Sociologists, unlike ethnographers, usually abstract their conclusions not only from the individual, but from the ethnically special; they endeavor first and foremost to reveal the general, i. e. the general laws of interdependence between various aspects of social life. But the knowledge of the special and of the general is a dialectically indivisible process. The comparative study of particular features of ethnic entities is thus inseparably linked with exposing the general in the evolution of mankind. This, as well as the abstraction from the individual in the course of research, is what brings ethnography and sociology together at all levels. They are particularly close in their methods in concrete sociological research and ethnographical field studies of modern ethnici life; their approach to actuality is in many ways identical.

Since ethnic peculiarity is most evident in the sphere of culture and every-day life and is expressed first and foremost through the family, it is in these spheres that active interaction between ethnographic and concrete sociological research takes place. At the same time ethnography and sociology have in common a particular sphere which is formed by the intersection of ethnic and social-and-class phenomena. It is on research in this sphere that ethnosociology is based.

Л. Н. Терентьева

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОДРОСТКАМИ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

Исследование современных этнических процессов у народов мира — одно из центральных направлений советской этнографической науки. Разработка этих проблем имеет не только большое научное значение для познания динамики современного развития тех или иных этнических общностей и их взаимодействия, но и расширяет возможности для прогноза будущего¹.

За последние годы наиболее широкий размах в советской этнографической науке получило изучение этнических процессов, протекающих у народов Советского Союза. Институт этнографии АН СССР уделяет большое внимание координации этих исследований по стране и определению их главных направлений, выработке методики сбора и обработки материала, выявлению новых источников и т. п. Творческое обсуждение и обмен научной информацией об исследованиях по данным проблемам занимает все большее место в работе ежегодных сессий, посвященных результатам полевых этнографических и археологических работ². Эти вопросы систематически освещаются также на страницах журнала «Советская этнография»³. Готовится обобщающая монография «Современные этнические процессы в СССР».

Видное место среди разрабатываемых проблем принадлежит изучению семьи, как первичной социальной ячейки, подверженной действию этнических процессов. До недавнего времени главное внимание в этой связи уделялось изучению вопросов о динамике национально-смешанных браков, что нашло свое отражение в ряде публикаций. Эти работы, основанные на сравнительно небольшом материале или охватывающие незначительное число объектов, отражают определенный этап в исследовании⁴. За последние несколько лет в изучении семьи в плане просле-

¹ См.: В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1969, № 2, стр. 60.

² Н. С. Полищук, Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года, «Сов. этнография», 1968, № 5.

³ См., например, опубликованные в журнале «Сов. этнография» статьи: С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, 1962, № 3; О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, 1965, № 5; Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, 1966, № 1; ее же, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, 1967, № 1; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, 1967, № 2; его же, Современные этнические процессы, 1969, № 2; А. В. Смоляк, О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина, 1967, № 3; С. И. Брук, В. И. Козлов, Этнографическая наука и перепись населения 1970 года, 1967, № 6; Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), 1968, № 4.

⁴ А. Г. Трофимова, Материалы отделов загс о браках как этнографический источник, «Сов. этнография», 1965, № 5; К. Х. Ханазаров, Межнациональные браки — одна из прогрессивных тенденций сближения социалистических наций (Из опыта конкретно — социал. исследования). «Обществ. науки в Узбекистане», 1964, № 10, его

живания этнических процессов наметился определенный перелом. Известный опыт в этом направлении накоплен Институтом этнографии как по линии расширения круга проблем, так и в отработке методики исследований и определения выборки, учитываемой при сборе материала и т. п. При исследовании семьи в аспекте этнических процессов учитывается не только сама динамика браков в национальном разрезе, но и оценочные показатели — отношение к этим бракам в той или иной социальной или этнической среде. Изучаются языковые и культурно-бытовые процессы, в национально-смешанных семьях. Особое внимание уделяется изучению этих семей по поколениям, что дает возможность определить тенденцию дальнейшего развития тех или иных этнических процессов.

В Институте уже сосредоточен большой статистический, а также полевой этнографический и этно-социологический материал по самым различным регионам страны. В круг обследования включено преимущественно городское население.

Материал о динамике смешанных в национальном отношении браков, извлеченный из республиканских и городских архивов, отделов загса, хронологически охватывает 20—25 послевоенных лет; в отдельных случаях собран материал, относящийся к 1920—1930 годам. Сбор материала и параллельная его обработка продолжают⁵.

Аналогичные исследования, координируемые Институтом этнографии, проводятся и в других научных центрах страны. Укажем, в частности, на работы, выполняемые аспирантами Казанского государственного университета по обследованию в том же плане городского и сельского населения Татарской АССР⁶.

Обширный материал о межнациональных браках, разработанный по единой методике, уже сам по себе представляет большой научный интерес для исследования этнических процессов⁷. Сопоставление фактического числа однонациональных и национально-смешанных браков с теоретически возможным определенным образом отражает степень сближения наций, народностей или этнографических групп в тех или иных регионах нашей страны. Названные материалы служат вместе с тем отправным источником для более углубленного изучения семьи в аспекте ее этнического развития. Так, в плане исследования современных этнических процессов закономерно выдвигается вопрос о влиянии на-

же, Об одном аспекте дальнейшего сближения наций в СССР, «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 6.

Материал о смешанных браках имеется также в следующих работах: С. С. Агаширинова, К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана, «Сов. этнография», 1966, № 4; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, «Сов. этнография», 1967, № 4. М. А. Бикжанова, Быт современной узбекской семьи по материалам Ташкентской и Наманганской областей Узбекской ССР, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, стр. 83—88, М., 1963; С. Ш. Гаджиева, Семья и семейный быт народов Дагестана, Махачкала, 1967; Г. А. Гейбуллаев, Современная семья и семейный быт азербайджанцев (по этнографическим материалам Кубинского района). Автореферат канд. дисс., Баку, 1966; В. Т. Зинич, Соціалістичні перетворення та ростки нового комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України, Київ, 1963; «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)», М., 1968; Г. Х. Мамбетов, Куба в прошлом и настоящем, Нальчик, 1968; М. Садыков, Многонациональный город и бытовой уклад людей, «Коммунист Татарии», 1965, № 9 и др.

⁵ Эта работа проводится под руководством и при непосредственном участии сотрудников Ин-та этнографии АН СССР О. А. Ганцкой и автора настоящей статьи.

⁶ Исследования ведут Г. А. Непримерова и Н. Н. Кучерявенко. См. также: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5.

⁷ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, «Сов. этнография», 1966, № 3; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4.

ционально-смешанных браков на язык, культуру, быт и другие этнические признаки.

Образование национально-смешанных семей неизбежно влечет за собой появление в их быту многих качественно новых черт. Как показывают материалы выборочных этнографических обследований, это прежде всего проявляется в особенностях функционирования каждого из языков супругов. В одних случаях наблюдается исчезновение из обихода языка одного из супругов, в других случаях, в равной или почти равной мере бытуют оба языка, в третьих — в семье пользуются каким-либо известным обоим супругам третьим языком. Параллельно с языковыми процессами в таких семьях происходит формирование своеобразных черт культуры, домашнего быта, традиций, отличающих их семейный уклад от семейного быта тех однонациональных семей, к которым ранее принадлежали супруги.

В еще большей мере отмеченные черты проявляются во втором поколении национально-смешанных семей. Дети, рожденные в национально-смешанных семьях, чаще всего воспринимают в качестве основного разговорного языка один из языков своих родителей. При этом не всегда именно тот, который являлся основным языком общения их родителей, равно как и не обязательно материнский язык. Таким образом, языковая ситуация в семье может изменяться.

В быту представителей второго поколения в национально-смешанных семьях значительно менее ощутимы исходные компоненты, участвовавшие в формировании семейного уклада их родителей, происходивших из разнонациональной среды. Но самым главным фактором, отражающим направление этнических процессов, является определение представителей второго поколения этих семей своей национальной принадлежности.

Основная цель настоящей статьи познакомить читателей с предварительными итогами исследований, проводимых автором именно по этому вопросу, т. е. о национальном самосознании подростков, рожденных в национально-смешанных семьях. Новым, впервые используемым источником информации послужили материалы паспортных отделов милиций.

В Советском Союзе юридическое оформление национальной принадлежности каждого гражданина (гражданки) впервые производится, как известно, по достижении им (сю) 16-летнего возраста. К этому времени приурочено получение первого паспорта. При выдаче паспортов заполняется так называемая форма 1, в которой имеются вопросы о национальности отца и матери, а также об избранной получающим паспорт лицом национальности⁸. В форме 1 содержатся также данные об имени лица, получающего паспорт, его поле, годе и место рождения, местожительстве, образовании, роде деятельности, что позволяет поставить вопрос о том, не оказывают ли эти факторы какого-либо влияния на определение подростками своей национальной принадлежности. Интересны и результаты сопоставления избранной национальности с именами молодых людей, получающих паспорт. Эти данные, дополненные материалами выборочного опроса, нередко свидетельствуют о том, что избранная подростком национальность не совпала с той национальностью, которую, судя по данному ему имени, определяли ему в детстве родители.

Собранный одновременно материал охватывает пять лет, т. е. срок действия первого паспорта, а следовательно и сохранности в картотеке паспортного стола форм 1. Такой небольшой отрезок времени, естественно, недостаточен для ответа на вопрос о динамике процесса. Поэтому сбор сведений необходимо повторять (это представляет собой весьма

⁸ В других аналогичных формах, заполняемых при получении паспорта, — по истечении срока действия, в связи с переменной фамилии и т. п. — указывается только национальность лица, получающего паспорт.

трудоемкую работу, так как искомые данные приходится извлекать из общей картотеки паспортных отделов районных отделений милиции, насчитывающих многие десятки тысяч карточек).

Сбор материалов о национальной принадлежности подростков из национально-смешанных семей проводился за небольшим исключением в тех же пунктах, что и о национальности брачующихся. Это позволяет проводить сопоставление и определить тенденцию развития этнических процессов.

В настоящей статье анализируются материалы, относящиеся к трем главным городам прибалтийских советских социалистических республик: Риге, Вильнюсу, Таллину. Материал охватывает 1960—68 гг. Собранные данные в количественном отношении можно, по-видимому, считать достаточно представительными. В каждом из названных городов работа проводилась по двум, из четырех или пяти, районным отделений милиции. В выборку попало около 40% общей совокупности материала по каждому району⁹. В результате этого в обработку было включено около 22 000 экземпляров формы 1¹⁰.

Прежде чем перейти к анализу материала, непосредственно относящемуся к существу затрагиваемого в статье вопроса, коротко остановимся на рассмотрении национального состава семей, из которых происходят интересующие нас подростки. Эти данные сведены нами в три помещенных ниже таблицы (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1 содержит данные о соотношении числа подростков, получивших паспорта в национально-смешанных и однонациональных семьях. Как видно из таблицы, в каждом из этих трех городов обнаруживаются свои специфические черты. Удельный вес молодежи из национально-смешанных семей выше всего в г. Вильнюсе — 20%; в Риге он составляет 18%, а в Таллине — 11,3%. Интересно проследить в данных городах и соотношение национально-смешанных и однонациональных браков. Так, например, в Вильнюсе в 1948 г. удельный вес национально-смешанных браков достигал 34,4%, в Риге — 29,5%, в Таллине — 21,2%. В 1963 г. в Вильнюсе соответственно — 37,6%, в Риге — 35,5%, в Таллине — 22%¹¹. Отмеченные различия объясняются прежде всего различиями в национальном составе населения этих городов. Вильнюс в сравнении с двумя другими городами — наиболее многонационален. В нем также наиболее высока относительная численность инонационального населения. Так, в Вильнюсе в 1959 г. литовцы составляли 33,6% от общего числа населения города, русские — 29,40%, поляки — 20%, белорусы — 6,93%, евреи — 6,9% и т. д. Последнее обстоятельство обусловило, что именно в Вильнюсе имеется наибольшее число вариаций как однонациональных (табл. 1), так и национально-смешанных семей (табл. 2).

В Риге, в сравнении с Вильнюсом, удельный вес коренного населения несколько выше. По данным Всесоюзной переписи населения в 1959 г. численность латышей составляла там 44,66% всего населения города. Из других национальностей численно наиболее представительны русские — 39,45%. Все остальные национальности занимают значитель-

⁹ В Риге работа проводилась в Московском и Пролетарском районах; в Вильнюсе — в Октябрьском и Центральном районах; в Таллине — в Центральном и Калининском районах.

¹⁰ В сборе и обработке материалов, кроме автора, участвовали сотрудники Ин-та этнографии АН СССР Р. А. Григорьева (по Вильнюсу и Риге) и Л. Х. Феоктистова (по Таллину). Автором совместно с Р. А. Григорьевой был прочитан на эту тему доклад на одной из секций отчетно-экспедиционной сессии 1968 г., см. Н. С. Полищук. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года, «Сов. этнография», 1968, № 5.

¹¹ Сопоставление указанного числа национально-смешанных браков с их теоретически вероятным числом свидетельствует о тенденции к сближению этих показателей.

Соотношение случаев получения первых паспортов молодежью из национально-смешанных и однопациональных семей в 1960—1968 гг.

(в % к общему числу молодежи, впервые получившей паспорта)

Вильнюс	%	Рига	%	Таллин	%
Из национально-смешанных семей	20,0	Из национально-смешанных семей	20,0	Из национально-смешанных семей:	11,3
Из однопациональных семей:		Из однопациональных семей:		Из однопациональных семей:	
литовских	19,0	латышских	18,0	эстонских	74,0
русских	31,6	русских	53,0	русских	13,0
польских	12,0	—	—	—	—
белорусских	7,0	—	—	—	—
украинских	2,0	—	—	—	—
еврейских	7,0	еврейских	8,0	—	—
других	1,4	других	3,0	других	1,7
	100%		100%		100%

Таблица 2

Преобладающие варианты национально-смешанных семей

Вильнюс	Рига	Таллин
I. Литовцы—русские 14,3	I. Латыши—русские 25,2	I. Эстонцы—русские 35,4
Литовцы—поляки 8,0	Латыши—поляки 6,0	
Литовцы—украинцы 3,0	Латыши—украинцы 2,2	Эстонцы—украинцы 3,2
Литовцы—белорусы 1,0	Латыши—белорусы 2,1	Эстонцы—белорусы 1,6
Литовцы—другие 5,0	Латыши—другие 2,0	Эстонцы—другие 2,5
II. Русские—украинцы 16,4	II. Русские—украинцы 22,8	II. Русские—украинцы 23,2
Русские—белорусы 14,8	Русские—белорусы 11,8	Русские—белорусы 3,1
Русские—евреи 8,0	Русские—евреи 6,3	Русские—евреи 9,5
Русские—поляки 7,2	Русские—поляки 5,5	Русские—другие 3,5
Русские—другие 6,0	Русские—другие 4,0	
III. Белорусы—поляки 3,3	—	—
Белорусы—украинцы 2,9	—	—
Белорусы—другие 1,0		
Другие национальности 8,8	Другие национальности 12,1	Другие национальности 18,0
Всего 100%	Всего 100%	Всего 100%

но меньшее место в составе населения города: 5,04% составляют евреи, 3,20% — белорусы, 2,81% — украинцы, 2,76% — поляки и т. п.

В Таллине, по сравнению с Ригой и Вильнюсом, процент коренного населения наиболее высок — 60,24%; русские составляют 32,04% всего населения города. Все остальные национальности относительно малочисленны: украинцев — 2,5%, белорусов — 1,31% и т. д.¹² Вследствие этого и число вариаций однопациональных и национально-смешанных семей в этих городах значительно меньше (см. табл. 1 и 2).

При анализе данных таблицы 1 следует также учитывать показатели детности женщин. Этим в значительной мере объясняется то несоответствие, которое обнаруживается и в данном материале между относительной численностью той или иной национальности в составе населения города и численностью молодого поколения в семьях. Так, в Риге в связи с более высокой рождаемостью русских относительное число под-

¹² См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.» — Эстонская ССР, М., 1962; Литовская ССР, Вильнюс, 1963; Латвийская ССР, М., 1962.

ростков, рожденных в этих семьях, значительно превышает удельный вес русских в национальном составе населения города.

В таблице 2 показаны преобладающие сочетания (варианты) национальностей смешанных семей. В каждом из трех городов они могут быть разделены на две основные группы. Первую группу составляют семьи из представителей коренной национальности данной республики и других наиболее многочисленных национальностей, живущих в этих городах. Во вторую группу включены различные комбинации семей, образованных представителями всех других национальностей, исключая коренную национальность.

Как видно из таблицы, в первой группе, состоящей в Вильнюсе и Риге из четырех, а в Таллине из трех вариантов, преобладают семьи представителей коренной национальности с русскими.

Вторая группа представлена в Риге и Таллине браками русских с некоренными национальностями, а в Вильнюсе, кроме того, и белорусами также с некоренными национальностями. При этом во всех трех городах численно преобладают варианты семей русских и украинцев.

Обобщая эти данные следует, таким образом, выделить для всех трех городов два доминирующих варианта семей, а именно: представителей коренных национальностей (литовцев, латышей и эстонцев) с русскими и русских с украинцами.

Таблица 3 освещает вопрос о соотношении комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин. Представленный материал позволяет сделать вывод, что число мужчин и женщин данной национальности, вступивших в национально-смешанные браки, в одних случаях полностью или почти полностью совпадает, в других подобного совпадения не наблюдается. Первое в наибольшей мере относится к бракам, заключенным в Риге. В Вильнюсе и Таллине к этому приближаются браки, заключенные литовцами и эстонцами с русскими. Во всех других вариантах браков количественное соотношение между мужчинами и женщинами в каждой данной комбинации браков выглядит как 3 : 1 и 2 : 1. Например, в Вильнюсе при литовско-польских браках 76% браков заключено между литовцами и поляками и 24% между поляками и литовками. Аналогично сочетание при русско-польских браках. Сопоставляя эти два примера, можно заметить явный перевес числа смешанных браков, где фигурируют польки, над числом подобных браков, где представлены поляки.

Таким образом, при относительном равновесии полов в общей численности представителей этих национальностей, проживающих в городе, отметим, что польки чаще вступают в смешанные браки, чем литовки. Аналогичные явления прослеживаются во всех трех городах и в браках между русскими и украинцами (см. табл. 3) ¹³.

Основной материал, отвечающий на главный поставленный в статье вопрос об определении своей национальности молодежью из национально-смешанных семей, содержится в таблице 4. В основу этой таблицы положен тот же принцип группировки семей, что и в таблице 2, но дополнительно для каждого из двух этнических компонентов, составляющих данную группу семей, введены обозначения римскими цифрами I и II. Эти же обозначения повторяются в графах «Избранная национальность». По римским цифрам и следует определять, каково процентное соотношение молодежи, выбравшей ту или иную национальность из двух возможных, обозначенных в графе «группы семей». Так, например, в Вильнюсе 52% всей 16-ти летней молодежи, происходившей из литовско-

¹³ В некоторых других регионах страны различия в соотношении комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин сказываются гораздо резче. Например, в Ашхабаде, где в рассматриваемое время вообще был низок процент национально-смешанных браков, вступали в смешанные браки только мужчины-туркмены, и не зарегистрировано ни одного случая инонационального брака туркменок.

Таблица 3

Соотношение комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин

Вильнюс		Рига		Таллин	
мужч. — женщ.	%	мужч. — женщ.	%	мужч. — женщ.	%
Литовско-русские	57,0	Латышско-русские	50,0	Эстонско-русские	61,0
Русско-литовские	43,0	Русско-латышские	50,0	Русско-эстонские	39,0
Литовско-польские	76,0	— —	—	— —	—
Польско-литовские	24,0	— —	—	— —	—
Русско-украинские	37,0	Русско-украинские	34,0	Русско-украинские	24,0
Украинско-русские	63,0	Украинско-русские	66,0	Украинско-русские	76,0
Русско-белорусские	70,0	Русско-белорусские	50,0	— —	—
Белорусско-русские	30,0	Белорусско-русские	50,0	— —	—
Русско-польские	77,0	— —	—	— —	—
Польско-русские	23,0	— —	—	— —	—
— —	—	Русско-еврейские	50,0	Русско-еврейские	30,0
— —	—	Еврейско-русские	50,0	Еврейско-русские	70,0

Таблица 4

Определение национальности 16-ти летними подростками в национально-смешанных семьях
(в % к общему числу молодежи в каждой из выделенных групп семей)

Вильнюс			Рига			Таллин		
Группы семей		избранная национальность	группы семей		избранная национальность	группы семей		избранная национальность
I—II	I	II	I—II	I	II	I—II	I	II
Литовско-русские	52,0	48,0	Латышско-русские	57,0	43,0	Эстонско-русские	62,0	38,0
Литовско-польские	80,0	20,0	Латышско-польские	79,0	21,0	— —	—	—
— —	—	—	Латышско-белорусские	75,0	25,0	— —	—	—
— —	—	—	Латышско-украинские	76,1	23,9	— —	—	—
Русско-украинские	64,0	36,0	Русско-украинские	74,7	25,3	Русско-украинские	66,0	34,0
Русско-белорусские	89,2	10,8	Русско-белорусские	80,5	19,5	— —	—	—
Русско-польские	74,0	26,0	Русско-польские	75,0	25,0	— —	—	—
Русско-еврейские	86,0	14,0	Русско-еврейские	93,3	6,7	Русско-еврейские	90,0	10,0

русских семей, определили себя литовцами, а 48% — русскими. В Риге 57% общего числа подростков, происходивших из латышско-русских семей, назвали себя латышами, а 43% — русскими.

Таким образом, материал, обобщенный в таблице 4, и отражает определенные тенденции этнических процессов, оказывающих влияние на дальнейшую судьбу одного из двух этнических компонентов, составляющих ту или иную национально-смешанную семью. При более внимательном рассмотрении таблицы и сопоставлении данных по всем трем городам можно заметить в этих процессах общие черты. Рассмотрим их последовательно.

В семьях, сложившихся из представителей одной из трех коренных национальностей этих республик в сочетании с русскими, наблюдается почти равное процентное соотношение молодежи, избравшей ту или другую национальность. Однако все же имеет место некоторый перевес в сторону коренных национальностей. В Вильнюсе и Риге, как видно из таблицы, это проявляется в меньшей мере, в Таллине — несколько больше. Из этого следует, что в Вильнюсе и Риге при данном варианте браков в следующем поколении не наблюдается каких-либо существенных количественных изменений в соотношении двух взаимодействующих этнических сил. В Таллине в эстонско-русских семьях это более заметно.

Во всех других комбинациях национально-смешанных браков влияние выбора национальности на динамику этнического состава проявляется гораздо резче. Так, в Вильнюсе в случае литовско-польских браков 80% молодежи считает себя литовцами. Аналогичные явления наблюдаются и в Риге, где в латышско-польских, латышско-украинских и латышско-белорусских семьях до 79% молодежи принимают латышскую национальность. В группах семей, состоящих из представителей русской и других (но не коренных) национальностей, явное предпочтение во всех трех городах отдается русской национальности, которую принимают от 70 до 90% молодежи. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с тремя направлениями ассимиляционных процессов, имеющих разную степень интенсивности. Первое из них, наименее заметное, направлено в сторону некоторой ассимиляции литовцами, латышами и эстонцами представителей русской национальности; второе проявляется в значительно более интенсивной ассимиляции основными коренными национальностями республик других национальностей; третье указывает на аналогичные взаимодействия между русскими и представителями некоренных национальностей.

Из сказанного следует, что из общего числа этнических компонентов, составляющих национально-смешанные семьи, на первый план в каждом из трех городов выдвигаются два: один представляет коренную национальность данной республики и другой — русское население.

Остается еще остановиться на вопросе о том, не влияют ли в данном случае на выбор национальности какие-либо традиции — например, не принято ли выбирать национальность по отцу (или, наоборот, по матери). Этим сюжетам посвящена таблица 5.

При сопоставлении данных о соотношении национальности подростков с национальностью отцов по отдельным группам семей обращают на себя внимание резкие различия в степени расхождения цифр внутри каждой группы. С учетом этих различий выделенные в таблице группы семей могли бы быть в свою очередь скомпонованы еще в две большие группы.

Таблица 5

Соотношение национальности детей с национальностью отцов
(в % к общему числу случаев в данном сочетании национальностей)

		Вильнюс						Рига				Таллин											
		литовская	литовка	русский	украинка	украинец	русская	белоруска	русская	поляк	русская	латыш	русская	латышка	русский	украинка	русская	белорус	эстонец	русский	эстонка	русский	украинка
По отцу	отец	66,0	81,0	24,0	84,0	48,0	89,0	24,0	75,0	32,0	62,0	48,0	90,0	33,0	87,0	13,0	66,0	44,0	75,0	36,0			

К первой во всех трех городах следовало бы отнести семьи, образованные из представителей коренных национальностей и русских. В этих семьях указанные различия очень незначительны или вообще не выражены. Последнее характерно в Вильнюсе для литовско-русских семей, где процент молодежи, принявшей национальность отца-литовца и отца-русского полностью совпадает. В Риге и особенно в Таллине, как видно из таблицы, между аналогичными показателями имеется уже небольшое расхождение.

Вторая группа семей могла бы включать все остальные, поименованные в этой таблице семьи. Их общим признаком является большой разрыв между цифрами, указывающими на национальность подростков. Так, например, в русско-украинских семьях, во всех трех городах повторяются сходные тенденции: если отцы русские, их национальность принимает от 75 до 90% подростков, т. е. подавляющее большинство, если отцы украинцы — от 33 до 48%. Эти расхождения в еще большей мере выражены в русско-белорусских семьях, где при русских отцах одинаковую с ними национальность принимают 87% подростков, а если отцы белорусы — только 13%. Сказанное выше свидетельствует о том, что молодые люди при выборе своей национальности отнюдь не придерживаются каких-либо традиций¹⁴. На решение вопроса оказывают влияние другие факторы. Для того, чтобы с достаточным обоснованием ответить, каковы эти факторы, необходимо провести дополнительные исследования, включающие и опрос некоторого числа лиц, получающих паспорта. Однако известные предположения можно высказать и на основании тех материалов, которыми мы располагаем.

Если сопоставить данные таблиц 4 и 5, то заметной становится прямая зависимость между интенсивностью ассимиляционных процессов и степенью расхождения показателей о национальности подростков и национальности отцов. В тех группах семей, где тенденции к ассимиляции во втором поколении выражены слабо, столь же незначительно и расхождение этих показателей. Наоборот, в тех группах семей, где этническая ассимиляция во втором поколении особенно ощутима, наблюдается и наибольшее расхождение вторых показателей. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что предпочтительный выбор, подростками той или иной национальности родителей в значительной мере определяется интенсивностью и общим направлением ассимиляционных процессов. Несомненно, нельзя не учитывать и некоторых субъективных факторов. Они, безусловно, обнаружатся при выяснении таких вопросов непосредственно у этой молодежи, но можно с уверенностью уже сейчас сказать, что эти факторы будут единичными и не окажут сколько-нибудь существенного влияния на выводы, вытекающие из массового статистического материала.

Мы не даем ответа в этой статье на то, в какой мере при выборе подростками национальности сказываются различия по полу, роду деятельности, месту рождения, хотя эти и некоторые другие данные, как мы отмечали выше, содержатся в форме 1. Для такого детального анализа потребовался бы значительно больший объем материала, чем тот, которым мы располагаем сейчас.

В данной статье мы ставили основной целью ознакомление с кругом исследуемых вопросов, с источниками и принятой методикой работы. Для этого был привлечен материал по одному из обследованных регионов — прибалтийским советским республикам и в каждой из этих республик взято только по одному (правда, главному) городу.

¹⁴ Аналогичные выводы подсказывают и материалы по другим обследованным городам Прибалтики. Однако их нельзя распространять на все регионы страны. Во многих местах стойки традиции определения национальности по отцу. Например, в Ашхабаде, все 100% молодежи из национально-смешанных семей туркмен с другими национальностями следуют национальности своих отцов.

При таком ограничении материала основные выводы, к которым мы приходим, естественно, прежде всего относятся к этим городам, и с некоторой приближенностью к этому региону.

Представленный материал в сопоставлении с данными о динамике национально-смешанных браков, свидетельствует о все возрастающем удельном весе этих браков. Обусловленный этим рост числа молодежи, происходящей из национально-смешанных семей, оказывает наряду с другими факторами (миграцией населения и т. п.) заметное влияние на цифровые показатели национального состава населения данных городов в сторону постепенного сокращения численности одних национальностей за счет увеличения численности других (наиболее крупных для данного города или выделяющихся по каким-либо другим признакам, например, основное коренное население). В частности, имеется в виду подмеченная тенденция к сокращению в этих городах численности украинского, белорусского, польского, еврейского населения за счет увеличения численности литовцев, латышей, эстонцев, русских.

Принцип выбора национальности вторым поколением в национально-смешанных семьях обусловлен в этих городах, по нашему мнению, общим ходом этнических процессов, происходящих в Прибалтике в современную эпоху.

Отмеченные особенности охарактеризованных процессов и тенденция дальнейшего их развития находят, как об этом свидетельствует материал, свои аналоги во многих других регионах страны¹⁵. Правда, другая этническая и социальная среда нередко придает этим процессам несколько иное направление, но это не затрагивает очерченных нами их главных параметров. В этой связи хотелось бы отметить в качестве общего явления все возрастающую роль национально-смешанных браков как одного из факторов, влекущего за собой изменение национального состава населения. Это обстоятельство следует учитывать при определении причин этих изменений в промежутках между переписями населения.

Высоко оценивая избранный источник информации, мы, вместе с тем, учитываем и его известную ограниченность, обусловленную регламентацией, действующей в паспортной системе. Согласно этой регламентации, подростки при определении национальности выбирают национальность одного из родителей.

В практике этнографической работы нам приходилось нередко сталкиваться с несовпадением национального самосознания того или иного индивидуума с национальной принадлежностью, принятой им в соответствии с данной регламентацией. Последнее вполне объяснимо: в условиях активного межнационального общения все возрастает значение этнической среды, которое нередко оказывает более сильное влияние при решении вопроса об определении национальной принадлежности, чем факторы этнического происхождения данного лица¹⁶.

¹⁵ В целом мы располагаем материалами по следующим городам: Киеву, Кишиневу, Минску, Вильносу, Риге, Таллину, Ашхабаду и некоторым другим городам этих союзных республик; по автономным республикам по городам: Чебоксары (Чувашская АССР), Казань (Татарская АССР), Саранск (Мордовская АССР). В сборе материалов кроме упоминавшихся выше лиц, участвовали: М. Я. Салманович, Г. П. Васильева, М. Б. Фейгина, Б. Р. Логашова. Эти материалы обобщены автором (см. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований археологических и этнографических исследований 1968—1969 г., Ленинград, 1969. Исследования по городам Северного Кавказа, Махачкала (Дагестанская АССР), Черкесск (Карачаево-Черкесская АССР), Орджоникидзе (Северо-Осетинская АССР) проводятся сотрудниками Ин-та этнографии АН СССР Г. А. Сергеевой и Я. С. Смирновой.

¹⁶ Так, например, совершенно естественны случаи, когда подростки, происходящие из белорусско-украинских, татарско-мордовских, чувашско-марийских и т. п. семей, но живущие в русском окружении и пользующиеся в семейном обиходе русским языком, выражают желание отнести себя к русской национальности, а не к одной из национальностей, родителей подобные примеры могли бы быть названы и по многим другим вариациям национально-смешанных семей или в тех или иных разновидностях этнической среды.

Ценным источником, значительно расширяющим круг информации, являются материалы переписей населения. Эти материалы в сопоставлении с данными паспортных отделов позволяют, в частности, выяснить вопросы о степени расхождения (или совпадения) мнения родителей о национальной принадлежности их малолетних детей с фактически принятой подростками национальной принадлежностью в шестнадцатилетнем возрасте. Мы признаем безусловную необходимость применения наряду с этим выборочного анкетного обследования, а в отдельных случаях и непосредственного опроса части молодежи, определяющей свою национальность. Таким путем удастся получить ценные сведения, дающие более полное представление о существе этнических процессов или уточняющие статистические материалы.

Нами разработана небольшая анкета, в которой содержатся вопросы о социальном положении и профессии родителей, длительности проживания их и подростков, получающих паспорта, в данном населенном пункте, о языке в семье, о мотивах выбора данной национальности и некоторые другие. Массовый сбор материала с применением этой анкеты пока еще не начат. Первые пробные работы проведены в Дагестане¹⁷. В настоящее время определяется процент выборки, уточняются пункты обследования с тем, чтобы в дальнейшем организовать планомерное проведение этих работ.

¹⁷ Эти работы начаты сотрудником Ин-та этнографии АН СССР Г. А. Сергеевой.

SUMMARY

The problem of national consciousness among teenagers born in families of mixed nationality is analyzed; this problem has not yet been adequately studied. Data of passport departments of the militia were used as the source of information. The article includes data on the three capitals of Soviet Baltic republics — Vilnius, Riga, and Tallin. Its aim is to acquaint the reader with the range of problems studied, with the sources utilized, and methods employed. In collecting data a 40% sample was taken. About 5000 questionnaires have been included in the processing. The author comes to the conclusion that the choice of nationality by young people from nationally-mixed families in a way reflects the general trends of ethnic processes which have been taking shape in the Baltic republics.

Three main directions of ethnic processes of different intensity are noted. The first is an insignificant assimilation of Russian nationals by the indigenous nationality. The second is manifested in a rather more intensive assimilation by indigenous nationalities of representatives of other nationalities. The third shows similar ethnic interrelationships between Russians and other non-indigenous nationalities.

The number of nationally-mixed marriages is constantly increasing. They are becoming one of the factors influencing changes in the population's ethnic composition. The author is of the opinion that this circumstance should be taken into consideration in determining the causes of these intercensal changes.

А. Н. Жилина

ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЖИЛИЩЕ ХОРЕЗМА¹

Рост общественного богатства колхозов создал большие возможности для широкого жилищного строительства. Многие узбекские кишлаки уже превратились в современные благоустроенные поселки. С каждым годом этот процесс приобретает все больший размах. В наши дни жилищное строительство ведется с применением современной техники, новейших строительных материалов. Все шире внедряются и новые принципы планировки домов, отвечающие возросшим культурным потребностям сельского населения. Однако изменение общественно-бытового уклада и возникновение современных норм жизни не означают еще полного исчезновения национальных традиций. Они продолжают жить и сейчас. Традиционные черты прослеживаются в расселении, в использовании определенных строительных материалов, в элементах жилища и его планировке, во внешнем оформлении домов (декоре), в некоторых обычаях и обрядах, связанных с народным зодчеством.

Типичным для оседлых земледельцев Хорезма являлся в прошлом рассредоточенный («хуторской») тип поселения: отдельные крестьянские усадьбы были расположены на некотором расстоянии друг от друга (иногда 400—500 м) и образовывали широкую полосу по берегам ответвлений каналов. Возникнув в VI—VIII вв. н. э., этот тип поселения в своих основных чертах дожил до начала XX в.,² но пережиточно сохраняется и сейчас.

Группы хозяйств (10, 20 и даже 40) входили в одну водоземельную общину — элат. Ядро элата составляли родственные семьи, считавшие себя происходящими от общего предка³. Все члены общины были тесно связаны между собой хозяйственными, семейными и религиозными отношениями. Каждый элат имел свое название — это было или имя общего предка, или наименование ремесла, которым занималось большинство членов общины.

Кишлак и элат нередко совпадали, но были кишлаки, включавшие несколько элатов (например, кишлаки Сарыпаян и Гандимян в Южном Хорезме). В таких кишлаках тоже соблюдался общий принцип хуторского расселения, поэтому каждый из них занимал огромную территорию (иногда протяжением более 10 км), включая группы усадеб, расположенные по параллельно идущим арыкам. В советский период община (элат) начала разрушаться. Она потеряла свое основное значение хозяйственного, социального и религиозного объединения. Однако хуторское расселение (группами усадеб) способствовало сохранению в

¹ В основу статьи положены полевые материалы автора, собранные в Хорезме в 1966 г. Кроме того, использованы некоторые полевые данные Г. П. Снесарева, которому автор приносит искреннюю благодарность.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 153, 156, 168—170.

³ См. Г. П. Снесарев, О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 67.

этатах определенной замкнутости и особого бытового уклада, основанного на старых общинных традициях⁴.

Внедрение современной техники в сельскохозяйственное производство, расширение ирригационной сети и связанная с этим совершенно новая планировка полей вызвали необходимость реконструкции сельских поселений. Впервые вопрос о реконструкции старых разбросанных кишлаков и создании компактных поселков был поднят в 1937 г. Тогда же в Хорезмской области были приняты планы перестройки селений и началось их осуществление. В связи с Великой Отечественной войной и общим тяжелым экономическим положением в первые послевоенные годы строительство здесь было приостановлено.

В 1953 г. организацией «Узгипросельстрой» были разработаны и затем приняты почти во всех колхозах области новые генеральные планы реконструкции традиционных хорезмских селений. Многие колхозы сразу приступили к их выполнению. Например, в колхозе им. Ахунбабаева Янгиарыкского района генеральным планом было предусмотрено строительство трех новых поселков — центрального и двух небольших. Для них была выбрана свободная территория, распланированы улицы, намечены места для сооружения всех необходимых культурных и общественных зданий. После этого началось сооружение жилых домов и постепенное переселение в них колхозных семей из близлежащих старых кишлаков. В 1966 г. нам удалось побывать в колхозе им. Ахунбабаева. К этому времени строительство центрального поселка было в основном завершено. Несколько широких улиц были застроены современными домами. Окна домов теперь выходят на улицу, что не допускалось старыми обычаями. Возведены прекрасные здания школы-десятилетки, правления колхоза, клуба, летнего кинотеатра, детских садов, разбит большой парк, где летом отдыхают колхозники. Поселок благоустраивается: проложен водопровод, проведено электрическое освещение, радио, центральная улица и тротуары заасфальтированы, по обе стороны улицы посажены деревья. Строительство двух других поселков, значительно меньших по размерам, в 1966 г. еще шло полным ходом — прокладывались улицы, сооружались новые здания⁵.

В связи с укрупнением колхозов, проведенным в 1963 г., многие генеральные планы были пересмотрены. Новыми планами предусмотрено создание поселков городского типа со всеми необходимыми удобствами. Например, в Хивинском районе, где насчитывалось 573 кишлака, было решено создать 20 центральных поселков, соответственно числу колхозов в районе. Кроме центрального, запланировано строительство в каждом колхозе двух — трех небольших селений, для того чтобы колхозники жили ближе к месту работы. Реконструкция должна быть завершена в основном к 1970 г.

Во многих колхозах уже приступили к осуществлению этих планов. Быстрыми темпами идет строительство новых поселков в колхозе им. XII партсъезда (Хивинский район). После укрупнения в колхоз вошло 38 кишлаков. По плану 1963 г. было намечено создать центральный поселок на базе крупного селения Гандимян и два небольших на месте старых селений Шихлар и Паласултан. К 1966 г. была проведена большая работа по реконструкции этих кишлаков — часть старых домов снесена, а их владельцы построили себе новые, отвечающие современным требованиям дома⁶. В настоящее время большое строительство ведется во всех колхозах Хорезмской области⁷.

⁴ См. Г. П. Снесарев, Указ. раб., стр. 60—72; его же, Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции» (далее МХЭ), вып. 4, М., 1960, стр. 134—145.

⁵ Полевые записи автора, 1966 г.

⁶ Там же.

⁷ См. И. Джаббаров, Влияние технического прогресса в сельском хозяйстве

Хорошо распланированные компактные поселки — это совершенно новый тип поселений для Хорезмского оазиса. Однако изживание традиционного хуторского типа расселения не привело еще в полной мере к разрушению тех семейно-бытовых и религиозных связей, которые были так сильны в прошлом у жителей одного кишлака, одного элата. И для новых поселков характерно расселение большими группами родственных семей, составлявших в прошлом ядро элата, а иногда (что значительно реже) и целыми элатами. Родственные семьи одного элата на новом месте селятся, как правило, рядом, занимая иногда целую улицу поселка. Так, в колхозе им. Ахунбабаева по центральной улице около здания правления разместились семьи из элата «гуюнчи» (кожевников), по соседней улице — семьи элата «номан», затем «комир», по параллельной улице — элата «халанг», дальше элата «аманходжа» и т. д. В границы нового поселка колхоза попал старый мазар (могила) Гулли-биби, вокруг которого раньше жили люди элата «ишан». Все члены этого элата теперь переселились в новые дома, построенные на старом месте, тут же у мазара⁸.

В новых поселках элаты выполняют функции административных единиц, подобно кварталам (махалля) в крупных кишлаках и городах Узбекистана. Но и сейчас в силу традиции элаты сохраняют определенную внутреннюю замкнутость. Выделение какой-либо семьи из элата еще несколько лет назад происходило редко и вызывало неодобрение со стороны других семей⁹. Родственные связи между определенными группами семей, а также какие-либо трения между ними чрезвычайно затрудняли расселение в новых поселках. В настоящее время расселение по элатам, бытовавшее еще лет 10 назад, соблюдается не так строго, однако стремление больших родственных групп семей селиться рядом отмечается и теперь. Все это свидетельствует о живучести старых традиций. Элаты до сих пор являются той ячейкой, в которой сохраняются некоторые пережитки прошлого, элементы традиционных обрядов и обычаев.

Строительство новых поселков, высокие требования, предъявляемые к современному жилищу, обусловили и применение ряда новых строительных материалов. Широкое распространение, особенно в послевоенный период, получили обожженный кирпич, бетон, стекло, известь, строевой лес, толь, асбофанера, листовое железо и т. д. В Хивинском районе сейчас работает шесть заводов по производству обожженного кирпича, который идет на городское и сельское строительство. Однако решающее значение в сельском строительстве и в настоящее время принадлежит традиционным материалам — сырцовому кирпичу и пахсе (битой глине), широко применявшимся на протяжении всей истории Хорезма¹⁰. Использование этих материалов в определенные периоды времени было различным. С XI—XIII вв. пахсовая (глинобитная) кладка стен применялась в основном для сельского строительства, а сырцовый кирпич — для городского (из него возводились стены зданий, им заполняли однорядный каркас). По традиции каркасные конструкции и теперь широко используются в жилом строительстве городов Хивы, Ургенча, отчасти Ханки.

В настоящее время в кишлаках Хорезмской области мы встречаем дома пахсовой кладки, дома с однорядным каркасом, построенные в последнее десятилетие, главным образом в пригородных селениях, а также

на культуру узбекского крестьянства. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁸ Полевые записи автора, 1966 г. Элат «ишан» включал преимущественно семьи духовного сословия, которые жили за счет посетителей мазара Гулли-биби.

⁹ Г. П. Снесарев, О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, стр. 68.

¹⁰ В. Л. Воронина, Древняя строительная техника Средней Азии, Сб. «Архитектурное наследие», т. 3, М., 1953.

дома, целиком сложенные из сырцового кирпича. Распространение последних связано в значительной степени с внедрением типовых проектов жилых домов из сырцового кирпича.

Применение традиционных строительных материалов—пахсы и сырцового кирпича — в современных условиях значительно отличается от прежнего. Во всех домах сооружаются фундамент и цоколь (последний

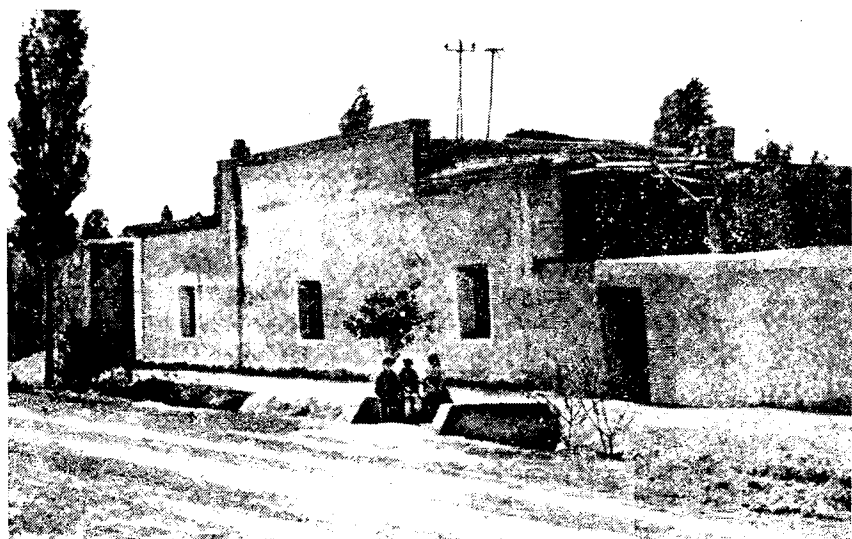

Рис. 1. Современный тип дома. Колхоз им. Ахунбабаева. Янгиарыкский район, Хорезмская область. Фото Г. П. Снесарева

иногда возводят из кирпича или бетона). Отметим, что в прошлом фундамента не было. Очень часто стены из пахсы или сырцового кирпича заканчиваются сверху обожженным кирпичом, который придает домам большую прочность, а также современный вид (рис. 1). На прокладку между цоколем и стенами вместо используемого прежде камыша сейчас почти повсеместно идет толь. Все без исключения новые дома имеют по фасаду большие застекленные окна, что, как уже отмечалось, не было характерно для сельского жилища в прошлом. И наконец, появление деревянных полов, печей, побелка стен, современная утварь и мебель — все это изменило сельское жилище, приблизило его и по внешнему виду и по интерьеру к современному городскому дому.

Сохранение традиционных черт можно проследить и в планировке современных сельских домов. Планировка жилища зависит, как известно, не только от природно-климатических и социальных условий, но и от величины и состава семьи. В обследованных Хивинском и Янгиарыкском районах среди домов, построенных после 1950-х годов, можно выделить дома, предназначенные для средних и малых семей (они составляют значительное большинство в колхозах), и дома для больших неразделенных семей.

В Хорезме до начала XX в. преобладала большая неразделенная семья, бывшая пережиточной формой древней патриархальной семейной общины. Последняя, как отмечал С. П. Толстов, остается на всем протяжении истории феодального Хорезма реликтом первобытно-общинного строя¹¹. Наличие в Хорезме большой неразделенной семьи обусловило создание и сохранение до недавнего времени особого типа жилища — сложных по планировке замкнутых домов-усадб «хаули»

¹¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 164.

(«ховли»), рассчитанных на проживание в них совместно значительно-го числа людей.

Своеобразие старых усадеб заключалось в том, что в них все помещения — жилые и хозяйственные — находились под одной крышей. Четко прослеживалось деление на две половины — мужскую внешнюю («дечан-хаули») и женскую внутреннюю («ичан-хаули»). Центральным

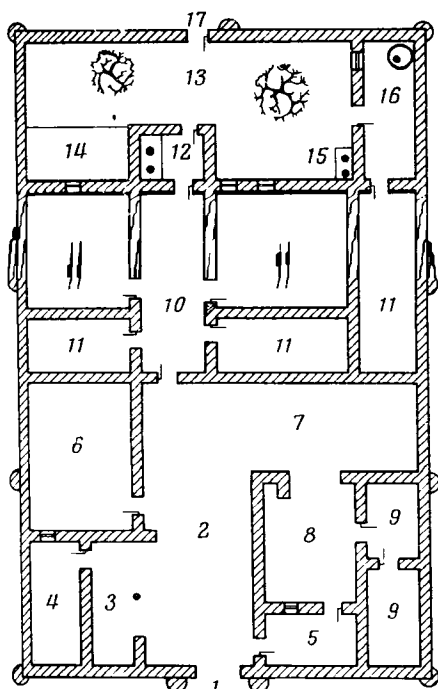

Рис. 2. План традиционной усадьбы-хаули. Мужская половина («дечан-хаули»): 1 — главные ворота; 2 — далан; 3 — джияухона (помещение для сбруи); 4 — мехмонхона (помещение для гостей — мужчин старшего поколения); 5 — мехмонхона (помещение для гостей — юношей и молодых мужчин); 6 — джувазхона (помещение с маслобойкой); 7 — малхона (скотный двор); 8 — 9 — сеисхона (помещение для скота и кормов). Женская половина («ичан-хаули»): 10 — дализ (коридор); 11 — кат (жилые комнаты); 12 — телек (двухэтажное помещение: на первом этаже находится очаг, на втором — кладовая для продуктов); 13 — открытый дворик; 14 — летний айван; 15 — летний очаг; 16 — хозяйственное помещение с тандыром (печь для выпечки лепешек); 17 — выход в сад

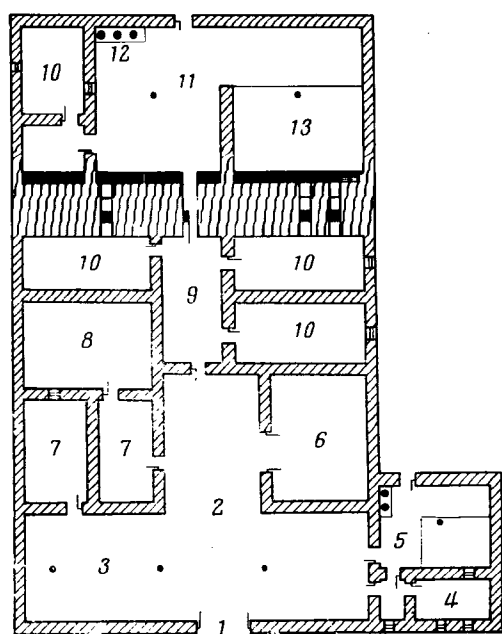

Рис. 3. План дома Нурлаева, построенного в 1940—1941 гг. Колхоз им. XXII партсъезда, Хивинский район, Хорезмская область. 1 — ворота; 2 — далан; 3 — малхона (скотный двор); 4 — мехмонхона (комната с коридором для приема гостей); 5 — закрытый айван; 6 — сеисхона (помещение для скота); 7 — помещения для кормов и сельскохозяйственного инвентаря; 8 — открытый дворик; 9 — дализ (коридор); 10 — кат (жилые комнаты); 11 — высокое закрытое помещение — айван; 12 — очаг; 13 — суфа (возвышение, выложенное из кирпичей для отдыха)

помещением мужской части дома был крытый проезд — «далан», вокруг которого группировались «мехмонхона» — комната для приема гостей (в богатых домах их могло быть несколько), помещения для скота, кормов, мельница, мастерская, если хозяин занимался ремеслом, и т. д. Женская половина дома включала жилые комнаты, кладовые, кухню, открытый дворик с летними айванами и т. д. (рис. 2). В женской половине проходила вся жизнь семьи¹².

¹² Подробное описание больших домов-усадб и функциональное распределение помещений в них см. в работе М. В. Сазоновой «К этнографии узбеков Южного Хорезма», «Труды Хорезмской экспедиции», т. 1, М., 1952, стр. 277—301.

Присоединение Средней Азии к России, развитие товарно-денежных отношений, проникновение элементов капитализма в сельское хозяйство ускорили процесс разложения больших неразделенных семей. Однако вплоть до образования колхозов большие семьи в Хорезме оставались, как утверждают информаторы, преобладающими. Об этом свидетельствуют и типы жилища того периода. Большинство жилищ и внешне и внутренне сохраняют основные черты хаули — замкнутого дома-усады. Благосостояние колхозников создало экономические условия для распада больших неразделенных семей. Исчезла бывшая экономическая зависимость взрослых детей от отца, у них появилась полная возможность самостоятельного ведения хозяйства. Большое значение имело и то, что выделявшаяся семья получала от колхоза земельный надел. Но выделение из большой семьи женатого сына до недавнего времени осуществлялось в большинстве случаев или после смерти отца, или с женитьбой внука. Таким образом, новая семья оставалась сложной по составу, в ней обычно было три поколения — родители; женатый сын; дети сына. Постепенно разрастаясь, она иногда вновь превращалась в большую неразделенную семью. Происходила своеобразная временная «реставрация» больших неразделенных семей. По свидетельству информаторов, в 1940—1950 гг. (военные и первые послевоенные годы) в обследованных районах процесс деления больших семей почти прекратился¹³. Это было вызвано общим тяжелым положением в стране. Мужчины ушли на фронт, и многие из них не вернулись. Лишившись основных работников, отдельные семьи, входящие в состав большой семьи, не могли вести самостоятельное хозяйство. Характерно, что дома, построенные в этот период, были рассчитаны на большие неразделенные семьи. Например, в доме, построенном в 1940—1941 гг. (рис. 3) семьей Нурлаевых (колхоз им. XXII партсъезда Хивинского района), вместе проживало 6 братьев (4 брата имели семьи). Они вели общее хозяйство, в доме была общая кладовая, где хранились продукты¹⁴.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. вновь возобновился процесс дробления неразделенных семей, что было безусловно связано с дальнейшим укреплением экономики колхозов, улучшением жизненных условий сельского населения, возросшим культурным уровнем. Немаловажную роль в этом играло жилищное строительство, развернувшееся повсеместно в Хорезмской области. Однако и сейчас процент больших неразделенных семей здесь все еще довольно значителен. Об этом свидетельствуют, например, данные по колхозу им. Ахунбабаева. Из 1520 семей колхозников примерно 80% составляют семьи численностью в 10—12 человек (родители, их женатый сын и его дети); 5—6% — семьи из 4—7 человек (дети и родители), около 15% — большие неразделенные семьи численностью до 20—25 и даже 35 человек¹⁵. В Хивинском районе процент больших семей меньше, в основном это семьи, которые продолжают жить в старых домах и находятся на грани раздела, обычно происходящего сейчас же после переезда в новый поселок.

Сравнение современных домов малой и большой неразделенной семьи показывает, что никаких архитектурных различий между ними нет. Различаются они лишь числом и размерами жилых помещений в доме. Общей же чертой всех современных жилищ является принципиально новая планировка. Полностью исчезло деление дома на две половины. Все хозяйственные помещения (для скота, кормов, различных запасов и т. д.) отделены от жилых комнат и вынесены во двор.

Рассмотрим одну из наиболее распространенных планировок на примере дома Джуманияза Бабаджанова (колхоз им. XXII партсъезда Хи-

¹³ Полевые записи автора, 1966 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

винского района) (рис. 4). Дом пасховой кладки построен в 1956 г. в новой части поселка. В конструкции центрального зимнего айвана применен однорядный каркас. Слева от входа в дом расположена комната для приема гостей — «мехмонхона». Вдоль торца дома проходит крытый проезд — «далан», в который ведут большие ворота. Самым просторным помещением является закрытый зимний айван, площадь которого около 50 кв. м (ширина — 6 м, длина — 8 м, высота — около 6 м). Верхняя часть айвана с застекленными с северной стороны окнами возвышается над крышей дома примерно на 1,5—2 м. Внутри айвана имеется деревянная «суфа» для сидения и лежания (в других домах вместо суфы часто ставят большие деревянные помосты «кат»). В айване в зимнее время проходит фактически вся жизнь семьи — здесь готовят пищу, едят, отдыхают. Из айвана двери ведут в жилые комнаты и кладовые. Из него есть выход и во двор, где сделан открытый летний айван и находятся различные хозяйственные постройки: зимняя кухня, навес для летних очагов, тандыр для выпечки лепешек, кладовые, зимние и летние помещения для скота и т. д. Семья Бабаджанова состоит из 11 человек: самого хозяина, его жены, женатого сына с детьми и родственницы жены. Соседние дома занимали другие сыновья Бабаджанова. Характерно, что до переезда в новый поселок все сыновья жили вместе с отцом, занимая большую старую усадьбу хаули¹⁶.

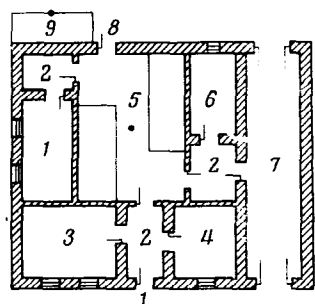

Рис. 4. План дома Джуманияза Бабаджанова, построенного в 1956 г. Колхоз им. XXII партсъезда, Хивинский район, Хорезмская область. 1, 4 — кат (жилые комнаты); 2 — дализ (коридор); 3 — мехмонхона (комната для приема гостей); 5 — закрытый айван; 6 — кладовая; 7 — далан; 8 — выход в сад; 9 — летний айван

Современные дома, в которых живут большие неразделенные семьи, выделяются прежде всего своей величиной. Но даже внешне они не похожи на старые усадьбы-хаули. В новых поселках такие дома вытянуты вдоль улиц и, в зависимости от численности и состава семьи, имеют два-три и даже четыре далана, вокруг которых группируются жилые комнаты каждой малой семьи. В таком доме с четырьмя даланами живет семья Юлдаша Матчанова численностью в 22 человека (колхоз им. Ахунбабаева, Янгирарыкского района). Она состоит из четырех малых семей: Матчанов, его жена, дети; сын Матчанова со своей семьей; брат Матчанова — Курдаш со своей семьей, женатый сын Курдаша с семьей. До 1956 г. все они входили в семью Шера Матчанова (дяди Юлдаша), общая численность которой доходила до 50 человек, и жили в большой старой усадьбе в этом же кишлаке. В 1956 г. семья Юлдаша выделилась и после переезда в новый поселок построила себе этот дом, в котором каждая малая семья занимает часть комнат и далан¹⁷ (рис. 5). Такое распределение жилых помещений в доме соответствует, как считают многие исследователи, состоянию большой семьи, находящейся на грани распада¹⁸.

Однако при различиях в планировке и величине домов, обусловленных составом семьи и ее обеспеченностью, во всех современных домах имеется несколько помещений, которые были присущи и традиционно жилищу. Остановимся подробнее на этих помещениях.

¹⁶ Полевые записи автора, 1966 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. В. Сазонова, Указ. раб., стр. 306—310; М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 62—64; А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940, стр. 50—55; Н. А. Кисляков, Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу, «Сов. этнография», 1939, № 2, стр. 149—171, и др.

Мехмонхона — обязательная принадлежность каждого современного дома. По традиции она расположена всегда около главного входа и является наиболее парадным помещением дома. В прошлом мехмонхона предназначалась исключительно для приема гостей-мужчин и проведения «зиефатов» — особых мужских собраний. Женщины в мехмонхону не допускались.

Рис. 5. Дом Юлдаша Матчанова. Колхоз им. Ахунбабаева, Янгиярыкский район, Хорезмская область. Рис. М. А. Оратовского.

Традиция выделения особого мужского помещения очень древняя. Она восходит к периоду родового общества, когда в каждой общине имелись общественные мужские дома, предназначенные специально для собраний мужчин¹⁹. Генетические связи мехмонхоны жилых домов с общественными мужскими домами в древней и средневековой Средней Азии впервые были прослежены С. П. Толстовым²⁰. С разложением кровнородственных коллективов и укреплением отдельных семей возникает необходимость выделения специального помещения для мужчин в рамках жилого дома. Именно в этом, как считает Г. П. Снесарев, «а не в пресловутом влиянии ислама следует искать причины столь характерного для Средней Азии членения дома на две половины, если учитывать, что принцип изоляции женщин от всего, что связано было с жизнью мужских союзов, являлся древним непреложным законом»²¹.

В современных домах мехмонхона утратила свои функции чисто мужского помещения и служит сейчас для приема гостей — как мужчин, так и женщин. Ее сохранение как парадного помещения дома связано с древней традицией гостеприимства, от которой мехмонхона в прошлом и получила свое название.

Далан — расположенный в центре дома большой крытый проезд-коридор, по которому раньше могла проехать арба, запряженная лошадью или верблюдом. В результате археологических работ, проведенных в Хорезме, стало известно, что дома-усадьбы с центральным коридором существовали здесь еще во времена ранней античности²², но окончательно сформировался этот тип дома в период раннего средневековья. В хорезмшахский и в последующий золотоордынский периоды такие усадьбы уже были широко распространены²³. Наличие далана связано с крепостным характером средневековой усадьбы, все помещения которой в силу необходимости располагались под общей кровлей. Через далан, в который вели массивные ворота, осуществлялась связь обитателей дома с внешним миром. Сохранение в Хорезме хуторского типа поселения и (до недавнего времени) укрепленных усадеб обусловило и сохранение далана в домах традиционной планировки.

В современных домах функции далана совершенно иные. Сейчас его часто строят не в центре, а вдоль торца дома. Но даже расположенный в центре далан не объединяет вокруг себя, как прежде, хозяйственные помещения, а служит скорее проездом во двор; иногда он исполь-

¹⁹ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии, МХЭ, вып. VII, М., 1963, стр. 173.

²⁰ С. П. Толстов. Указ. раб., стр. 314—317.

²¹ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии, стр. 173.

²² Е. Е. Неразник, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 82.

²³ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 159; Е. Е. Неразник, Указ. раб., стр. 82.

зуется также в качестве гаража для машины или мотоцикла. Практически далан теперь не нужен и сохраняется в силу традиции.

Зимние айваны — высокие и просторные помещения — имеются почти во всех современных домах. Зимой в них работают, готовят пищу (обычно здесь находится печь — плита или очаг), едят, отдыхают.

Дома с аналогичной планировкой (в центре — квадратное или прямоугольное высокое помещение, вокруг — жилые комнаты) были распространены в прошлом у большинства народов²⁴. Такая планировка безусловно очень древняя²⁵. Сходство принципов планировки жилища в разных странах, у разных народов объясняется сходством форм семьи, хозяйственных и социальных условий, одинаковым уровнем развития общества.

По мнению большинства исследователей, дом с центральным высоким помещением и рядом жилых комнат вокруг него был в прошлом жилищем большой патриархальной общины²⁶. В Хорезме, где на протяжении почти всей его истории большая патриархальная семья являлась основной ячейкой общества, такой дом прослеживается с раннего средневековья вплоть до настоящего времени²⁷.

Сохранение зимних айванов в современных домах Хорезма связано, очевидно, с преобладанием среди сельского населения довольно значительных по численности и сложных по составу семей. Именно таким семьям нужно было это просторное, прохладное летом и теплое зимой помещение, где свободно могли бы собираться все члены семьи.

Летний айван (открытая терраса), выходящий обязательно в озелененный тенистый двор, сад или виноградник, есть в каждом доме, можно встретить и несколько айванов (три-четыре) в одном доме. В условиях жаркого климата это совершенно необходимая часть жилища: летом именно айван и двор становятся местом пребывания всей семьи. Появившийся у оседлых земледельцев Средней Азии в далеком прошлом, айван широко распространился у всех среднеазиатских народов.

Сохранение в современных домах традиционных помещений (мехмонхона, далан, зимний айван, летний айван) связано прежде всего со сравнительно большой численностью семей, немалую роль играют также национальные особенности местного населения и климатические условия Хорезмской области.

Типовое проектирование, которому сейчас придается очень большое значение в связи с развернувшимся строительством новых поселков, не всегда, к сожалению, учитывает местные особенности²⁸. Например, в 1966 г. в районные отделения архитектуры Хивинского и Янгиарыкского районов были присланы типовые проекты одноэтажных домов с тремя — четырьмя комнатами (часто смежными) и маленькой открытой террасой. Такие дома рассчитаны на небольшие семьи. Они не соответствуют численности колхозной семьи в этих районах, не соответствуют также национальным традициям, вкусам населения и поэтому не пользуются у него популярностью.

Традиционные черты сохраняются и во внешнем оформлении современных домов. Фасад дома, особенно по обеим сторонам от дверей или ворот, украшают разнообразным орнаментом, который наносится на глиняную стену дома. Над воротами или центральным входом, а иногда

²⁴ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 62—65.

²⁵ В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950, стр. 50.

²⁶ См. Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 149—170; его же, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936; Н. А. Кондауров, Указ. раб.; М. О. Косвен, Указ. раб., и др.

²⁷ В. А. Лавров, Указ. раб., стр. 50; Е. Е. Неразник, Указ. раб., стр. 82—85; М. В. Сазонова, Указ. раб., стр. 307.

²⁸ Современные типовые проекты сельских домов разрабатываются в целом для V проектно-строительной зоны, куда кроме Узбекистана входят и многие центральные районы других республик Средней Азии.

и по всей верхней линии стены фасада делают небольшие зубцы, или, еще чаще, сплошную зубчатую линию, образованную из многочисленных ромбов, пятиугольников и квадратов. В углах домов и по обеим сторонам от въездных ворот иногда сооружаются на всю высоту стен выступы, верх которых также украшается разнообразным орнаментом.

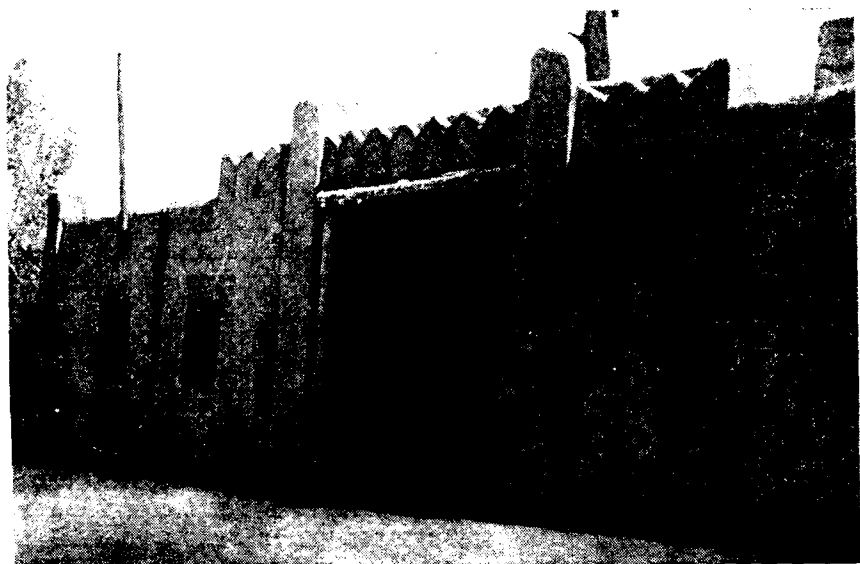

Рис. 6. Декоративное наружное оформление современного сельского дома. Колхоз им. XXII партсъезда, Хивинский район, Хорезмская область. Фото Г. П. Снегарева

Эффектно подчеркивается особенность пахсовой кладки, для чего вся поверхность стен покрывается продольными полосками «гультараш». Все это придает современному сельскому жилищу Хорезма своеобразный вид, выделяя его из жилищ других областей Узбекистана (рис. 6).

Традиция украшения наружных стен домов была распространена в прошлом у всех народов Средней Азии и имела в каждом районе, области свои характерные особенности²⁹. К сожалению, в настоящее время, в связи с типовым стандартным строительством, эта традиция угасает. Сейчас наружные стены украшают главным образом в тех районах, где традиции внешнего декора были наиболее сильно развиты. Декоративное оформление жилищ у оседлого земледельческого населения Южного Хорезма имеет очень древние корни³⁰.

Здесь мы попытаемся лишь кратко охарактеризовать истоки, направления, по которым шло формирование современного декора.

Одно из направлений связано с традиционным типом жилища в этих районах. Сельское жилище в период раннего средневековья представляло собой крепость. Ее высокие глухие стены пахсовой кладки были декорированы массивными полуколоннами, которые заканчивались наверху парапетом с зубцами. По всей линии стен, через равные промежутки, по углам и по обеим сторонам от массивных ворот, были установлены

²⁹ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I—II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963.

³⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 195, 282; его же, Древний Хорезм, стр. 162—164; М. В. Сазонова, Указ. раб., стр. 295—301.

полые внутри башни с бойницами. Каждая деталь архитектуры была целесообразна и отражала сущность крепостного характера усадьбы.

В хорезмшахский период (XII—XIII вв.) начинается постепенное перерождение ранее функционально важных деталей укреплений в декоративные элементы, что было связано с упрочением центральной власти, делающей ненужными грозные замки аристократов³¹. В конце XIX в. сельская усадьба выглядела уже в значительной степени как «декоративная» крепость. Боевые башни древнехорезмского жилища превратились в контрфорсы — «кунгра», зубцы перестали играть оборонительную роль и воспринимались скорее как украшения, полуколонны — «гофры» исчезли, а гофрированная поверхность стала изображаться продольными полосками-«гультараш»³². С изменением типа сельского дома в современный период те отдельные элементы крепостного характера, которые еще сохранялись в некоторых усадьбах (кунгра, стены с зубцами, массивные ворота и т. д.), окончательно превратились в чисто декоративные детали общего оформления сельских домов.

Другое направление, тоже очень древнее, связано с областью религиозных верований. Различные элементы орнамента на наружных стенах современных домов в прошлом не только украшали жилище, но и служили своего рода оберегами. Среди них были особенно распространены солярные сюжеты, например вихревые розетки, считавшиеся изображением солнца, и ромбовидные узоры, которые часто встречались на кошмах и в резьбе по дереву³³. Магический характер имели и некоторые элементы хорезмского орнамента на резных дверях, колоннах и решетках³⁴. Эти элементы прослеживаются в декоративных фризах памятников древнего Хорезма (Кават-Кала — XII—XIII вв., Беркут-Кала — V—VII вв., Топрак-Кала — III в. н. э.), генетически восходя к ахеменидским прототипам³⁵. Тесная связь орнаментального творчества XIX—XX вв. с искусством древних хорезмийцев лишний раз подтверждает тот факт, что имеется непосредственная преемственность в развитии культуры от древности через средневековье к современности.

Оберегами от сглаза считались в прошлом также керамические поливные блюда и рога барана, которые укреплялись над входом в дом.

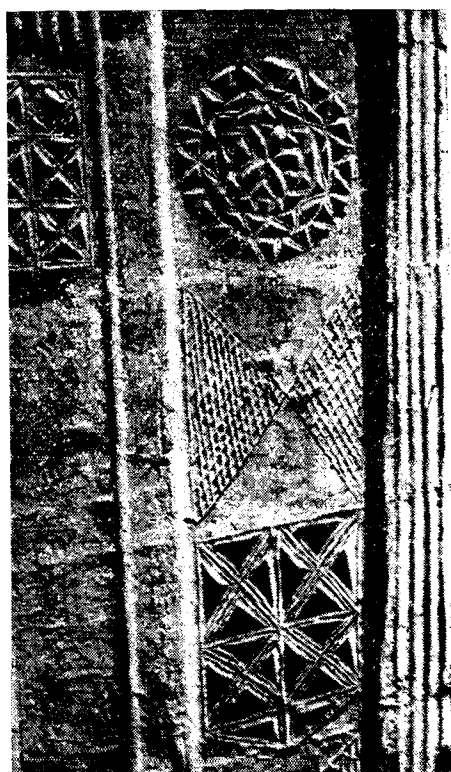

Рис. 7. Орнамент на наружных стенах современных сельских домов. Колхоз им. Ахунбабаева, Янгиярыкский район, Хорезмская область. Фото Г. П. Снесарева

³¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 280—282.
³² Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 32.

³³ Устное сообщение Г. П. Снесарева.

³⁴ М. В. Сазонова, Указ. раб., стр. 295.

³⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 163; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 195.

В старых узбекских усадьбах окон не было, и единственный вход в дом через ворота старались всевозможными оберегами и фетишами оградить от проникновения злых сил, поэтому и орнамент на стенах располагался обычно на фасаде по обеим сторонам от въездных ворот. С появлением окон вокруг них стали рисовать рога барана. В настоящее время эта традиция постепенно отмирает.

Следующее направление во внешнем оформлении домов связано с современными условиями жизни и новым типом сельского жилища. Мы имеем в виду элементы декора, появившиеся в последние годы: расположение больших окон по фасаду дома, отделка наличников окон, верха стен и выступов по краям ворот обожженным кирпичом, из которого часто выкладывается несложный орнамент; новая форма дверей и ворот, покрывающихся иногда по традиции узором, но уже совершенно иного характера, чем в старых домах. Изменился и состав орнамента — в нем наряду с традиционными элементами сейчас часто можно увидеть также изображение звезды, пионерского значка, трактора и т. д. Это свидетельствует о том, что орнамент теряет былую роль оберегов, приобретая чисто декоративное значение.

Сравнительно большое число традиционных черт прослеживается в настоящее время и в самом процессе строительства дома. В прошлом оно сопровождалось многочисленными обрядами и обычаями, связанными с религиозными верованиями. В настоящее время большинство этих обрядов и обычаев ушло в прошлое, однако некоторые продолжают бытовать.

Постройка дома требует больших затрат, связанных с покупкой строительных материалов, приглашением и оплатой мастеров, угощением участников строительства. Все эти вопросы по традиции решаются на особом совете «кенгаш», куда входят «старейшины» («ешулы») — главы семей данного элата. В прошлом совет старейшин вместе с аксакалом и муллою руководили всей жизнью элата — хозяйственной, правовой и религиозной³⁶. Теперь функции совета кенгаш ограничены исключительно областью семейных обрядов. Кенгаш дает «благословление» на строительство нового дома, проведение свадьбы или другого торжественного семейного события.

Строительство нового дома по традиции производится в порядке трудовой взаимопомощи — «хошара» («кумек») ³⁷. Однако сейчас сущность хошара значительно изменилась. Раньше в хошаре должен был принимать участие только определенный состав лиц: ближайшие родственники, члены своего элата и обязательно «джура» (ровесники хозяина дома или его сыновей), входящие в одну возрастную группу.

Теперь в хошаре кроме родственников, членов элата самое активное участие принимают друзья по работе в бригаде, школе, правлении и т. д., а также соседи, среди которых есть и люди других национальностей: русские, татары, украинцы. Для строительства фундамента, цоколя, возведения стен и устройства кровли приглашают специалистов — мастеров из строительных бригад, имеющих во всех колхозах области. Обычно в хошаре принимают участие по очереди 5—6 человек, и только на особо трудоемкие работы (возведение коробки каркаса, строительство пахсовых стен и перекрытий дома) созываются большие хошары (15—20 человек).

К традиционным чертам, связанным со строительством дома и бытующим в наши дни, относится и проведение семейных празднеств

³⁶ Г. П. Снесарев, О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, стр. 68.

³⁷ Различные виды взаимопомощи бытовали в прошлом у всех народов Средней Азии. В центральных районах Узбекистана она называлась «хошар»; в Хорезмском оазисе у всех народов (узбеков, каракалпаков, туркмен) взаимопомощь имела общее название «кумек».

(«тоев»). Первый значительный той — «джой бечар туй», или «джой би-чиш туй», — устраивается перед закладкой фундамента дома. Он бывает обычно не очень многочисленным, в нем участвуют только ближайшие родственники и соседи. На этом тое стариками официально «дается благословление» на строительство нового дома. После возведения стен, что считается знаменательным событием, следует небольшой той для участников хошара. И наконец, третий и самый торжественный «джой туй» — большой праздник новоселья — знаменует окончание строительства. На него приглашают всех родственников, соседей, друзей по работе, мастеров-строителей, а часто и председателя колхоза, членов правления³⁸.

В этом тоекратном тое, вероятно, в пережиточной форме сохраняется древний обычай, выражавшийся в необходимости «трижды пролить кровь животного, приносимого в жертву» во время строительства нового дома. Этот обычай, бытовавший в прошлом у всех народов Средней Азии, до недавнего времени сохранялся у припамирских таджиков³⁹ и оседлого земледельческого населения Ташкентского оазиса⁴⁰.

В подготовке праздника новоселья и его проведении принимают участие особые лица — «ходим» среди женщин и «пейкал» у мужчин. На ходим лежит также обязанность приготовления ритуальных блюд во время всех праздников и поминок. В частности, для «джой туй» она с помощью других женщин печет из теста ритуальное блюдо «бугирсок». И в наши дни считается желательным испечь «бугирсок» на первом огне, который разведут в новом доме, чтобы дом наполнился запахом жареного масла и теста (прежде это было средством для умиловления духов предков). Сохранение большого числа традиционных черт при строительстве нового дома связано, несомненно, с тем, что это событие и сопровождающие его обычаи выходили за рамки семьи, становились делом всей общины. Корни этого явления следует искать в недрах кровнородственных коллективов⁴¹.

Таким образом, в строительстве колхозных поселков, домов, вполне отвечающих возросшему уровню жизни и культурным запросам населения, все еще сохраняются некоторые традиционные черты. Однако в условиях современного быта происходит непрерывный процесс трансформации, изменения прежних форм и содержания обычаев.

SUMMARY

The article, based mainly on field work, examines traditional features which have been preserved in modern settlement and dwellings in the south of Khorezm Region of Uzbekistan.

Traditional features can be clearly traced in modern kolkhoz villages, in dwellings which fully meet the requirements of a higher living standard and cultural level. Such traditions are: the tendency of groups of relatives in new settlements who had formed small *kishlaks* to take up residence next to each other, in one street; the prevalence of local building materials — *pakhsa* (pressed clay) and unburnt brick; traditional planning of dwellings with a guest-room (*mekhmonkhona*), covered passage (*dalan*), a high and roomy winter premises (*ayvan*); mutual help in house building (*khoshar*); customs and rituals during the construction of a house; traditional motifs in the outer decoration of dwellings, etc.

The author uses archaeological and historical literature to search out the sources of these traditions and shows the causes of their preservation.

³⁸ Полевые записи автора. 1966 г. № 15, 18.

³⁹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, Сталинабад, 1958, стр. 431, 437, 443.

⁴⁰ Полевые записи автора, Ташкентская область, 1967 г., № 5.

⁴¹ Г. П. Снесарев, Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма, стр. 138—139.

Б. Х. Кармышева

ТИПЫ СКОТОВОДСТВА В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

(КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА)¹

Большой коллектив советских этнографов ныне работает над составлением Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. В первую очередь планируется подготовка выпусков, посвященных земледелию и скотоводству². В этой связи одной из серьезных задач становится систематизация всего накопившегося по отдельным историко-культурным областям материала по скотоводству и выделение его основных типов (систем, форм) — исторически сложившихся способов ведения скотоводческого хозяйства; необходим также целенаправленный сбор новых данных по этой проблематике³.

В статье мы попытаемся, используя свои материалы многолетних полевых исследований, выделить типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX в., т. е. на протяжении лишь одного из трех исторических периодов, которые должны быть отражены в атласе⁴.

Обширная область, где проводились наши исследования, расположена в бассейне правых притоков Пянджа и Амударьи, к югу от Гиссарского хребта. До Великой Октябрьской социалистической революции эта область составляла большую часть так называемой Восточной Бухары — Шерабадское, Байсунское, Гиссарское, Денауское, Кургантюбинское, Кабадианское, Кулябское и Бальджуанское бекства Бухарского ханства.

Природные условия Восточной Бухары были весьма благоприятными для занятия скотоводством: наличие богатых сезонных пастбищ и теплый климат позволяли в большинстве районов содержать скот круглый год на подножном корму. Следует, однако, отметить, что здесь, как и во всякой другой горной стране, характер климатических условий и микроклиматические особенности определялись в значительной степени вертикальной зональностью.

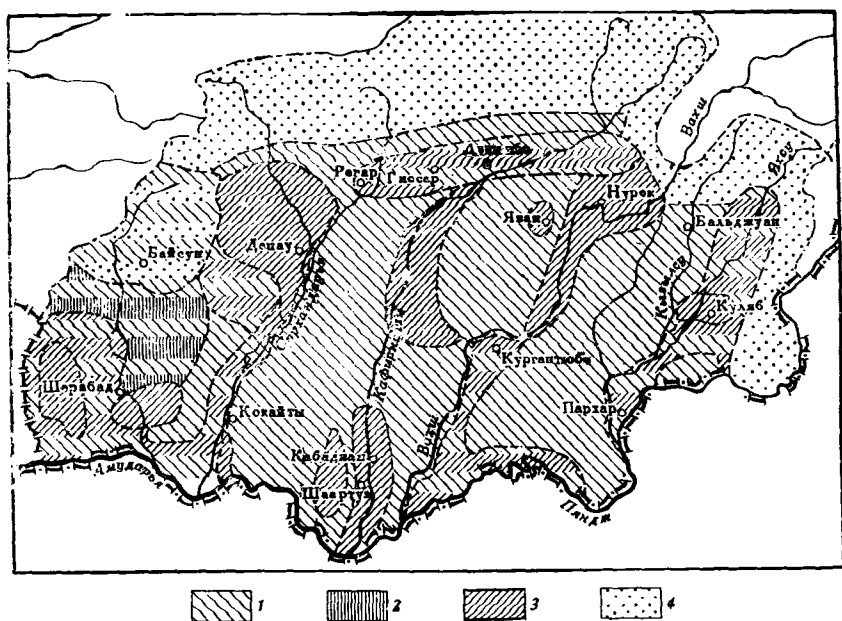
¹ Основные положения статьи были доложены автором на Региональном совещании по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, проходившем в Ашхабаде в декабре 1967 г.

² «Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы», М., 1967 (далее «Региональное совещание»), стр. 4—5.

³ См. С. М. Абрамзон, Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана, «Региональное совещание», стр. 43.

В связи с составлением Историко-этнографического атласа Кавказа аналогичная работа осуществляется и этнографами-кавказоведами (см., например: Б. А. Калоев, Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского Историко-этнографического атласа, М., 1968; Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства в Восточной Армении, Автореферат канд. дисс., М., 1968.

⁴ «Региональное совещание», стр. 4.

Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX века: 1 — отгонно-пастбищный; 2 — кочевой; 3 — выгонный; 4 — стойлово-выгонно-яйлажный.

Этнический состав населения Восточной Бухары отличался большим разнообразием. Высокогорные районы были заселены преимущественно таджиками, а долины рек (по средним и нижним их течениям) и невысокие горы между ними — полукочевыми узбеками, среди которых были вкраплены группы искони оседлого узбекского и таджикского населения, в основном так называемых чагатаев. Помимо таджиков и узбеков в рассматриваемой области жило незначительное число туркмен, арабов, цыган, индийцев, хазарейцев, белуджей, казахов и др.⁵ Эта пестрота этнического состава усугублялась тем, что повсеместно сохранялось деление некоторых из этих народностей на родо-племенные и территориальные группы, в той или иной мере отличавшиеся друг от друга по своему происхождению и культурным традициям.

В конце XIX — начале XX в. население изучаемых районов вело в основном комплексное хозяйство, сочетая земледелие со скотоводством, домашними промыслами или ремеслом. Соотношения этих отраслей и способы ведения хозяйства были разными, что обуславливалось разнообразием природных условий, этнического состава населения и его культурных традиций. Разными были, в частности, способы ведения скотоводства.

Анализ собранных материалов показывает, что в южных районах Узбекистана и Таджикистана можно выделить четыре основных типа скотоводства: 1) отгонно-пастбищный, 2) кочевой, 3) выгонный и 4) стойлово-выгонно-яйлажный.

Отгонно-пастбищный тип скотоводства был характерен для полукочевых узбеков, отдельных групп таджиков, живших на южных склонах Гиссарского хребта, в Байсунских и Кугитангских горах, а также для туркмен, арабов и некоторых ираноязычных полукочевых народностей, расселенных преимущественно по берегам Пянджа и Амударьи. При отгонно-пастбищном скотоводстве основное поголовье

⁵ Б. Х. Кармышева, К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана, «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 96.

скота круглый год содержалось на сезонных пастбищах, находясь большую часть времени под присмотром пастухов; население же совершало две или три перекочевки. Животноводы периодически подкармливали рабочих волов, баранов-производителей, иногда коров. Лишь ездовые кони и поставленные на откорм бараны находились на постоянном стойловом содержании.

В хозяйстве полукочевых узбеков скотоводству принадлежало ведущее или равное с земледелием место (только у отдельных групп, в частности, у карлуков Южного Таджикистана, оно было почти единственным занятием). Основные направления скотоводства у полукочевых узбеков — овцеводство (главным образом курдючное) и табунное коневодство. Они разводили также коз, крупный рогатый скот, служивший основной тягловой силой в земледелии, и верблюдов. Лошадей использовали в земледелии преимущественно при молотье (пахали) на них лишь в некоторых районах) и, так же как верблюдов и ослов, — при перевозке снопов, зерна и соломы.

Такой состав стада был, как нам уже приходилось отмечать, типичным для хозяйства полукочевых узбеков⁶. Однако встречались и отклонения. Например, малочисленная группа узбеков — каратамгалы, жившая в Гиссарской долине (к юго-востоку от Узуна), разводила крупный рогатый скот, который содержался круглый год в тугаях речной поймы. Овец у каратамгалы было мало, и их не отгоняли на дальние пастбища. Население не кочевало. Другая группа полукочевых узбеков — кунграты, занимавшие полупустынные районы, наряду с овцами имели значительное число верблюдов (у остальных узбекских племен южных районов Узбекистана и Таджикистана верблюдов было мало). В хозяйстве племен локай и марка ведущей отраслью было коневодство.

Состав стада у отдельных хозьев определялся прежде всего зажиточностью каждого из них. Отары овец и табуны лошадей держали богатые скотоводы, их хозяйство носило товарный характер. Крестьяне среднего достатка имели обычно все виды скота в таком соотношении, чтобы как можно полнее обеспечить семью и хозяйство всем необходимым. У бедняков же было в лучшем случае по несколько коз и овец.

Пастбища в южных районах Узбекистана и Таджикистана по своим природным особенностям и характеру использования делятся на три группы: 1) осенне-зимне-весенние пастбища предгорно-низкогорных районов; 2) проходные пастбища среднегорных районов; 3) летние пастбища высокогорных районов⁷.

В Средней Азии лучшими пастбищами для зимовки скота и выпаса его в ранневесенний период являются пустыни. В изучаемой области пустынь очень мало (лишь небольшие площади на юге), поэтому с середины ноября до середины мая, — зиму, осень и весну, — скот держат на пастбищах типично весенних, т. е. дающих максимальное количество корма в весенний период. К ним относятся низкогорные (800—1200 м над уровнем моря) полупустынные эфемерные пастбища Южно-таджикистанского низкогорья (включая юг Сурхандарьинской области), где между невысокими хребтами протянулись широкие долины.

Среднегорная зона (1200—2400 м) служит проходными пастбищами. В этой полосе значительные пространства заняты богарными посевами.

⁶ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, вып. I, Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, Сталинабад, 1954; см. также: Н. Г. Борозна, Изменения в хозяйстве узбеков долины Кафирнигана, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 26—38.

⁷ О. И. Морозова, Пастбища и их использование, сб. «Советский Таджикистан», Сталинабад, 1950, стр. 38.

поэтому весной и в начале лета (вторая половина мая — июнь) скот перегоняемый на летние высокогорные пастбища, идет здесь по определенным удаленным от посевов маршрутам. Пасут его только на свободных от посевов площадях. При обратном движении стад осенью скот пасут по стерне убранных хлебов.

К высокогорным пастбищам субальпийской зоны (2400—3400 м) отары овец доходят в июне. Низкотравные альпийские луга располагаются на высоте 3200—3800 м. Стада сюда прибывают не раньше половины июля и остаются до конца августа. Таким образом, путь отар от зимних пастбищ до летних измеряется десятками, а нередко и сотнями километров (до пятисот).

Наиболее типичный цикл перекочевов у полукочевых узбеков был следующим. Зимовки (кишлаки) располагались в долинах рек или на южных склонах адыров (холмов), в укрытых от ветров лощинах у родников и колодцев; скот пасли в зоне кишлаков. Только богатые хозяева угоняли свои отары на пастбища в пустыни (в том числе и на славившиеся зимние пастбища Кабадиана), где скот находился под присмотром наемных чабанов.

Ранней весной (к началу ягнения овец) узбеки покидали кишлаки и переселялись в степь или на ближайшие адыры. Владельцы крупных табунов лошадей угоняли их на самый юг, в пустыни, чтобы отошавшие за зиму жеребье матки могли быстро поправиться и чтобы новорожденным жеребяткам не угрожали кручи и овраги. Отары же овец, наоборот, с пустынных пастбищ пригоняли ближе к кишлакам, так как во время скота чабанам требовалось много помощников.

Летом, когда степь выгорала, стада перегоняли на летние пастбища, а осенью возвращали в кишлаки. Узбеками использовались летовки двух видов: 1) расположенные в зоне кишлаков горных таджиков (т. е. в полосе проходных пастбищ) и 2) расположенные в высокогорной зоне, выше мест постоянного заселения. На летовки первого вида вместе со скотом отправлялись целые семьи, со всем своим скарбом, а на высокогорные пастбища — только чабаны.

На высокогорных пастбищах выпасали в основном отары богатых скотовладельцев. Люди среднего достатка для выпаса своих овец на высокогорье объединяли их поголовье в отары и нанимали чабанов или выделяли их из своей среды. Остальной скот, в частности дойных коров и коз, не отгоняли.

Внизу, в кишлаках оставались семьи бедняков и тех крестьян среднего достатка, которые имели посеы. Оставшиеся жили не в зимних поселениях, где из-за комаров, сильной жары и особенно малярии невозможно было находиться, а на адырах, вблизи бахчей (арбузы и особенно дыни, посеянные на богарных землях, занимали большое место в питании населения). Для ухода за посевами риса мужчины время от времени спускались в поймы рек. Они возвращались в кишлаки и на период уборки полей. Огородов, садов и виноградников у полукочевых узбеков, как правило, не было.

Таким образом, скотоводство полукочевых узбеков южных районов Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX в. было отгонно-пастбищным, так как само население не совершало вместе со скотом полного цикла кочевания.

Кочевой тип скотоводства был распространен у части узбеков-кунгратов, живших в полупустынных районах (особенно в бассейне среднего течения Шерабадары), а также у немногочисленной группы казахов Малого жуза, переселившихся в Вахшскую долину в последней четверти XIX в. Здесь скотоводы вместе с семьями передвигались вслед за скотом по сезонным пастбищам, меняя место стоянки по мере скармливания пастбищ. Кунграты, например, меняли место стоянки через каждые две-три недели. Кочевали по определенным маршрутам

в пределах территории своей родо-племенной группы; только летовки могли находиться за пределами этой территории.

У кунгратов в стаде ведущее место принадлежало курдючным овцам. Разводили также коз и лошадей. Крупного рогатого скота, не приспособленного к длительным переходам, у них было мало⁸. Выше уже отмечалось, что верблюдов у кунгратов было значительно больше, чем у других узбекских племен. Имели верблюдов и казахи.

Выгонный тип скотоводства был характерен для оседлого населения равнин и предгорий, состоявшего в основном из так называемых чагатаев — таджиков и узбеков. Чагатаи во все сезоны пасли скот на пастбищах, расположенных невдалеке от селения — на прикишлячных выгонах. Теплый климат позволял и зимой содержать его на подножном корму. Только в короткий зимний период животных (особенно рабочих волов) подкармливали. Ездовые кони находились на стойловом содержании в течение всего года.

В хозяйстве чагатаев скотоводству принадлежало третье или четвертое место после хлебопашества, садоводства с виноградарством и домашних промыслов или ремесла. Крестьяне среднего достатка держали столько голов скота, сколько нужно было для удовлетворения потребностей семьи и хозяйства. Лишь у зажиточных крестьян был «лишний» скот, который они обычно отдавали на выпас полукочевым узбекам; рабочих волов у них арендовали односельчане. Чагатаи никогда не продавали скот, а, наоборот, сами приобретали его у полукочевого населения.

Оседлое узбекское и таджикское население разводило в основном крупный рогатый скот, без которого невозможна обработка земли в этих районах (только в отдельных местностях — Бешкентская и Пашхурдская долины — в силу специфических почвенно-климатических условий пахоту производили на лошадях). Кроме того, в каждом хозяйстве среднего достатка было по одной — две лошади и несколько ослов, служивших для верховой езды и для перевозки грузов (как известно, в Восточной Бухаре колесного транспорта не было). Из мелкого рогатого скота держали в основном коз.

Скот пасли под присмотром наемного пастуха на свободных от посевов землях вокруг селений и ежедневно с заходом солнца пригоняли его домой. В ряде кишлаков крестьяне среднего достатка и зажиточные весной выходили со скотом на холмы, расположенные в стороне от полей. Это делалось для того, чтобы отвести скот от посевов, а также подкормить отошавших за зиму животных и запасти впрок молочные продукты. На такие весенние пастбища отправлялась обычно часть семьи, беря с собой лишь самую необходимую утварь; жили здесь в юрте или капе. Когда трава выгорала, скот с этих пастбищ пригоняли назад и вновь присоединяли его к общему стаду. В это время крестьяне покидали свои тесные жилища в кишлаках и на весь период созревания и уборки урожая с полей, садов и виноградников переселялись в сады, к которым примыкала и часть орошаемых полей.

В жаркое время возвращавшихся с выгоровших пастбищ животных, главным образом дойных коров и ездовых лошадей, подкармливали дрынными корками, люцерной, сорными травами. Из-за плохого корма и жары коровы и козы, составлявшие большую часть стада, были малопродуктивными.

В конце мая приступали к уборке зерновых. После окончания жатвы скот выпускали свободно пастись по стерне (в основном для удобрения полей).

⁸ По словам узбеков, относившихся в прошлом к полукочевым группам, коров «за скотину не считали», говядину в пищу не употребляли. Некоторое внимание крупному рогатому скоту стали уделять только со времени перехода значительной части узбеков на оседлость, т. е. с последней четверти XIX в.

Таким образом, у оседлых жителей равнин и предгорий наблюдались своеобразные сезонные переселения из кишлаков: весной — на весенние пастбища (со скотом отправлялась лишь часть семьи и только у зажиточных крестьян, которые составляли меньшинство), летом — в сады; осенью — из садов вновь в кишлаки. Эти переселения, разумеется, отнюдь нельзя назвать кочеванием, хотя в ряде местностей летним жилищем служила юрта, заимствованная у полукочевых узбеков. Однако типичным жилищем в садах было глинобитное, каркасное или сложенное из камней помещение типа кладовой с пристроенной к нему верандой, открытой с двух или трех сторон (чапканди).

Стойлово-выгонно-яйлажный тип скотоводства был характерен для оседлого, преимущественно таджикского населения горной зоны. Скотоводство у этой группы населения играло большую роль, чем у оседлых жителей равнин и предгорий, занимая второе место после хлебопашества. Весной, когда сходил снег с горных склонов, таджики выгоняли скот на прикишланные пастбища, а при появлении на полях всходов, отгоняли его на более или менее удаленные от селений летние пастбища — *айлок* (тюрк. *ййлак*, *джайляу*, отсюда принятый в географии термин *ййлажный*), куда переселялась и часть жителей, преимущественно женщины, для заготовки впрок молочных продуктов; осенью скот вновь пасли на прикишланных выгонах и на стерне.

Разводили крупный рогатый скот, служивший основной опорой земледельца, коз, овец, а также лошадей и ослов. Табунного коневодства в этой зоне не было. Скотоводство не было товарным⁹.

Как известно, в некоторых крупных городах Узбекистана бытовал стойловый тип скотоводства, при котором скот содержали круглый год в стойле. В Восточной Бухаре больших городов не было. Население городов занятие ремеслом сочетало с земледелием (недаром городские кварталы здесь, как правило, назывались кишлаками) и скотоводством. Городские кварталы имели свои выгоны, и горожане для выпаса скота нанимали пастуха. Большая часть городского населения переселялась на лето в сады.

Исторически сложившиеся культурные традиции отдельных этнических групп в конце XIX — начале XX в. продолжали еще играть большую роль в хозяйственной деятельности населения. Относительной устойчивости традиций, существованию определенной хозяйственной специализации этих групп способствовали издавна установившиеся экономические связи между ними и между отдельными историко-культурными районами. В результате различные этнические группы, живущие в сходных природных условиях (например, таджики и узбеки Яванской долины или низовьев Яхсу), иногда имели различный тип хозяйства. Однако повсеместно протекающий процесс оседания кочевников приводил к постепенной утрате ими хозяйственной специфики (например, узбеки-дурмены низовьев Кафирнигана). Процесс этот шел постоянно, ускоряясь или замедляясь в зависимости от изменений социально-экономических, политических и природных условий. Феодалные междоусобные войны, окончательное завоевание восточных бекств Бухарским ханством, рост товарно-денежных отношений в связи с присоединением Средней Азии к России, стихийные бедствия (засуха, саранча, снежная зима или гололедица, эпизоотии и т. п.) — все эти события XIX — начала XX в. ускорили давно начавшийся процесс оседания узбеков, арабов и др., а оседание неизбежно приводило к постепенному сближению хозяйственного уклада различных этнических групп.

⁹ Характеристику горнотаджикского скотоводства и библиографию по этому вопросу см. в работе «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 151—175.

SUMMARY

Four main types of cattle herding existed in the southern districts of Uzbekistan and Tajikistan which in the late XIX and early XX centuries formed the greater part of Eastern Bukhara:

1. Transhumance pasturing — cattle was kept the whole year round on seasonal pastures in the care of herdsmen. This type of herding was prevalent among seminomad Uzbeks, Turkmens, Arabs and some small Iranic-speaking peoples.

2. The nomad type — the cattle holders moved by seasons from pasture to pasture together with their cattle. A part of the Uzbek tribe of Kungrat living in semi-desert regions and a group of Kazakhs were nomadic.

3. Pasturing type — the cattle was kept all the year round in pastures near the *kish-lak*. This type prevailed among the Tajik and Uzbek plains and hill population which had been settled from earliest times.

4. The stall-pasture-*yatlau* type — the cattle was kept in sheds in winter and driven to distant pastures in summer; part of each peasant family migrated with the cattle. In spring and autumn the herding was done on near by pastures. This type prevailed among mountain Tajiks.

КАМЕНЬ И ДЕРЕВО В СТАРИННОМ ЖИЛИЩЕ АВАРИИ

Дагестан — «страна камня». Принято считать, что здесь все дома строились из камня. Соотношение камня и дерева, роль дерева в домостроительстве Дагестана и, в частности, Аварии не привлекали внимания исследователей: в литературе встречаются лишь упоминания о деревянных деталях в дагестанском жилище. Между тем вопросы эти не лишены интереса.

Заранее следует оговорить, что данная статья не решает сложной проблемы соотношения камня и дерева в жилище Дагестана. Цель ее — осветить положение вещей, привлечь внимание к этой проблеме.

В юго-западной Аварии, где древности во всех областях материальной культуры сохранились значительно лучше, чем в остальном Дагестане, в старых каменных домах Советского, Каратинского и Ботлихского районов внутренние деревянные столбы стоят не посередине жилой камеры, как в других районах Дагестана, а в два ряда. Один ряд расположен у самой фасадной стены, а второй в глубине, у задней стены. Балки перекрытия лежат на продольных прогонах, покоящихся на этих столбах. Все перекрытия опираются, таким образом, не на наружные каменные стены, а на эти деревянные столбы. Иными словами, говоря языком строителей, это деревянные каркасные сооружения с самонесущими каменными стенами, выполняющими только функции ограждения (рис. 1). Дома, построенные подобным образом, считались очень прочными. Информаторы отмечают, что в прошлом при вооруженных столкновениях «враг мог разрушить стену, но дом продолжал стоять». И это было, вероятно, так. В 1946 г. мне пришлось, например, обмерять старый дом Ибрагимова в с. Годобери. У дома был разрушен весь угол, а крыша оставалась на месте. В тех же районах для прочности каменной кладки в нее вводятся продольные деревянные брусья. Наружные столбы вместо каменных делаются «поленицей», из брусьев с заполнением пустот камнями.

Налицо явное недоверие к каменной конструкции в стране, казалось бы, древнего каменного строительства!

В селениях Тинди, Хуштада, Кванада, Тлондода вместо второго ряда столбов в глубине помещения сделана внутренняя продольная несущая деревянная стена из горизонтальных массивных досок-пластин, перерубленных для устойчивости поперечными стенками-коротышами. Последние образуют нечто вроде контрфорсов и оканчиваются наверху весьма своеобразными клюво- или рогообразными выступами, повернутыми вниз острием. Эти выступы не выполняют никакой функции. Балки перекрытия покоятся на самой продольной стене. Торчащие в помещении «крюки» даже не касаются потолка. Перед нами, несомненно, реликтовая форма, давно потерявшая всякий прямой смысл (рис. 3). Былое назначение ее станет понятным, если мы рассмотрим конструкцию старинного гыклуша — деревянного срубного амбара с закромами. Стенки амбара сделаны из таких же пластин, рубленных «с остатком», а «остатки» наверху заканчиваются направленными наружу во все сто-

роны подобными клюво- или рогообразными выступами, загнутыми вниз. Выступы поддерживают свесы карниза, предохраняющие деревянные стены от дождя. Наличие этих выступов здесь абсолютно понятно (рис. 2).

Этнографам хорошо известно, что хозяйственные постройки делают-ся часто по типу основного сооружения — жилища — и пережиточно могут хранить его старые, в жилище уже исчезнувшие черты. Не имеем

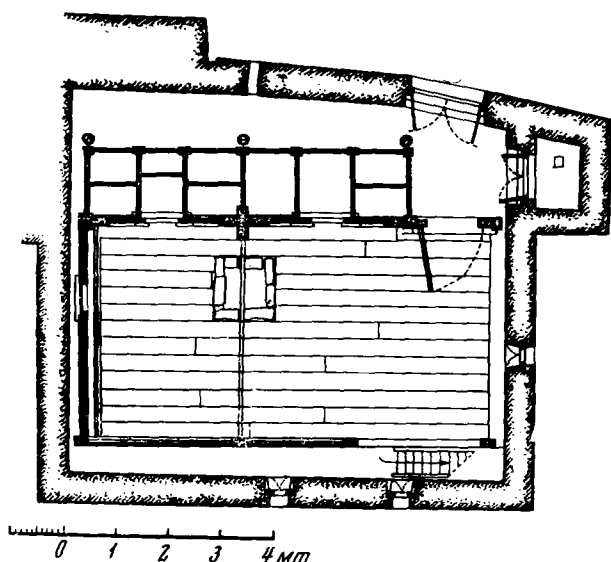

Рис. 1. План дома Абузара Ибрагима в сел. Урада Советского р-на. Показаны три ряда деревянных столбов каркаса; посередине — очаг; за деревянной стенкой — закрома двух цагъуров

ли мы и в гыклуше отражение старого домостроительного приема? Может быть, раньше и наружные стены тиндальских и багулальских домов были, как и внутренние, деревянными?

Усложненный, но родственный по форме вариант тиндальской стены встречен и в некоторых старых домах Аварии — в доме Гаджиевых в Тидибе, доме Абузара Ибрагима в Ураде, доме Гаджиевых в Гочобе. В этих домах деревянная несущая стена сооружена из отдельных крестообразных в плане срубных опор, завершающихся на все три стороны — боковые и переднюю — аналогичными клювообразными выступами, но к верхним выступам добавлены такие же выступы внизу с остриями, направленными вверх. Опора в целом приобретает форму буквы X, а промежуток между опорами — буквы Ф. Промежутки заполнены горизонтальными пластинами. В них прорезаны арочные дверки, ведущие во внутренние амбары-закрома, называемые здесь «цагъур» (рис. 4).

Другая конструкция деревянной стены в этом районе распространена гораздо шире. Она состоит из огромных плоских столбов-пилястр, образующих вместе со встроеными между ними цагъурами общую стенку. Деревянные внутренние стены в гидатлинских домах называются «цүлал рукъ», что значит «деревянный дом».

Все рассмотренные деревянные стены и столбы находятся внутри жилой камеры. Но сохранились дома и с наружными деревянными стенами. Так, в с. Мачада в 1946 г. был осмотрен дом, второй (жилой) этаж которого имел с фасада деревянную стену, подобную внутренней стене в доме Абузара Ибрагима в Ураде. Промежутки между опорами были заделаны щитами. Прорезанные в щитах маленькие окна были за-

крыты ставнями (рис. 5). Реликтами клюво- или рогообразных форм в этом районе являются и совершенно необъяснимые с точки зрения логики Ф-образные окна в каркасных наружных деревянных стенах некоторых наиболее старых домов (дом Хаду Гитине в Тидибе, дом Нурмагомеда Ибрагима в Ураде и др.). В селах Ругельда и Сомода Советского района были обмерены общественные амбары-зернохранилища, по размерам приближающиеся к жилому дому. Ф-образные окна, освещающие сени,

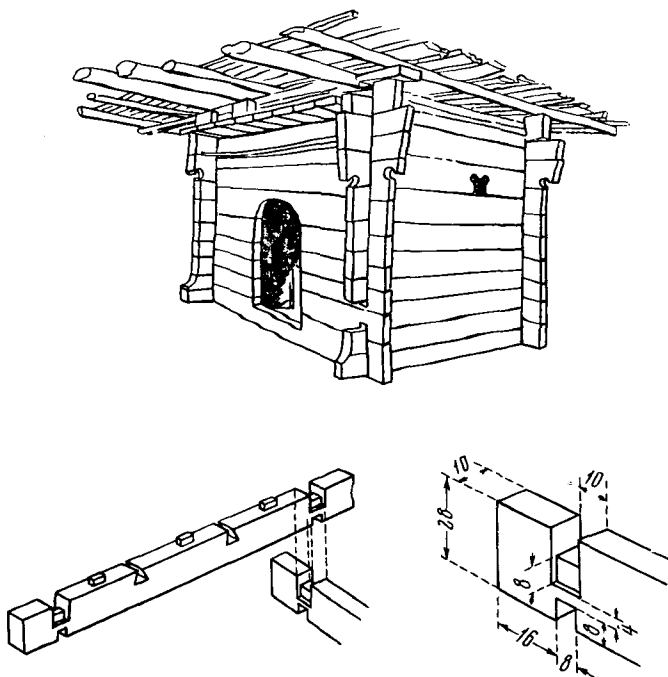

Рис. 2. Амбар гыклуш. Врубки. Цумадинский р-н

расположены в них в два яруса, а продольные стены (фасадная и задняя) перерублены посередине теми же крестобразными опорами. Здесь уже полностью подтвердилось тождество архитектуры амбаров-зернохранилищ и деревянных жилых домов. В 1940 г. архитектором В. Л. Циолосани были обмерены дома цезов с жилыми этажами, целиком срубленные из пластин (дом Махмада Али оглы в с. Хутрах и др.).

Деревянные конструкции во всем Дагестане отличаются подлинным совершенством и разработанностью разнообразных приемов соединения элементов. Любопытно, что все соединения выполняются в них без применения металла (и это на территории древнейшего очага металлургии!) или клея, на одних врубках. Даже дверные замки различной, порой довольно хитрой конструкции, делаются целиком деревянными. В упомянутых амбарах (типа гыклуш) применены весьма совершенные врубки (рис. 2), гораздо более сложные, чем в аналогичных амбарах Грузии¹ или в русских срубах «с остатком». Амбары другого типа — каркасные (их называют «къам» в Чародинском и Гунибском районах и «цагъур» — в Советском районе) имеют легко собираемую и разбираемую конструкцию. В ней все элементы соединены в шпунт и стянуты по углам четырьмя деревянными стяжками; с задней стороны в прорез каждой стяжки заклинивается чека. Выбив четыре чеки, можно огромный цагъур дли-

¹ Эти врубки изображены у М. Гараканидзе в книге «Грузинское деревянное зодчество», Тбилиси, 1959, табл. 136.

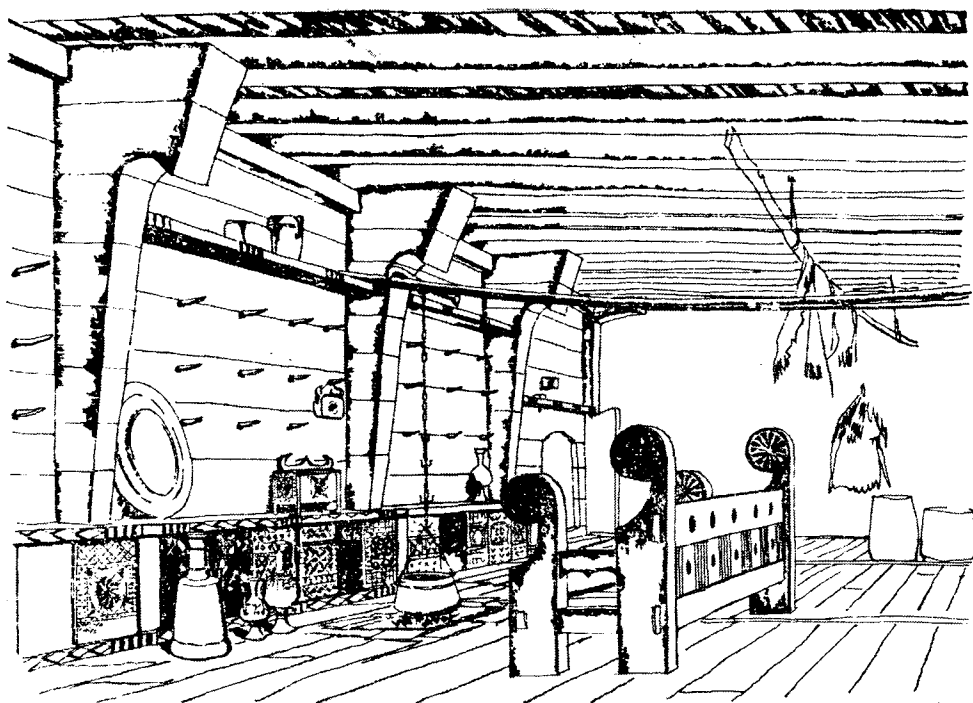

Рис. 3. Интерьер дома Шамилева в сел. Тинди Цумадинского р-на

ною в 3 м, высотой и глубиной в 2 м разобрать на отдельные доски и, если надо, перенести в другое место.

В старых домах Советского и Цумадинского районов я видел деревянные полы из массивных досок, которые собраны с обратной стороны в щиты на длинных поперечных шпонах, имеющих в сечении известную у нас форму «ласточкиного хвоста». Потайными шпонками в форме двухстороннего ласточкиного хвоста соединяются части громадных капителей, если они составные. Все такие врубки и соединения по совершенству и сложности вполне сравнимы с нашими европейскими столярно-плотничными изделиями времен дозаводского, ручного изготовления. Разве это не вернейший признак древности обращения с деревом как строительным материалом?

С. Асиятилов приводит интересные данные о развитом профессионализме мастеров деревянного дела. К слову, обозначающему профессию специалиста по дереву — «плотник» или «столяр», в Аварии прилагается звание «устар» (букв. мастер) — «цІулал устар». Такого «звания» нет ни у одной другой профессии (кроме ювелиров), в том числе и у каменщиков — «кьадахъан»².

Амбар с закромами в виде деревянного домика распространен по всей Аварии. Уже упоминалось о двух его коренным образом различающихся конструкциях. Амбар срубной конструкции «с остатком», называемый «гьикІуш» или сходными у соседних народов терминами, встречается у народов андо-цезской группы: цезов, тиндалов, багулалов, ботлихцев, годоберинцев, каратинцев. Этот ареал совпадает с областью сохранившихся срубных конструкций в самом жилище: у бежтинцев, цезов, тиндалов, багулалов.

² С. Асиятилов, Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем, «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы. Дагестанского филиала АН», Махачкала, 1966, стр. 15.

Другой тип амбара — аварский («къам», «цагъур») имеет каркас из стоек с заполнением промежутков горизонтальными досками. Иногда в его стене делают фальшивые арочные окошечки. Такой амбар еще более, чем срубный гыклуш, похож на жилой дом в миниатюре. В ареал каркасного амбара вписывается также ареал жилища с внутренним деревянным каркасом и внешними деревянными каркасными стенами, о которых говорилось выше.

Совокупность и сопоставление всех приведенных фактов свидетельствуют о том, что перед нами не отдельные деревянные архитектурные детали, а признаки древнего жилища, целиком основанного на дереве и что юго-западная Авария была очагом своеобразного деревянного домостроения, почти везде исчезнувшего. Существовали, очевидно, два конструктивных варианта домов, схематично распределяемые так: срубный вариант — у цезских народов и у части андийских и каркасный — у аварцев (по крайней мере среди носителей гидатлинского диалекта). За пределами этих ареалов почти все описанные признаки деревянного дома теряются, и уверенно говорить о его бытовании трудно, так как древние жилища или сведения о них отсутствуют.

По ряду причин деревянное домостроение не могло в Аварии возникнуть и распространиться поздно. Помимо общего соображения, что дерево является древнейшим строительным материалом человека везде, где есть леса, надо также иметь в виду, что в горах Дагестана оно стало дефицитным очень давно. Вот мнение специалиста об этом: «...К началу исторического периода склоны в верхних частях покрыты лесами — сосновыми и березовыми во внутреннем Дагестане... С поселением на территории Дагестана скотоводов началось быстрое обезлесение и ксерофитизация растительного покрова. Вырубая леса, выпасая скот по кустарникам, первобытный человек особенно сильно обнажал южные склоны, где скот выпасался зимой... Обнаженные южные склоны уже не могли заселяться мезофитной растительностью травянистой, древесной или кустарниковой, а превращались в голые пространства осыпей и скал или покрывались нагорными ксерофитами»³. Следует заметить, что селения Аварии располагались именно по южным склонам.

Из большого полевого материала на эту тему приведу только два примера. В багулальском селении Кванада в 1946 г. было записано от

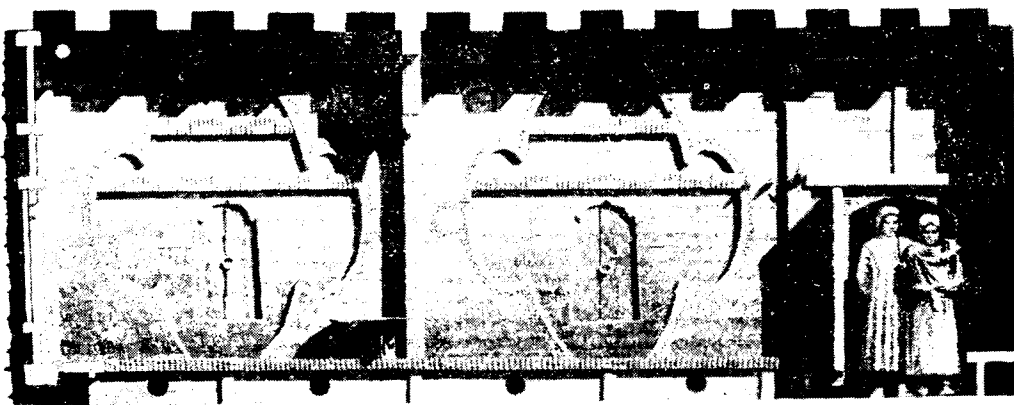

Рис. 4. Внутренняя деревянная несущая стена в доме Абузара Ибрагима со встроенными шкафами-амбарами в сел. Урада. Советский р-н

³ Е. В. Ш и ф ф е р с, Природная кормовая растительность Горного Дагестана, в кн. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», М.—Л., 1946, стр. 183.

стариков-информаторов древнее предание, свидетельствующее о ценности леса. Вот оно: «Гимерсинцы (Гимерсо — тоже багулальское селение) срубили принадлежавшие нашему джамаату большие деревья. При поимке произошло столкновение. 40 человек было убито. За это на них пошли войной. Всех гимерсинцев убили, а селение их разорили. Случайно осталось в живых двое детей — брат и сестра. От них возродился гимерсинский народ. Аул был построен на новом месте»⁴.

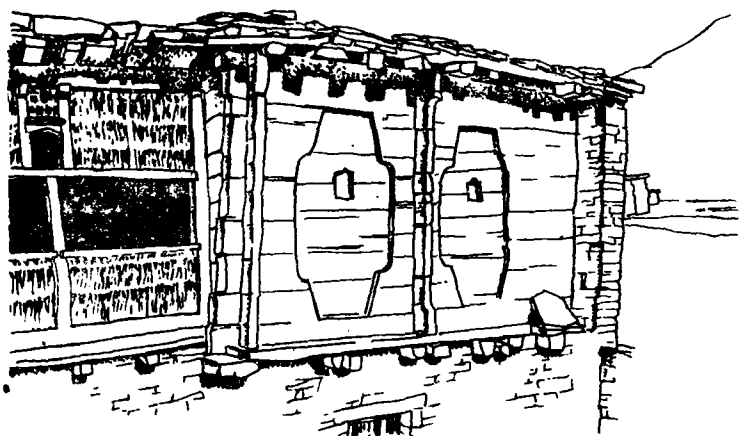

Рис. 5. Второй этаж жилого дома в сел. Мачада Советского р-на с деревянной наружной стеной

В 1963 г. студент исторического факультета Дагестанского университета Г. Магомедов рассказал, что вокруг с. Гента и в соседних местах «под культурным слоем земли толщиной в 50—60 см найден слой угля от сжигания лесов. Там по сей день можно обнаружить сосновые пни до двух обхватов толщиной»⁵. Предания о лесах, расположенных рядом с селениями, записаны в Телетле, Ругудже, Мехельте и многих других аулах. Место для аула Мехельта, например, было выбрано именно в связи с тем, что кругом были большие леса и озера. От тех и других давно не осталось следа.

Деревянные столбы, прогоны-матицы в старых домах поистине громадны. В жилых камерах дома Хаду Гитине в Тидибе были обмерены неразрезные прогоны длиной около 14 м, высотой в 90 см и центральный столб шириной в 1 м 27 см у основания. Центральный столб (сосновый) в одном из домов с. Хонох Советского района имел внизу (в комле) чудовищную ширину — 1 м 70 см и т. д. Представляется невероятным, чтобы такие гигантские кряжи могли при отсутствии колесных средств передвижения, перевозиться издалека на санях-волокушах по трудно проходимым тропам. Очевидно, что в прошлом лес, причем лес из деревьев-исполинов, каких наверняка не встретишь теперь на всем Кавказе, был распространен в пустынном ныне Дагестане весьма широко.

У багулалов и бежтинцев сохранились признаки приспособления деревянного срубного жилища для обороны. Так, в с. Хуштада галерея жилого этажа была закрыта на высоту около 2 м (выше роста человека) толстыми пластинами. В каждом пролете прорезано по амбразуре размером примерно 20×20 см арочной формы. Галерея оказалась затемненной, а комната, освещаемая через галерею, совсем темной. В бежтино-антльратльской зоне торцы балконов и галерей наглухо забраны пластинами; за этими торцами находятся нары для сна, а над ними,

⁴ Полевые записи хранятся у автора.

⁵ Полевые записи 1946 и 1963 гг.

в глухих деревянных стенках прорезаны глазки-амбразуры для наблюдения и боя. Несмотря на то, что при бытовании старого огнестрельного оружия стена из досок в 10 см толщиной служила достаточным укрытием, представляется все же наиболее вероятным, что такие приемы защиты родились еще до появления огнестрельного оружия.

Есть и другие, косвенные доказательства древности деревянных домов. Одна из распространенных тем устных преданий — пожары. В 1946 г. Е. М. Шиллингом в Карате записано предание о пожаре в ЭшхIа. «Главный в древности аул каратинцев — ЭшхIа, — говорится в предании, — был подожжен тукитинкой (Тукита — тоже каратинский аул. — Г. М.). Она мстила за кровь. ЭшхIа сгорел дотла. Люди основали рядом Карату и перешли жить туда. Было это лет 300 назад»⁶.

Подобные предания свидетельствуют о широком использовании дерева в наружных стенах домов именно в прошлом, потому что в эпоху преобладания каменной наружной одежды домов количество пожаров становится в Дагестане ничтожно малым при той же чрезвычайной скученности селения⁷. Конечно, надо учитывать, что со временем исчезла и главная причина пожара — поджог из мести.

Способы обработки дерева не мешают отнесению его к древности. Правда, в Аварии в основных конструкциях не сохранилось первичного элемента — круглого бревна, так что мы застаем сравнительно высокий уровень обработки дерева: применяются только чистообрезные брусья и пластины-доски до 10 см толщиной. Но уже сама система перекрытий из балок огромного сечения, уложенных плашмя, т. е. наименее экономичным образом, с малыми промежутками, иначе говоря, с нескрываемым расточительством дерева, несомненно весьма архаична.

Дерево обрабатывается старыми способами — без пилы и рубанка — топором и теслом. В самых ответственных местах на поверхности теслом наносится узор легких ногтевидных штрихов.

Еще более убедительно свидетельствуют о древности дерева его художественные формы.

Как понять настойчиво повторяющиеся повсюду крюкообразные отростки, не оправдываемые никакой практической надобностью? Позволю себе в качестве бросающейся в глаза аналогии упомянуть родственные по форме отростки на известных «рогатых» деревянных сосудах и утвари, прекрасно изображенных художником М. Джемалом и описанных в известной публикации А. А. Миллера⁸. Ареал распространения этих изделий тот же, что и рогообразных крюков в архитектуре: это территория расселения цезов, тиндалов, багулалов, каратинцев, а также аварцев гидатлинского диалекта. Рогообразное оформление имеют и концы упоминавшихся стяжек в цагъурах — зернохранилищах, и капители некоторых столбов (рис. 7). Представляется, что все такие родственные формы можно считать пережиточными и искаженными изображениями рогов быка, букраниями, свойственными, как считают археологи, носителям раннеземледельческих культур. Сами внутренние деревянные стены «цулал рукъ», включающие шкафы-амбары и основные столбы, часто украшаются такой богатой резьбой со множеством древних символов — солярных дисков, спиралей, шевронов и пр., как никакая другая архитектурная деталь или предмет быта. К древним изобразительным формам, воплощенным в деревянных конструкциях,

⁶ Е. М. Шиллинг, Каратинцы (рукопись), Архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁷ Е. И. Козубский в работе «Памятная книжка Дагестанской области» (Темир Хан Шура, 1902, стр. 9) приводит процент домов пострадавших от пожара в Аварии в начале 1890-х годов — 0,38, в то время как в России в те же годы процент таких домов был в 12 раз выше — 4,31 (см. «Статистика Российской империи», т. IX, СПб., 1896, стр. 31, 50).

⁸ А. А. Миллер, Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии Гос. русского музея», т. IV, вып. I, Л., 1927.

следует, вероятно, отнести и широко распространенный на Кавказе тип подбалки — капители с разнообразными «солярными» дисками. Эта капитель имеет в аулах общества Гидатль особенно мощный силуэт. З. А. Никольская, основываясь, очевидно, на терминологической ассоциации, считает, что гидатлинский столб изображает дерево, следы почитания которого у аварцев сохраняются. Центральный столб называется «тлолбол хлуби», т. е. столб тлибила — родовой группы (другой смысл — корневой столб, так как тлибил значит также «корень») ⁹.

Перед нами, таким образом, следы древних воззрений, оформленных в элементах деревянного жилища.

Описанные древнейшие родственные архитектурные формы распространены на такой относительно большой территории, что даже самое старое жилище мы находим здесь в нескольких вариантах, довольно существенно между собою различающихся. Их здесь по крайней мере четыре: тиндало-багулальский, годоберинский, гидатлинский и бежтинский ¹⁰. И во всех вариантах эти родственные формы в том или ином виде проступают. Отсюда можно сделать вывод, что описанные деревянные рогообразные детали принадлежали какому-то более общему и более древнему культурному слою, на основе которого впоследствии развились и оформились упомянутые разные варианты жилища.

Деревянное домостроительство распространено в горах Кавказа к западу от Аварии у многих народов. Древние срубные жилища известны у чеченцев, карачаевцев, балкарцев, почти повсеместно в Грузии и т. д. Они тоже имеют большую давность. Найденные в Самгорском кургане срубные жилища датируются рубежом III и II тысячелетия

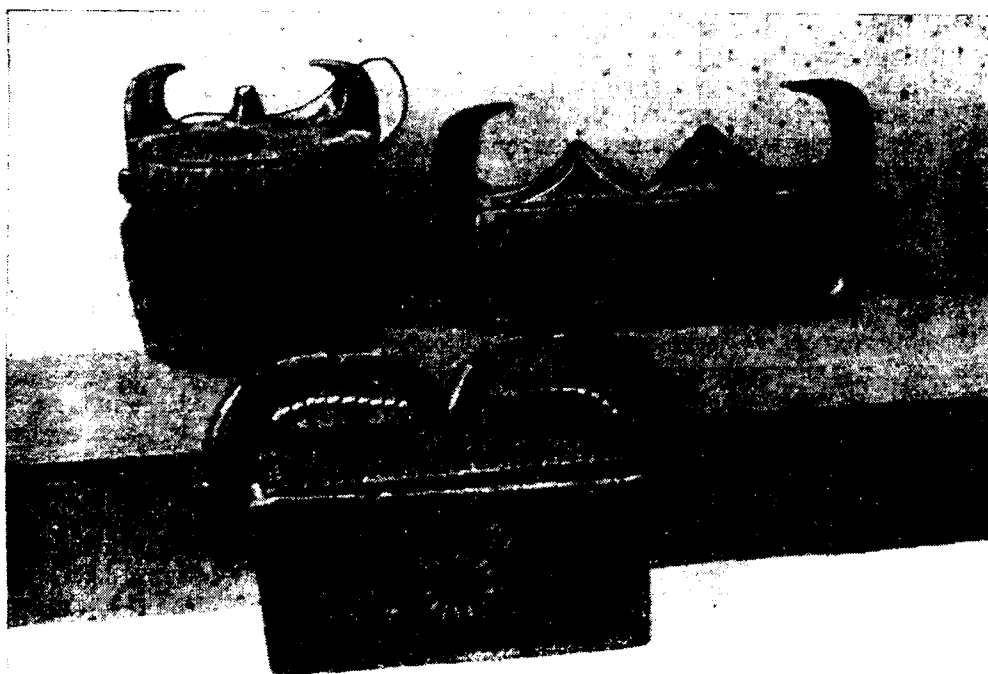

Рис. 6. «Рогатая» утварь из сел. Тинди. Собственность автора

⁹ З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 158.

¹⁰ Г. Я. Мовчан, Предварительные заметки о типологии народного жилища Нагорного Дагестана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. IV, М., 1948.

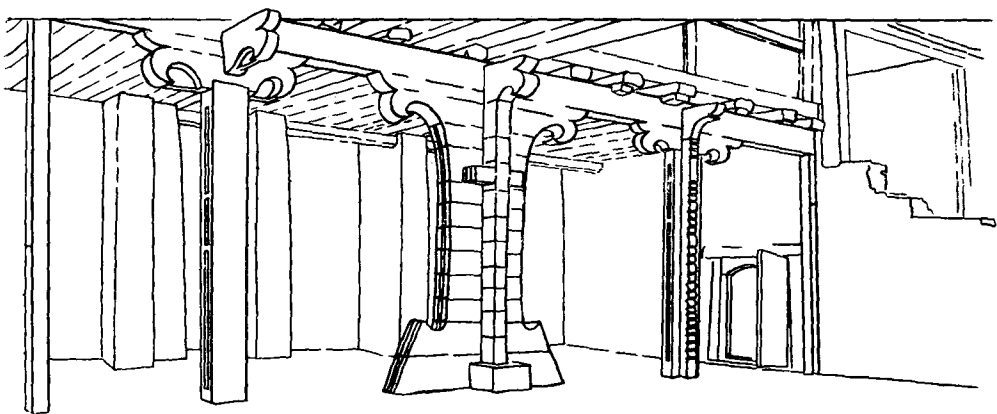

Рис. 7. Внутренние несущие столбы с рогообразными отроутками в доме Нурмагомедова в сел. Урада

до н. э.¹¹; у карачаевцев Л. З. Сумбадзе обнаружены срубные жилища, идентичные, по его мнению, описанному Витрувием жилищу колхов¹²; о деревянном домостроительстве в районах Кавказа, расположенных близ Черного моря, находим сведения и у других античных писателей¹³.

Там, где деревянное жилище не сохранилось, остались его следы. Так, внутри староосетинского хадзара по периметру возле каменных наружных стен поставлены деревянные столбы совершенно так, как в аулах Аварии. Перед нами снова деревянные каркасные дома с каменными ограждениями¹⁴. Деревянные каркасные фасадные стены есть и у хевсур¹⁵. Интересный пример каркасной внутренней стены с закрома-ми за нею, сходной с гидатлинской и сплошь покрытой резьбой, нашел у чеченцев Б. Плечке¹⁶. Некоторые из охарактеризованных выше деревянных конструкций, например стяжные стержни в амбарах, встречаются и за пределами Аварии.

Наконец, ни с чем не сравними по широте распространения и един-ству форм деревянные домики-амбары с закромами, имеющие как сруб-ную, так и каркасную конструкцию. Такие амбары можно видеть в районах Горного Кавказа у хевсур¹⁷, южных осетин¹⁸, в Горной Раче¹⁹, Сванетии²⁰, Лечхуми, Гури, Имеретии²¹ и т. д. На Северном Кавказе они зафиксированы, насколько мне известно, только в Северной Осетии²² и в Горной Чечне²³. При всем разнообразии форм самого жилища в го-рах Кавказа этот его элемент — шкаф-амбар — является здесь наибо-

¹¹ М. Гараканидзе, Указ. раб., стр. 20.

¹² Л. З. Сумбадзе, Колхидское жилище по Витрувию, «Архитектурное наслед-ство», 1958, № III, стр. 92.

¹³ Сведения Ксенофонта, Арриана, Помпония Мела см. в кн. В. В. Латышева «Из-вестия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», тт. I и 2, СПб., 1893 и 1896.

¹⁴ И. А. Мамиев, Архитектура жилища Горной Осетии, Канд. диссертация, М., 1941, чертежи 66, 67, 72 и др.

¹⁵ М. И. Джандиери и Г. И. Лежава, Архитектура горных районов Грузии, М., 1940, рис. 23, 25, 31, 35.

¹⁶ Bruno Plaetschke, Die Tschetschenen, Hamburg, 1929, fig. 62 — двухэтажный стенной шкаф со скамьей-ларем из с. Малхиста. Шкаф имеет, по словам автора, за-крома для зерна. Плечке пробует найти ему аналогии даже в Бретани (стр. 101—102).

¹⁷ М. И. Джандиери, Г. И. Лежава, Указ. раб., рис. 5, 8, 18, 26.

¹⁸ Там же, рис. 49, 54, 57, 58.

¹⁹ Там же, рис. 70, 71, 73, 90.

²⁰ Там же, рис. 116, 117, 118.

²¹ М. Гараканидзе, Указ. раб., многие рисунки.

²² И. А. Мамиев, Указ. раб., рис. 66, 67, 72, 73.

²³ Bruno Plaetschke, Указ. раб.

лее устойчивым. Его можно, вероятно, принять за остаток каких-то общих в прошлом почти для всего Горного Кавказа домостроительных основ.

Однако деревянный дом юго-западной Аварии следует ввиду компактности ареала и яркой обособленности признаков рассматривать как особый, местный очаг деревянного домостроительства. Этот очаг можно связать с выделенным Д. М. Атаевым в пределах раннесредневековой Аварии самостоятельным бежтино-дидойским культурным очагом²⁴, хотя границы последнего уже границ деревянного домостроительства в Аварии, даже если рассматривать только срубный вариант.

Анализ деревянного домостроения в Аварии будет неполным, если не сказать о глиноплетневых (турлучных) постройках. На photographиях А. К. Сержпутовского, снятых им в 1910 г. в с. Карата²⁵, показаны ряды — мы бы сейчас сказали — блокированных домов под одной крышей с деревянным каркасом и плетневым заполнением. По-видимому, такова же конструкция ряда двухэтажных блокированных домов в с. Ботлих²⁶. У каратинцев турлучных домов много до сих пор. Глиноплетневая конструкция применяется широко и в остальном Дагестане, но преимущественно во второстепенных частях строений — перегородках, отдельных стенках и т. п. Наилучшие же по архитектуре глиноплетневые жилища найдены в самом центре Аварии, в Гидатле, где, как в узле, сплелись и дали самые развитые формы различные линии развития архитектуры — деревянной, каменной и турлучной.

Таким образом, глиноплетневые конструкции, одни из древнейших в плоскостном и предгорном Северном Кавказе, распространяются в Горной Аварии глубоким клином с западной стороны (возможно, из Ичкерии), принимая в Аварии плоскую крышу, вызванную скученностью дагестанского селения, и как бы разделяя области деревянного и каменного домостроения.

Все сказанное о деревянном домостроительстве находится в известном противоречии с общепринятым взглядом на Горный Дагестан как страну каменного домостроительства. Этот взгляд основан на целом ряде фактов.

Так, в Дагестане древность каменного жилища установлена археологией²⁷. Есть и архитектурные свидетельства многовековой культуры каменного дела. Например, в известной петроглифике Аварии отразились в непрерывной эволюции представления древних обитателей по крайней мере с эпохи бронзы до XIX в. Эти идеограммы и символы, а позднее узоры, будучи нанесенными на камнях в кладке жилых домов, свидетельствуют о той же непрерывности возведения стен из камня.

Уже в XVII в. каменная кладка, покрытая резьбой, достигает в Дагестане высокого художественного уровня, превосходящего известный нам уровень каменной жилой архитектуры у других горцев Северного Кавказа. Таковы настоящие каменные «палаццо» — дом Кураха Гарчабила в Ругудже, дом Ачанкилау в Короде²⁸ (оба — XVII в., Гунибский район) и даже значительно более ранний «БасхIан хъала» в с. Кванада (Цумадинский район). Выкладка стен боевых башен, распространенных в Аварии, как и повсеместно на Горном Кавказе, в частности правильное их утонение, возможны только при владении прове-

²⁴ Д. М. Атаев, Нагорный Дагестан в раннем средневековье, Махачкала, 1963, стр. 89—90 и др.

²⁵ Государственный музей этнографии, фото № 2371—24, 26 и 27.

²⁶ Там же, фото № 2370—21.

²⁷ В. М. Котович, Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана, Махачкала, 1965; М. Г. Гаджиев, Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», № 108, 1966.

²⁸ Этот дом изображен в публикации Н. Б. Бакланова «Архитектурные памятники Дагестана» (Л., 1935).

ренными длительной практикой правилами геометрического расчета, а это, в свою очередь, предполагает давнюю профессионализацию мастеров. Тем не менее, все приведенные примеры не обладают такими глубоко архаичными чертами, как описанные раньше деревянные Ф-образные окна, рогообразные отростки и пр. По своим стиливым признакам — рационализму лишенных иносказаний форм, стремлению к «правильной» композиции фасада в целом и пр. они принадлежат миру гораздо более близкому нам, более позднему, чем архитектура дерева и даже чем, скажем, архитектура каменных домов-крепостей Хевсуретии или Чечено-Ингушетии.

Кроме того, относительное совершенство форм в каменных сооружениях относится скорее к художественной стороне архитектуры, а не к техническому уровню специфических каменных конструкций. Последний же следует признать гораздо более примитивным по сравнению с конструкциями деревянными.

Вот несколько примеров. Кладка повсеместно ведется без раствора или на архаичнейшем земляном растворе, не придающем ей никакой прочности и выполняющем только роль защиты от продувания. В. М. Котович описала и показала в чертежах остатки каменных стен эпохи бронзы²⁹. На протяжении четырех тысячелетий способ возведения каменных стен остался неизменным (там, несомненно, тоже был земляной раствор, впоследствии размытый и выветрившийся). Даже боевые башни Аварии сооружаются кладкой насухо или, чаще, на земляном растворе, и это в окружении народов, где по крайней мере башни возводились на известковом растворе³⁰. О применении же известкового раствора в Аварии есть только глухие и разрозненные упоминания³¹.

Настоящих фундаментов в старых каменных домах нет. Где грунт мягок, стены углубляются не больше чем на 50 см, без обреза. Элементарнейшее правило перевязки швов, особенно необходимое при кладке без раствора, не усвоено: вертикальные швы часто совпадают друг с другом на протяжении многих рядов. Все это влечет за собою постоянное появление трещин в кладке и просадку стен. От обрушения их спасает пластичность земляного раствора и, конечно, соединяющие их деревянные перекрытия и каркасы.

Уровень технической культуры каменных сооружений в значительной степени определяется способом перекрытия проемов — дверных, оконных и прочих. На этом стоит остановиться.

Повсеместно и издавна проемы перекрываются при помощи закладных деревянных брусев. Такая конструкция, без сомнения, порочна: балки гниют. Проем в каменной стене получает прямоугольную форму,

²⁹ В. М. Котович, Указ. раб.

³⁰ На «весьма прочном» известковом растворе возводились все башни у джаробелоканских аварцев (Л. Бретаницкий, Л. Мамиконян, Оборонительные сооружения Закатальского и Белоканского районов, в кн. «Архитектурные памятники Азербайджана», Баку, 1950, стр. 116); в Южной Осетии (С. В. Бессонов, Башни и замки Южной Осетии, «Архитектура СССР», 1934, № 3); в Северной Осетии (И. М. Мамиев, Указ. раб.); в Ингушетии (И. П. Щерблякин, Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», вып. 1. Владикавказ, 1928, стр. 273 и 288); в Сванети (Г. И. Лежава, Сванский жилой дом, Автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 9) и т. д.

³¹ Так, в личной беседе научный сотрудник Ин-та истории, языка и литературы в Махачкале М. Агларов сообщил мне, что М. И. Артамоновым установлено наличие известкового раствора в кладке разрушенной башни близ с. Чох. Д. М. Атаев упоминает об «очень прочном» известковом растворе в склепах V—VII вв. н. э. в с. Мереб Гунибского р-на (Указ. раб., стр. 45) и др. Мною много раз были записаны предания о кладке башен на известковом растворе, «на муке», «на яйцах», «на крови пленников» и пр. Аналогичные сведения сообщает и А. Исламагомедов (см. А. Исламагомедов, Из истории материальной культуры аварцев, Автореферат канд. дисс., Махачкала, 1967, стр. 14). За многие годы исследования памятников Аварии я встретил только один раз известковый раствор — в нижней части большой боевой башни в с. Кахиб Советского района.

но внутри его дверная колода завершается аркой, по форме совершенно подобной арочным дверцам цагъуров. Арки делают чаще всего килевидными, полукруглыми или плоскими. Поскольку они врезаны в боковые стойки дверного проема, ширина арочного выреза в них должна быть меньше ширины проема, а пять арок должны свешиваться.

При перекрытии малых пролетов (амбразур башен и малых окон домов-крепостей) в Аварии весьма рано появляется и каменная арка,

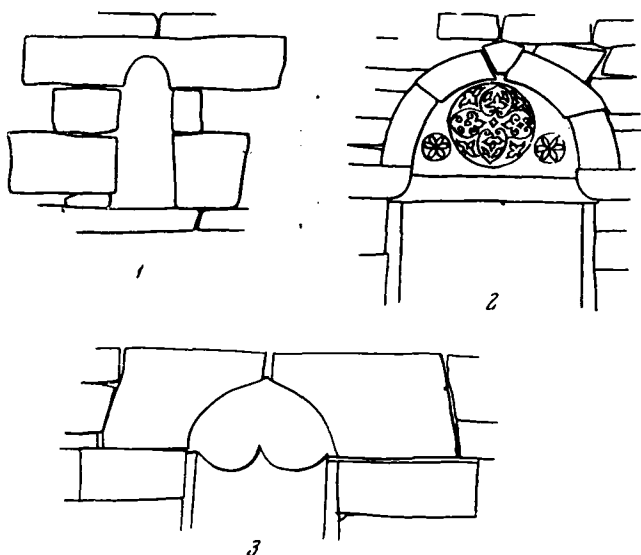

Рис. 8. Формы каменных арок: 1 — в сел. Мусрух, Гента Советского р-на и др.; 2 — в доме Алилай в сел. Ругуджа Гунибского р-на; 3 — в доме Энказул в сел. Мачада

но в архаических образцах она бывает вырезана в одном каменном блоке-архитраве. Это не настоящая арочная конструкция: ясно, что, вырезая в архитраве арку, мы только ослабляем его. Конструктивно она не имеет смысла. Арка родилась здесь как архитектурная форма, а не как конструкция. Позже мы встречаем арку, составленную из двух консольных полуарок, наконец, между ними появляются третий и четвертый камень, но без соблюдения радиальности швов, необходимой для того, чтобы она «работала» как арка. Перед нами возникает картина длительного нащупывания, открытия клинчатой арки. То же самое можно наблюдать и у других горцев Кавказа, там, где сохранились древние каменные формы³². Можно было бы думать, что конструкция клинчатой арки появляется здесь самопроизвольно, если бы не ясно ощущаемый скачок между прежними робкими попытками, осуществляемыми к тому же на малых проемах, и сразу возникающей правильной многоклинчатой аркой, возводимой, без сомнения, по кружалам и на больших проемах. Такая настоящая арка появляется в Аварии, видимо, около XVII в., вероятнее всего, вслед за исламом из Южного Дагестана, где она осваивается раньше³³, и быстро становится (из-за дефицита дерева) господствующей архитектурной формой.

³² Архаическая арка — архитрав или арка, образованная напуском кладки при отсутствии арки клинчатой, встречаются на Кавказе повсеместно: в Хевсурети (С. Макалатия, Хевсурия, Тифлис, 1935, рис. 35; М. Джандиери и Г. Лежава, Указ. раб., рис. 14, 10), в Тушети (С. Макалатия, Тушетия, Тифлис, 1930, рис. 28), в Горной Раче (М. Джандиери и Г. Лежава, Указ. раб., рис. 64, 87), в Осетии (И. А. Мамиев, Указ. раб., стр. 151) и других областях.

³³ Арка в Южном и Центральном Дагестане в культовом строительстве известна очень давно (мечети в Дербенте, Кумуке, Риче и пр.). О применении арки и свода в народом жилище см.: С. О. Хан-Магомедов, Арочные конструкции в народной

У всех каменных арок есть, однако, одно примечательное свойство: они поддерживают лишь тонкий слой кладки, расположенный с фасада. За аркой проем имеет прямоугольную форму, и вся остальная толща стены по-прежнему лежит на закладных деревянных брусках. При устройстве дверных створов или оконных ставен строитель не умеет приспособиться к арочной форме проема. Арка не проходит насквозь является чистой декорацией, а дверные полотна остаются прямоугольными, как это издревле было в цагъурах и гыклушах, когда прямоугольные полотна дверей с фасада закрывались декоративными деревянными арками.

По некоторым деталям каменные лицевые арки на фасадах напоминают деревянные. Например, многие старые каменные арки имеют свешивающиеся над пролетом пяты — старый дом в с. Гоор, дом Андиль Алилай в с. Ругуджа (рис. 8, 2). В камне такая конструкция настолько же бессмысленна, насколько она естественна в дереве. Клинчатые арки в доме Андиль Алилай готовы «проскочить» в проем, не будь двух каменных консолей, на которые они опираются. Кстати, в этом же доме в полукружия под арками окон и двери вставлены резные тимпаны из одного камня, лежащие, однако, на деревянных оконных и дверных колодах. Это ли не пример беспомощности строителей в решении задачи каменного перекрытия проемов, причем в одном из лучших домов Ругуджи — центра каменного мастерства! Другой пример: каменные арки делаются, как деревянные, килевидными, и килевидная прорезь долго мешает правильному применению замкового камня в арке.

Из всего этого возникает странное, на первый взгляд, предположение, что каменная арка воспроизводит привычную деревянную арочную форму. Вот еще одна деталь в пользу такого предположения. В цагъурах над арочными дверками располагается обычно выступающая тяга — выходящая вперед горизонтальная доска, в которой сзади в гнездах укреплены пальцы двух створок дверцы. Эти тяги обрабатываются с фасада крупными вертикальными валиками, как в сванском мацубе. В каменном доме Кураха Гарчабила в Ругудже над арками окон проложена такая же выступающая тяга в камне, обработанная такими же валиками. Не нахожу другого объяснения ее присутствия, как только подражание привычной тяге над арками в деревянной стенке.

Настоящего свода Авария не применяет вовсе, решительно отличаясь в этом от Южного Дагестана — там свод, как и клинчатая арка, появляется, по-видимому, рано³⁴ — и, конечно, Азербайджана, где свод широко распространен в народном строительстве ряда районов (Апшерон, Ордубад, Кировабад). Даже примитивную конструкцию так называемого ложного свода, образованного перекрытием углов гори-

архитектуре Дагестана, «Архитектурное наследство», 1958, № 11. С рядом положений этой статьи нельзя согласиться: например, с тем, что арка, высеченная в одном архитектурном камне, делается якобы в подражание уже известной клинчатой арке.

³⁴ Любопытно, что свод в Аварии все-таки был. Если даже не считать христианских церквей грузинской работы, например церкви близ с. Датана, перекрытой коробовым сводом на подпружных арках, настоящий свод, возведенный по кружалам, встречен мною в старой часовне для омовения («кулгIа») в с. Корода. В этом селе мне рассказали, что тем же мастером, якобы местным, построена еще одна сводчатая кулгIа близ с. Ботлих. Отметим, однако, что культовые сооружения возводили обычно мастера приглашенные.

Больше сводов нигде нет. Они остались совершенно невосприимчивыми, и в данном случае вполне уместно сказать: исключение подтверждает правило.

По этим причинам нельзя принять неоднократно цитируемого высказывания Н. Я. Марра о том, что грузинская строительная терминология «до последнего гвоздя» основана на аварских терминах и что «армянский архитектурный термин „кIамуран“ — мост — чистейшее аварское слово „кIамури“» (кьо) по-аварски «мост на сводах» (см. Н. Я. Марр, Непочатый источник истории Кавказского мира, Пг., 1917). Аварцы, насколько мне известно, не употребляли свода при строительстве мостов. За многие годы исследований в Аварии мною не обнаружен ни один действительно старый «мост на сводах». Кстати, не знали аварцы и гвоздя.

зонтальными плитами и годного в этом случае лишь для перекрытия ничтожных пролетов (1,5—2 м) нельзя в Аварии считать старой: ее нет ни в одном древнем памятнике и как раз там, где она была бы более всего необходима. Так, свода нет нигде в перекрытиях нижнего этажа башен, в то время как соседние народы Горного Кавказа его делают ³⁵. Тем самым оборонительные качества дагестанской башни становятся значительно слабее. То же можно сказать и о деревянных перекрытиях первых этажей домов-крепостей. Ложные своды, как и клинчатые арки, поддерживающие перекрытие, появляются, очевидно, в связи с дефицитом дерева и получают широкое распространение лишь в XIX в. Особенно много их в таких заново отстроенных аулах как Телетль, Согратль.

Таковы вкратце признаки неразработанности каменных конструкций в Дагестане. Они кажутся прошедшими меньший путь развития и менее совершенными по сравнению с конструкциями деревянными.

Подведем итоги, хотя многое остается неясным. Не опровергаются ли, например, приведенные факты и предположения отсутствием находок деревянного жилища в археологических материалах? Или мы вправе считать, что это еще не доказательство отсутствия самих жилищ и сослаться на мнение археологов, говорящих о слабой изученности поселений и жилищ в горах Дагестана, особенно периода средневековья ³⁶?

Может быть, обнаружение дерева при раскопках вообще трудно: деревянное строение ни при каких обстоятельствах не могло на рельефе начинаться с самой земли. Внизу, очевидно, была выравнивающая каменная субструкция. Она и дает находимые археологами развалы камня. Эта субструкция могла быть и основой для нанесения петроглифов. Конечно, все это лишь предположения. Однако несмотря на неясности, вернее, пробелы в наших сведениях, сохранилось слишком много данных, которые в совокупности позволяют утверждать следующее.

В Аварии, по крайней мере в юго-западной части, на территории Советского, Тляротинского, Цунтинского и Цумадинского районов есть многочисленные и бесспорные признаки распространения деревянных домов, предшествовавших всем, даже самым старым из сохранившимся каменным жилищам. Деревянные дома бытовали здесь до сложения более поздних различных местных вариантов жилища. Следы древнего деревянного домостроения обнаружены и у других народов Кавказского нагорья.

³⁵ Ложный свод, образованный напуском горизонтальных рядов кладки без кружал, встречается в башнях у осетин (И. А. Мамиев, Указ. раб., стр. 163), ингушей (И. П. Щерблякин, Указ. раб., стр. 279, 288), хевсур (С. Макалатия, Хевсурия, рис. 99), сванов (Г. И. Лежава, Указ. раб., стр. 9). В башнях джаро-белокавказских аварцев свода нет.

³⁶ Д. М. Атаев, Указ. раб., стр. 22.

SUMMARY

Daghestan — «Land of Stone» is known as a region of stone buildings. However an analysis of structures and architectural forms shows that wooden buildings preceded stone ones. The latter superseded the former as a result of the depletion of forests; at least this was so in the south-west of Daghestan, in Avaria, where traditional forms of material culture have been better preserved than in the rest of the country.

Even in houses with stone walls a wooden framework has been preserved; this bears the whole load of the overhead cover. Remaining fragments of outer and inner wooden walls correspond with the shape of wooden barns. Very highly skilled methods of joining wooden parts together are used. Architectural forms are derived from ancient images — bull horns, sun disks etc. Stone structures are more primitive: earthen mortar is used, the vault (and in the earlier buildings even the wedge-arch) is unknown. Similar facts though less clearly manifested are to be met with among many other peoples of the Caucasus highlands — in mountain Georgia, among the Chechens, the Ossetes, the Karachays etc.

Г. Л. Хить

МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕРМАТОГЛИФИКЕ РУССКИХ СИБИРИ

Кожные узоры кисти и стопы широко используются в современной антропологии как один из показателей генетической близости популяций. Несмотря на недостаточную разработанность методов анализа материалов по дерматоглифике, например отсутствие генных формул и унифицированных способов сопоставления данных, этническая дерматоглифика получает все более интенсивное развитие.

Нельзя, однако, сказать, что русские изучены в этом отношении сколько-нибудь подробно. Хорошо известна только дактилоскопия русских, исследованная у 22 тыс. человек¹. По полной же программе обработана лишь одна серия отпечатков рук 107 мужчин из Архангельской области². Сводка данных по пальцевым узорам у русских, охватывающая 10 территориальных групп, содержится в монографии Т. Д. Гладковой³. Этими публикациями исчерпывается весь имеющийся в научном обороте материал по кожному рельефу самого крупного народа СССР.

В настоящей статье приводится сравнительная характеристика двух старожильческих русских групп Красноярского края и сборной группы русских Якутской АССР; в последней значительную долю составляет старожильческое население. Для сопоставления групп и выяснения возможных сдвигов в признаках дерматоглифики у русских колонистов Сибири по сравнению с «исходными» типами русских европейского Севера привлекаются также данные по Новгородской области.

Были изучены следующие серии.

1. Русские Красноярского края: южноенисейские (120 мужчин и 68 женщин) и северноенисейские (35 мужчин и 52 женщины). Это жители соответственно Енисейского и Туруханского районов, потомки переселенцев из северных губерний России в XVII—XVIII вв. Материал собран И. И. Гохманом во время экспедиции Института этнографии АН СССР в 1965 г.

2. Русские Якутии (160 мужчин и 212 женщин) обследованы автором в ходе работ экспедиции Института этнографии АН СССР в 1964 г. Это сборная группа русских из Южной и Центральной Сибири, преимущественно уроженцы Киренского района Иркутской области. Большинство их составляют потомки колонистов, переселившихся в Южную Сибирь в XVII—XVIII вв. из северных и частично из южных губерний России.

3. Русские Новгородской области (100 мужчин и 76 женщин), уроженцы Старорусского района, изучены автором во время экспедиции

¹ П. С. Семеновский, Распределение главных типов тактильных узоров на пальцах рук человека, «Русский антропологический журнал», 1927, т. 16, вып. 1—2.

² Т. Д. Гладкова, Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР, «Сов. антропология», 1957, № 1.

³ Т. Д. Гладкова, Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека, М., 1966.

Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и Института этнографии АН СССР в 1965 г.

Для сравнения использованы данные по коренному населению Сибири — якутам⁴. К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов по эвенкам — одной из местных сибирских групп, наиболее связанных с русскими в долине Енисея и верховьях Лены. Поэтому пришлось ограничиться литературными данными по дельтовому индексу у сборной группы эвенков дальневосточного происхождения⁵.

Все приводимые материалы, в том числе и по якутской серии, обработаны автором и, таким образом, достигнута максимальная сравнимость результатов. Была использована методика Камминса и Мидло⁶. Различия между группами зычислялись по способу χ^2 .

Переходим к обзору материала.

Пальцевые узоры (табл. 1)

Изученные группы русских характеризуются стабильным для европеоидных народов содержанием дуговых рисунков (5—9%). В женских сериях число дуг в 1,5—2 раза больше, чем в мужских. Обнаружены

Таблица 1

Типы пальцевых узоров (%)

Серия	Автор	Численность и пол.	A + T	L ^r	L ^u	L ^r + L ^u	W	D ₁₀	
Русские (сборная группа)	П. С. Семеновский, 1927	11 000 ♂ 11 000 ♀	6,2 8,4	4,4 3,6	57,3 60,7	61,7 64,3	32,1 27,3	12,59 11,88	
Русские Холмогор и Шенкурска	Т. Д. Гладкова, 1957	107 ♂	10,5	4,1	59,8	63,9	25,6	11,51	
Русские Новгородской области	Г. Л. Хить	100 ♂ 76 ♀ 176 ♂ + ♀	3,8 9,6 6,3	4,7 3,7 4,3	58,9 61,2 59,9	63,6 64,9 64,2	32,6 25,5 29,5	12,88 11,59 12,32	
Русские Красноярского края	северноенисейские (I)	»	35 ♂ 52 ♀ 87 ♂ + ♀	4,6 5,8 5,4	5,4 3,1 4,0	56,3 60,5 58,8	61,7 63,6 62,8	33,7 30,6 31,8	12,91 12,48 12,65
		»	120 ♂ 68 ♀ 188 ♂ + ♀	7,4 12,8 9,4	4,7 3,5 4,2	60,8 56,8 59,4	65,5 60,3 63,6	27,1 26,9 27,0	11,97 11,41 11,77
			I + II	155 ♂ 120 ♀ 275 ♂ + ♀	6,8 9,8 8,1	4,8 3,5 4,2	59,8 58,2 59,1	64,6 61,7 63,3	28,6 28,5 28,6
	»	160 ♂ 212 ♀ 372 ♂ + ♀		4,3 7,1 5,8	4,3 4,7 4,5	59,6 61,7 60,8	63,9 66,4 65,3	31,8 26,5 28,9	12,75 11,94 12,28
		»		566 ♂ 82 ♀	1,8 3,2	2,7 1,6	43,2 43,9	45,9 45,5	52,2 51,3
			»	100 ♂	2,0	3,1	40,5	43,6	54,4
Эвенки	Sato and Makino, по Гладковой, 1966	566 ♂ 82 ♀	1,8 3,2	2,7 1,6	43,2 43,9	45,9 45,5	52,2 51,3	15,04 14,81	
Якуты	Т. Д. Гладкова и Г. Л. Хить, 1968	100 ♂	2,0	3,1	40,5	43,6	54,4	15,24	

достоверные различия между южноенисейскими и северноенисейскими русскими ($\chi^2=10,8$; $d.f.=1$; $P<0,01$), южноенисейскими и новгородскими

⁴ Т. Д. Гладкова и Г. Л. Хить, Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири, сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

⁵ Данные Сато и Макино, 1936 (приведены в работе Т. Д. Гладковой «Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека»).

⁶ H. Cummins and Ch. Midlo, Finger prints, palms and soles, New York, 1961.

ми ($\chi^2=20,4$; $d.f.=1$; $P<0,01$), южноенисейскими и русскими Якутии ($\chi^2=21,4$; $d.f.=1$; $P<0,01$).

Исключительно однородны русские группы по содержанию радиальных петель (4—4,5%). Ульнарные петли отмечены в 59—61%; в сибирских группах русских вариации достигают всего лишь 2% (от 58,8 у южноенисейских до 60,8% у якутских русских). Различия между русскими группами по количеству петель, а также завитков статистически недостоверны. Количество завитков колеблется от 27% у южноенисейской до 32% у северноенисейской группы.

У женщин почти во всех сериях петли встречаются чаще, а завитки реже, чем у мужчин.

Дельтовый индекс минимален в южноенисейской группе (11,8), максимален в северноенисейской (12,6), варьируя в узких пределах.

Близость русских групп друг другу особенно отчетлива на «фоне» якутов и эвенков, обнаруживающих типично «монголоидные» комбинации разновидностей узоров (малый процент дуг, преобладание завитков над петлями) и, соответственно, гораздо более высокий дельтовый индекс — более 15 единиц.

Распределение узоров по пальцам [табл. 2]

Дуговые узоры. У всех русских частота узора в убывающем порядке отмечена на II, III, I, IV и V пальцах. Лишь в южноенисейской группе порядок несколько иной: II>III>IV>I>V, но суммарная красноярская группа дает обычное распределение. Резко отличаются от всех русских якуты, у которых частота дуг на I пальце больше, чем на III.

Радиальные петли. У русских Новгородской области и Якутии отмечено распределение типа II>III>IV (далее идут I и V пальцы). У обеих групп красноярских русских наблюдается иная картина: II>IV>III. У якутов узор отмечен только на II и III пальцах.

Ульнарные петли. Русские Новгородской области и Якутии, как и в предыдущем случае, обладают единой формулой (V>III>IV>I>II). Примыкают к ним также северноенисейские русские и якуты. Южноенисейские русские стоят особняком, показывая обратное соотношение частот узора на I и IV пальцах: V>III>I>IV>II. Последнее связано с половыми различиями внутри группы: у мужчин и женщин максимум и минимум частот наблюдаются соответственно на V и II пальцах, но сходство между ними этим исчерпано. Женщины обнаруживают обычное соотношение типа III>IV>I, мужчины — резко отличное, а именно I>III>IV; в результате суммирования получено распределение III>I>IV. Таким образом, южноенисейские русские выделяются по этому признаку исключительно благодаря мужчинам.

Завитки. Русские Новгородской области и северноенисейские русские, а также якуты обладают формулой I>IV>II>III>V. Южноенисейские русские и русские Якутии показывают распределение типа IV>I>II>III>V. Этот факт также связан с половыми различиями внутри южноенисейской группы: мужчины, в отличие от женщин, обладающих обычной формулой типа I>IV>II>III>V, как и в предыдущем случае, отклоняются от «нормы». У них распределение типа IV>II>I>III>V. Следовательно, своеобразие южноенисейской группы русских и по распределению завитков связано с мужской частью популяции. Что же касается русских Якутии, то и у мужчин, и у женщин максимум завитков отмечен на IV пальце, и различия между ними сводятся исключительно к частоте узора на I и II пальцах. Таким образом, своеобразие русских Якутии в этом признаке проявляется как в мужской, так и в женской частях группы.

Таблица 2

Пальцевые формулы распределения узоров

Серия	Автор *	Численность и пол	A + T	L ^r	L ^u	W
Русские Новгородской области	Г. Л. Хить	100 ♂	II > III > I	II > III > IV > I	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		76 ♀	II > III > I > IV/V	II > III > I/IV	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		176 ♂ + ♀	II > III > I > IV/V	II > III > IV > I	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
Русские Красно- ярского края	северноенисейские (I)	35 ♂	II > III > I	II > III/IV	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		52 ♀	II/III > I > V > IV	II > IV	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		87 ♂ + ♀	II > III/I > V > IV	II > IV > III	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		120 ♂	II > III > IV > I > V	II > III	V > I > III > IV > II	IV > II > I > III > V
	южноенисейские (II)	68 ♀	II > III > IV/I > V	II > IV > III	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V
		188 ♂ + ♀	II > III > IV > I > V	II > IV > III	V > III > I > IV > II	IV > I > II > III > V
		155 ♂	II > III > I > IV > V	II > III > IV	V > III > I > IV > II	IV > I > II > III > V
		120 ♀	II > III > I > IV/V	II > IV	V > III > I > IV > II	I > IV > II > III > V
	I + II	275 ♂ + ♀	II > III > I > IV > V	IV > III	V > III > I > IV > II	IV > I > II > III > V
		160 ♂	II > III > I > IV	II > III > V	V > III > I > IV > II	IV > I > II > III > V
Русские Якутии		212 ♀	II > III > I > V > IV	II > III/IV	V > III > I > IV > II	IV > II > I > III > V
		372 ♂ + ♀	II > III > I > V > IV	II > III > IV > I	V > III > I > IV > II	IV > I > II > III > V
Якуты	Т. Д. Гладкова и Г. Л. Хить	100 ♂	II > I > III > IV/V	II > III	V > III > IV > I > II	I > IV > II > III > V

* В последующих таблицах эта графа опущена ввиду совпадения ее с графой табл. 2.

Линия А. Процент высокого окончания ее максимален у новгородских русских (29,3), минимален у северноенисейских (20,1). Якутская группа русских (27,3) приближается к новгородской.

Средний тип окончания линии А (поля 3+4) значительно преобладает над остальными у всех групп.

Таблица 3

Типы ладонных линий А и D (в %) и индекс Камминса

Серия	Численность и пол	Типы линии A			Типы линии D			Индекс Кам- минса	
		1+2	3+4	5'+5''+6	7	9	11		
Русские Новгородской области	100 ♂	3,5	71,0	25,5	16,0	36,5	47,5	8,43	
	76 ♀	3,3	62,5	34,2	14,5	32,2	53,3	8,88	
	176 ♂ + ♀	3,4	67,3	29,3	15,3	34,7	50,0	8,62	
Русские Красно- ярского края	северноенисей- ские (I)	35 ♂	2,8	78,6	18,6	8,6	41,4	50,0	8,71
		52 ♀	4,5	74,3	21,2	13,5	44,2	42,3	8,41
		87 ♂ + ♀	4,0	75,9	20,1	11,5	43,1	45,4	8,53
		южноенисейские (II)	120 ♂	1,7	73,7	24,6	16,7	32,5	50,8
	68 ♀		3,7	69,1	27,2	19,1	37,5	43,4	8,40
	I + II	188 ♂ + ♀	2,4	72,1	25,5	17,6	34,3	46,1	8,46
		155 ♂	1,9	74,8	23,3	14,9	34,5	50,6	8,54
	120 ♀	4,2	71,2	24,6	16,7	40,4	42,9	8,41	
Русские Якутии	275 ♂ + ♀	2,9	73,3	23,8	15,6	37,1	47,3	8,48	
	160 ♂	1,6	68,8	29,6	18,4	33,4	48,2	8,51	
	212 ♀	2,1	72,4	25,5	16,8	37,7	45,5	8,51	
Якуты	372 ♂ + ♀	1,9	70,8	27,3	17,5	35,9	46,6	8,51	
	100 ♂	6,0	82,0	12,0	26,5	31,5	42,0	7,78	

Низкий тип окончания (поля 1+2) составляет 1,9 (якутские) — 4,0% (северноенисейские русские). Различия между группами недостоверны.

Линия D. Преобладает высокое окончание линии (поля 11+12+13), варьирующее в небольших пределах; чаще всего оно встречено у русских Новгородской области (50%), реже всего — у северноенисейских (45,4%); невелик также размах вариаций низкого окончания линии (поля 7+8+х+0) — от 11,5% у северноенисейских русских до 17,6% у южноенисейских. Средний тип (поля 9+10) составляет 34—36% у всех групп, кроме северноенисейской, где он отмечен в 43% случаев. Различия между русскими группами недостоверны. У якутов высокое окончание линии D отмечено реже, а низкое — чаще, чем у русских.

Индекс Камминса, характеризующий общее направление линий А и D, варьирует от 8,46 (южноенисейская группа) до 8,62 (новгородская группа), также отражая гомогенность изученных серий. Резко выделяются на этом фоне якуты, показывающие самое низкое значение индекса (7,78).

Осевые ладонные трирадиусы [табл. 4]

Низкое положение осевого трирадиуса *t* отмечено в 60—68% случаев (северноенисейская и южноенисейская группы соответственно). Промежуточное положение *t'* наблюдается наиболее часто у северноенисейских, реже всего — у южноенисейских русских. Средний трирадиус *t''* встречен, как это бывает обычно, редко — в 1—3%.

⁷ Ввиду методических расхождений с нашими определениями здесь и в дальнейшем не приведены данные Т. Д. Гладковой по архангельской серии русских.

Случаи сочетания двух и большего числа трирадиусов, а также отсутствия их составляют в сумме от 12,6 (южноенисейская группа) до 17,8% (новгородская группа).

Таблица 4

Осевые карпальные трирадиусы, %

Серия	Численность и пол	t	t'	t''	tt'	tt''	$t't''$	$tt't''$	0
Русские Новгородской области	100 ♂	67,0	13,5	1,5	9,5	6,0	—	0,5	2,0
	76 ♀	54,6	22,4	1,3	11,7	7,9	—	1,3	0,8
Русские Красно-ярского края	176 ♂ + ♀	62,1	17,3	1,4	10,1	6,8	—	0,8	1,5
	северноенисейские (I)	35 ♂	65,7	18,6	1,4	12,9	1,4	—	—
		52 ♀	56,7	20,2	2,9	15,4	4,8	—	—
	87 ♂ + ♀	60,3	19,6	2,3	14,4	3,4	—	—	—
	южноенисейские (II)	120 ♂	70,4	15,8	2,1	10,5	0,8	—	0,4
		68 ♀	62,6	19,9	2,9	11,0	2,9	—	0,7
	188 ♂ + ♀	67,6	17,2	2,4	10,7	1,6	—	0,3	0,2
	I + II	155 ♂	69,3	16,4	1,9	11,0	0,9	—	0,3
		120 ♀	60,0	20,0	2,9	12,9	3,7	—	0,4
	275 ♂ + ♀	65,3	18,0	2,4	11,8	2,2	—	0,2	0,2
Русские Якутии	160 ♂	68,2	15,3	2,9	8,1	3,4	0,6	0,9	0,6
	212 ♀	61,3	22,4	2,6	8,3	2,8	0,7	0,5	1,4
Якуты	372 ♂ + ♀	64,3	19,3	2,7	8,2	3,0	0,7	0,7	1,1
	100 ♂	88,0	10,0	—	2,0	—	—	—	—

Различия между группами ни в одном случае не достигают достоверной величины.

Якуты четко отличаются от русских групп благодаря наибольшей частоте t , минимальной t' ; из сочетаний нескольких трирадиусов у них отмечено лишь tt' (2%).

Истинные ладонные узоры (табл. 5)

Частота узоров на гипотенаре варьирует от 29,2% у енисейских до 38,4% у новгородских русских. Близко стоят к новгородцам якутские русские (37,7%). Реже всего — лишь в 20% случаев — отмечен гипотенарный узор у якутов.

Таблица 5

Частота ладонных узоров, %

Серия	Численность и пол	<i>Hu</i>	<i>T</i> <i>h</i> / <i>I</i>	II	III	IV	
Русские Новгородской об- ласти	100 ♂	37,5	11,0	4,5	43,5	56,5	
	76 ♀	39,5	9,2	2,0	40,8	56,7	
	176 ♂ + ♀	38,4	10,2	3,4	42,3	56,6	
Русские Красно- ярского края	северноенисейские (I)	35 ♂	35,7	24,3	2,9	48,6	52,9
	52 ♀	33,7	7,7	3,8	42,3	58,5	
	87 ♂ + ♀	34,5	14,4	3,4	44,8	56,3	
	южноенисейские (II)	120 ♂	28,3	12,5	3,8	41,2	56,7
	68 ♀	30,9	8,1	0,7	32,4	61,8	
	188 ♂ + ♀	29,2	10,9	2,7	38,0	58,5	
	155 ♂	30,0	15,2	3,6	42,9	55,1	
	120 ♀	32,1	7,9	2,0	36,7	60,4	
	275 ♂ + ♀	30,5	11,8	2,8	39,6	56,7	
	Русские Якутии	160 ♂	37,8	10,7	3,1	37,5	58,1
	212 ♀	37,7	10,4	2,1	36,8	55,1	
Якуты	372 ♂ + ♀	37,7	10,5	2,5	37,1	56,4	
	100 ♂	20,0	12,5	2,0	26,0	50,5	

Узоры на тенаре и I межпальцевой подушечке найдены в 10—14%. Также невелики вариации количества узоров на II межпальцевой подушечке (3—4%). На III межпальцевой подушечке размах вариаций узоров составляет 7,7% (от 37,1% у якутских до 44,8% — у северноенисейских русских). Якуты резко выделяются на фоне русских благодаря гораздо большей редкости узора (26%). На IV межпальцевой подушечке узоры у русских отмечены в 56—58%. Частота узоров у якутов минимальна (50,5%).

Различия между русскими группами по количеству узоров на каждой из ладонных подушечек недостоверны.

Добавочные межпальцевые трирадиусы [табл. 6]

Добавочные межпальцевые трирадиусы при основных трирадиусах «a» и «d», иногда «с» встречаются у русских на левых руках чаще, чем на правых, и лишь северноенисейская группа (правда, гораздо менее многочисленная, чем другие) показывает обратное соотношение.

Таблица 6

Наличие межпальцевых добавочных трирадиусов (%)

Серия		Численность и пол	Левая рука	Правая рука	Обе руки
Русские Новгородской об- ласти		100 ♂	17,0	19,0	18,0
		76 ♀	19,7	15,8	17,8
		176 ♂ + ♀	18,2	17,6	17,9
Русские Красно- ярского края	северноенисейские (I)	35 ♂	11,4	17,4	14,3
		52 ♀	13,5	17,3	15,4
	южноенисейские (II)	87 ♂ + ♀	12,6	17,2	14,9
		120 ♂	15,8	12,5	14,2
	68 ♀	16,1	8,8	12,5	
	I + II	128 ♂ + ♀	16,0	11,2	13,6
		155 ♂	14,8	13,5	14,2
		120 ♀	15,0	12,5	13,8
		275 ♂ + ♀	14,9	13,0	14,0
		160 ♂	17,5	16,9	17,2
Русские Якутии		212 ♀	12,7	11,3	12,0
		372 ♂ + ♀	14,8	13,7	14,1
Якуты		100 ♂	7,0	7,0	7,0

На обеих руках вместе межпальцевые дополнительные трирадиусы отмечены в 14 (южноенисейские) — 18% (русские Новгородской области). Размах вариаций невелик. Различия между группами статистически недостоверны. У якутов трирадиусы встречаются в гораздо меньшем количестве (7%) и на обеих руках поровну.

Попытаемся произвести графический анализ материалов. На рис. 1 сопоставлены изученные группы по 14 признакам. На оси абсцисс отложены величины признаков серии новгородских русских, которая принята, таким образом, за «нулевой» уровень. На оси ординат обозначены отклонения от этого уровня в процентах (положительные и отрицательные).

Рассматривая рис. 1, легко заметить, что якуты по всем признакам, кроме количества узоров на Th/I, чрезвычайно резко отличаются от русских Новгородской области. Что же касается остальных русских серий — северноенисейской, южноенисейской и Якутии, то все они располагаются весьма компактно и близко к оси абсцисс. Наиболее сближаются с новгородцами русские Якутии. Из двух енисейских серий — северной и южной — первая чаще отклоняется от новгородцев.

На рис. 2 изображена «шкала расстояния» между группами. Она представляет собой графическое выражение среднего процента разницы (средняя величина различий по одному признаку) между новгородской серией русских и каждой из остальных групп. Средний процент разницы вычислялся независимо от знака разницы и является условным ме-

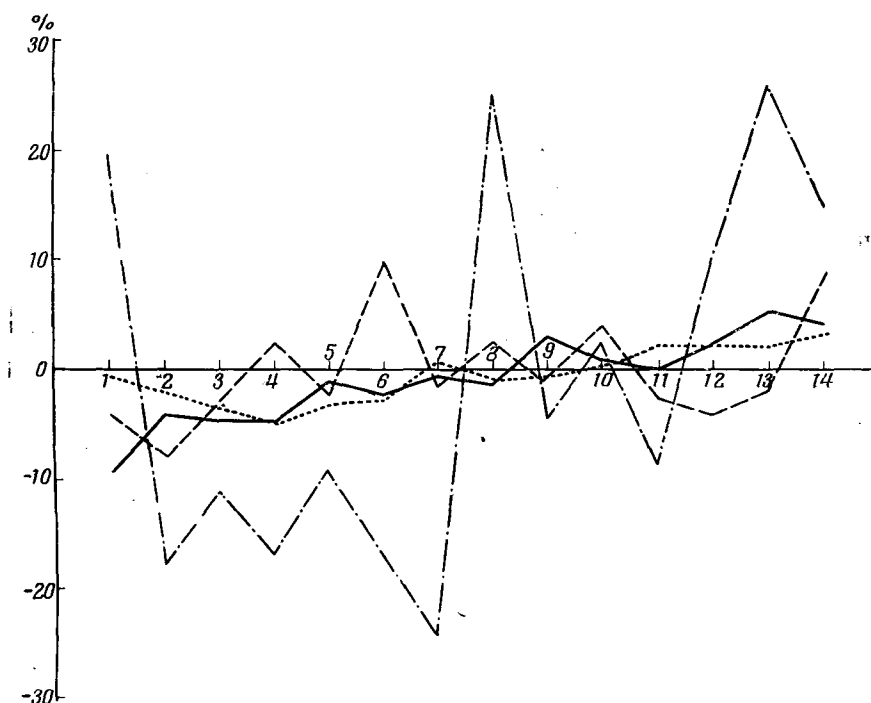

Рис. 1. Графики индивидуальных отклонений групп от серии новгородских русских: —·—·— северноенисейские русские; ————— южноенисейские русские; ...русские Якутии; —·—·— якуты. 1 — количество узоров на *Hu*; 2 — тип 5+6 линии A; 3 — количество добавочных межпальцевых трирадиусов; 4 — количество узоров на III межпальцевой подушечке; 5 — тип 11 линий D; 6 — процент t'' и сочетаний осевых трирадиусов; 7 — процент петлевых узоров на подушечках пальцев; 8 — процент завитков; 9 — процент дуг; 10 — узоры на *Th/I*; 11 — процент t' ; 12 — тип 7 линии D; 13 — наличие t ; 14 — тип 3+4 линии A

рилом «расстояния» между группами. Для сравнения были взяты те же 14 признаков (см. рис. 1). Очевидно, что максимально удалены друг от друга русские Новгородской области и якуты: средняя разница между ними по каждому признаку составляет 14,4%. Русские Якутии и южноенисейские русские близки между собой (разница между ними равна 1,1%), причем первые менее отдалены от новгородцев, чем вторые (величина разницы между ними и новгородской группой составляет соответственно 2,2 и 3,3%). Северноенисейские русские ближе всего к южноенисейским (2,8%), затем к русским Якутии (3,9%); от новгородцев их отделяет расстояние несколько меньшее (6,1%), чем от якутов (8,3%).

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

Русские Новгородской области и Сибири обнаруживают значительную однородность в дерматоглифическом отношении, подтверждаемую статистическими критериями.

Вместе с тем в сериях сибирских русских прослеживаются определенные, небольшие по величине сдвиги в признаках, свидетельствующие о влиянии аборигенного сибирского населения (более низкое окончание

главных ладонных линий *A* и *D*, более низкое положение *t*, меньший процент узоров на *Hu*, меньший процент межпальцевых добавочных трирадиусов). Таким образом, потомки переселенцев из северных губерний России, попавших около двух столетий назад в чуждую им этническую среду, сохранили сравнительно большую близость к потомкам «исходных» русских групп европейского Севера⁸. Видимо, смешение изученных групп колонистов с местным сибирским населением носило весьма ограниченный характер и не отразилось на исследованных морфологических признаках существенным образом, хотя следы этого смешения все-таки достаточно явственны. Интересно, что группа русских Якутии, составленная главным образом из потомков переселенцев из северных областей России в южную и центральную Сибирь, ближе к новгородским русским, чем к русским Красноярского края (северо- и южноенисейским). Среди русских Красноярского края особенно отличается от новгородцев североенисейская группа. Вероятно, енисейские группы русских в разной степени впитали в себя элементы местного, по преимуществу самодийского населения, и, судя по величинам признаков, в североенисейской группе оказалось несколько больше монголоидной примеси, чем в южноенисейской. Какую-то роль в возникновении отмеченных различий могли сыграть генетико-автоматические процессы, протекавшие в этих ограниченных по объему популяциях. Не следует также забывать о небольшой численности североенисейской выборки, что могло повлиять на достоверность результатов.

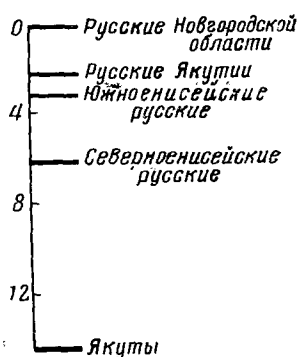

Рис. 2. «Шкала расстояния» между изученными группами

SUMMARY

The Russian population of Siberia, mainly old settlers, (the south-Yenisei, north-Yenisei and Yakutia groups) and also a group of Russians of Novgorod oblast' are studied. A series of Yakut nationals is used for the purpose of comparison.

The Russians of Novgorod oblast' and of Siberia show considerable dermatoglyphic similarity corroborated by statistical criteria.

At the same time small changes may be traced in the Russian series; these indicate an influence of aboriginal Siberian population (a lower ending of the main palm lines — *A* and *D*, lower location of *t*, a smaller percentage of patterns on *Hu*, a smaller percentage of additional interfinger triradii). Thus the descendants of migrants from the northern regions of Russia who entered an alien ethnic environment about two centuries ago have preserved a comparatively strong similarity with the descendants of the original Russian groups in the north of Europe. It seems that the mingling of the studied groups of settlers with local Siberian population was very limited and had no important influence over the morphological traits which served as the subject of the research, though traces of such mingling are still evident enough.

⁸ Это и последующие предположения о близости сибирских и новгородских русских не носят абсолютного характера: в отличие от сибирских групп, в силу условий изоляции, до известной степени «законсервировавших» особенности своих предков-переселенцев, новгородская группа русских претерпела определенные изменения, связанные с историческими процессами (например аракчеевские военные поселения в Новгородской области). Тем не менее можно говорить о севернорусском фоне при сопоставлении наших материалов.

А. Ф. Гаврилова

СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В НИГЕРИИ

С завоеванием государственной независимости народами Африки заметно ускорились некоторые социально-демографические процессы, проявлявшиеся прежде не столь динамично в силу колониальных условий. Одним из таких важных процессов является интенсивная урбанизация — большой прилив населения в города, процесс перераспределения рабочей силы между городом и деревней.

Урбанизационный «взрыв» в Тропической Африке, связанный с разложением родо-племенных отношений и развитием товарного хозяйства, протекает здесь в последние годы значительно быстрее, чем в странах развитого капитализма в период промышленной революции. Численность городских жителей в большинстве стран Тропической Африки растет почти вдвое быстрее, чем общая численность их населения. Так, в Западной Африке число горожан увеличивается каждые 10 лет более чем вдвое.

Ускоренные темпы социально-демографических сдвигов населения объясняются целым рядом причин. Освобождение от оков колониализма, сдерживавшего длительное время социально-экономическое развитие африканских стран, послужило толчком к бурному возрождению народов этого континента, к резкому ускорению темпов их исторического развития.

Надо учитывать также, что процессы урбанизации, неразрывно связанные с индустриализацией, протекают в странах этого региона в совершенно других условиях, чем те, что существовали в странах Запада в период становления в них капиталистического производства. Изменилась международная обстановка, изменились внешнеэкономические условия, достигнут значительный научно-технический прогресс. Индустриализация на базе новой техники позволяет развивающимся народам переступить через целую историческую эпоху социально-экономического развития. Подчеркивая положительное значение этого фактора, нельзя забывать и о тех серьезных проблемах, которые порождаются противоречием между современным научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и всей системой социально-экономических отношений в развивающихся странах — с другой. «Хотя и верно, что развивающиеся страны обладают несомненным преимуществом, так как в их распоряжении имеется огромный потенциал современной техники, тем не менее не приходится сомневаться в том, что для того, чтобы освоить этот потенциал, им нужно разрешить проблемы такого размера и масштаба, которые не имели себе равных в процессе постепенного технического прогресса передовых стран»¹.

Для анализа современных процессов урбанизации важно иметь некоторое представление о городских поселениях в странах этого регио-

¹ «Торговля и развитие», т. 2. «Документы конференции ООН по вопросам торговли и развития», М., 1965, стр. 101.

на. До начала колонизации городские поселения в Тропической Африке сложились далеко не повсеместно. Однако в отдельных районах с относительно высоким уровнем социально-экономического развития уже существовали довольно крупные центры местного ремесла и торговли, столицы феодальных княжеств. Среди стран Тропической Африки по количеству городских поселений и по уровню развития городов выделялась Нигерия. Редкая страна в Африке насчитывает такое количество городов с «доколониальным стажем», как Нигерия. Из 89 городов страны с населением свыше 20 тыс. многие возникли до прихода англичан и только четыре были основаны колонизаторами. Это Джос и Энугу, развитие которых связано с горнодобывающей промышленностью, Кадуна, построенная колонизаторами как административный центр Северной Нигерии, и Порт-Харкорт — наиболее удобный порт для вывоза минерального и сельскохозяйственного сырья из Восточной области. Сама столица страны, Лагос, подверглась радикальной перестройке, но возникла она не на пустом месте. На о. Лагос до прихода англичан уже существовало поселение йоруба, правда сравнительно небольшое.

Основанные задолго до начала колонизации древние города Нигерии привлекают внимание многих исследователей. Города хауса, служившие торгово-ремесленными и религиозными центрами для Северной Нигерии, были известны арабским и европейским купцам много веков назад². Так, г. Кано существует более 1000 лет, а с XV в. он считался одним из крупнейших торговых центров Западной Африки. Купцы Кано вели обширную торговлю не только со странами Африки, но и вывозили изделия местных ремесленников на европейские рынки. Широко были развиты здесь разнообразные ремесла: ткачество и крашение тканей, кожевенное и гончарное производство, славились своими изделиями золотых дел мастера, городские ремесленники производили сотни тысяч пар обуви для продажи в другие африканские страны.

В восточной части страны более 500 лет известен г. Калабар, в XVI в. был основан г. Онитша, ставший впоследствии крупным торговым центром на нижнем Нигере. Весьма высокого уровня развития достигли еще до начала колонизации такие города Западной Нигерии, как Ойо, Ифе³, а также Бенин в Средне-Западной области.

С приходом англичан в середине XIX в. в Нигерию развитие городов страны было нарушено. Некоторые старые центры были разрушены и разграблены завоевателями. Так, почти полностью был уничтожен г. Бенин, не пожелавший подчиниться колонизаторам. По словам путешественников, посетивших город в конце XVIII в., в нем жило около 80 тыс. человек, а в 1931 г., через 30 лет после бомбардировки Бенина английскими кораблями, население его составляло лишь 8,5 тыс.

Многие старые города, особенно бывшие ремесленные и торговые центры, пришли в упадок в связи с ввозом фабричных изделий из метрополии.

Коммерческие центры Северной Нигерии оказались изолированными из-за перемещения основных торговых путей к побережью по мере развития морской торговли. Хозяйственные связи между севером и югом страны развивались медленно. Сохранению социально-экономической отсталости способствовала и английская администрация, поддерживавшая местных феодальных правителей.

Основным фактором, коренным образом изменившим темпы и направление развития городов в Тропической Африке, было насильственное насаждение в колониальный период капиталистических отношений в сельскохозяйственном производстве. Товарно-денежная экономика

² См. Д. А. Ольдерогге, *Западный Судан в XV—XIX вв.*, М.—Л., 1960.

³ См. Н. Б. Кочакова, *Города-государства йорубов*, М., 1968.

ускорила распад традиционных общинных связей. Возникла специализация отдельных районов на экспортных культурах. Развитие товарного производства в деревне, расширение площадей под экспортными культурами привели к сокращению сельскохозяйственных земель под традиционными потребительскими культурами, а это, в свою очередь, при сохранении отсталой системы земледелия обусловило сокращение объема производимого в стране продовольствия. Вместе с тем развитие товарного сектора в сельскохозяйственном производстве вызвало рост социальной дифференциации среды крестьянства, обезземеливание одних производителей и обогащение других. Связанное с вышеуказанными факторами растущее относительное аграрное перенаселение и стало причиной резких демографических сдвигов населения. «Капитализм,— указывал В. И. Ленин,— необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в сколько-нибудь широких размерах»⁴.

По степени урбанизированности населения Нигерия выделяется среди стран тропической части континента. В большинстве государств этого региона городское население составляет менее 10%. В Нигерии по переписи 1952—1953 гг., когда впервые было принято определение городского поселения для страны и введена единая система учета, городские жители составляли 18% населения (включая все пункты, насчитывающие свыше 5 тыс. человек), причем более половины горожан (52,6%) были сосредоточены в городах, насчитывавших свыше 20 тыс. жителей. Всего городов такой величины в 1953 г. в Нигерии было 54, в 1963 г. их число возросло до 89, причем в 23 из них население превышало 100 тыс. человек. Два города Нигерии — Лагос (665,2 тыс.), столица страны, и Ибадан (627,4 тыс.)⁵ бывшая столица Западной области,— самые крупные города Тропической Африки по численности населения.

Города размещены по территории страны крайне неравномерно: более половины населенных пунктов, насчитывающих свыше 100 тыс. жителей, сконцентрировано в Западной области (из 23 таких городов здесь расположено 13), причем почти все они находятся на территории, населенной народностью йоруба. На этот район, площадь которого составляет немногим более 8% территории страны, приходится почти треть городского населения Нигерии. Как размер, так и численность городов в этом районе являются уникальными для Тропической Африки. Многие зарубежные исследователи считают стремление йоруба к большим компактным поселениям традиционной чертой их быта, связанной с необходимостью обороны в прошлые века. Западным исследователям Африки, по-видимому, выгодно выделить именно этот фактор, чтобы еще раз напомнить о том, что «с приходом англичан... оборона перестала быть первостепенной необходимостью»⁶.

Возникновение и рост городов, как указывал Ф. Энгельс, связаны с развитием производительных сил, с отделением ремесла от земледелия, классовой дифференциацией общества.

Данные новейших археологических исследований свидетельствуют, что территория, населенная народностью йоруба, является одним из древнейших в Тропической Африке районов, где получили значительное развитие оседлое земледелие, ремесла и возникли раннеклассовые государства⁷. Становление и развитие городских поселений в этом регионе —

⁴ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Полн. собр. соч. т. 3, стр. 600.

⁵ Подсчитано автором на основании данных: «Annual abstract of statistics», Lagos, 1965, стр. 13—15.

⁶ J. Mitchell. Yoruba towns, «Essays on African population», ed. by Barbour and Prothero, London, 1961, p. 284.

⁷ См.: M. Stuiver, N. J. van der Merwe, Radiocarbon chronology of the iron age in Sub-Saharan Africa, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, No. 1.

не только как оборонных пунктов, но и как торгово-ремесленных, административных и религиозных центров — говорит об относительно высоком уровне развития производительных сил.

При анализе современных процессов урбанизации необходимо обратить внимание на такую характерную для старых городов страны черту, как большой процент занятости городского населения в сельскохозяйственном производстве. В зарубежной научной литературе возникли споры относительно самого определения такого типа поселения. Некоторые авторы считают для крупных населенных пунктов Нигерии более подходящими термины «агрокорода» или «урбанизированные деревни», как иногда называют испанские месеты или большие сельскохозяйственные поселения восточной части Венгерской долины.

Разумеется, занятия населения имеют важнейшее значение для определения характера «городского» и «сельского» поселения. Но едва ли правильно давать типологическую характеристику поселения только на основании процента занятых в сельском хозяйстве, без учета социально-экономической структуры общества, уровня развития его производительных сил. «Каждой форме цивилизации соответствовало свое понятие города..., — пишут прогрессивные французские исследователи. — Некоторые даже самые прославленные города древности, населенные в основном земледельцами, мы, несомненно, не могли бы причислить к разряду городских поселений, если бы подошли к ним с меркой XX века»⁸.

В нигерийской переписи 1952—1953 гг. к городам были отнесены все компактные поселения, насчитывавшие свыше 5 тыс. жителей. Возможно, такой упрощенный подход к определению города дает основание сомневаться в применимости современного термина «город» ко всем крупным поселениям Нигерии. Действительно, далеко не все пункты, насчитывающие свыше 5 тыс. жителей, даже если учесть компактность и экономическая взаимосвязанность поселения, можно отнести к городским. Город характеризуется, в первую очередь, не численностью населения или размером занимаемой им территории, а его функциональным значением. «Город является центром притяжения прилегающего к нему района, — отмечал Н. Н. Баранский, — выполняя для этого района функции прежде всего и чаще всего торговые и промышленные, а затем административные и культурные»⁹.

Недостаток статистического материала не позволяет дать функциональную характеристику всех крупных поселений Нигерии, однако если рассматривать пункты, насчитывающие свыше 20 тыс. жителей, то нельзя не заметить, что все они представляют собой элементы довольно развитой социально-экономической жизни, основанной на товарно-денежных отношениях. Функциональное значение этих поселений отличает их от докапиталистического города как торгово-ремесленного, административного или оборонного центра.

Вследствие неравномерности социально-экономического развития Нигерии, сводящегося практически только к росту производительных сил городских поселений, роль городов страны во всех областях жизни все более возрастает. В условиях крайней отсталости сельской периферии усиливается значение города не только как экономического центра, носителя более высокого уровня производительных сил, но и как общественно-политического центра, сосредотачивающего массу наиболее продвинутого в социально-культурном отношении населения. В городах Нигерии, как, впрочем, и в других странах, выше грамотность населения, выше уровень доходов, уровень жизни, лучше состояние здравоохранения, здесь сосредоточены культурно-просветительные учреждения

⁸ Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо, *Очерки по географии городов*, М., 1967, стр. 36.

⁹ Н. Н. Баранский. Об экономико-географическом изучении городов, «Вопросы географии», 1946, № 2, стр. 21.

(пресса, радио, кино и т. д.), значительно слабее влияние местных традиций и обычаев и т. д.

С перспективностью городов, с их относительно более быстрым экономическим и социальным развитием связана их притягательная сила. «Город чаще всего рассматривается как избавление от сельской нищеты. Именно туда устремляются безработные и голодные»¹⁰.

Процессы урбанизации в Нигерии, как было уже отмечено, существенно отличаются от тех, что имели место в Европе в начальный период индустриализации. Если в период роста фабричного производства в странах Европы демографические сдвиги населения были вызваны не только развитием капиталистических отношений в деревне и обезземеливанием крестьянства, но и растущим спросом на рабочую силу в развивающихся индустриальных центрах, то урбанизационный взрыв в Тропической Африке не связан с резким увеличением промышленного производства, скорее он вызван растущим разложением общинных отношений в деревне и избытком рабочей силы в сельском хозяйстве. Как писал К. Маркс, «постоянное течение к городам предполагает в самой деревне скрытое перенаселение...»¹¹.

Современные миграционные процессы в Тропической Африке имеют ряд своих специфических особенностей. Поскольку характер миграционных процессов определяется существующим общественным строем, уровнем развития производительных сил и производственных отношений, особенности социально-экономического развития африканских стран определяют и основные особенности демографических сдвигов населения.

Растущее скрытое аграрное перенаселение выбрасывает на рынок труда все возрастающее количество излишков рабочей силы, однако при существующем уровне и темпах экономического развития город не в состоянии обеспечить работой и человеческими условиями жизни всех прибывающих. В результате далеко не все мигранты получают возможность закрепиться в городе. Часть из них оседает в городе на положении иждивенцев своих родственников, некоторые вынуждены возвращаться на прежнее место жительства. Те же из мигрантов, которым посчастливилось найти работу в городе, не порывают связей с деревней, продолжая рассматривать ее как наиболее надежное пристанище во всех превратностях городской жизни.

Значительная часть мигрантов отправляется в город на заработки временно, в сезон, когда сельскохозяйственная активность резко снижается. Этот вид миграции, так называемое отходничество, распространен в Тропической Африке наиболее широко.

Внутренние миграции населения в Нигерии, связанные с развитием капиталистической экономики, еще слабо изучены, причем отчасти это обусловлено недостатком статистического материала. Например, данные о распределении городских жителей по месту рождения, имеющиеся в переписи 1952—1953 гг., весьма неполны, не ведется в стране статистического учета возвратной миграции. Поскольку возможности исследования миграционных процессов в Нигерии ограничены, основное внимание ниже будет уделено отходничеству, как одной из наиболее характерных и специфических черт современных миграционных процессов в стране. Имеющиеся данные позволяют выделить основные районы, где особенно развито отходничество населения, а также главные центры использования рабочей силы.

По интенсивности отходничества сельскохозяйственного населения в Нигерии выделяется, в первую очередь, Восточная область — один из самых густозаселенных районов страны. В отдельных ее частях

¹⁰ Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо, Указ. раб., стр. 34.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 657.

плотность населения превышает 300 чел. на 1 км² (юг провинции Онитша, север провинции Оверри). Высокая плотность населения на рассматриваемой территории и примитивная система земледелия (господствует переложная система, основное орудие труда — мотыга) вызывают острый земельный голод, заставляющий крестьянина мигрировать на большие расстояния в поисках дополнительного заработка, который он может получить либо работая на кулацких фермах, либо арендуя на сельскохозяйственный сезон земельный участок в других районах, либо нанимаясь на работу в городе.

Если по переписи 1931 г. выходцы из Восточной области составляли в Лагосе незначительную долю жителей — 4%, то к 1950 г. их удельный вес в общей численности населения столицы вырос почти в три раза. Основные жители Восточной области — ибо — составляли до начала гражданской войны в Нигерии преобладающую часть населения некоторых городов, расположенных за пределами их этнической территории (например, Калабара). Они насчитывают около 40% пришлого элемента в городах Кано, Кадуна, Зариа в Северной Нигерии и свыше трети жителей г. Сапеле, расположенного в Средне-Западной области¹². В 1967 г. в результате сложившейся в стране политической обстановки наблюдался значительный отлив ибо из северных районов Нигерии. Однако официальных статистических данных о размерах этого обратного потока еще не опубликовано. Предполагается, что почти все ибо мигрировали из основных городов севера в Восточную область.

Выделяется по отходничеству и район Сокото в Северной Нигерии, также имеющий значительную плотность населения, особенно в своей северной части (80—150 чел. на 1 км²). Хотя плотность населения в этом районе и не столь высока, как в Восточной области, относительное аграрное перенаселение обусловлено здесь рядом других факторов. Важнейшие из этих факторов — недостаточное использование сельскохозяйственных земель из-за слабого развития ирригационной системы в этих засушливых районах, затяжной сухой сезон (до 8 месяцев), в который сельскохозяйственная активность населения резко сокращается, господство докапиталистических отношений, препятствующих подъему производительных сил в сельском хозяйстве на данной территории. Все это и вызывает массовый отход населения на период сухого сезона в города Северной области (Кано, Джос и др.) или в какаопроизводящие районы Западной области в поисках подсобного заработка.

Во время переписи 1952—1953 гг. на 16 официальных пунктах, установленных на основных дорогах Северной области, было зарегистрировано 250 тыс. мигрантов, из которых почти три четверти происходили из провинции Сокото¹³. В этом районе ежегодно от 25 до 50% всех взрослых мужчин покидают свои родные селения¹⁴.

Отходничество как специфическая черта миграционных процессов в Тропической Африке привлекает внимание многих зарубежных исследователей. Подчеркивая распространенность этого явления, исследователи приходят к выводу о равновесии обмена между городом и деревней в этом регионе и тем самым отрицают социально-демографические сдвиги населения на рассматриваемой территории. Абсурдность такого утверждения очевидна. «Закон всякого развивающегося товарного и тем более капиталистического хозяйства, — указывал В. И. Ле-

¹² Подсчитано автором на основании данных: «Population census of Nigeria, 1952—1953», Lagos, 1953—1954; «Population census of Lagos, 1950», Kaduna, 1951; «Population census of the Northern region of Nigeria, 1953», Lagos, 1953—1954; «Population census of the Western region of Nigeria, 1952», Lagos, 1953—1954.

¹³ M. Prothero, Migratory labour from North-Western Nigeria, «Africa», 1957, vol. 27, № 3, p. 251—261.

¹⁴ M. Prothero, Migrant labour in West Africa, «Journal of Local Administration overseas», July, 1962, p. 164.

нин, — что индустриальное (т. е. неземледельческое) население возрастает быстрее земледельческого, отвлекает все больше и больше населения от земледелия к промышленности обрабатывающей»¹⁵. Эти так называемые отхожие промыслы, характерные и для Европы в XIX в., можно считать специфической чертой раннего периода развития капитализма.

Бесспорно, что подавляющая часть отходников Нигерии лишь на время покидает деревню в поисках подсобного заработка, и связи с общиной еще довольно прочны, причем важнейшим фактором, определяющим стремление отходников вернуться домой, является сохранение за ними земельного надела. Однако постепенно все больший процент отходников закрепляется в городе иной системой социальных связей. И даже вернувшись в деревню, отходники способствуют подрыву основ общинных отношений¹⁶.

Отходничество как особый вид миграций, особенно характерных в настоящее время для многих районов Тропической Африки, порождает множество сложных социально-экономических проблем. Так, с отходничеством связана текучесть рабочей силы, что создает трудности для повышения квалификации наемных рабочих, сложности в области семейных отношений и др. Потоки отходников в основном состоят из мужчин в трудоспособном возрасте, от 15 до 35 лет. Отправляясь на заработки, отходники, как правило, не берут с собой семьи.

Однако считать отходничество только отрицательной чертой социально-экономической жизни общества в этом регионе было бы неверно. «Подобно отвлечению населения от земледелия, — писал В. И. Ленин, — неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности... Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях»¹⁷.

Итак, отходничество — это явление, характерное для общества, трансформирующегося в капиталистическое. Его, по-видимому, можно считать типичным для начального периода промышленной урбанизации, сопряженной с распадом общинных отношений в деревне.

Анализируя имеющиеся данные об основных потоках мигрантов в Нигерии, можно выделить их три главные черты:

- 1) по половому составу в них преобладают мужчины;
- 2) по возрастному составу — люди в трудоспособном возрасте, от 15 до 35 лет;
- 3) по национальному составу — наибольшей подвижностью отличаются народность ибo.

Отход в город на заработки значительной части мужского трудоспособного населения указывает, что миграционные потоки вызываются в основном экономическими факторами. Так, проведенное обследование мигрантов в провинции Сокото показало, что свыше 90% их направлялось в другие районы Нигерии в поисках подсобного заработка¹⁸.

Основные центры притяжения мигрантов — экономически преуспевающие города, такие как Лагос, Джос, Порт-Харкорт, Энугу и некоторые другие. Так, в 1951 г. почти все рабочие оловодобывающей про-

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 58.

¹⁶ См. предисловие Л. Д. Яблочкова к статье М. Глукмана «Племенной уклад в современной центральной Африке» («Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 57—58).

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576—577.

¹⁸ M. Prothero, *Migratory labour from North-Western Nigeria*, p. 251—261.

Таблица 1

**Доля городского населения, родившегося за пределами
теперешних районов проживания¹⁹**

Районы	Доля городского населения, % от общей численности	Доля городских жителей, родившихся за пределами районов теперешнего проживания
Муниципальный округ Лагоса	59,9	26,7
Западная область	26,0	—
Районы, населенные йоруба	30,3	3,8
Районы, населенные другими народностями Западной области	2,2	18,7
Восточная область	8,0	25,7
Северная область	3,5	—

Таблица 2

**Численность городского населения по областям
(учтены города, насчитывающие свыше 20 тыс. жителей)**

Область	Общая численность городского населения в 1952/53 г., тыс. чел.	Среднегодовой прирост за 1931—1952/53 г., %	Общая численность городского населения в 1963 г., тыс. чел.	Среднегодовой прирост за 1952/53—1963, %
Западная	1 714,3	2,8	3 409,8	6,0
Восточная	434,1	8,0	1 167,9	9,2
Северная	574,0	3,9	2 307,7	10,9
Средне-Западная	109,7	6,4	262,5	7,5
Лагос	267,4	3,8	665,2	9,5

Примечание. Подсчитано автором на основании данных, приведенных в работах: «Population census of Nigeria, 1952—1953»; «Annual abstract of statistics», p. 13—15.

Таблица 3

**Рост городского населения по данным для пунктов, насчитывающих
свыше 20 тыс. жителей²⁰**

Годы переписи	Количество городов с населением свыше 20 тыс.	Общая численность населения в них, тыс. чел.	Среднегодовой прирост населения, %	
			в целом по стране	по взятым городам
1921	16	890	0,9	4,0
1931	24	1340	1,9	4,0
1952/53	54	3240,8	5,7	9,8
1963	89	10813,1		

мышленности Джоса были отходниками²¹. В то же время большинство старых городов Нигерии растет незначительно и в основном за счет естественного прироста населения (например, Калабар).

Данные табл. 1 подтверждают, что основными центрами притяжения населения в 1950-х годах были Лагос и города Восточной области. Однако в последующие годы произошли, по-видимому, некоторые изме-

¹⁹ J. Coleman, Nigeria. Background to the nationalism, Los Angeles, 1958, p. 76.

²⁰ Составлено по следующим работам: Н. С. Асоян, Нигерия. Экономико-географическая характеристика, М., 1963, стр. 93; «Population census of Nigeria, 1952—1953»; «Annual abstract of statistics»; S. A. Aluko, How many Nigerians? «The Journal of Modern African studies», vol. 31, 1965, № 3, p. 374.

²¹ «International labour conference», 37 session, «Migrant workers (underdeveloped countries)», Geneva, 1955, p. 31.

нения. На основании опубликованных данных переписи 1963 г. можно отметить весьма значительный рост городов Северной области, бывшей до последнего времени наиболее отсталым в социально-экономическом отношении районом страны.

Общее представление о демографических сдвигах в Нигерии в XX в. дает табл. 3, из которой видно, что темпы роста населения в городах, насчитывающих свыше 20 тыс. жителей, в среднем вдвое выше, чем темпы роста населения по стране в целом. Немногим более чем за 40 лет (1921—1963 гг.) число городов с населением свыше 20 тыс. выросло в 5,5 раза, а общая численность их населения — в 12 раз. Значительно растут и темпы среднегодового прироста городского населения. Так, за десятилетие с 1953 г. по 1963 г. общая численность городского населения выросла более чем в три раза.

Наиболее значительный абсолютный рост характерен для крупнейших городов Нигерии — Лагоса и Ибадана. За десятилетие (1953—1963 гг.) население Лагоса выросло на 493 тыс. человек, Ибадана — на 168 тыс. Концентрация городского населения в крупнейших центрах происходит подчас за счет его оттока из мелких городов.

Темпы урбанизации опережают общее экономическое развитие Нигерии. Промышленные предприятия, специализирующиеся в основном на переработке местного сельскохозяйственного сырья, начали появляться в стране сравнительно недавно, главным образом в годы второй мировой войны. Как правило, они невелики по размерам производства и по числу занятых на них рабочих. В 1963 г. в Нигерии, например, насчитывалось около 1300 промышленных предприятий с числом рабочих от 10 и более, но только на 250 из них количество занятых превышало 100 человек. Эти мелкие, зачастую полукустарные предприятия не в состоянии поглотить всей той армии наемного труда, которая образовалась в результате одностороннего развития экономики в колониальный период. В Нигерии ежегодно принимается на работу не более 20 тыс. человек, тогда как число ищущих работу во много раз превышает эту цифру²².

В 1960—1963 гг. в Нигерии ежегодно строилось 30—40 предприятий обрабатывающей промышленности. Данные официальной статистики, которая учитывает лиц наемного труда на предприятиях с числом работающих более 10, показывают, что численность рабочих и служащих обрабатывающей промышленности увеличилась за эти годы приблизительно на 15—20 тыс. человек, однако на такое же количество сократилась численность горняков и транспортников. Трудоспособное же население Нигерии ежегодно увеличивается примерно на 600—700 тыс. человек, из которых по крайней мере 10% ищут работу по найму.

Трудно определить масштабы хронической безработицы в стране, так как официальная статистика учитывает только тех, кто состоит на учете биржи труда при Федеральном министерстве труда, где регистрируются далеко не все ищущие работу. В 1960 г. на учете биржи труда состояло 15 тыс. человек, однако армия безработных в Нигерии во много раз превышает эту цифру. Кроме того, статистикой никак не учитывается неполная занятость или минимальная занятость в таких сферах деятельности, как некоторые виды розничной торговли, обслуживание. Следует отметить, что безработица является одной из самых острых социально-экономических проблем в Нигерии, порожденных односторонним развитием страны в колониальный период.

Сохранение идеологических форм общинно-родовых связей в городах придает процессам формирования городского населения в Тропической Африке большое своеобразие. Большая часть осевших в городе

²² «International labour organization. Second African regional conference. Record of proceedings», Geneva, 1965, p. 22.

отходников подолгу живет за счет поддержки более обеспеченных родственников: торговцев, служащих, ремесленников и даже наемных рабочих. «В Нигерии около 8 млн человек, не имея работы, существуют за счет подаяний и милости родственников»²³. «Семейный паразитизм» является «своего рода компенсацией неполной занятости в городе»²⁴. Эта весьма характерная для Тропической Африки группа неустроенного, но постоянного городского населения играет особую роль в общественно-политической жизни африканских стран²⁵.

Если в развитых капиталистических странах относительное перенаселение создается тем, что капитал, овладевая производством, уменьшает число необходимых рабочих рук для производства данного количества продуктов, то в Тропической Африке появление излишнего населения относительно того объема продовольствия и других жизненно важных продуктов, который может обеспечить производство в данных конкретных условиях, объясняется сравнительной слабостью капитализма, сохранением пережитков докапиталистических отношений, ориентацией значительной части сельскохозяйственного производства на внешний рынок.

Обусловленная растущей урбанизацией проблема занятости и безработицы в свою очередь порождает другие трудности, такие, как проблема распределения капиталовложений, размещения промышленных предприятий, их оптимальности. При этом специфические особенности урбанизации в Африке, где еще немаловажное значение имеют общинно-родовые связи и где большая часть мигрирующей армии наемного труда рассматривает город лишь как свое временное местопребывание, создают затруднения иного характера — текучесть рабочей силы, избыток неквалифицированных рабочих и недостаток профессионально-технических кадров.

В связи с ускоренной урбанизацией не менее остро в Нигерии стоит и жилищная проблема. Недостаток средств у государства и слабое развитие местного капитала ограничивают возможности жилищного строительства, а возрастающий поток мигрантов из деревни буквально наводняет города, жилищный фонд которых и без того переполнен. Низкооплачиваемые сезонные рабочие, не имеющие возможности снимать квартиру, на оплату которой иногда уходит более половины их заработка, и люди, еще не нашедшие работы, обычно селятся в жилищах своих родственников. Это ведет к большой скученности людей, к разрастанию бидонвилей в городах. Так, в отдельных районах Лагоса по переписи 1952—1953 гг. плотность населения на квадратный километр превышала 61 тыс. человек, в Ибадане — 60 тыс. При этом надо учитывать, что большинство строений в нигерийских городах одноэтажные и что коммунальное обслуживание в старых африканских районах фактически отсутствует. Все это способствует распространению эпидемических заболеваний.

Непосредственно связана с ростом городских поселений и проблема снабжения городского населения продовольствием. Тормозимое господством докапиталистических отношений отсталое сельскохозяйственное производство не обеспечивает возрастающего спроса. По подсчетам нигерийского агронома Ойенуга, 8 мужчин, занятых в сельском хозяйстве, производят пищи лишь на 10 человек²⁶. В результате стране приходится закупать на мировом рынке значительную часть необходимого для снабжения городского населения продовольствия, что ограничивает

²³ «Daily express», 9.IX.1963.

²⁴ П. Марсье, Урбанизация в развивающихся странах, «Курьер ЮНЕСКО», VII—VIII, 1963, стр. 52.

²⁵ См. об этом подробнее в кн. «Идейные течения в Тропической Африке», М., 1968.

²⁶ V. Oyenuga, Our needs and resources in food and agriculture, p. 31.

планы индустриализации и выдвигает необходимость первоочередного развития сельского хозяйства.

Особенности урбанизации в стране и ее высокие темпы усиливают социальные контрасты капиталистического развития в Нигерии, и пропасть между привилегированной верхушкой и обездоленными низами быстрыми темпами углубляется. В Манифесте Социалистической рабочей-крестьянской партии Нигерии отмечено, что «...в нашей стране с каждым днем все расширяется пропасть между богатыми и бедными. Богатые становятся богаче, а бедные беднее. Оторванному от деревни растущему классу наемных рабочих и служащих становится все труднее и труднее поддерживать свое существование без дополнительной помощи. Они все больше вынуждены жить впроголодь»²⁷. Чрезвычайно низкий уровень жизни городской бедноты на фоне роскоши в домах процветающих бизнесменов и чиновников отмечают многие. Описывая Ибадан, английский журналист А. Блю подчеркивает: «Роскошь и нищета уживаются здесь рядом. И ни в каком другом городе Нигерии, исключая Кано, не увидишь столько профессиональных нищих»²⁸.

Необходимо отметить и еще одну, не менее важную особенность Нигерии — большую разнородность этнического состава страны, что создает дополнительные сложности при формировании ее городского населения. Процесс этнической консолидации в городах Нигерии, как и в городах большинства других стран Африки, является одним из наименее изученных вопросов в советской научной литературе. Но исследование этого процесса является самостоятельной проблемой, выходящей за рамки данной работы.

Рассмотренные выше особенности и проблемы урбанизации в Нигерии лишний раз подчеркивают большое значение этих процессов для современной социально-экономической жизни развивающихся стран. Буквально у нас на глазах происходят ускоренные процессы ломки отживших докапиталистических отношений, причем деревня вовлекается в сферу товарного производства, направленного не на внешний, а на внутренний рынок страны. Это ведет к обострению всех социально-экономических противоречий внутри общества, к формированию современного рабочего класса и росту классовой борьбы.

SUMMARY

Urbanisation processes in Tropical Africa have been greatly on the increase in recent years. They belong to the most important phenomena of social and economic life in the countries of this region. The main characteristic features of these processes are analyzed on Nigerian data.

The desintegration of communal life and the development of capitalist relations in agrarian economy lead to an increasing relative agrarian overpopulation in the country. The surplus agricultural labour force moves to the cities. The rapid growth of cities and of urban population without a corresponding rate of social-economic evolution of urban settlements give rise to many difficult problems such as unemployment, the problem of food supply, the housing crisis etc. These problems are greatly complicated and aggravated by the one-sided development of Tropical African countries in the colonial period.

²⁷ «The Manifesto of the Socialist Workers and Farmers Party of Nigeria», Lagos, 1964, p. 11, 12.

²⁸ A. D. Blue, Ibadan — West Africa's largest city, «West Africa Review», vol. 29, 1958, No. 365, p. 125—127.

Г. Л. Арш

ГРЕЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В РОССИЮ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Численность греческого населения СССР (по данным переписи 1959 г.) составляет 309 тыс. человек¹. Греки проживают на Украине и в РСФСР, в республиках Закавказья и Средней Азии. Греческое население состоит из нескольких групп, имеющих различия в языке, быте, степени сохранения национального своеобразия. Различия эти, очевидно, связаны со временем и обстоятельствами миграции греков — предков нынешнего греческого населения СССР. К сожалению, история греков СССР изучена плохо, значительно хуже, например, чем история греческих колоний, существовавших на территории нашей страны в древности. Восполнить этот пробел важно с точки зрения изучения истории формирования этнического состава населения СССР. Образование греческого населения СССР явилось результатом длительного и сложного процесса. В данной статье рассматривается один из его важнейших этапов — греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в., направлявшаяся главным образом в Северное Причерноморье².

Греческая эмиграция в Россию шла в течение всего периода турецкого господства в Греции. Переселенцы неизменно встречали радушный прием в Московском государстве. Общность религии и связанное с этим значительное греческое культурное влияние, политическая доктрина «третьего Рима», создавшая преемственность между московскими царями и византийскими императорами, ставили греков в Московском государстве в особое, по сравнению с другими иностранцами, положение. Уже в XVII в. значительные привилегии были предоставлены жителям Нежина — тогдашнего центра греческой эмиграции в России, и в дальнейшем привилегии нежинских греков постоянно расширялись.

В XVIII в., когда Россия вступила в ожесточенную борьбу с Османской империей за выход к Черному морю, у русских царей появились новые мотивы для покровительства грекам-переселенцам. Восстания греков и других поработанных балканских народов были прямой военной помощью России в ее борьбе с весьма еще грозным тогда противником. Достаточно упомянуть хотя бы мощное восстание в Греции в 1770 г., которое вспыхнуло, когда во время войны между Россией и Турцией в Средиземном море впервые появилась русская эскадра.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. вызвала волну греческой эмиграции в Россию — самую большую за всю многовековую историю русско-греческих связей. Эмиграция эта имела ярко выраженную политическую окраску. Основную массу эмигрантов составляли солдаты и офицеры восьми добровольческих батальонов, сформированных из греков

¹ «Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям», М., 1960, стр. 11.

² В тот период имело место и значительное переселение греков на Кавказ. Но вопрос этот, требующий специального рассмотрения, нами не затрагивается. В общей форме он получил освещение в работе «Народы Кавказа», т. 2 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 422—423.

русским командованием. После окончания русско-турецкой войны греческие добровольцы отправились на кораблях русской эскадры в Россию. Вместе с ними уехали и многие жители Архипелага. Общее число переселенцев составило несколько тысяч человек.

Переселение это происходило на основании Кючук-Кайнарджийского договора, предоставлявшего жителям Архипелага право переселяться в Россию в течение года после его подписания. Но и после истечения этого срока греки продолжали переселяться в Россию. Среди переселенцев были жители различных областей Греции, хотя соответствующая статья Кючук-Кайнарджийского мирного договора относилась только к Архипелагу.

Общий хаос и неразбериха, царившие тогда в Османской империи, отсутствие эффективной системы пограничного контроля, создавали благоприятные условия для этой нелегальной эмиграции.

Жители греческих островов нанимались матросами на корабли под русским флагом, плававшие в Средиземном море, и очень часто уже не возвращались в османские владения. К эмигрантам, ранее обосновавшимся в России, перебирались при содействии русских дипломатов их родственники из Греции.

Об одной из таких операций — тайном вывозе семьи известного участника пелопоннесского восстания 1770 г. Стефаноса Мавромихалиса — русский посол в Стамбуле В. П. Кочубей сообщал 15 (26) октября 1796 г. таврическому губернатору Жегулину: «Прапорщик Ксанта Мавромихали, присланный ко мне с рекомендательным письмом от вашего превосходительства для вывозения из Морей семьи и родственников албанских³ войск подполковника и кавалера Стефана Мавромихали, поручение, на него возложенное, удачно исполнил и родственников упомянутого подполковника, состоящих обоого пола в 11 душах, скрытным образом сюда вывез»⁴.

Непрерывно прибывавшие из Османской империи греки-переселенцы пополняли новые греческие колонии, возникшие в России после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Как уже говорилось, несколько тысяч переселенцев прибыло в Россию в 1775 г. на кораблях средиземноморской эскадры. Все переселенцы составили так называемое Албанское войско. Из переселенцев, выразивших желание нести регулярную военную службу, был сформирован в 1779—1783 гг. Греческий полк. В 1784 г. он был переведен из Керчи и Еникале в Балаклаву. С 1797 г. это подразделение стало именоваться Балаклавским греческим батальоном. Батальону было поручено нести жордонную службу на участке крымского побережья от Севастополя до Феодосии⁵.

Но не все греки-переселенцы поступили на военную службу. Многие из них избрали мирные занятия, поселились в Керчи и Еникале. Указом Екатерины II от 28 марта (8 апреля) 1775 г. переселенцам были предо-

³ В этом, как и в других современных документах, использованных в статье, имеет место смешение греков с албанцами. Объясняется это аморфностью тогдашних этнических и географических понятий. «Греками» зачастую называли всех христианских жителей Балкан независимо от их национальности. В то же время, так как значительная часть континентальной Греции нередко включалась тогда в географическое понятие «Албания», то и жителей этих областей именовали «албанцами». Наконец, смешению этнических понятий способствовало и широкое распространение наемничества среди албанских горцев. В результате волонтерские подразделения, набравшиеся иностранными правительствами и местными владетелями, стали именоваться албанскими или арнаутскими независимо от их национального состава.

⁴ Архив внешней политики России (в дальнейшем АВПр), ф. Константинопольская миссия, д. 1154, л. 159.

⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИА), ф. 1409, оп. 1, д. 2713, лл. 2—10. О Балаклавском греческом батальоне в Крыму см. также: С. Сафонов, Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы, «Записки Одесского общества истории и древностей», т. I [1844], стр. 215—225.

ставлены значительные привилегии. Они на 30 лет освобождались от всех податей и рекрутского набора и получили разрешение создать собственный магистрат⁶. Он был создан в 1795 г. под названием Воспорского.

Так как из-за нехватки земли невозможно было поселить всех переселенцев с Архипелага в районе Керчи, генерал-губернатор Новороссийского края Г. А. Потемкин в своем воззвании от 2(13) августа 1776 г. призвал их селиться при Таганрогском порте, обещая в таком случае распространить на них привилегии, дарованные керченским грекам. Сушей и морем переселенцы двинулись в Таганрог. Здесь греки построили жилые дома, церковь, пакаузы, морские суда, водочные, свечные и макаронные фабрики, развели сады и виноградники⁷.

После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. сформировалась и греческая община Херсона. Наряду с эмигрантами из Греции в ее состав вошло более 100 греков с о. Менорка, переселившихся в Россию около 1783 г.

Правительство оказывало в первое время переселенцам с Архипелага материальную помощь. Так, в 1776 г. Екатерина II приказала отпускать ежегодно на содержание греков в Керчи, Еникале и Таганроге 72 тыс. рублей и выдать одновременно 64 тыс. рублей на те же цели⁸.

Содействуя эмиграции греков, как, впрочем, и других иностранцев, в Северное Причерноморье, царское правительство стремилось быстрее заселить эти богатые, но пустынные земли, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. В особом покровительстве, оказывавшемся греческим переселенцам, большую роль играли и политические замыслы Екатерины II, нашедшие воплощение в так называемом «греческом проекте».

С греческой эмиграцией периода после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. совпало переселение части старожильческого греческого населения Крыма на побережье Азовского моря. С античных времен в Крыму имелось греческое население, постоянно пополнявшееся. В период существования Крымского ханства местные греки испытали значительное татарское влияние. Массовое переселение греков, а также грузин, армян, валахов из Крыма в Новороссию произошло в 1778 г. Крым покинуло тогда не менее 20 тыс. греков. Многие переселенцы погибли в дороге от эпидемических болезней, а часть вскоре возвратилась в Крым. Остальные обосновались на побережье Азовского моря, где в 1779 г. основали город Мариуполь и 20 сел. Царское правительство всячески поощряло переселение греков и других христиан из Крыма в Новороссию. Это переселение способствовало освоению новороссийских степей и одновременно серьезно ослабляло Крымское ханство, лишая его значительной части производительного населения. Для содействия переселению греков из Крыма Екатерина II предоставила мариупольской греческой общине исключительные в условиях царской России привилегии. Мариупольские греки получили обширные земельные угодья, освобождение на 10 лет от всех налогов и повинностей, были избавлены навечно от рекрутского набора, пользовались правом местного самоуправления⁹.

Следствием второй русско-турецкой войны в царствование Екатерины II была новая волна греческой эмиграции в Россию, хотя и не столь значительная, как после войны 1768—1774 гг. После Ясского мира в южные губернии России переселились несколько сот греков и албанцев, сражавшихся на Средиземном море в составе греческой добровольче-

⁶ Текст указа см. в статье: С. Сафонов, Указ. раб., стр. 211—214.

⁷ ЦГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 146, лл. 47—48. Прошение депутатов Таганрогского греческого общества генерал-прокурору А. А. Беклешову 20 ноября (2 декабря) 1802 г.

⁸ Е. А. Загоровский, Военная колонизация Новороссии при Потемкине, Одесса, 1913, стр. 31.

⁹ Гавриил (архиепископ Херсонский и Таврический), Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию, «Записки Одесского общества истории и древностей», т. I [1844], стр. 200.

ской флотилии Ламброса Кацониса. П. А. Зубов, генерал-губернатор Новороссийского края и главнокомандующий Черноморским флотом, предложил сформировать из них греко-албанский дивизион численностью в 300 человек. Екатерина II согласилась с предложением П. А. Зубова и 19(30) апреля 1795 г. утвердила положение о новом дивизионе. Было решено выделить для поселения чинов дивизиона и родственников, которые придут к ним из-за границы, 15 тыс. десятин «земли удобной» в окрестностях Одессы. Одновременно П. А. Зубов принял меры и для привлечения в Одессу греков-колонистов.

В первую очередь он стремился поселить в новом морском порту жителей Архипелага, славившихся своей коммерческой предприимчивостью и мореходными навыками. В том же 1795 г. Екатерина II утвердила «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев». Переселенцам давались денежные пособия и дома, выстроенные за казенный счет. Кроме того, они на 10 лет освобождались от всех податей и повинностей. Была учреждена также специальная должность попечителя над переселенцами, который должен был заботиться «о доставлении им при переселении и водворении всякого пособия, об охранении их от притеснений, о соблюдении в обществе их мира, тишины и доброго согласия». Попечителем этим был назначен подполковник А. Кесоглу, тоже грек из эмигрантов «по уважению его и доверенности в нации греческой»¹⁰.

Текст «Положения» был переведен на новогреческий язык и послан в Стамбул русскому посланнику В. П. Кочубею для распространения среди греков.

К концу 1795 г. решения правительства о поселении греков в Одессу в значительной мере были претворены в жизнь. В Одессу с Архипелага и других мест прибыло 62 семейства переселенцев и сверх того еще 41 человек и среди них 27 купцов. Всем желающим были выделены участки для строительства домов. Кроме того, за счет казны было выстроено 32 дома, в которых по «азиатскому образцу» были устроены и торговые помещения. Они были отданы малоимущим переселенцам. К этому же времени был сформирован и полностью укомплектован греческий дивизион в составе трех рот¹¹.

Однако батальон тогда так и не успел вступить во владение отведенной ему по реке Барабой в 20 верстах от Одессы землей¹². После смерти Екатерины II генерал-губернатор вновь учрежденной Новороссийской губернии Н. М. Бердяев получил от Павла I указание составить обзор экономического положения Одессы. В этот обзор Н. М. Бердяев включил и раздел о состоянии греческого дивизиона. Из него явствовало, что из 348 наличных чинов батальона только 83 человека принимали участие в военных действиях на Архипелаге во время русско-турецкой войны. Н. М. Бердяев, кроме того, указывал, что в дивизион наряду с греками входят люди разных наций, в том числе «малороссияне и поляки», которые «недостойны участвовать в выгодах, тому дивизиону дарованных».

Получив эти сведения, Павел I рескриптом от 20 июня (1 июля) 1797 г. приказал Бердяеву: «Греческий дивизион совсем уничтожить и чистившихся в оном обратить в то состояние, кто куда пожелает»¹³.

После расформирования греческого дивизиона его солдаты и офицеры остались без средств к существованию. Некоторые из них вынуждены были вернуться за границу, часть разъехалась по различным городам

¹⁰ А. Орлов, Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год, Одесса, 1885, стр. 5—8.

¹¹ К. Смольянинов, История Одессы, Одесса, 1853, стр. 54.

¹² Т. Ю. Теохаріді, Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол., «Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук», ч. 4—5, Секція для вивчення грецької нацменшости, вип. 1. Одесса, 1930, стр. 13.

¹³ Т. Ю. Теохаріді, Указ. раб., стр. 16.

России. Но многие из бывших служащих батальона остались в Одессе и занялись торговлей. Здесь через шесть лет они получили известие о восстановлении греческого дивизиона.

В 1803—1804 гг. русская политика в греческом вопросе активизировалась, что было связано с обострением русско-французской борьбы за влияние в Греции. Стремясь нейтрализовать эффект французской пропаганды в Греции и завоевать симпатии греческого общества, Александр I всячески подчеркивал свое расположение к грекам. Одним из таких политических жестов было восстановление греческого дивизиона.

«Желая дать сей единой верной нам нации (грекам.— Г. А.) новый довод покровительства и попечения», царь своим указом военной коллегии от 22 октября (3 октября) 1803 г. приказал создать трехротный пехотный батальон под названием «Одесского греческого» и определить в него главным образом греков и албанцев, «в разных войнах России служивших, а наипаче в Средиземном море». Штат батальона был определен в 46 штаб-овер- и унтер-офицеров, 9 нестроевых, 423 рядовых и 6 барабанщиков¹⁴. В январе 1804 г. началось формирование Одесского греческого батальона. Тогда же батальону были возвращены для заселения 13 404 десятины земли на речке Барабой, отобранных у него в 1797 г. Однако к 1806 г. заселение этой земли не было закончено. В следующем году, после начала новой русско-турецкой войны, Одесский греческий батальон во главе со своим командиром майором Патераки выступил на фронт и принял участие в боевых действиях в составе Дунайской военной флотилии¹⁵.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. привела к дальнейшему росту греческого населения в России, в первую очередь за счет присоединения Бессарабии. В городах и местечках Бессарабии, особенно в Измаиле, Килии, Аккермане, при турецком господстве селились греки, привлеченные сюда покровительством, которое оказывали своим соотечественникам правившие в Молдавии господа́ри-фанариоты¹⁶. После присоединения Бессарабии к России усилилось внешнеторговое значение придунайских населенных пунктов, что вызвало приток сюда новых греческих поселенцев.

Греческая колония образовалась, в частности, в местечке Рени. Адмирал А. В. Чичагов, командовавший тогда Дунайской армией, разрешил вести через Рени заграничную торговлю. Это решение русского командующего, как позднее писали сами ренийские жители-греки, «вызвало нас с разных сторон поселиться и устраивать дома и магазины»¹⁷. Некоторые греки, жившие ранее в Болгарии, переселились в Бессарабию в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. вместе с тысячами болгар, так называемых задунайских переселенцев. Новое пополнение в годы этой войны получили и греческие общины Северного Причерноморья.

После завершения русско-турецкой войны 1806—1812 гг. греческая эмиграция в Россию продолжалась. Многие греки, приезжавшие в Россию на купеческих кораблях, надолго оседали в русских черноморских и дунайских портах. И все же масштабы греческой эмиграции в Россию после 1812 г. явно сократились. Определенно уменьшился также и процент натурализовавшихся в России эмигрантов.

Целый ряд причин способствовал уменьшению греческого эмиграционного движения. Прежде всего изменилась в целом колонизационная

¹⁴ Т. Ю. Теохаріді, Указ. раб., стр. 20.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ Фанариоты — греки, занимавшие высокие государственные должности в Османской империи. Название происходит от наименования квартала Фанар в Константинополе (Стамбуле), где жили знатные греческие фамилии, представители которых примерно с XVII в. стали служить в турецком государственном аппарате.

¹⁷ Государственный архив Одесской области, ф. 1, оп. 214, д. 8, лл. 106—107. Прощение греков Рени наместнику Бессарабии генерал-лейтенанту А. Н. Бахметеву. 20 июля (1 августа) 1817 г.

политика царского правительства. После 1812 г. льготы иностранным колонистам были урезаны.

Что же касается конкретно греческой эмиграции, то ее уменьшению способствовали и особые причины. После завершения наполеоновских войн в Европе Александр I взял курс на улучшение отношений с Османской империей и на урегулирование спорных вопросов, существовавших между обеими странами. Частые споры и конфликты вызывало русское «покровительство» грекам, рамки и формы которого были весьма широкими и неопределенными. Теперь царское правительство решило точнее определить правовые основания для предоставления грекам «покровительства» со стороны русских дипломатов. Главным критерием стало наличие русского подданства. Поэтому эмигранты теперь уже не могли пользоваться благами фактического двойного подданства и должны были натурализоваться. Но на вступление в русское подданство многие греки-эмигранты шли неохотно. Помимо того, что после 1812 г. связанные с этим формальности усложнились, принятие русского подданства означало отказ от надежды на возвращение в Грецию. Между тем для греческого общества это была пора особенного роста патриотических чувств, в полной мере захвативших и греков-эмигрантов.

Итак, 1812 г. можно считать важной вехой в истории греческой эмиграции в Россию. Он завершил 37-летний период (1775—1812 гг.), когда в условиях следовавших друг за другом русско-турецких войн, в которых активно участвовали и греки, при поддержке и поощрении со стороны царского правительства в массовых масштабах шло переселение греков в Россию.

Эти переселенцы вместе с коренным греческим населением, уже жившим в пределах России, создали в краю, бывшем в древности зоной греческой колонизации, цепь греческих общин, тянувшихся от устья Дуная до Азовского моря.

Из городских греческих общин Бессарабии самой многочисленной была община Измаила. По данным на 1820 г., из 8 439 жителей крепости Измаил и города Тучков греков (русских, английских и турецких подданных) насчитывалось 369 душ¹⁸. Среди них были крупные и мелкие купцы, приказчики, матросы, булочники, сапожники, слуги. Греки жили и в других районах Бессарабии, как в городах, так и в селах. Из 24 360 задунайских переселенцев (1816 г.) 830 человек составляли греки, поселившиеся главным образом в Томаровском цыните¹⁹. К ним следует добавить еще и греков-купцов, поселившихся в местечке Томарова (в 1818 г. оно было преобразовано в город Рени), о которых речь уже шла выше. В 20-х годах XIX в. в Бессарабии небольшие греческие общины существовали также в Кишиневе, Аккермане, Хотине.

На всем юге России наиболее преуспевающей была греческая община Одессы. В 1795 г. греки составляли свыше 10% населения города (244 из 2349 жителей)²⁰. В последующие годы население Одессы быстро росло. Большой спрос на рабочие руки, легкость приобретения земли, бурный рост морской и сухопутной торговли, создававший возможности для быстрого обогащения, привлекали в город переселенцев: немцев, французов, итальянцев, греков, болгар, молдаван. В 1803 г. население Одессы составляло 9 тысяч, в 1808 г. оно увеличилось до 12,5 тысяч, а в 1814 г. достигло уже 25 тыс. человек²¹. Из-за отсутствия точных статистических данных трудно сказать, какую часть из этих 25 тыс. жителей составляли

¹⁸ Филиал государственного архива Одесской области в Измаиле, ф. 514, д. 83, лл. 1—240.

¹⁹ «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского», Сборник документов, Кишинев, 1957, стр. 244.

²⁰ С. Бернштейн. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы, Одесса, 1881, стр. 23.

²¹ Там же.

греки. По-видимому, их удельный вес в городском населении в 1814 г. был несколько меньшим, чем в 1795 г. Но среди купеческого сословия Одессы греки составляли весьма значительный процент. Они занимались в Одессе и различными ремеслами, в частности, в 1803 г. много было греков среди одесских булочников. В окрестностях Одессы обрабатывали землю солдаты вернувшегося в 1814 г. с войны Одесского греческого батальона. В 1818 г. впервые упоминается в архивных документах «греческое местечко Александровка» под Одессой — место поселения греческого батальона²². Но большинство служащих батальона не обрабатывали землю сами, а сдавали ее в аренду, предпочитая заниматься торговлей в Одессе²³.

Коммерция стала основой благосостояния греческой общины Одессы. Хозяйственное освоение плодородных земель Новороссии вызвало значительный рост сельскохозяйственного производства, главным образом зернового. Через Одесский порт хлынул на внешние рынки поток новороссийской пшеницы. Через Одессу также шла в глубинные районы основная масса ввозившихся в Россию через черноморские порты иностранных товаров²⁴. В этой значительной и весьма прибыльной торговле греческие купцы играли важнейшую роль. Их коммерческая предприимчивость и опыт позволяли им использовать создавшуюся на юге России благоприятную экономическую конъюнктуру для быстрого обогащения. Успеху коммерческих операций греческих купцов в России содействовало и то, что они опирались на обширную торговую сеть, созданную к этому времени греческой буржуазией. Эта сеть охватывала всю Европу и некоторые районы Азии и Африки. С начала XIX в. Одесса становится одним из важнейших узлов этой межконтинентальной греческой торговой сети. Здесь основываются крупные греческие торговые дома. Некоторые греки, прибывшие в Одессу совсем без денег или с небольшими капиталами, становятся владельцами торговых фирм с миллионными оборотами.

Далее по побережью на восток от Одессы греческие общины существовали в Херсоне, Таганроге, Мариуполе, Николаеве. Численность мужского греческого населения Таганрога (по данным на 1802 г.) составляла 850 человек²⁵.

Среди греческих общин юга России первое место по численности населения занимала греческая община Мариуполя, основанная, как уже упоминалось, в 1779 г. В самом городе и окрестных селах в 1816 г. насчитывалось 11,5 тысяч греков²⁶. Эта греческая община имела особенности в своем хозяйственном облике, выделявшие ее среди других, по преимуществу торговых, греческих общин России. Мариупольцы, как и их крымские предки, продолжали заниматься главным образом земледелием, скотоводством и рыболовством.

В этническом и бытовом отношении они также сильно отличались от остальных греческих жителей юга России. По свидетельству современника, в первые десятилетия XIX в. мариупольские греки одевались по-та-

²² Т. Ю. Теохаріді, Указ. раб., стр. 25.

²³ В Одесском греческом батальоне, который должен был пополняться из греков и албанцев, служивших во время русско-турецкой войны на Архипелаге, постоянно был неполный личный состав. В 1819 г. батальон состоял всего из 18 офицеров и унтер-офицеров и 73 рядовых. Указом Александра I от 18 мая (9 июня) 1819 г. батальон был расформирован, а годные к службе его чины — 56 человек — были переведены в Баллаковский греческий батальон (Т. Ю. Теохаріді, Указ. раб., стр. 28—30).

²⁴ О развитии экономики и торговли Южной России в конце XVIII — начале XIX в. см.: Е. И. Дружинина, Северное Причерноморье 1775—1800 гг., М., 1959; В. А. Золотов. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века, Ростов-на-Дону, 1963.

²⁵ ЦГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 146, лл. 47—48. Прошение депутатов таганрогского греческого общества генерал-прокурору А. А. Беклешову. 20 ноября (2 декабря) 1802 г.

²⁶ АВПР, ф. Главный архив, II—1, 1816, д. 1, л. 42. Протокол от июля 1816 г. комитета при департаменте государственных имуществ, учрежденного для рассмотрения дела о землях мариупольских греков.

тарски и говорили на татарском языке. Их же греческий язык, который знали не все мариупольские греки, значительно отличался от языка переселенцев из Греции²⁷. Впрочем, контакты между мариупольскими греками и их соотечественниками, прибывшими из Греции, способствовали в известной мере усвоению переселенцами из Крыма элементов новогреческой культуры и языка. Определенную роль в этом сыграло и основанное в Мариуполе около 1820 г. училище, где преподавание велось на новогреческом языке²⁸. В Крыму после присоединения его к 1783 г. к России помимо старожильского греческого населения появилось много новых греков переселенцев. Правительство поощряло греческую эмиграцию в Крым. Согласно манифесту Павла I от 13/24 февраля 1798 г. об иностранных колониях в Крыму, грекам-колонистам «яко единоверцам и древним сея страны обитателям» предоставлялись особые привилегии²⁹. В начале XIX в. греческое население Крыма насчитывало, по некоторым данным, 16 500 человек³⁰. Его составляли как крымские греки — коренные жители этой области, так и эмигранты из Османской империи. Греки, прибывшие в Крым после русско-турецкой войны 1768—1774 гг., образовали, как уже говорилось выше, греческую общину Керчи и Балаклавский греческий пехотный батальон. Греческое общество Керчи и Еникале состояло в 1801 г. из 605 человек³¹. Балаклавский греческий батальон насчитывал в 1818 г. 1194 человека. В это число помимо военнослужащих действительной службы входили также вышедшие в отставку и те, которым предстояло еще служить³². Новая значительная греческая община, главным образом за счет переселенцев из Анатолии, сформировалась в начале XIX в. в Феодосии. В 1813 г. численность ее составляла 1500 человек³³. Небольшие греческие общины существовали в то время в Севастополе и Евпатории. Первые десятилетия XIX в. стали для греческих общин юга России порой наивысшего экономического расцвета и подъема общественной жизни. И это, несмотря на то, что экономические и политические привилегии новых греческих общин России, предоставленные им царским правительством, носили гораздо более условный и ограниченный характер, чем привилегии старой греческой общины Нежина.

Например, предоставленное в 1795 г. Екатериной II жителям Архипелага, переселившимся в Одессу, освобождение от налогов имело силу лишь десять лет. В 1805 г. истек также срок подобной же льготы, предоставленной в 1775 гг. греческой общине Керчи. После этого керченские греки были разделены по сословиям: 12 человек причислены к купцам и 453 — к мещанам. Мещане же, согласно законам Российской империи, подлежали рекрутскому набору. Керченские греки пытались добиться освобождения от этой тяжелой повинности. Герцог Ришелье, генерал-губернатор Новороссийского края, поддержал их перед правительством. Он указывал, что греки Керчи в 1791, 1809 и 1810 гг. «служили своими лодками для переправы войск» и «теперь во всякое время перевозят войска». Тем не менее решение комитета министров от 6(18) марта 1812 г. по этому вопросу гласило: «Керчьеникальских греков от рекрутства не ос-

²⁷ Гавриил (архиепископ Херсонский и Таврический), Указ. раб., стр. 203—204. Советские языковеды, занимавшиеся языком мариупольских греков, определяют его как особый диалект новогреческого языка. См.: Т. Н. Чернышева, Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района, Сталинской области, Киев, 1958, стр. 7—8, 41—42.

²⁸ Гавриил (архиепископ Херсонский и Таврический), Указ. раб., стр. 204.

²⁹ А. Скальковский, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1838, стр. 17—18.

³⁰ [Г. А.] Περὶ τῶν Ἑλλήνων τῆς Μεσηβρινῆς Ρωσσίας νπομνήματα, Ἐν Αἰγύπτῳ 1853, σ. 46.

³¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 146, л. 98. «Петиция керченских греков Александру I от 31 июля (12 августа) 1801 г.»

³² ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3. О Балаклавском греческом батальоне в Крыму.

³³ А. Скальковский, Указ. раб., ч. II, стр. 230.

вобождают, потому что всякое сословие должно исправлять свои повинности, и потому, что дарованная им привилегия уже кончилась»³⁴.

Вновь возникшие в конце XVIII — начале XIX в. греческие общины Южной России, как правило, не имели собственной официально признанной администрации (кроме Мариупольской общины и Балаклавского и Одесского греческих батальонов). Их попытки добиться самоуправления или хотя бы юридического признания были безрезультатными.

Так, ренийские греки в течение четырех лет (1819—1823 гг.) безуспешно хлопотали перед правительством об основании в Рени «российского греческого общества» и о предоставлении ему различных привилегий³⁵. Бывали случаи и нарушения ранее предоставленных привилегий. В начале 1816 г. в Петербург прибыли два депутата от Мариупольского греческого общества. Через посредничество грека И. Каподистрия, тогдашнего министра иностранных дел России, они представили царю жалобу на то, что в нарушение привилегий, предоставленных мариупольским грекам манифестом Екатерины II от 21 мая (1 июня) 1779 г., их обложили дополнительными налогами и собираются отобрать часть пожалованной им земли. Для рассмотрения жалобы мариупольских греков был создан при департаменте государственных имуществ специальный комитет, в который вошел и И. Каподистрия. Благодаря вмешательству влиятельного министра большая часть земли, которую собирались отобрать у мариупольских греков, осталась за ними. Но Александр I отказался освободить их от дополнительных налогов³⁶.

Несмотря на то, что большинство новых греческих общин юга России не смогли официально узаконить свое существование, они стойко сохраняли национальное своеобразие. Греки-переселенцы сохраняли свой язык, свою культуру, поддерживали тесные связи с родиной. Среди других факторов этому прежде всего способствовали массовые размеры греческой эмиграции в Россию.

Групповой характер переселения позволил переселенцам сохранить свою национальную среду. Как любые переселенцы, греки в первый период своей жизни в чужой стране весьма дорожили своими национальными связями. Селились они, как правило, компактно. В Одессе, например, греки сплошь заселяли переулки, прилегавшие к главной улице — Дерибасовской³⁷. О компактном типе расселения греков в Одессе свидетельствуют названия улиц и площадей города, сохранявшиеся до начала XX в.: «Греческая площадь», «Греческий базар».

К разрыву национальных связей между эмигрантами и к их ассимиляции часто приводит экономическая необходимость, вынуждающая эмигрантов в поисках средств к существованию переезжать с места на место, приобретать новые профессии, длительное время жить в другой языковой среде. В конкретных же условиях юга России начала XIX в. экономический фактор, наоборот, содействовал консолидации греческих общин. До начала греческого восстания 1821 г. русская черноморская торговля контролировалась богатыми греческими купцами и эмигранты могли находить источник к существованию в традиционных, привычных для них сферах деятельности: торговле и мореходстве.

На принадлежавших греческим купцам кораблях, плававших по Черному и Средиземному морям, на их береговых складах и магазинах матросами, шкиперами, приказчиками, как правило, работали греки.

³⁴ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, л. 24, л. 224.

³⁵ Государственный архив Одесской области, ф. 1, оп. 214, ед. хр. 8. «Дело о построении в местечке Рени нового города и о причислении к оному жителей селения Волканешт, освобождении местечка Рени от постоя и о прочем».

³⁶ АВВР, ф. Главный архив, II—1, 1816, д. 1, лл. 55—56. «Копия с высочайшего повеления, объявленного комитету г. г. министров 14 мая 1817 г. за № 206».

³⁷ Один из таких переулков — Красный — с двухэтажными домиками типично балканской архитектуры почти полностью сохранился до наших дней.

Оживленные экономические связи черноморских портов России с восточным Средиземноморьем также содействовали сохранению национальной самобытности греческих общин Южной России. Регулярные торговые рейсы давали возможность южнорусским грекам поддерживать постоянные сношения со своими родственниками и друзьями, оставшимися в Османской империи. В Одессу и в другие черноморские порты постоянно прибывали новые греки из-за границы. Их рассказы поддерживали у местных греков неослабевающий интерес к судьбам своей родины. Греция, как известно, в конце XVIII — начале XIX в. переживала эпоху национального возрождения. В городах и селах Греции основывались национальные школы. В греческих типографиях за границей издавались переводные и оригинальные сочинения, появились первые греческие газеты и журналы. Горячий отклик в сердцах греческих патриотов нашли выдвинутые революционером-демократом Ригасом Велестинлисом идеи национально-освободительной борьбы. Эта общая для греческого мира атмосфера национального подъема распространилась и на греческие общины России. У переселенцев возрос интерес к изучению своего родного языка. В 1800 г. в Одессе коллежским ассессором Врето была основана школа, 70 учеников которой обучались греческому, итальянскому и русскому языкам. Школа эта просуществовала три года³⁸. В 1811 г. в Одессе существовали две частные греческие школы³⁹. В 1817 г. в этом же городе на деньги местных купцов было основано Греческое коммерческое училище, ставшее одним из самых значительных греческих национальных учебных заведений той эпохи. В 1814—1820 гг. в Одессе существовал греческий любительский театр, ставивший пьесы национально-патриотического содержания.

Благоприятные условия, существовавшие в России для национально-патриотической деятельности греческих общин, привели к тому, что во второй декаде XIX в. эти общины стали важнейшей базой греческого национально-освободительного движения. В 1814 г. эмигранты из Греции — Н. Скуфас, А. Цакалов и Э. Ксантос — основали в Одессе тайную революционную организацию «Филики Этерия» («Дружеское общество»), начавшую подготовку всеобщего восстания против османского ига. В 1820 г. «Филики Этерию» возглавил видный греческий патриот, генерал русской армии Александр Ипсиланти. Когда в феврале 1821 г. Ипсиланти перешел русско-турецкую границу и призвал своих соотечественников принять участие в борьбе за освобождение Греции, то на этот призыв откликнулись не только недавние эмигранты, но и некоторые из тех русских греков, для которых Россия уже стала второй родиной.

Патриотическая деятельность греческих общин России способствовала их сплочению. Сознание важности выполняемой ими освободительной миссии, постоянные и многосторонние контакты с Грецией и заграничными греческими общинами помогали грекам России сохранять свою национальную самобытность. Более того, именно национально-патриотическая деятельность способствовала возникновению у греков России органов общинного самоуправления. Роль таких органов выполняли эфории (комитеты) «Филики Этерии», которые в 1820—1821 гг. возникли в ряде городов России, где жили греки.

Конец XVIII — начало XIX в. составлял один из важных этапов греческой эмиграции в нашу страну. Последующая этническая история греческого населения Северного Причерноморья не рассматривается в настоящей статье. Скажем лишь несколько слов о ее результатах. В итоге сложных исторических и этнических процессов произошло размывание греческих городских общин Северного Причерноморья. Потомки переселенцев из Греции в значительной части ассимилировались, войдя в со-

³⁸ «Одесса 1798—1894», вып. 2, Одесса, 1895, стр. 621.

³⁹ Там же, стр. 633.

став русской, украинской и других национальностей СССР. Довольно значительное распространение греческих фамилий свидетельствует об определенной роли греческого элемента в формировании современного населения СССР. Большую этническую устойчивость проявило греческое сельское население Приазовья — потомки переселенцев из Крыма. В Донецкой области УССР и поныне существует много греческих сел, жители которых сохранили свой язык и национальную самобытность.

SUMMARY

The Greek population of the USSR numbers 309 thousand (1959). Greeks live in the Ukraine, the Russian Federation, the republics of Transcaucasia and Middle Asia. One of the episodes in the lengthy and complex process of the formation of the USSR Greek population was the Greek emigration to Russia in the end of XVIII — beginning of the XIX century; this was mainly directed to the northern part of the Black Sea region. In that period of acute political struggle and numerous armed conflicts between Russia and the Ottoman Empire, the Russian government, in pursuance of its traditional policy of support for the Christian population of the Balkans, offered protection to political emigrants who had taken part in anti-Turkish risings, members of volunteer battalions who helped Russian forces, as well as other emigrant groups. The Russian administration took upon itself the organization of Greek settlements which arose at that time in the Crimea, Bessarabia, Odessa, Nikolayev, Kherson, Taganrog, and other places. The Greek colonies which arose at first as military settlements soon became trading and handicraft centres. The Greek communities of South Russia which had preserved their national character, presented, in the second decade of the XIX century, a favourable environment for the national-patriotic activities of the founders of «Filiki Eteria» — a revolutionary organization which began preparations for the general uprising against the Ottoman Empire.

М. Баряктарович

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ (ЮЖНАЯ СЕРБИЯ)

I

Косовско-Метохийская область исключительно пестра как в этническом, так и в социальном отношениях. В силу особых экономических, политических и других условий здесь, с одной стороны, сохранились архаические явления, а с другой стороны имеют место специфические этнические, социальные и иные процессы, характерные для современного этапа развития общества. Этим главным образом и определяется интерес к этнографическому изучению населения Косовско-Метохийской области.

Напомним, что эта область находится между собственно Сербией, Македонией, Черногорией и Албанией. Первоначально здесь жили иллирийцы, а именно дарданы, потом римляне, сербы, албанцы. В средние века на этой территории жили потомки иллирийцев, албанцы и славяне, которые впоследствии стали численно преобладать. С XV в. здесь появились и турки.

В средневековой Сербии началось переселение в Косово и Метохию немцев (сасов), концентрировавшихся главным образом в районах горных промыслов.

Со временем сасы были славянизированы или албанизированы¹.

На рудниках и в торговых местечках Косова и Метохии в средние века жили и дубровчане. Их поселения были особенно многочисленны в Новом Броде². Во время турецкого господства в дубровницкие колонии приходили «поклисари» из Дубровника³. Народная традиция сохраняет

¹ А. Урошевич считает, что наименование с. Шашковица (окрестности Янева) произошло от слова «сасы» (А. Урошевич, Косово, «Населъа и порекло становништва», кн. 39, Београд, 1965, стр. 44, 71, 76). Интересно отметить, что в разных частях Югославии существует традиция считать все семьи по фамилии Кулизе потомками старых горняков-сасов. (Р. Павлович, Кулизе, «Гласник Етнографског института САН», кн. I, Београд, 1952, стр. 25). Интересно, что в турецких законах сасами называют всех горняков вообще, вне зависимости от их этнической принадлежности (М. Бегович, Наши правни називи у турским споменицима, «Глас САНУ», ССЛ, Београд, 1961, стр. 30).

² М. Динић, За историју рударства у средњовековној Србији и Босни, П, Београд, 1962, стр. 44; А. Урошевич, Приштина, «Зборник радова Етнографског института САН», 2, Београд, 1951, стр. 6, 15—16; С. Тројановић, Јањево и његове претензије, «Српски књиж. гласник», XVII, Београд, 1906, стр. 104.

³ Ј. Тадић, Дубровчане по Јужној Србији у XVI столећу, «Гласник Скопског научног друштва», VII—VIII, Скопље, 1930, стр. 198—201. В Прокупле сохранились надгробные памятники дубровчан, которые имели здесь колонию до конца XVII в. Имена на этих памятниках идентичны именам торговцев, известных по другим документам (В. Винавер, Дубровачки трговци у Србији Бугарској крајем XVII века (1660—1700), «Историски часопис», XII—XIII, Београд, 1963, стр. 197). Дубровчане жили не только со стороны Косова, но и с другой стороны Копаника, например в Плане,

память о том, что современное население Летничке Жупе и Янева, которое исповедует католичество и говорит на сербскохорватском языке, является потомками дубровчан. И только население двух сел из Летничке Жупе, также исповедующее католичество, но говорящее на албанском языке, считает себя албанцами⁴.

С момента проникновения турок на Балканы они появились и в Косове, особенно в Качанике, Вучитрне и Приштине⁵. На турецкое происхождение населения Кумане указывает, по-видимому, и название с. Куманова (Косово), существовавшее еще в средние века⁶.

Со времени турецкого владычества в этом краю появляются цыгане. Однако цыгари, которые упоминаются в одном из документов XIV в. из Призрена, не были цыганами, как полагает Муйич⁷ (этот термин употребляется в действительности для обозначения сапожников)⁸. А. Урошевич считает, что некоторые цыгане Косова, исповедующие православие, жили здесь еще до проникновения турок⁹.

Во второй половине XVIII в. и позже в этот край переселилось из Македонии некоторое количество цинцаров-влахов, которых в районе Призрена еще в начале нашего века насчитывалось до 140 семей¹⁰. Были они и в Липляне¹¹, и в Косовской Митровице¹². Название горы Чичавице, возможно, происходит от средневековых влахов¹³.

В последние десятилетия турецкого господства в этой области жили также евреи. Только в Приштине перед второй мировой войной было 450 евреев¹⁴.

В 1864 г. турки поселили в Косово значительную группу черкесов (собирательное название для выходцев с Кавказа). По одной версии считалось, что в югославских землях их было тогда около 40 тыс.¹⁵. Кроме Косова, они жили и в Санджаке¹⁶. Село Становце было одним из самых больших и компактных поселений черкесов в Косово¹⁷. Но после 1878 г. и двух мировых войн черкесы в основном переселились в Турцию.

После 1878 г., т. е. после освобождения южных частей Сербии (Пиротский, Нишский, Топлицкий и Враньский округа), из этих краев в Косово и Метохию переселилось некоторое количество «мухаджиров» — исламизированных албанцев и сербов.

В настоящее время в Косовско-Метохийской области в основном живут албанцы, а также сербы (включая сюда и черногорцев), турки и цыгане.

юго-западнее Желина (В. Симић, Плана, средневеково население рударске привреде, «Гласник Етнографског института САН», II—III, Београд, 1957, стр. 105).

⁴ А. Урошевић, Католичка жупа Црна Гора (Летничка Жупа), «Гласник Скопског научног друштва», XIII, Скопље, 1934, стр. 168, 169.

⁵ А. Урошевић, Косово, стр. 69—70.

⁶ Там же, стр. 68.

⁷ М. Мујић, Положај Цигана у југославенским земљама под османском влашћу, «Прилози за оријенталну филологију и историју југословенских земаља под турском владавином», III—IV, Сарајево, 1953, стр. 143.

⁸ М. Барјактаровић, Шта значи израз цигарија из Душанове повеле из 1348 године, «Гласник Музеја Косова и Метохије», III, Приштина, 1958, стр. 224.

⁹ А. Урошевић, Косово, стр. 69.

¹⁰ П. Костић, Цинцарска насебина у Призрену и црква св. Спаса, «Братство», XIX, Београд, 1925, стр. 294, 297, 301.

¹¹ А. Урошевић, Липљан — антропогеографска испитивања, «Гласник Етнографског института САН», II—III, Београд, 1957, стр. 341.

¹² А. Урошевић, Косовска Митровица, «Гласник Етнографског института САН», II—III, стр. 201.

¹³ А. Урошевић, Косово, стр. 68, 95.

¹⁴ А. Урошевић, Приштина, стр. 25—26.

¹⁵ М. Хаџијахић, Турска компонента у етногенези босанских муслимана, «Преглед», II—12, Сарајево, 1966, стр. 498. См. также Т. Борђовић, Черкези у нашој земљи, «Гласник Скопског научног друштва», III, Скопље, 1927, стр. 145.

¹⁶ М. Хаџијахић, Указ. раб., стр. 498.

¹⁷ А. Урошевић, Косово, стр. 94.

Совершенно очевидно, что в этой области сохранились потомки других этнических групп и народов, которые жили здесь в прошлом. Естественно и то, что в прошлом здесь происходили сложные процессы ассимиляции и вытеснения одной группы населения другой. Например, известно, что в средние века сербы вытесняли и ассимилировали албанцев и влахов, тогда как во время турецкого владычества, начиная с конца XVII и в начале XVIII в., сербы начали вытесняться из этих областей и албанизироваться.

Исторические, экономико-географические, языковые, религиозные, этнические или другие факторы обусловили и значительную пестроту форм социальной организации, бытующих в Косове и Метохии. Остановимся на характеристике основных типов семейно-родственных коллективов в этой области.

1. Семейная или родовая за дру га. В Метохии и Косово, особенно в среде албанского населения, до сих пор сохраняется значительное число родовых задруг. Так, в 1948 г. в этой области свыше 5 тыс. семей состояли из 15 и более человек¹⁸. По переписи 1961 г. здесь жило 963 988 человек, составлявших 152 598 семей, т. е. в среднем каждая семья насчитывала 6,5 человек¹⁹.

Семейная задруга — особая категория экономического объединения ближайших родственников. В условиях неразвитого и экстенсивного производства — это лучший способ организации коллективной жизни двух-трех (а иногда и более) поколений родственников. Даже в настоящее время еще встречаются семейные задруги, насчитывающие до 80 человек²⁰. В 1959 г. задруга Жель Хасани из с. Вакоце (под Джаковицей) насчитывала 92 человека²¹, задруга Османай из Джураковца перед разделом в 1962 г. — 94 человека²². Задруга имеет избранного старейшину. В прошлом бывали задруги, часть членов которых исповедовала католичество, а другая часть — ислам²³. Это означает, что для членов задруги на первом плане были общие экономические интересы, которые подчиняли себе их личные религиозные чувства.

Сейчас, при изменившихся экономических и общественных условиях жизни, задруги исчезают, так как они уже утратили свои экономические и социальные функции.

2. Род. Там, где еще существуют семейные задруги, обычно сохраняется также и род, т. е. коллектив родственников, происходящих от одного общего предка²⁴. Черногорцы называют род «трбух», а албанцы «барк»²⁵. Члены рода не могут вступать между собой в брачные отношения. Их связывает обычай взаимопомощи, а в случае необходимо-

¹⁸ М. К р а с н и ћ и, Шиптарска породична задруга, «Гласник Музеја Косова и Метохије», IV—V, Приштина, 1959/60, стр. 138.

¹⁹ «Попис становништва», 1961, кн. X, Београд, 1965, стр. 7; «Статистички годишњак ФНРЈ», 1963, стр. 530—531: «Попис становништва и домаћинства у 1948, 1953, 1961», кн. X, стр. 82, 83, 89, 93. См. также «Анкета о индивидуалном пољопривредном гавдинству 1965», Београд, 1967, стр. 12.

²⁰ М. К р а с н и ћ и, Шиптарска породична задруга, стр. 138—162.

²¹ Там же, стр. 142.

²² См. об этой задруге: М. Барјактаровић, Родовска задруга Османай, «Социологија», 2—3, Београд, 1960, стр. 85—98. Вообще о сербской задруге в Метохии см. В. Н и к о л и ћ, Српска породична задруга у Метохији, «Гласник Етнографског института САНУ», VII, Београд, 1958, стр. 109—120.

²³ Б. Барјактаровић, Двојерске шиптарске задруге у Метохији, «Зборник радова Етнографског института САНУ», I, Београд, 1950, стр. 197—203.

²⁴ Автор имеет в виду не род первобытнообщинной эпохи, а родственный коллектив, обычно обозначаемый в советской литературе термином «патронимия» — (Прим. ред.).

²⁵ В албанском языке под барком следует понимать матрилинейный род (М. Барјактаровић, Ругова и њено становништво, «Српски етнографски зборник», кн. 74, Београд, 1960, стр. 184).

сти — и взаимной мести. Обычно какое-то время род живет в одном поселении. Когда род увеличивается, он территориально расширяется и делокализуется. Со временем род начинает отождествляться с братством и даже племенем. Поэтому и сейчас еще албанцы и, особенно, черногорцы большой род называют племенем.

Интересно, что побратим одного сородича считается родственником всех членов этого рода. Если у кого-либо из мусульман умирает брат, он может жениться на его вдове, а на вдове своего побратима не может. Ее не может взять в жены и никто из рода побратима. Это означает, что побратим в известном смысле считается более близким, чем брат.

3. П л е м я (ф и с). Племенем обычно считается коллектив более широкий, чем род. Однако племенем называется и сильно разветвленный род или братство. Поэтому существуют различные точки зрения на то, что такое «фис» и что такое братство²⁶. Народная традиция обычно выводит происхождение отдельных племен от одного предка. Члены племени всегда помогают друг другу. Кровная месть за убитого члена племени считается коллективной обязанностью соплеменников. Племя отвечает за то, что происходит на его территории. По закону Леки Дукагьини, за зло, которое кому-либо было причинено на территории племени, отвечало все племя²⁷. У православных и католиков племена имели общие празднества (славы, или, как говорят албанцы, фесты). Например, Берише праздновали Велику Госпойину, Тсач — святого Иована Зимнего, Красничи — святого Себастиана²⁸. Поэтому фисы различаются и по словам, которые, вообще говоря, связывают людей в определенные коллективы²⁹.

В установлении родства и принадлежности к какому-либо племени слава имела особое значение³⁰ и была разновидностью племенного отличия. Судя по народным песням, албанские племена имеют и своих племенных хранителей, которых представляют себе в образе вил.

С увеличением численности племени отдельные соплеменники начинают отселяться от своей основной ячейки. Поэтому сейчас ни одно племя в Косовско-Метохийской области не имеет компактной территории. Более того, каждое современное албанское племя в Сербии представляет собой ветвь племени из северной Албании (Малесии). К числу наиболее известных албанских племен Метохии и Косова относятся Хоти, Красничи, Гаши, Бериш, Шала, Тсач, Соп, Битюч, Шкрель, Кельменд. Что касается черногорцев, то они отселились сюда из основных племен в Черногории и Черногорских Брда. Больше всего здесь переселенцев из племен Васоевичи, Шекулари, Кучи, Братоножици, Белопавличи.

В смутные времена, когда человеку не была гарантирована безопасность, отдельные люди нередко приставали к чужому племени (фису) и их начинали считать членами этого племени³¹. Нередко отдельные сербские семьи становились членами какого-нибудь более сильного албанского фиса³². Это делалось для того, чтобы приобрести коллективную

²⁶ М. Филиповић, Хас под Паштрином, Сарајево, 1958, стр. 54.

²⁷ Shtjefan Konstandin Gjeçovi, Kanuni i Zekë Dukagjinit Shkodër, 1933.

²⁸ В. Николић, Прилог проучавању обичаја славе (фесте) код католичких шиптара, «Гласник Етнографског института САНУ», IV—VI, Београд, 1957, стр. 366.

²⁹ Там же, стр. 367.

³⁰ Там же, стр. 375.

³¹ А. Урошевић, Косово, стр. 115; М. Филиповић, Хас под Паштрином, стр. 51.

³² М. Краснић и, Ораховац — антропогеографска монографија варошице, «Гласник Музеја Косова и Метохије», II, Приштина, 1957, стр. 123; е го же, Сува Река, «Гласник Етнографског института САНУ», VIII, Београд, 1960, стр. 95; е го же, Дуље — насеље у Призренском Подгору, «Гласник Етнографског института САНУ», II—III, Београд, 1957, стр. 366. Аналогичные явления зафиксированы и в Македонии; отдельные семьи македонцев или цыган становились членами албанских фисов (Ј. Трифуноски, О племенским одликама Арбанаса (шиптара) у С. Р. Македонији, «Радови», XXVI, Сарајево, 1965, стр. 201).

защиту со стороны этого племени. М. Красничи считает, что в новое время отдельные люди, которые не имели коллективной защиты какого-либо племени, строили себе дома особого типа (кулы) как индивидуальное средство защиты³³. Среди албанцев и черногорцев распространено интересное народное предание о том, что отдельные албанские и черногорские племена ведут происхождение от общего предка. Так, очень распространено предание, согласно которому современные черногорские племена Васоевичи, Озриничи и Пипери и албанские Хоти и Красничи ведут происхождение от родных братьев — Васа, Хота, Озра, Пипа и Краса. Считается также, что албанское племя Гаш (Гашани) происходит от некоего Гаврилы, а черногорско-брдское племя Белопавлочи — от родного брата Гаврилы — Белого Павла³⁴. В прошлом эти племена помогали друг другу именно на основе традиций об общем происхождении.

Племя имело не только социальные, но и экономические функции. Вследствие того, что члены племени иногда помогали друг другу, создание экономической общности соплеменников было более развитым, нежели у членов более мелких коллективов или у тех людей, которые вообще не входили в такие коллективы.

4. Баръяк — тип военной организации, которая существовала у переселенцев из разных фисов Северной Албании и компенсировала отсутствие родо-племенной структуры³⁵. Например, Сухоречский баръяк охранял часть пути от Косова к Призрену. Интересно, что этот баръяк некогда наказал за ограбление на этой дороге Хамзу Зечири из с. Дуля, причем был сожжен его дом, вырублены фруктовые деревья и зарезаны волю³⁶. Следовательно, баръяк не только заменял племя, но и являлся своего рода надплеменной организацией.

5. Поселение. Село и даже город, как особый этногеографический объект, имели свои потребности и интересы, представляя собой определенный социальный коллектив, особенно, если их население было связано кровнородственными узами. Например, с. Стреоц в окрестностях Печа, которое насчитывает около 30 домов, и сейчас населено почти исключительно родственниками (из племени Красничи)³⁷. Разумеется, в наше время большинство сел населено не родственниками. В прошлом село должно было часто выступать как известное целое, особенно перед властями.

Село имело свою обрабатываемую землю, воду, пастбища и т. д. Оно по своему усмотрению организовывало свою жизнь и экономику. В Подрине раньше существовали и общесельские обрабатываемые земли, в пределах которых существовал принудительный севооборот, устанавливаемый селом³⁸. Каждый селянин должен был выполнять решение сельского схода. Никто не имел права уйти со скотом на горные пастбища раньше установленного срока. В селах, которые имеют много каштановых лесов (например, с. Стреоц), отдельный селянин не может идти собирать каштаны даже в свою часть леса, прежде чем село,

³³ М. Красничи, Кула у Метохији, «Гласник Етнографског института САН», Београд, 1958, стр. 52. Советский этнограф О. Будина считает, что возникновение кулы связано с употреблением огнестрельного оружия (О. Р. Будина, Народное жилище Северной Албании, в кн.: «Культура и быт народов Зарубежной Европы», М., 1967, стр. 129—131).

³⁴ Существует также предание, что предки пивлян — переселенцы из Косовско-Метохийского края («Насеља и порекло становништва», књ, 31, стр. 443—444). По одной версии, Бели Павел (и Гаш, сыновья Лекини) рожден в с. Палибарди в окрестностях Джаковице (М. Филиповић, Бијели Павле, «Историски записи», I, св. 3—4, Цетинье, 1948, стр. 174). Палибарди по-албански означает «Белый Павел».

³⁵ М. Красничи, Дуље, стр. 358—359.

³⁶ Там же, стр. 359.

³⁷ То же можно сказать и о с. Испитиничи (около 300 домов), в котором живут главным образом люди, принадлежащие к племени Шаля (М. Красничи, Шиптарска породична задруга, стр. 140).

³⁸ М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 52.

как коллектив, не определит для этого сроки. Село может бойкотировать того или иного человека, если он плохо ведет себя (односельчане не здороваются с ним, не идут к нему в гости), а в прошлом бывали и такие случаи, когда село вообще изгоняло его (временно или навсегда) из своей среды³⁹. Прежде селяне убивали того, кто убил своего отца или мать (иногда такого рода месть осуществлялась фисом). Село имеет свое кладбище, а иногда и церковь. Оно коллективно защищается от наводнения, пожаров, эпидемий (прежде — магическое опаживание села), засухи. Люди в селе помогают друг другу. Обычно говорят, что «сосед ближе брата». Если крестьянин продает землю, то он сначала должен предложить ее родственнику, потом соседу. Это означает, что сосед имеет определенное преимущественное право на чужую землю⁴⁰, что, безусловно, является пережитком родового владения землей.

Соседи, даже не будучи кровными родственниками, не женятся друг на друге⁴¹. Это, конечно, отголосок тех времен, когда села были населены кровными родственниками.

Следовательно, в прошлом село также было определенным экономическим и социальным коллективом. Нередко это же относилось и к небольшим городам. Горожане, как и селяне, вместе выступали по делам, которые касались их всех. Ремесленники нередко объединялись в цехи. Например, в Призрене свои цехи имели ножовщики⁴² и золотых дел мастера⁴³. Характерно, что производством ножей в Призрене занимались только мусульмане (албанцы и турки), ювелирным старым ремеслом с прошлого столетия в этом городе занимаются только албанцы-католики. И ни в одном ремесле не соблюдалось так строго правило передачи профессиональных знаний от отца к сыну, как среди золотых дел мастеров⁴⁴. Это означает, что ремесленники объединялись на экономической и религиозной основе. Их цеховые организации имели свои кассы взаимопомощи, суд чести, определенные правила поведения, свои праздники (славы); цехи защищали интересы и репутацию своих членов.

6. Край. У населения отдельных краев или областей, особенно там, где местность хоть в какой-то мере составляла географическое целое, исторически формировались и своеобразные черты быта. В таких краях люди чаще соприкасаются между собой, собираются на праздники, сотрудничают друг с другом, вступают в брачные отношения. Например, население Горы⁴⁵ вступает в брачные связи почти исключительно в пределах своей области⁴⁶, а взаимобрачные отношения, как известно, играют важную роль в процессах социальной интеграции⁴⁷.

Упомянем здесь еще одну область — Ругову, которая выделяется в этническом и региональном отношениях. Это довольно изолированная область, состоящая из 14 небольших поселений, расположенных в верх-

³⁹ 80 лет назад из с. Стреоца на 7 лет был изгнан с семьей Рам Азлани из-за того, что он нарушил какое-то решение сельского схода. В с. Лочанима, где Рам приютился у приятеля, родился и сейчас живет Шабан Садик, племянник Азлани. Другой пример: цыган из села Раушича, населенного албанцами, убил человека. Когда после отбытия наказания он вновь хотел поселиться на прежнем месте, село не допустило этого. См. Т. Вукановић, Село као друштвена заједница код Срба, «Гласник Музеја Косова и Метохије», LX, Приштина, 1965, стр. 74—75.

⁴⁰ Т. Вукановић, Указ. раб., стр. 88—89.

⁴¹ А. Урошевић, Косово, стр. 118; М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 62.

⁴² Д. Милојевић, Бритварски занат у Призрену, «Гласник Музеја Косова и Метохије», IV—V, Приштина, 1959/60, стр. 173, 185.

⁴³ З. Марковић, Кујунџијски занат у Призрену, «Гласник Музеја Косова и Метохије», VII—VIII, Приштина, 1964, стр. 388.

⁴⁴ Там же, стр. 389, 405.

⁴⁵ Гора — край, состоящий из 30 сел, недалеко от Призрена.

⁴⁶ М. Лутовац, Гора и Опоља, «Насеља и порекло становништва», кн. 35, Београд, 1955, стр. 268, 280.

⁴⁷ Д. Костић, Промене у друштвеном животу колониста, Београд, 1963, стр. 28.

нем бассейне Печке Бистрице, среди гор, где со временем сформировались некоторые местные особенности, например, в говоре, одежде, образе жизни и т. д.⁴⁸ Когда мы говорим о поселении или крае как некоем социальном единстве, мы имеем в виду, что внутри него существуют более мелкие социальные подразделения. Например, если в одном поселении жители имеют различную этническую или религиозную принадлежность, то они обычно группируются по отдельным кварталам. Таковы «сербский» и «католический» кварталы, население которых имеет свои собственные религиозные обычаи, отличающиеся от обычаев их соседей.

III

Уже на основании вышеизложенного можно было предположить, что в прошлом этническое самосознание населения Косова и Метохии должно было иметь свои специфические особенности. Так это и было на самом деле. Здесь люди определяли свою национальность по языку, религии, месту рождения (или месту жительства), административным границам и гораздо реже — по реальной этнической принадлежности. Приведем примеры.

Население Горы — славянское по происхождению и языку, но оно исламизировано. Жители называют себя горани, а свой язык — «нашки», или «горански»⁴⁹. По данным переписи 1953 г. они называли себя турками⁵⁰, хотя, кроме религии, ничего общего с турками не имеют.

Часть сербов из Ораховца и окрестных сел, в прошлом также принявших ислам, сохранили в качестве родного языка сербский. Но, в отличие от горан, они называют себя не турками, а албанцами⁵¹. Свою этническую принадлежность они, таким образом, определяют, причисляя себя к более многочисленным исламизированным соседям. Когда в 1921 г. при проведении переписи населения учитывался родной язык, 90% тогдашнего населения назвало своим родным языком сербскохорватский⁵².

Православное население с. Деловце (в Призренском Подгорье) считает себя сербами, а мусульманское — албанцами; при этом и те и другие утверждают, что они ведут свое происхождение от общих предков⁵³. Берише и Красичи в с. Дамьяну (недалеко от Джаковицы), которые сейчас считают себя албанцами, утверждают, что их предки — православные сербы⁵⁴.

Но не только сербы утрачивали в Косовско-Метохйской области свою этническую принадлежность. Процесс денационализации шел и среди других народов. Так, албанцы, принимая ислам, нередко объявляли себя турками. Таковы, например, семьи Тумбаси, Дураклар, Смаичи, Баколовици, Тулумовичи, Зекичи и Баличи в Косовском Митровице⁵⁵.

⁴⁸ М. Барјактаровић, Ругова и њено становништво, «Српски етнографски зборник», књ. 74, Београд, 1960, стр. 167—241.

⁴⁹ М. Лутовац, Гора и Ополе, стр. 268, 282.

⁵⁰ «Попис становништва», 1953, књ. IX, Београд, 1960, стр. 460.

⁵¹ М. Красичи, Ораховац, стр. 117, 121.

⁵² Там же, стр. 125.

⁵³ М. Радовановић, Становништво Призренског Подгора, стр. 309.

⁵⁴ М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 33—35, 44. Процесс албанизации славянского населения происходил и в Македонии. Д. Недельковић, Мавровска психичка група, «Гласник Скопског научног друштва», VII—VIII, Скопље, 1930, стр. 240; Ј. Трифуноски, О племенским одликама Арбанаса, стр. 201). Разумеется, имел место также процесс славянизации албанцев, особенно в далеком прошлом. Так, в трех селах Срема (Никинци, Ртковци и Ярак), заселенных более двухсот лет назад, сохранилось только «смутное предание» об албанском происхождении населения этих сел (М. Костић, Устанак Срба и Арбанаса из старе Србије против Турака 1737—1739 и сеоба Срба у Угарску, «Гласник Скопског научног друштва», ч. VII—VIII, Скопље, стр. 234).

⁵⁵ А. Урошевић, Косовска Митровица, стр. 198, 203.

Известная «турецкая» семья Джинич из Приштины была албанского происхождения⁵⁶.

Однако можно считать, что в Косовско-Метохийской области процесс денационализации затронул албанцев в меньшей степени, нежели сербов. Для албанцев ислам служил своего рода средством этнической консервации. Не исключено, что именно вследствие этого албанцы-католики из Северной Албании приходили в Косово-Метохию, чтобы здесь принять ислам.

Более того, ислам не только противодействовал денационализации, но и способствовал албанизации других национальностей. В качестве примера мы упоминали уже о сербах из Ораховца. Впрочем, по многим причинам, албанцы Ораховца были ближе сербам, нежели турки. Поэтому сербы, принимая ислам, обычно объявляли себя албанцами, хотя и продолжали говорить на сербском языке. Были албанизированы даже отдельные турецкие семьи⁵⁷.

Важно подчеркнуть, что вплоть до недавнего времени албанцы-католики и албанцы-мусульмане составляли довольно замкнутые группы. И сейчас еще албанец-католик охотнее возьмет в жены себе или сыну православную сербку, нежели албанку другой веры. Это означает, что религиозная разрозненность разделила албанцев Косова и Метохии на две почти совершенно обособленные группы. Насколько неопределенным и расплывчатым было у населения этой области чувство этнической принадлежности свидетельствует, например, то, что старый албанец из Косова на вопрос о его национальности ответит: «Я албанец или турок». На вопрос о том, есть ли в этом крае семейные задруги, часть членов которых — христиане, а часть — мусульмане, он ответит: «Есть задруги, где вместе живут католики и турки».

Что касается турок, то в этой области они живут только в городах. При этом правильнее говорить не о турках, а о тех, кто называет себя турками, ибо, как было видно из вышесказанного, сербы, албанцы или цыгане, принимая ислам, нередко начинали называть себя турками.

Известно, что в Турции мусульмане по сравнению с немусульманами имели преимущество перед законом⁵⁸. Кроме того, немусульмане должны были платить некоторые налоги, от которых мусульмане освобождались. Поэтому естественно, что беднота в какой-то мере могла улучшить свое положение, если принимала ислам. В силу этого мы сейчас не в состоянии более определенно сказать о подлинном происхождении турецких семей Косова и Метохии.

Как уже отмечалось в начале статьи, в этой области веками живут цыгане. Однако по данным переписей цыган в Югославии почти нет, потому что цыгане, исповедующие православие, обычно называют себя сербами. Так обстоит дело, например, с цыганами из Ораховца. Православные цыгане из Липляна⁵⁹ и из Суве Реки⁶⁰ говорят, что они сербы. Современные сербские семьи из Косовской Митровицы — Даниловичи, Николичи, Джуричи, Тучковичи и Джорджевичи — считают, что они цыганского происхождения⁶¹ и их соседи сербы раньше неохотно вступали с ними в браки.

Если цыгане исповедуют ислам, то они называют себя турками или албанцами. Часть цыган — кузнецов Призрена — упорно называет себя турками и при иностранце говорит только на турецком языке. Цыгане, постоянно живущие в Хасе (Маджупи), приняли албанский язык, они

⁵⁶ А. Урошевић, Приштина, стр. 23.

⁵⁷ Такова, например, семья Мулавди в Ораховце (см. М. Краснић, Ораховац, стр. 132).

⁵⁸ Л. Ранке, Српска револуција, Београд, 1965, стр. 133.

⁵⁹ А. Урошевић, Липљан, стр. 340.

⁶⁰ М. Краснић, Сува Река, стр. 94, 95.

⁶¹ А. Урошевић, Косовска Митровица, стр. 199.

мусульмане и называют себя албанцами⁶². Интересно, что некоторые группы цыган в Косово забыли цыганский язык и в качестве родного языка приняли албанский, но, будучи православными, считают себя сербами⁶³.

Таким образом, лишь незначительная часть цыган Косова и Метохии продолжает считать себя цыганами, а большинство их относит себя к туркам, сербам или албанцам. Поэтому в этой области и встречаются «турки», «сербь» или «албанцы»⁶⁴ с настоящим цыганским антропологическим типом, которых их соседи (турки, сербы и албанцы) не признают своими соплеменниками и соотечественниками⁶⁵ и с которыми не вступают в брачные отношения.

Упомянем еще две группы населения — хорватов и цинцарей.

Хорватами называется население Летничке Жупе (края, расположенного между Приштиной и Гниланом) и Янева. Это район старых рудников, где в средние века жили сасы (немцы) и дубровчане. От сасов здесь сохранились географические названия. Среди местных жителей существует предание, что они — потомки дубровчан, которые здесь жили раньше. Они говорят на косовском диалекте сербскохорватского языка и являются католиками. Формированию этнического самосознания хорватов способствуют местные католические священники. Только в двух селах (Бинча и Стубле) католической Летничкой Жупе, где население говорит на албанском языке, оно считает себя албанцами.

Цинцарь — почти полностью ассимилированная группа населения Косова и Метохии. Это потомки переселенцев из Македонии, которые, будучи православными, слились с сербами. В конце прошлого века только в Призрене, например, около 140 семей говорило на родном цинцарском языке. Сейчас этот язык здесь больше не услышишь. Даже старики не говорят теперь на этом языке и не называют себя цинцарами.

Говоря о сдвигах или об изменениях в этническом самосознании населения Косова и Метохии, можно выявить определенную закономерность этого процесса. Так, отдельные лица или целые группы лиц в силу ряда внешних причин заимствовали сначала одежду, затем личные имена, потом внешнюю манеру поведения, форму приветствия и веру той группы, к которой они тяготели. И только после этого они принимали язык данной группы. Напротив, если бы отдельные лица оказались в чуждой среде, то прежде всего они изменили бы именно язык.

Одним из важных условий перехода из одной этнической группы в другую было принятие племенной принадлежности тех, в группу которых переходили. Так, сербские семьи Ивовичи из Суве Реке говорят, что происходят из албанского фиса Мазрек⁶⁶. Так было и с сербскими семьями из Дуля, составляющими в этом селе меньшинство по сравнению с албанцами и потому вошедшими в албанский фис Хельшан⁶⁷. Это явление в Метохии было особенно частым среди сербов и цыган. Разумеется, процесс изменения этнического самосознания протекал быстрее или медленнее в зависимости от общественных и экономических условий жизни. Мы имеем письменные свидетельства и документы, говорящие о том, что главы семей и вообще мужчины изменяли свою этническую принадлежность быстрее женщин. Так, в XVII в. католические миссионеры в своих сообщениях о Косове и Метохии писали, что в большей части

⁶² М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 51—52.

⁶³ А. Урошевић, Косово, стр. 108, 109. См. также А. Урошевић, Липлян, стр. 34; его же, Приштина, стр. 20; М. Краснић, Дуле, стр. 368; его же, Сува Река, стр. 97; М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 50—52; М. Радовановић, Становиштво Призренског Подгора, стр. 327.

⁶⁴ М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 50.

⁶⁵ М. Краснић, Сува Река, стр. 95; М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 50—52.

⁶⁶ М. Краснић, Сува Река, стр. 95.

⁶⁷ М. Краснић, Дуле, стр. 366.

католических албанских семей женщины еще были христианки, а мужчины — мусульмане⁶⁸. В начале нашего века среди сербов Сиринича наблюдалась такая картина, когда мужчины носили албанскую одежду и умели говорить по-албански, а женщины носили одежду, отличную от албанской, и не понимали албанского языка⁶⁹. Еще какой-нибудь десяток лет назад среди мужчин-албанцев были такие, которые открыто исповедовали ислам, а тайно — другую (католическую) веру⁷⁰.

IV

Все вышесказанное свидетельствует о том, что Косовско-Метохийская область, куда с давних времен проникали разнообразные этнические и культурные влияния, представляет исключительный интерес в этнографическом и социологическом отношениях. В этой области и сейчас встречаются многочисленные семейные задруги, хорошо сохранившиеся элементы родо-племенных коллективов с их характерным патриархальным бытом, который в Европе сохранился, пожалуй, еще лишь в Черногории, строго эндогамные или экзогамные группы среди отдельных религиозных или общественных коллективов.

И сейчас в Косово и Метохии можно встретить людей, которые еще десяток лет назад по своему этническому самосознанию были не тем, кем считают себя сейчас. Это сербизированные цинцари и цыгане; отуреченные сербы, албанцы, и цыгане; албанизированные сербы и цыгане. С изменением социальных условий может меняться и сознание этнической или национальной принадлежности людей. В отдельных случаях этническое самосознание изменяется даже в течение одного поколения. Само изменение сознания этнической принадлежности — один из элементов приспособления людей к новым условиям. При этом изменение этнического самосознания является обычно завершающей фазой в этом процессе.

SUMMARY

The Kossovo-Metokhia region in Southern Serbia is extremely variegated both ethnically and socially. On the one hand archaic forms of social organization have been preserved here, on the other — specific ethnic, social, and other processes characteristic of the present-day stage of the evolution of society take place; this is due to peculiar, economic, political, and other conditions. Characteristic traits of such social institutions as the *zadruga*, the clan, the tribe occurring in various Kossovo and Metokhia population groups are examined; the specific peculiarities of ethnic consciousness of such groups are analyzed. The author comes to the conclusion that changes in social conditions may lead to changes in people's consciousness of ethnic affinity which is an element of people's adaptation to social environment. The change of ethnic consciousness is usually the final stage in the process of such adaptation.

⁶⁸ J. Радонић, Римска курија у јужнословенским земљама од XVI—XIX века, Београд, 1950, стр. 100, 104, 276—277.

⁶⁹ J. Цвијић, Основе за геологију и географију Македоније и Старе Србије, Београд, 1911.

⁷⁰ J. Хацивасиљевић, Муслимани наше крви у Јужној Србији, «Браство», XIX, Београд, 1925, стр. 91; А. Урошевић, Католичка жупа Црна Гора, стр. 166, 169; М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 38.

Ю. М. Рапов

БЫЛА ЛИ ВЕРВЬ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» ПАТРОНИМИЕЙ?

Вопрос о сущности восточнославянской верви — один из наиболее сложных и запутанных вопросов русской истории. Вместе с тем он является важнейшей составной частью проблемы генезиса и развития русского феодализма. Без его разрешения невозможно понять ни структуру Киевского государства, ни те внутренние социальные процессы, которые происходили в Древней Руси.

Еще в дореволюционное время историки вели острые споры о верви Русской правды. Ее объявляли то родом¹, то семейной общиной — задругой², то сельской территориальной общиной³, то страховым обществом⁴, то административно-судебной единицей (волостью, округом, погостом)⁵.

Этот спор был продолжен советскими историками-марксистами. С. В. Юшков⁶ и В. В. Мавродин⁷ предложили трактовать термин «вервь» как семейную общину — задругу, находящуюся на стадии разло-

¹ А. Чебышев-Дмитриев, О преступном действии по русскому допетровскому праву, Казань, 1862, стр. 46.

² Ф. И. Леонтович, О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян, «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, апрель, стр. 8—12, 18 и др.; К. Н. Бестужев-Рюмин, Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 43; А. Я. Ефименко, Исследования народной жизни, М., 1884, стр. 238 и др.; Г. Ф. Блюменфельд, О формах землевладения в древней России, Одесса, стр. 53 и др.

³ В. Л. Лешков, Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в., М., 1858, стр. 109; О. Миллер, Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, вып. 1, СПб., 1865, стр. 136—137; М. Ф. Владимирский-Буданов, Рец. на кн. Г. Ф. Блюменфельд, О формах землевладения в древней России», «Университетские известия», Киев, 1855, № 11; его же, Обзор истории Русского права, Киев, 1907, стр. 78; И. Д. Беляев, Лекции по истории русского законодательства, М., 1888, стр. 189; М. Ясинский, Село и вервь Русской Правды, «Университетские известия», Киев, 1906, № 3; Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 99; А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 55.

⁴ С. В. Ведров, О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков, М., 1877, стр. 93—106; В. И. Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русского права, СПб., 1903, стр. 388—389.

⁵ И. Болтин, Правда Русская или законы князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, СПб., 1792, стр. 1; Н. Полевой, История русского народа, т. II, М., 1830, стр. 80; А. Рейц, Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 182; Д. Ивановичев, О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою, Киев, 1840, стр. 105; Н. В. Калачов, Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. 1, СПб., 1880, стр. 125, 185.

⁶ С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 8, 11—12; его же, Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 87.

⁷ В. В. Мавродин, Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства), 1946, стр. 108, 111 и др.

жения. Против такого толкования выступил Б. Д. Греков⁸, который настаивал на том, что в Русской Правде данным термином обозначалась территориальная соседская община. Для подкрепления своего вывода исследователь привлек и широко использовал Полицкий статут — один из важнейших памятников права южных славян, действовавший в средние века в Далмации. «Полицкий статут...», — писал Б. Д. Греков, — знает большую семью, но вервью ее не называет»⁹. Точка зрения Б. Д. Грекова по данному вопросу получила поддержку у ведущих советских историков¹⁰ и долгое время считалось бесспорной. Однако в 1963 г. появилась книга М. О. Косвена «Семейная община и патронимия», в которой вервь Русской Правды и Полицкого статута объявляется патронимией¹¹. Что же такое патронимия? Каковы ее отличительные черты?

Это общественно-экономическая форма была впервые открыта М. О. Косвеном у удмуртов в 1931 г.¹²

«Патронимия, — писал М. О. Косвен, — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархально-семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное и идеологическое единство и носящих общее, патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи наименование»¹³.

Возникает патронимия, по М. О. Косвену, в эпоху патриархально-родового строя, а затем, пройдя определенную эволюцию, существует и в последующих формациях. Исследователь намечает три фазы в развитии патронимии. Первой фазе соответствует архаическая форма, сохраняющая основные первобытнообщинные черты и относящаяся «к начальной стадии истории патриархально-родового строя». Данная форма, как отмечает автор, не прослеживается ни по историческим, ни по этнографическим источникам, ее можно лишь гипотетически реконструировать. Во второй фазе своего развития патронимия предстает уже в распадном состоянии. В третьей фазе патронимия характеризуется отдельными и различными, хотя и связанными в определенные комплексы родовыми пережитками¹⁴.

Хозяйственное, общественное и идеологическое единство патронимии, находящейся на начальной стадии развития, заключается, по М. О. Косвену, в коллективном производстве и в посемейном потреблении произведенного продукта; в совместной нераздельной собственности на землю, угодья, водные источники, скот, орудия производства и хозяйственные сооружения; в управлении посредством общего собрания и выборного главы; в праве предпочтительной покупки и родового выкупа имущества членов патронимии; в общих празднествах; во владении общим кладбищем, на котором хоронили умерших; в подчиненности отдельных

⁸ Б. Д. Греков, Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута, «Вопросы истории», 1951, № 8; его же, Киевская Русь (см. Б. Д. Греков, Избранные труды, т. II, М., 1959, стр. 60—78); его же, Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. (Б. Д. Греков, Избранные труды, т. I, М., 1957).

⁹ Б. Д. Греков, Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута, стр. 35.

¹⁰ См., например: М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, под ред. Б. А. Рыбакова, М., 1953, стр. 98; Б. А. Рыбаков, Предпосылки образования Древнерусского государства, в кн.: «Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, стр. 833.

¹¹ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 133—167. Впервые этот взгляд на вервь был высказан М. О. Косвеном в докладе «Семейная община и патронимия», прочитанном на майской сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР в 1964 г. (см. «Вестник Академии наук», 1946, № 7, стр. 102).

¹² М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Ученые записки Научно-исследовательского ин-та народов Советского Востока», вып. III, М., 1931.

¹³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 97.

¹⁴ Там же, стр. 97—98.

семей руководящей старшей семье; в сохранении в сознании членов патронимии происхождения от общего предка; в том, что она занимала отдельное селение и составляла воинскую единицу¹⁵.

На более поздних этапах существования патронимии ряд ее институтов видоизменяется. Семейные общины распадаются на малые семьи. На смену производственному коллективизму приходит взаимопомощь при уборке урожая, сооружении жилищ и т. д., которая носит спорадический характер. Пахотная земля, альменды, орудия труда и скот делятся между семьями. Патронимия начинает составлять только лишь часть селения, отдельный квартал¹⁶.

М. О. Косвен отмечал, что патронимия с самого начала своего существования (хотя она и возникает в начальный период истории патриархально-родового строя) испытывает на себе влияние распада первоначальнообщинных начал. Процесс распада патронимии он теснейшим образом связывает с индивидуализацией отдельных семей, которые постепенно становятся независимыми друг от друга и даже чуждыми одна другой. Окончательно распадается патронимия только после того, как исчезает большая семья, а малые семьи становятся выразительницами и носительницами частной собственности¹⁷.

К какой же фазе истории патронимии относит М. О. Косвен вервь Русской Правды? На этот вопрос мы не найдем прямого ответа в его работе.

Вервь Русской Правды и Полицкого статута, по М. О. Косвену, — «архаическая родственная группа, отчетливо отличная от семьи, будь то малой или большой, сама состоящая из отдельных семей-домохозяйств, но сохраняющая в известной мере имущественную и правовую общность»¹⁸.

Вервь была территориальной, но не соседской общиной, ибо она являлась частью села¹⁹. В эпоху Русской Правды она находилась в состоянии распада «в большей или меньшей мере глубокого» (?), поскольку уже в этот период внутри нее имелись отдельные самостоятельные семьи, которые принимали всю ответственность своих членов полностью на себя²⁰.

В своей книге М. О. Косвен неоднократно подчеркивает «невозможность смешения верви с соседской общиной», так как внутри первой действовали институты родового права, а именно: круговая материально-уголовная ответственность, нашедшая свое отражение в Русской Правде, а также право предпочтительной покупки, родового выкупа и необходимого наследования имущества умершего (все члены верви «были законными, так называемыми необходимыми наследниками»²¹), которые прослеживаются по Полицкому статуту²².

Фактически вервь-патронимия в изображении М. О. Косвена являлась формой организации коллектива родственников, которая стадially должна была находиться где-то между родовой и соседской общинами.

Следует отметить, что такие признаки патронимии, как коллективное владение альмендой, общие собрания, общие праздники, общее кладбище, являются присущими и родовой, и соседской общинам, и потому не могут быть определяющими²³. Что касается института круговой по-

¹⁵ Там же, стр. 104, 112—118.

¹⁶ Там же, стр. 106, 113—115.

¹⁷ Там же, стр. 115—118.

¹⁸ Там же, стр. 153.

¹⁹ Там же, стр. 156.

²⁰ Там же, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 143.

²² Там же, стр. 153, 157.

²³ Противоречия М. О. Косвена в определении патронимии и некоторых ее признаков отмечены в работах советских исследователей. См., например, Н. А. Бутин, в.

руки, то он был характерен и для западноевропейской общины-марки на некоторых этапах ее развития, и для русской соседской территориальной общины, и потому также не может считаться отличительным признаком патронимии. Крестьянская община могла полностью состоять из малых семей в большей или меньшей степени родственных между собой, и все же быть соседской территориальной при условии, что соседские связи внутри нее преобладали над родственными и являлись главными.

В качестве примера восточнославянских патронимий М. О. Косвен привел в своей книге следующие археологические памятники: городища Боршевское на Среднем Дону, Монастырище на р. Ромны, Березняки около г. Рыбинска. Автор видел в них поселения групп родственных семей, «связанных между собой хозяйственной, социальной и идеологической общностью, выраженной, в частности, наличием общих хозяйственных помещений, (крытых.— О. Р.) переходов от одного жилища к другому, общего дома старшей семьи и, наконец, общего места захоронения»²⁴. Остановимся на этих археологических памятниках.

Что касается городища Березняки под г. Рыбинском, то еще в 1956 г. (за 7 лет до выхода в свет книги М. О. Косвена) Е. И. Горюнова убедительно доказала, что оно неславянское²⁵. Таким образом, Березняки, как не имеющие ничего общего с восточными славянами, сразу же отпадают.

Городища Большое и Малое Боршевское под Воронежем, Монастырище на р. Ромны и некоторые другие в течение ряда лет рассматривались археологами и историками как своеобразные родовые поселки. Исследователи этих поселений полагали, что жилища на них (полуземляночного типа) были связаны между собой крытыми переходами²⁶. «Открытые нами жилища,— писал П. П. Ефименко,— имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего первобытнообщинного гнезда»²⁷.

После этого в советской исторической науке прочно установился взгляд на поселения восточных славян VIII—IX вв. как на родовые или большесемейные поселки.

Однако в 1957 г. И. И. Ляпушкин доказал, что на поселениях роменско-боршевского типа никаких подземных переходов, соединяющих жилища в «улей», не существовало. «Несомненно лишь одно,— писал он,— что полуземлянки восточных славян в VIII—IX вв. размерами в 12—20 м² являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину»²⁸.

Не было на этих поселениях ни общих домов старших семей, ни общих хозяйственных помещений. Последующие раскопки городищ роменско-боршевского типа подтвердили выводы И. И. Ляпушкина. Особый интерес в этом отношении представляет планировка и сам комплекс пол-

Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 93; Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовых и патронимической (клановой) организации»), «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 103—104.

²⁴ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 99—100.

²⁵ Е. И. Горюнова, Об этнической принадлежности населения Березняковского поселения, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), вып. 65, 1956.

²⁶ См., например: П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 2, стр. 7—8; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), вып. 8, М.—Л., 1948, стр. 10—11; В. В. Мавродин, Древняя Русь, стр. 101—102, 104—105.

²⁷ П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 7—8

²⁸ И. И. Ляпушкин, О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв., КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 13.

ностью раскопанного Новотроицкого городища IX—X вв., на котором археологами было вскрыто 50 построек, имевших размеры от 9 до 20 м². В каждой из жилищ-полуземлянок была найдена глинобитная печь, а также фрагменты глиняной лепной посуды, что является доказательством посемейного потребления производимого продукта. К каждому жилищу примыкали одна или несколько хозяйственных ям, а также хозяйственные постройки небольших размеров. В ряде домов и хозяйственных помещений были найдены орудия сельскохозяйственного производства (сошники, косы, мотыги, топоры)²⁹, что свидетельствует в пользу принадлежности орудий производства отдельным домохозяевам, а не коллективу обитателей городища. Ярким свидетельством индивидуализации малых семей данного городища являются клейма, нанесенные на донца глиняных лепных сковородок, найденных при раскопках³⁰.

Исследователь этого поселения И. И. Ляпушкин писал: «Среди полсотни жилищно-хозяйственных комплексов нет ни одного, который можно было бы связать с жизнью общества, ведущего свое хозяйство на коллективных началах (размеры жилищ 15—20 м², а постройки хозяйственного назначения, погреб и кладовые, совсем миниатюрные). Эти жилищно-хозяйственные комплексы могли принадлежать лишь малым семьям, что, однако, ни в какой мере не исключает, а чаще всего предполагает, как это имело место вплоть до XX в., наличие между некоторыми из этих семей близкого кровного родства»³¹.

Таким образом, на поселениях роменско-боршевского типа отсутствовали те признаки (общие хозяйственные помещения, крытые переходы от одного жилища к другому, общие дома старших семей), которые, как полагал М. О. Косвен, позволяли называть данные городища патронимическими поселениями. Другие же черты этих поселений (общие кладбища, ведение хозяйства малыми индивидуальными семьями, посемейное потребление произведенных продуктов) в равной мере свойственны как для патронимии, так и для соседской территориальной общины. Однако клейма на предметах домашнего обихода, найденных внутри жилищ малых индивидуальных семей, говорят за то, что данные семьи уже стали выразительницами и носительницами частной собственности, а это, по М. О. Косвену, свидетельствует об окончательном распаде патронимических отношений.

М. О. Косвен считал, что патронимии возникали в результате разрастания или сегментации больших патриархально-семейных общин. Он отмечал, что на последней стадии своего существования большие патриархально-семейные общины распадаются на малые семьи. Последние или получают отдельные помещения внутри общего дома, или изолированные постройки, примыкающие к основному дому, или, наконец, отдельные жилища, расположенные на территории общесемейной усадьбы. В то же время выделившиеся семьи не имеют внутри своих помещений очагов для разведения огня. Только главный дом имеет большой очаг, на котором готовится пища для всех членов патриархально-семейной общины. Вся задруга питается за одним столом из общего котла³². Следовательно, несмотря на территориальный раздел, распределение продуктов в патриархальной семейной общине продолжало оставаться уравнивательным.

Если мы обратимся к наиболее ранним восточнославянским поселениям VI—VIII вв., то не найдем там ни больших домов-столовых, ни лишенных очагов (или печей) малых жилищ, ни общих хозяйственных

²⁹ И. И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое, МИА, вып. 74, М.—Л., 1958, стр. 15, 18—19.

³⁰ Там же, стр. 42—43.

³¹ Там же, стр. 224.

³² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 62.

построек. Поселения у с. Корчак на р. Тетерев³³, в устье р. Тясмин³⁴, Саменки и Самчицы на южном Буге³⁵, Рипнев I и Рипнев II на Западном Буге³⁶, в Надпорожье у балки Яцевой³⁷, у Луки Райковецкой³⁸, Пастырское в Среднем Поднепровье³⁹, Каневское на Днестре⁴⁰, Плиснеск на Волини⁴¹, наконец, поселения Прутско-Днестровского междуречья⁴² были такими же по своей структуре, как и Новотроицкое городище. На большинстве из них дома располагались в хаотическом беспорядке. На некоторых (например, на Каневском⁴³) была уличная планировка. Жилища имели очень небольшие размеры — от 8 до 25 м². Около них группировались хозяйственные ямы и постройки. При раскопках во многих жилищах и в примыкающих к ним хозяйственных помещениях были обнаружены фрагменты кухонной лепной посуды (причем некоторые имели клейма⁴⁴), сошники, серпы, косы, мотыги, глиняные пряслица с отметинами — знаками собственности⁴⁵. На некоторых поселениях (например, на Пастырском)⁴⁶ существовало специализированное ремесло, отделенное от сельского хозяйства.

Размеры жилых и неразрывно с ними связанных хозяйственных построек, их планировка, наличие печей внутри всех жилых помещений, отсутствие общих хозяйственных строений, в том числе и домов-столовых, находки внутри жилищ орудий производства, клейменной керамики, а также некоторых других вещей со знаками собственности — все это является бесспорным доказательством того, что данные поселения представляли собой совокупности отдельных жилищно-хозяйственных комплексов, объединенных в соседские территориальные, а не в патриархально-семейные общины.

В пользу этого свидетельствует и тот факт, что главным занятием данных восточнославянских поселений, как выяснили исследовавшие их археологи, было пашенное земледелие. А пашенная система земледелия, как установил В. И. Довженок, уже в VI—X вв. давала возможность малой семье производить не только необходимый, но и прибавочный продукт⁴⁷. Таким образом, развитие производительных сил у восточных славян ко второй половине I тысячелетия н. э. достигло такой ступени, когда отпала необходимость ведения хозяйства большими коллективами родственников, как это имело место в патриархальной семейной общине.

По свидетельству Нестора-летописца, дань с восточнославянских племен в IX—X вв. собиралась как на юге, так и на севере с отдельных

³³ И. П. Русанова, Поселение у с. Корчак на р. Тетерева, МИА, вып. 108, М., 1963, стр. 39—50.

³⁴ Д. Т. Березовец, Поселение уличей на р. Тясмине, там же, стр. 145—208.

³⁵ П. И. Хавлюк, Раннеславянские поселения Саменки и Самчицы, там же, стр. 320—350.

³⁶ В. В. Аулих, Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области, там же, стр. 366—381; В. Д. Баран, Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге, там же, стр. 351—365.

³⁷ А. Т. Брайчевская, Поселение у балки Яцевой в Надпорожье, там же, стр. 251—282.

³⁸ В. К. Гончаров, Лука Райковецкая, там же, стр. 283—315.

³⁹ М. Ю. Брайчевский, Исследования Пастырского городища в 1955 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН УССР», вып. 7, 1957.

⁴⁰ Г. Г. Мезенцева, Канівське поселення полян, Киев, 1965.

⁴¹ М. П. Кучера, Основні етапи розвитку стародавнього Пліснеська, «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вып. 2, Киев, 1959.

⁴² Г. Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, вып. 89, 1960, стр. 173—229.

⁴³ Г. Г. Мезенцева, Указ. раб., стр. 61—63.

⁴⁴ См., например: Ю. В. Кухаренко, Раскопки у с. Сахновки, МИА, вып. 108, 1963, стр. 246, 249.

⁴⁵ См. Д. Т. Березовец, Указ. раб., стр. 167—168.

⁴⁶ См. М. Ю. Брайчевский, Указ. раб., стр. 96.

⁴⁷ В. И. Довженок, Землеробство в древней Руси до середины XIII ст., Киев, 1961, стр. 189.

«дымов»⁴⁸. Под термином «дым», по крайней мере у тех славян, которые жили на юге Восточной Европы, мог подразумеваться только отдельный дом малой семьи с печью (больших домов на юге при раскопках обнаружено не было), независимый в хозяйственном отношении от других таких же домов-хозяйств.

Из наиболее ранних поселений, найденных на территории Восточной Европы и приписываемых восточным славянам, только Староладожское (слои VII — IX вв.) можно с натяжкой отнести к разряду поселков, ведущих свое хозяйство на коллективных началах. Там при раскопках вскрыты дома площадью от 40 до 100 с лишним квадратных метров. Исследовавший эти постройки В. И. Равдоникас предполагал, что эти строения представляли собой жилища больших патриархальных семей и вмещали не один десяток жителей⁴⁹. Однако, как показали последующие исследования Г. Ф. Корзухиной, нижние слои Старой Ладogi (VIII — первая половина IX в.) нельзя связывать с восточными славянами⁵⁰.

Большие по размерам постройки были найдены в слоях X—XIII вв. и в некоторых древнерусских городах: в Новгороде, Киеве, Любече, Минске, Новогрудке и в других. Но эти постройки не были жилищами патриархальных семейных общин. Они представляли собой хоромы и дворцы феодалов⁵¹. Следует отметить, что строения, аналогичные староладожским (со срединным местоположением печи), найденные при раскопках Великого Новгорода, известный исследователь древнерусских жилищ П. И. Засурцев квалифицирует как производственные постройки⁵².

Итак, патриархально-семейные общины, которые должны были, по М. О. Косвену, являться неременной исходной экономической базой возникающих патронимий, по раннеславянским археологическим памятникам Восточной Европы совершенно не прослеживаются.

Обратимся теперь к материалам раскопок сельских поселений эпохи Киевской Руси.

Многие из сельских поселений X—XIII столетий были малодворными. Об этом свидетельствуют примыкающие к ним кладбища, которые обычно насчитывают 15—20 курганных насыпей⁵³. Наряду с такого рода поселениями существовали и селища с большой площадью, иногда достигавшей нескольких тысяч квадратных метров. Таким, например, было селище у с. Кичкас на Днепре, на территории которого при раскопках выявлено 57 построек полуземляночного типа. К каждому из жилищ примыкали хозяйственные строения, составляющие вместе с домами жилищно-хозяйственные комплексы. Размеры домов колебались от 16 до 25 м². Ни крытых переходов от одного жилища к другому, ни общих домов старших семей, ни общих хозяйственных помещений на селище обнаружено не было⁵⁴. Ничто не говорило за то, что на селище существовала патронимия.

На селище у с. Лебедка на р. Цне (время его существования — конец I тысячелетия н. э. — XIII в.) при вскрытии 0,9 всей площади поселе-

⁴⁸ «Повесть временных лет», под ред. В. П. Андриановой-Перетц, ч. I, М.—Л., 1956, стр. 16, 18 и др.

⁴⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Сов. археология», вып. XII, 1950, стр. 34.

⁵⁰ Г. Ф. Корзухина, О времени появления укрепленного поселения в Ладогe, «Сов. археология», 1963, № 3, стр. 83—84. См. также: Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт, Археологическое изучение древнерусского города, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 96, 1963, стр. 10.

⁵¹ См., например: П. И. Засурцев, Новгород, открытый археологами, М., 1967, стр. 59—61.

⁵² П. И. Засурцев, Указ. раб., стр. 56.

⁵³ А. В. Успенская и М. Ф. Фехнер, Поселения Древней Руси, в кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», под ред. Б. А. Рыбакова («Труды Государственного Исторического музея», вып. 32, М., 1956, стр. 18).

⁵⁴ В. И. Довженко, Указ. раб., стр. 105, 207.

ния было найдено всего четыре разновременных жилища полужемляночного типа размерами в 16—20 м² и одна производственная постройка. В домах были обнаружены орудия сельскохозяйственного производства, рыболовства и охоты: наральник, сошник, 3 серпа, 5 кос, 4 топора, острога, рыболовный крючок, 5 глиняных грузил, 2 гарпуна, наконечник стрелы и т. д. На территории селища были найдены также фрагменты гончарной посуды с клеймами⁵⁵, что является доказательством существования на поселении частной собственности малых семей, которые на нем проживали. Находки клейм на поселении говорят опять-таки не в пользу патронимии.

Гончарные клейма были найдены и при раскопках других древнерусских селищ. Фрагмент керамики с клеймом был обнаружен в постройке № 2, имевшей размеры 4,6×3,4 м, датируемой XI—XIII вв., раскопанной на территории селища у с. Дросенского Смоленской области⁵⁶. В жилище № 16 (размеры (4×4) древнерусского селища, расположенного около с. Рипнева Львовской области, был найден фрагмент донца гончарного сосуда с клеймом XI в.⁵⁷

На древнерусском селище около с. Сахновки на р. Роси были раскопаны 32 постройки размерами от 15 до 20 м². Так же, как и на других древнерусских поселениях, к жилым строениям (внутри которых помещались печи) примыкали хозяйственные помещения. При раскопках жилища № 1 были найдены наральник, жернов, 2 рыболовных крючка, грузило, медное шило, 2 ключа; в полужемлянке № 4 были обнаружены 2 косы, топор, стремя, наконечник стрелы; в жилище № 5 — наральник, 2 косы, 3 ключа⁵⁸. Несомненно, что на селище проживали отдельные малые семьи, каждая из которых вела свое самостоятельное хозяйство. Найденные внутри домов ключи являются неоспоримым доказательством существования на поселении частной собственности на жилые и, по-видимому, на хозяйственные постройки.

По мнению В. И. Довженка, жилища древнерусских селищ могли вмещать только малые семьи, которые владели всеми необходимыми средствами производства для самостоятельного ведения хозяйства. В результате изучения орудий производства сельского хозяйства, бытовавших в Киевской Руси, он пришел к выводу, что производительность одного хозяйства смерда значительно превышала потребности его семьи в хлебе и в других сельскохозяйственных продуктах⁵⁹. Поэтому в Древней Руси попросту не было смысла вести хозяйства на коллективных началах. Выводы В. И. Довженка безусловно правильны, ибо в противном случае феодальная эксплуатация смердов в Древней Руси была бы невозможна.

Таким образом, археологические материалы совершенно не подтверждают существования в Киевской Руси поселений, в которых хозяйство велось бы большими коллективами родственников. Патриархальные семейные общины, из которых должны были возникнуть патронимии, не прослеживаются по археологическим данным не только для X—XIII вв., но и для VI—IX столетий.

При определении патронимии М. О. Косвен большое внимание уделял названиям поселений. Исследователь считал, что названия патронимий должны были представлять собой производные от собственных имен глав разделившихся семей. Сам термин «патронимия» обозначает

⁵⁵ Т. Н. Никольская, Древнерусское селище Лебедка, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 179—180, 184—185, 196.

⁵⁶ В. В. Седов, Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области, КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 107—108, 111.

⁵⁷ В. В. Аулих, Основні результати археологічного дослідження древньоруського селища в с. Ріпнів, Львівської області, в кн. «Диссертацийний збірник», Киев, 1958, стр. 40.

⁵⁸ В. И. Довженко, Указ. раб., стр. 208.

⁵⁹ Там же, стр. 189, 209.

«наименование по отцу». У славянских народов названия патронимий должны были оканчиваться на «ичи» и «овичи». В качестве примера М. О. Косвен приводил наименования Уветичи, Обреновичи, Васильковичи⁶⁰.

Что касается Уветичей, то они никак не могут подойти под определение патронимии. Уветичи (Витичев⁶¹) — один из самых древних русских городов-замков на Днепре, известный Константину Богрянородному как крепость на южной границе Руси, в которой ежегодно в июне собирались русские лодки-однодревки, направляющиеся в Константинополь⁶². В Уветичах в 1100 г. происходил съезд крупнейших русских князей и их бояр-управляющих⁶³. Нет никакого сомнения в том, что местом съезда была не территория патронимии, а великокняжеский замок. Археологические раскопки, проводившиеся в Уветичах, подтвердили свидетельство письменных источников о существовании там в X—XIII вв. хорошо укрепленной русской крепости. Никаких более древних восточнославянских поселений ни на территории самого городища Уветичи, ни поблизости от него при раскопках не обнаружено.

Наименования Обреновичи и Васильковичи вовсе не встречаются в письменных источниках среди названий русских поселений домонгольского времени.

Древнерусские письменные источники X—XIII вв. почти совсем не называют поселений, которые бы носили патронимические наименования с окончанием на «ичи» и «овичи». Нам известны всего два села, имеющие подобные окончания. Это — Ольжичи, упоминаемые «Повестью временных лет», и Березовичи из «Рукописания» волынского князя Владимира Васильковича. Село Ольжичи, как выясняется из летописи, получило такое название вовсе не потому, что его жители вели свое происхождение от какого-то Олега, а потому, что оно принадлежало киевской княгине Ольге⁶⁴. Село Березовичи также было частной собственностью сначала князя Федора Давыдовича, затем князя Владимира Васильковича волынского⁶⁵. Вряд ли название этого села происходит от имени какого-то Березы. Такого имени не встречается ни в древнерусских письменных источниках, ни в древних былинах, песнях, сказаниях. Скорее всего, село получило такое название в результате того, что оно было расположено где-то на «березѣ», т. е. на берегу какой-то реки.

Следует отметить, что многие названия древнерусских городов и сел были образованы от собственных имен людей. Например: Ярославль, Изяславль, Кснятин, Ставрово, Кучково и т. д. Однако эти названия возникли не от собственных имен глав разделившихся патриархально-семейных общин, а от имен основателей или владельцев данных поселений.

Материалы древней восточнославянской топонимики не дают нам никаких свидетельств в пользу существования патронимий в Киевской Руси.

Обратимся теперь к Русской Правде, к тем статьям, в которых говорится о верви.

Ст. 3. «Аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; паки людин, то 40 гривенъ».

⁶⁰ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 92, 111.

⁶¹ Об идентичности Витичева и Уветичей см.: В. Н. Татищев, История Российская, т. II, М.—Л., 1963, стр. 121; Б. Д. Греков, Избранные труды, т. II, стр. 399.

⁶² Константин Богрянородный, Об управлении государством, в кн. «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. С. Д. Сказкина, т. I, М., 1961, стр. 361.

⁶³ «Повесть временных лет» под 6608 (1100) годом.

⁶⁴ См. «Повесть временных лет» под 6455 (947) годом.

⁶⁵ «Памятники русского права», под ред. С. В. Юшкова, вып. II, М., 1953, стр. 28

Ст. 4. «Которая ли вервь начнет платити дикую вѣру колико лѣтъ заплатити ту виру, зане же безъ головника инѣ платити. Будеть ли головник ихъ въ верви, то занѣ къ нимъ прикладываетъ, того же деля имъ помогати головнику; а в 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть. Но оже будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вѣрви нынѣ, иже ся прикладываютъ вирую».

Ст. 6. «Аже кто не вложиться в дикую вѣру, тому людье не помогаютъ, но сам платить».

Ст. 15. «Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ 7, то ти выведетъ виру; поки ли варягъ или кто инѣ, тогда. А по костехъ и по мертвечи не платитъ верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его».

Ст. 63. «Аже будетъ росѣчена земля или знамение, или же ловлено, или сеть, то по верви искати татя или продажу».

Все эти статьи, касающиеся верви, взяты нами из Пространной редакции Русской Правды⁶⁶. О чем же в них говорится? Под термином «вервь» здесь подразумевается какая-то группа людей, живущих на определенной территории. Если один из членов верви совершает убийство или «въ свадѣ» (т. е. в результате ссоры), или «въ пиру» (по-видимому, предполагается, что убийца находился в нетрезвом состоянии), то он должен платить штраф — «виру». При верви существует какая-то общая касса, в которую члены этой верви «вкладываются». Если убийца является таким вкладчиком, то он платит только половину штрафа за убийство княжего мужа, оставшуюся половину вносят за него другие члены данной кассы. Если же убийца ранее в эту кассу «не вкладывался», то он обязан платить весь штраф сам.

Для чего нужна была такая касса? Во-первых, для того, чтобы выручить из беды неумышленно совершившего преступление члена верви (если он разбойник и убил человека безо всяких на то оснований, то, как свидетельствует ст. 5 Пространной Русской Правды, убийца выдавался вместе с женой и детьми «на потокъ и на разграбление»⁶⁷). Во-вторых, касса была нужна, оказывается, для того, чтобы платить из нее штраф за сбежавшего преступника. В случае, когда на территории, на которой живет вервь, обнаруживается мертвое тело («въ чьей же верви голова лежитъ») или к ней ведут следы преступника, уничтожившего знаки собственности, испортившего чье-то поле, обокравшего чужую сеть для ловли птиц или зверей, а вора найти нет никакой возможности, вервь обязана выплатить штраф за совершенное преступление.

В ст. 70 Пространной Русской Правды, которая как бы дополняет ст. 63, говорится, что, если след преступника ведет к какому-то селу, а жители его не в состоянии отвести от себя этот след, то они должны или выдать татя, или же заплатить за него штраф. Если же след преступника будет потерян на пустыре, «къдѣ же не будетъ ни села, ни людий, то не платити ни продажи, ни татьбы»⁶⁸. Фактически статьи 70 и 63 идентичны. Разница лишь в том, что в ст. 63 речь идет о конкретном преступлении (о порче земли, уничтожении межевого знака, ограблении сети), а в ст. 70 говорится о преступлении вообще. Село и вервь приравниваются друг к другу в юридическом отношении. Возможно, что разница между ними заключалась лишь в том, что на территории верви жили свободные люди, а на территории села — зависимые. На эту мысль наводит тот факт, что в письменных источниках термином «село» часто обозначаются селения, в которых проживало зависимое от феодалов население — смерды, челядь и т. д. Так, в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде князей 1103 г. имеются такие слова: «Дивно ми, дружно, оже лошади жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не

⁶⁶ Статьи из Русской Правды цитирую по М. Н. Тихомирову. См.: М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 88—89, 102.

⁶⁷ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 89.

⁶⁸ Там же, стр. 103.

промыслите, оже то начнеть орати смерд (разрядка здесь и далее наша.— О. Р.), и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлюю, а лошадь его поймать, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье?»⁶⁹.

А вот текст из грамоты Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю: «Се ез князь великий Изяслав Мъстиславичъ, по благославлению епискупа Нифонта, испрошав есми у Новгорода святому Пантелеймону землю село Витославиць и Смерд...»⁷⁰.

По завещанию жены князя Глеба Всеславича киевскому Печорскому монастырю переходили в собственность после смерти княгини 5 сел с челядью⁷¹. Русские летописи и уставные грамоты упоминают ряд сел, бывших собственностью князей, бояр и дружинников⁷².

Что касается верви, то, как это явствует из Пространной Русской Правды, на ее территории жили люди. В пользу этого же свидетельствует и текст из сочинения Константина Богрянородного «Управление государством»: «Зимний и суровый образ жизни этих самых руссов таков. Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми руссами из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов...»⁷³

Если жизнь смерда Русской Правдой оценивалась в 5 гривен, жизнь сельского старосты (тиуна) — в 12 гривен, то жизнь лсдина — в 40 гривен («паки ли людин, то 40 гривенъ») ⁷⁴. Людин был свободным жителем Киевской Руси.

Наше предположение подтверждает и ст. 70 Пространной Правды, в которой жители села прямо противопоставляются людям: «кдѣ же не будетъ ни села, ни людий...»

Таким образом, намечается следующая конструкция:
село — смерды, вервь — люди.

В статьях Русской Правды, у которых упоминается слово «вервь», совсем не содержится данных ни об общих хозяйственных постройках, ни о производственной взаимопомощи, ни о совместном владении средствами производства, ни о праве предпочтительной покупки и родового выкупа. Ни один из устойчивых или неустойчивых признаков патронимии не прослеживается по Русской Правде. Напротив, такие факты, как возможность предания имущества каждого члена верви «потоку и разграблению», а также право каждого члена верви отказаться от вклада в «вервную кассу», свидетельствуют о том, что вервь была организацией соседской, территориальной, составленной из малых семей, ведущих самостоятельно хозяйство и независимых друг от друга.

В статьях 92—98 Пространной Правды говорится о разделе имущества свободного человека — лсдина после его смерти. В дележе наследства принимают участие только жена и дети умершего. Родственники по боковой линии в разделе не участвуют. Имущество свободного, о котором говорится в этих статьях, называется «задницѣй», «домом». Статья 94 гласит: «А двор без дѣла отень всякъ меншему сынови»⁷⁵. Таким образом, после смерти отца младшему сыну отходило жилище, где ранее размещалась вся семья, и приусадебный участок. Старшие сыновья, оставшиеся без жилья, должны были строиться на земле заново. Остальное имущество делилось на доли между самыми близкими родственниками умершего — вдовою и старшими детьми⁷⁶. Разделен-

⁶⁹ «Повесть временных лет» под 6611 (1103) годом.

⁷⁰ «Памятники русского права», вып. II, стр. 104.

⁷¹ «Полное собрание русских летописей», т. II, М., 1962, стб. 492—493.

⁷² Например: Ольжичи, Предиславино, Берестово, Буице, Березовичи, Витославиц и др.

⁷³ «Хрестоматия по истории средних веков», т. I, стр. 363.

⁷⁴ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 81, 88, 90.

⁷⁵ Там же, стр. 107.

⁷⁶ Там же.

ное наследство становилось частной собственностью каждого из наследников, владельческие права которых строго охранялись законом.

Если вдова, говорится в ст. 95, после смерти мужа «расточила» имущество, которое предназначалось детям, а сама снова вышла замуж, она обязана возместить наследникам все, что было «расточено»⁷⁷. В то же время в других статьях Пространной Правды подчеркивается, что до имущества матери детям дела нет. При желании она может подарить доставшуюся ей часть наследства, кому захочет.

Ст. 96. «А матерня часть не надобѣ дѣтемъ, но кому мати дастъ, тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а вси раздѣлять; безъ языка ли умереть, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормить, то тому взяти».

Ст. 98. «А матери который сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дастъ свое; аче и вси сынове еи будутъ лиси, а дочери можетъ дати, кто ю кормить»⁷⁸.

Иногда в семье возникали распри из-за наследства, которые решались в княжеском суде. Так, в ст. 100 говорится: «Аже братья ростяжуться передъ княземъ о задницю, который дѣтський идѣтъ их дѣлти, то тому взяти гривна коунъ»⁷⁹.

Все это говорит за то, что имущество свободного людина (а именно людины были членами верви, как это мы показали выше) представляло собой во времена Русской Правды частную собственность домохозяйина и делилось после его смерти или по его собственному желанию («Аже кто умирая раздѣлти домъ свои дѣтемъ, на том же стояти...» — стр. 87)⁸⁰, или, в случае, если он не оставил завещания, только между членами его семьи. Родственники по боковой линии никаких прав на наследство не имели.

Что касается зависимых от князя смердов, то они также вряд ли проживали патронимиями. Как значится в ст. 85 Пространной Правды, имущество смерда-домохозяина после его смерти ликвидировалось — передавалось князю⁸¹.

Итак, как показывают материалы, малые семьи людинов, из которых состояли верви Русской Правды, были выразительницами и носительницами частной собственности, что, по М. О. Косвену, является верным признаком окончательного распада патронимических отношений.

Подведем некоторые итоги⁸². Ни большие патриархально-семейные общины, из которых, по словам М. О. Косвена, должны были образоваться патронимии, ни сами патронимии, по имеющимся в нашем распоряжении источникам (археологическим, топонимическим, летописным, Русской Правде), для домонгольского периода Руси не прослеживаются. Большинство источников убедительно свидетельствует о существовании в Восточной Европе, начиная примерно с VI в. н. э. славянских поселений, представлявших собой соседские территориальные общины.

SUMMARY

The author analyzes various archaeological and toponymical sources, the *lietopis* (chronicles) the «Russian Pravda» and arrives at the conclusion that neither big patriarchal communities which, according to Kosven, should serve as a base for the formation of patronymies, nor the patronymies themselves can be traced from available data for the pre-Mongol period. Most sources give convincing evidence of the existence in Eastern Europe, beginning with about the VI century A. D., of Slav settlements; these were simple territorial communities.

⁷⁷ Там же, стр. 108.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 109.

⁸⁰ Там же, стр. 106.

⁸¹ Там же.

⁸² Мы сознательно не касаемся в нашей работе Полицкого статута, поскольку этот документ и Русская Правда — памятники разновременные, отдаленные друг от друга по крайней мере на два-три столетия.

Н. А. Кисляков

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ У ТАДЖИКОВ

В данной статье в основном использованы полевые записи автора, произведенные им во время многолетней работы в Таджикистане и до сего времени оставшиеся неопубликованными¹. Цель статьи — наметить по возможности ареал распространения тех или других элементов старой сельскохозяйственной культуры таджиков, поскольку сведения собирались в различных районах.

В качестве сравнительного материала нами привлечены четыре работы, в которых вопросы, связанные с земледелием, довольно подробно разработаны для определенных локальных районов². В этих работах содержится более или менее исчерпывающая библиография по вопросу.

1. Орудие для пахоты у таджиков — общего среднеазиатского типа, состоит из деревянной массивной основы, имеющей форму башмака, дышла, вставляемого в отверстие в средней части основы и удерживаемого клином; втулки, вставляемой в одно из отверстий в передней части дышла, и иногда планки, скрепляющей основу или же основу с дышлом. На заостренный нижний конец основы надевается железный или чугунный лемех.

М. С. Андреев отмечал, что на пространстве от Самарканда до Ферганы у таджиков пахотное орудие называется амоч (умоч), в южнотаджикских же районах его название составляют различные варианты термина с основой из трех согласных: спр. Автор приводит таблицу широкого распространения этого термина как среди таджиков, так и среди припамирских народов³. Записанные нами названия пахотного орудия, а местами и его отдельных частей приводятся в табл. I, которая подтверждает выводы М. С. Андреева⁴. Действительно, повсеместно в южных районах Таджикистана, к югу и востоку от Гиссарского хребта употребляется термин *синор* (в северном Таджикиста-

¹ К сожалению, размеры статьи не позволяют привести здесь весь собранный материал.

² М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Труды АН ТаджССР, т. 43, 1957; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Труды АН ТаджССР, т. 61, 1958; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Труды АН ТаджССР, т. 28, 1960; Н. А. Кисляков, Старинные приемы сельскохозяйственной техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу, «Сов. этнография», 1947, № 1.

³ М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 35.

⁴ В таблицах названия кишлаков даны в таком порядке, что сначала идут кишлаки северного Таджикистана и Узбекистана, расположенные к северу и западу от Гиссарского хребта, а затем (начиная с кишлака Чорбог) — кишлаки южного Таджикистана, находящиеся к югу и востоку от Гиссарского хребта. В табл. I при названии кишлаков даны пояснения, в какой местности они находятся; в последующих таблицах эти пояснения даны лишь при тех названиях, которые не встречались в предыдущих таблицах.

Район распространения терминов	Общее название пахотного орудия	Лемех
Пенджикент (верхний Зеравшан)	умоч	—
Кыстакоз (Ферганская долина)	»	оҳан
Ляган (то же)	сипор	оҳани чуфт
Ишиор (долина р. Сох)	»	»
Ворух (долина р. Исфара)	умоч	оҳан
Зумратшо (то же)	»	»
Чорку (то же)	»	»
Кулькенд (то же)	»	»
Каракчикум (Ферганская долина)	»	—
Махрам (то же)	»	оҳан
Соктаре (нижний Зеравшан)	амоч	поза
Тасмачи (средний Зеравшан)	омач	тыш
Фазли (низовья р. Кашкадарья)	»	теш
Кизыл Имчок (верховья р. Кашкадарья)	умоч	оҳани умоч
Сайроб (южн. склоны Гиссарского хребта)	омоч	оҳан
Чорбог (долина р. Варзоб)	сипор	оҳани сипор
Яхакпаст (Каратегин)	»	—
Зувайр (Кулябские районы)	»	оҳани сипор
Шайдон (то же)	»	» »
Лягман (то же)	»	» »
Дехи Мулло (бассейн р. Хингоу) *	»	нуки сипор
Язганд (то же) *	»	» »
Сафедорон (то же) *	»	» »
Сангвор (то же) *	»	» »

* Сведения отсутствуют.

** Ср. М.Р. Рахимов, указ. раб., стр. 68—69.

Таблица 1

Дышло	Клин	Втулка дышла	Ручка	Планка, скрепляющая осто́в
—	—	—	—	—
тири умоч	—	—	дасткаш, дастак	—
тири сипор	—	пешкли	муштак	—
» »	—	»	»	—
тири умоч	фона	—	тутки, дасткапак	—
» »	»	—	» »	—
» »	»	—	» »	—
» »	»	—	» »	—
—	—	—	—	—
тири умоч	фона	клуҳчуб	туткуч	—
ук	пона	кулоҳчуб	даста	тилчак
ок	»	кулакчуб	тутку	палвон ёгач
алючуки	тамба	клоҳчуб	дастгирак	тераk
тир	фона	пешчубак	муштак	марзак
»	»	пешкашак	дастгирак	мардгирак
тири сипор	гындышкак	пешкли	муштак	мардак
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
тири сипор	—	—	мушта	—
» »	—	—	»	—
» »	—	—	»	—
» »	—	—	»	—

не термин сипор встречен нами лишь в кишлаках Ляган и Ишиор, однако в обоих живут переселенцы из Каратегина — южный Таджикистан); в северных же районах, точнее в районах к северу и западу от Гиссарского хребта, бытовал термин *омач//умоч*.

2. Ярмо употреблялось не только для запряжки рабочих животных в омач (сипор), но и при использовании других орудий — борьбы, плетенки для молотбы и др. Ярмо отличалось по отдельным районам лишь в своих деталях и представляло собой бревно с четырьмя сквозными отверстиями, в которые вставлялись палочки, удерживающие ярмо на шеях животных. В кишлаках с преобладающим таджикским населением для ярма употреблялся термин *юг*; там же, где таджики живут в узбекском окружении, бытовал термин *буюнтуруқ*. В табл. 2 приведены записанные нами термины для ярма и его отдельных частей.

Т а б л и ц а 2

Район распространения терминов	Ярмо в виде бревна	Хомут ярма из двух палок	Завязки хомута	Шпенек для тяжа
Кыстакоз *	буюнтуруқ	савачуб	—	—
Ишиор	юғ	юғлолчу	юғлолбанд	қозикап
Ворух	»	—	—	—
Зумратшо	»	юғчуб	—	қозияк
Чорку	»	клуҳчуб	юғбанд	қозичуб
Кулькенд	»	—	—	—
Махрам	буюнтуруқ	самирчуб	самирбанд	қозияк
Соктаре	»	шомиён	шомиёнбанд	—
Тасмачи	»	шомиёнғач	шомиён ип	—
Фазли	»	клоҳчуб	—	—
Кизыл Имчок	юғ	юғлолчу	таилбанд	—
Сайроб	буюнтуруқ	самончуб	самонбанд	—
Чорбог	юғ	юғлолчу	юғлолбанд	—
Зувайр	»	—	—	—
Шайдон	»	—	—	—
Язганд	»	юғлолчуб	юғлолбанд	—
Сафедорон	»	»	»	—
Сангвор	»	»	»	—

* Ср. Н. Н. Ершов, Указ. раб., 34.

Тяж для скрепления ярма с орудием пахоты изготовляли либо из кожи (в виде ремня), либо из ветвей (лыка), свивая из трех молодых побегов ивы или другого дерева, затем складывали вдвое или слегка скручивали, так что получалось три петли: средняя надевалась на ярмо, а в две другие продевали передний конец дышла и затем накидывали их на втулку, продетую в одно из отверстий дышла; втулка вставлялась в отверстие, расположенное ближе к началу дышла, или же в расположенное дальше от него, в зависимости от необходимости удлинить или укоротить запряжку и соответственно придать дышлу больший или меньший уклон. Передний конец дышла или лежал на ярме, несколько выдаваясь вперед, или находился под ярмом⁵. В большинстве кишлаков тяж назывался *отнаг* или *отан* (Кыстакоз, Ишиор, Чорку, Махрам, Кизыл Имчок, Сайроб, Чорбог, Язганд, Сафедорон, Сангвор); в кишлаках, где таджики живут в окружении узбеков, употреблялся другой (тоже таджикский) термин — *тиркаш* (Ляган, Соктаре, Тасмачи) или *таркиш* (Фазли).

3. Борона у таджиков была двух видов: плетенка из ветвей — *чапар*, и бревно или доска — *мола*. Как правило, чапар встречался в горных районах южного Таджикистана; нами он отмечен в кишлаках Сангвор, Язганд и Сафедорон (долина р. Хингоу), в кулябоких кишлаках Гафилабад, Зувайр, Гурзамин, а также в кишлаке Кизыл Имчок (верховья р. Кашкадарья, Узбекистан). Мола имела, по-видимому, более широкий ареал распространения, она зарегистрирована в Пенджикенте, в Кыстакозе⁶, в Зумратшо (долина р. Исфара), в кишлаках Тасмачи, Уйшун и Соктаре по Зеравшану (в последних двух для нее записан также термин *дандона*), в Чорбоге (долина р. Вар-

⁵ Ср. М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 30; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 115—116.

⁶ Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 35—36.

зоб), Кызыл Имкоче (здесь употреблялся термин *тахта*), а также в Сангворе и кулябских кишлаках Гафилабад и Лягман.

Устройство плетенки-чапара подробно описано у М. Р. Рахимова⁷. В мола нередко вбивались гвозди, острия которых выступали с нижней стороны (отсюда и название дандона — «зубатка»); в кишлаке Соктаре, например, если борону пускали зубьями вниз, то ее называли дандона, а если зубьями вверх, то называли мола (от *мелидан* — гладить, сглаживать).

Борона соединялась с ярмом с помощью оглобли — *кашак*, *хаша* (в южных районах для чапара) или *молапоя* (для мола, например, в кишлаках по среднему Зеравшану); передняя часть оглобли, как и дышло омача, имела отверстия для втулки, на которую набрасывались петли тяжа, прикрепляемого к ярму; задняя же часть оглобли прикреплялась к бороне различными способами: для мола с помощью неподвижно укрепленных к ней колец (*халқа*) и двух цепочек (*занчир*), прикреплявшихся к оглобле, раздвоенной на конце; для чапара — с помощью тяжа (*почихаша*), продаваемого в отверстие в конце оглобли и двумя петлями накидываемого на концы палки, укрепленной в передней части чапара, или же с помощью двух тяжей⁸. Существовали и некоторые другие способы прикрепления мола к ярму⁹.

4. Для обмолота урожая повсеместно употреблялась плетенка из ветвей, подобная той, которая служила в качестве бороны. В одних местах это было то же самое орудие, в то время как в других местах, например в бассейне р. Хингоу, плетенка для молотбы делалась более прочной и солидной, в основу ее клалось бревно, а на продольно положенные ветви — еще поперечный ряд их и т. д.¹⁰

Плетенка для обмолота в южных районах Таджикистана носила название *чапар*, что нами отмечено в кулябских кишлаках, Гафилабад, Зувайр, Тибалай, в бассейне р. Хингоу в кишлаках Язганд, Сафедорон, Дехи Мулло, в каратегинском кишлаке Яхакпаст, в кишлаках Яванской долины; этот же термин отмечен в кишлаке Сайроб в южных отрогах Гиссарского хребта, в кишлаке Кызыл Имчок в верховьях Кашкадарьи, а также в кишлаке Ишиор в северном Таджикистане (переселенцы из Каратегина). В районах, расположенных к северу и западу от Гиссарского хребта, плетенка для молотбы носила другое название — *вал*; оно записано нами в Ферганской долине — в кишлаках Кыстакоз¹¹, Каракикум, Пулатон, в исфаринских кишлаках Чорку, Ворух, Зумратшо, Кулькенд, а также в кишлаке Тасмачи на среднем Зеравшане.

Запряжка для молотилки не отличалась от запряжки для бороны.

5. Серп повсеместно у таджиков назывался *дос* или *дост*, лишь на нижнем и среднем Зеравшане встречено узбекское название *урак*.

Деревянные вилы для веяния, обычно пятизубые, везде назывались *панҷшоҳ* или *панҷшоха*, иногда в вариантах (*пайшоха*, *шоха*, *шохиш чуви*). Для других работ (скирдование, снятие снопов) употреблялись вилы двухзубые — *душоҳ* или трехзубые — *сешоҳ*.

Деревянная лопата употреблялась как для веяния зерна, так и для сгребания снега, проведения канав, выбирания навоза и т. п.¹² Она бывала как из цельного куска дерева, так и составная (рукоятка и лопасть делались отдельно, затем скреплялись). В южном Таджикистане для деревянной лопаты употреблялся термин *қырчак*, отмеченный нами в кишлаках Сангвор, Сафедорон, Язганд в бассейне р. Хингоу, Яхакпаст в Каратегине, в кулябских кишлаках Гафилабад, Зувайр, Шайдон, Гурзамин, Тибалай, Лягман. В северных районах употреблялся другой термин — *бел*, перенесенный, по-видимому, позднее и на железную лопату; он записан нами в кишлаке Кыстакоз¹³, в Пенджикенте, в исфаринских кишлаках Ворух, Зумратшо, Чорку, в кишлаке Кызыл Имчок в верховьях Кашкадарьи. Существовал еще и третий термин — *қурак*, который, по-видимому, был распространен на западе, он встречен нами в кишлаке Сайроб в южных отрогах Гиссарского хребта.

⁷ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 34—35.

⁸ Подробно см.: М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 34, 35; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 116.

⁹ Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 35.

¹⁰ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 34—36.

¹¹ Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 38.

¹² М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 36—37.

¹³ Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 38—39.

6. Несмотря на то что самый процесс жатвы у таджиков был достаточно однообразным, порядок жатвы различных культур, способы укладки сжатого урожая и соответствующая терминология значительно варьировала по отдельным районам.

Обычный прием жатвы был следующий. Жнец работал в полусогнутом положении, держа серп в правой руке. Серпом он захватывал пучок колосьев примерно посередине, затем схватывал его выше левой рукой, а правой перерезал серпом. Так он повторял несколько раз, не выпуская срезанных раньше колосьев из левой руки; когда в ней оказывался достаточно большой пучок колосьев, его откладывали в сторону на приготовленную заранее завязку — *банд*; завязку эту делали следующим образом: брали два пучка колосьев и крепко скручивали их верхушками. Когда на завязке оказывалось достаточное количество колосьев, то концы завязки снова закручивали, нажимая при этом коленом на сноп.

Общий порядок последовательности жатвы различных культур таков: сначала быстроспелые клевер и травы, затем злаки (первый из них ячмень) и бобовые, потом лен.

Обычно снопы складывали в скирды на месте жатвы, лишь в немногих пунктах нами отмечено, что снопы остаются на поле без складывания в скирды, затем их относили и отвозили прямо на гумно.

Существовало два способа вязки снопов — *яксара* (букв. в одну голову) и *дусара* (в две головы). При первом способе снопы вяжутся так, что все колосья снопа обращены в одну сторону; при втором способе сначала складывают отдельно полуснопы, а затем их накладывают один на другой таким образом, что колосья одного полуснопа приходятся на комли второго полуснопа. Этот второй способ практикуется или тогда, когда сжатые колосья коротки (кишлаки Сайроб, Чорбог)¹⁴, или же тогда, когда сжатые растения были недостаточно сухими, главным образом травы и бобовые. В кишлаках южного Таджикистана (к югу и востоку от Гиссарского хребта) для полуснопа почти повсеместно употребляли термин *сатри*, в северных и западных районах расселения таджиков специального термина для полуснопа нами не отмечено.

В табл. 3 указаны термины, употреблявшиеся в различных местах для снопа, скирда, а также большого скирда, устраивавшегося уже после того, как урожай свозили в одно место, в кишлаке, где-либо близ гумна. Из табл. 3 видно, что в северных районах для снопа употребляется термин *банд* (букв. связка), в то время как для южных районов в обиходе был термин *дарза* (этот термин употреблялся также переселенцами-каратегинцами в кишлаках Лугман и Ишиор). На западе, по среднему и нижнему течению Зеравшана, употреблялся термин *бов*, *бог*.

Для скирда на поле, главным образом пшеницы и ячменя, почти повсеместно был распространен термин *ғанак* (*ғаных*, *ғанук*). Для большого скирда в северных районах употреблялся термин *ғарам*, неизвестный в южных районах. Среди таджиков, проживающих в западном Узбекистане (нижний Зеравшан, низовья Кашкадарьи) бытовал термин *хирман*, т. е. тот же термин, которым обозначался ток, гумно.

Иногда термины, употреблявшиеся для обозначения больших и малых скирдов, были связаны со способом укладки снопов; так, термины с приставкой *кӯр* (букв. следой) — *кӯрхавча*, *кӯрганык* употреблялись при кладке снопов колосьями внутрь скирда; для некоторых культур (например, ячмень, бобовые) употребляли кое-где термин *хау*, *хавча*. В кишлаках кулябской группы нам пришлось слышать, что все культуры, которые складываются в снопы *дусара*, потом укладываются в *хавча*, а те, которые складываются в *яксара*, укладываются в *ғаных*.

В равнинных районах урожай на гумно перевозили на арбе или же выюком на лошадях или ослух. В горном Таджикистане употреблялись сани-волокуши — *чигина*¹⁵, которые, однако, отсутствовали там, где вследствие крутизны или скалистого характера местности чигина не могла пройти. Нами отмечено наличие чигины почти повсеместно в Каратегине, в бассейне р. Хингоу, в кулябских районах, в долине р. Варзоб (кишлак Чорбог), в южных отрогах Гиссарского хребта (кишлак Сайроб), под Пенджикентом (кишлак Шингак); не было чигины в горных долинах Соха и Исфары, верховьях Кашкадарьи.

¹⁴ См. также Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 135.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 120—123.

Район распространения терминов	Сноп	Полусноп	Скирд	Большой скирд (чаще в кишлаке, на гум е)
Пенджикент	бандина	—	—	фарам
Шингак (близ Пенджикента)	банд	—	—	—
Кыстакоз *	»	—	фарамча	фарам хырман
Ляган	дарза	—	ғанак	фарам
Ишиор	»	—	»	»
Ворух	банд	—	—	»
Зумратшо	»	—	—	»
Чорку	»	—	ғанак	»
Кулькенд	»	—	ғанук	»
Пулатон (близ Канибадама)	»	—	—	»
Каракчикум	»	—	ғанак	»
Махрам	»	—	фарам	»
Соктаре	боғ	—	—	хирман
Тасмачи	бов	—	—	—
Уйшун (средний Зеравшан)	»	—	—	—
Фазли	банд	—	—	хирман
Камаши (низовья р. Кашкадарья)	—	—	—	хорман
Кизыл Имчок	банд	—	—	{ кур фарам от фарам
Сайроб	ғанза	—	банд	ғанак
Чорбоғ	банд	—	—	шола
Яван (Яванская долина)	дарза	—	ғанак	—
Яхакпаст	»	сатри	»	хау
Гафилабад (Кулябские районы)	»	—	»	—
Зувайр	»	сатри	»	шола
Гурзамин (Кулябские районы)	»	»	хавча (бобовые) ғанук	—
Тибалай (то же)	»	—	хавча (бобовые) ғанук	—
Лягман	»	сатри	ғанак	—
Дехи Баланд (бассейн р. Хингоу) **	»	—	»	шола
Язганд **	»	сатри	ғанык	»
Сафедорон **	»	»	муштык, кур-хавча, ғанык	»
Сангвор	дарза	»	ғанык, хау (ячень)	»

* См. Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 135.

** М. Р. Рахимов: 1) курхавча или курҒанык; 2) бэмыштык; 3) Ғанык или хирмачак (стр. 68—69).

Еще более архаичным способом был перенос урожая на спине при помощи веревки или особого деревянного приспособления, широко употреблявшегося в припамирских районах¹⁶. Способ переноски снопов на спине — *пуштора* практиковался не только в горных районах (часто именно там, где не могла пройти чигина), но и на равнинах; он известен был в Припамирье, в Дарвазе, долине р. Хингоу, Каратегине, в кулябских районах, в Гиссарской долине, на Зеравшане, в долине р. Исфара, а также в таких равнинных местах, как кишлаки по среднему и нижнему Зеравшану (Соктаре, Уйшун).

7. У таджиков существовало два способа обмолота урожая. Один из них заключался в том, что по раскиданным на току снопам вкруговую гоняли пару волов (иногда лошадей, ослов), которые таскали за собой описанную выше плетенку-молотилку (на нее кладут груз — камни или сажают детей), называвшуюся, как уже говорилось, в северных районах *вал*, а в южных — *чапар*; поэтому и самый способ молотбы

¹⁶ М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 51—53.

Место распростра- нения терминов	Обмолот	Веяние	Второй обмолот	Второе веяние
Пенджикент	вал или хуп	бод (вилами или лопатой)	хуп	—
Шингак	вал	—	»	—
Қыстақоз	»	—	»	бод (вилы, лопата)
Ляган	чапар	бод	галагоу (пай- хом)	—
Ишиор	»	бод (вилы)	То же	бод (лопата)
Ворух	вал	» »	галагоу	бод (вилы, лопата)
Зумратшо	»	» »	»	» »
Чорку	галагоу (ярозые) или вал (озимые)	бод (вилы, лопата)	—	—
Кулькенд	вал	—	галагоу	—
Пулатон	»	—	хуп	—
Каракчикум	»	—	»	—
Махрам	»	—	»	—
Соктаре	хуп	бод (вилы, лопата)	—	—
Уйшун	»	»	»	—
Фазли	»	»	—	—
Камаши	»	—	—	—
Қызыл Имчок	чапар	—	галагоу	—
Сайроб	»	—	галагоу (пайхом)	бод (вилы, лопата)
Чорбог	»	—	То же	» »
Яван	»	бод (вилы)	»	» »
Яхакпаст	»	—	»	бод (лопата?)
Гафилабад	»	бод (вилы)	»	бод (вилы, лопата)
Зувайр	»	{ бод (вилы, лопата) боди шохи, қырчақбод	»	бод (лопата) » »
Гурзамин	»	бод (вилы)	»	чоруббод бод (лопата)
Тибалай	»	» »	»	{ бод (лопата) чоруббод
Лягман	галагоу	бод (вилы, лопата)	—	—
Язганд	чапар	бод	галагоу	бод
Сафедорон	»	—	»	бод (вилы, лопата)
Сангвор	»	бод	—	—

назывался соответственно *вал* или *чапар*. Второй способ заключался в том, что по снопам гоняли 5—8 волов (или других животных), связанных веревкой за шеи, но уже без плетеньки; этот способ в южных районах носил название *галагоу*, в северных же районах он преимущественно назывался *хуп* (*хон*). Следует отметить, что в одних кишлаках (или даже отдельных хозяйствах) применялись в последовательном порядке оба способа, сначала чапар (вал), затем галагоу (хуп), в других же кишлаках только один из них. Чапар (вал) — способ менее эффективный: хотя солома и хорошо размельчалась, но зерно из колосьев выделялось плохо, оставалось довольно много невымолоченных колосьев; поэтому после чапара стремились сделать и галагоу, но это не всем было доступно, так как при этом требовалось большое количество рабочего скота, да кроме того, по-видимому, не во всех кишлаках этот способ был в обычае. Если применялись оба способа, то, как правило, между ними делали веяние — *бод*, солома хорошо отвеивалась, а второй обмолот (галагоу, хуп) применялся уже главным образом для невымолоченных колосьев — *пайхом*. Но в ряде мест делали (правда, как исключение) обмолот лишь только вторым способом.

В табл. 4 обобщен собранный нами по этому вопросу материал, в ней показано и применение соответствующих терминов, и последовательность процессов. Из табл. 4 видно, что в южном Таджикистане повсеместно применялись термины *чапар* и *галагоу*, а к северу и западу от Гиссарского хребта — *вал* и *хуп* за редким исключением (исфаринские кишлаки, Қызыл Имчок, а также Ляган и Ишиор с каратегинскими переселенцами).

Веяли первый раз (а если было одно веяние, то в начале его) вилами, а второй раз — деревянной лопатой. Первое веяние называлось *боди шохи* (от *шох* — вилы)

Таблица 5

	Полусноп	Сноп	Сток в поле	Сток в кишлаке
Шингак	—	банд	—	—
Кыстакоз	—	»	—	хырман
Зумратшо	—	—	—	Ғарам
Чорку	—	банд	—	»
Пулатон	—	»	—	»
Каракчикум	—	»	Ғанак	»
Махрам	—	—	»	»
Камаши	—	—	—	»
Қизыл Имчок	—	банд	—	»
Сайроб	—	Ғавза	банд	Ғанак
Чорбоғ	—	банд	—	шола
Яхакпаст	сатри	дарза	хауча	хау
Гафилабад	»	»	хавча	»
Зувайр	»	»	»	хау (на поле, но большой)
			(10—30 снопов)	
Гурзамин	»	»	хавча	—
Дехи Баланд	»	»	»	хау
Язганд	»	»	хауча	»
			(40—100 снопов)	
Сафедорон	»	»	хауча	»
Сангвор	—	веб, муштик	бор (10 снопов)	»

или *каҳбод* (*каҳ* — солома); второе веяние с помощью лопаты обычно носило название *чоруббод* (от *чоруб* — метелка), так как одновременно с веянием с помощью метелки сметали солому с зерна. Для веяния весь обмолот собирали в продолговатую кучу — *хара*. Веяли обычно при одном направлении ветра, если ветер менялся, то веяние прекращали, чтобы не перепутать снова зерно с соломой. При веянии с подветренной стороны кучи ставили прутья или палочки, которые обозначали границу между соломой, относимой дальше от кучи, и зерном, которое падает вблизи. Отвеянная куча зерна называлась *мои* или *мояк*.¹⁷

8. Жатва трав почти повсюду предшествовала жатве хлебов. В горных районах она проходила в июле — августе. Траву жали тем же серпом, который употреблялся для жатвы хлебов. В некоторых местах, например в Сафедороне, употребляли кожаную перчатку — *дастмуза*. Сжатую траву нередко оставляли лежать несвязанными охапками (полусноп — *сатри*) до высыхания, а затем уже связывали в снопы; если охапки были короткими, то их складывали верхушками одной охапки к комлям другой, чтобы снопы получались длиннее, если же они были длинными, то их складывали верхушками к верхушкам (иногда по три-четыре охапки в один сноп). На месте снопы складывали в сравнительно небольшие стога (скирды), которые затем поздней осенью сносили в кишлаки; иногда же оставляли на месте и на зиму. Названия снопов, скирдов и стогов в различных местах приведены в табл. 5, из которой видно, что в южном и северном Таджикистане термины, обозначающие одни и те же сельскохозяйственные культуры, существенно различаются; здесь границей также служит Гиссарский хребет.¹⁸

Доставка трав в кишлак производилась теми же способами, что и доставка пшеницы и других сельскохозяйственных культур.

Сухая трава или сено, шедшая на корм скоту, называлось *каҳи дарза*, в отличие от злаковой соломы, которую называли *каҳи майда* (кишлаки бассейна р. Хингоу).¹⁹

Для хранения трав существовали различные способы. Чаще всего, по-видимому, снопы травы складывали на крышах хозяйственных построек, главным образом помещений для скота — *молхона*, *оғул*; такой способ отмечен нами в кишлаках Ишиор (долина р. Сох), Зумратшо, Чорку, Кулькенд (долина р. Исфара), Каракчикум, Махрам (Фергана), Яхакпаст (Каратегни), Зувайр, Шайдон, Гурзамин, Гафилабад (Куляб), Сангвор,

¹⁷ Подробно см.: М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 72—77; М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 79—83; Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 124.

¹⁸ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 77, 78.

¹⁹ Там же, стр. 78.

Дехи Баланд (долина р. Хингоу); гораздо реже для этой цели использовались крыши жилых помещений²⁰. Снопь травы хранили иногда на деревьях, иногда вокруг дерева устанавливали дополнительные опоры, на которые укладывали легкий помост из жердей (отмечено в кулябских кишлаках Зувайр, Шайдон и др.), такой способ назывался *бута задан*. В других местах помосты (Кыстакоз — *чорчуб*, Шайдон, Гурзамин — *чолёб*) устраивали независимо от деревьев, вбивая в землю несколько столбов-кольев, а сверху клали переплет (решетку) из легких жердей и ветвей, лишь в отдельных случаях используя какое-либо дерево в качестве одной из опор (Кыстакоз, Зувайр, Шайдон). В тех местах, где было много скота и нужно было кормить его сеном в течение 7—8 месяцев (например, в Сафедороне), траву приходилось заготавливать в виде огромных стогов прямо на земле, на специально расчищенной площадке. Стог обносили плетнем — *шығ*, защищая таким образом его основание от разваливания и погрома скотом. В этих же кишлаках отмечены и специальные сооружения — *хаугай* (*хавгаҳи*)²¹ в виде круглой ограды из неотесанного камня высотой в 1,5—2 м, со входом; внутри такой ограды выкладывался стог или скирд снопов травы, возвышавшийся над стенами в виде высокой башни.

* * *

В литературе не раз уже был отмечен тот факт, что Гиссарский хребт служил границей между двумя древними культурно-историческими областями — «согдийской» и «тохарской»²². До недавнего времени сохранялся целый ряд явлений в быту, культуре и языке, характеризующих эти различия. Мы встречаемся с двумя особыми типами старинного жилища, особенностями в приемах земледелия, в свадебном обряде, с наличием в южном Таджикистане своеобразного сельскохозяйственного календаря и с различием во многих обрядах и обычаях.

Очень характерны особенности сельскохозяйственной терминологии, что подтверждается и материалом, собранным в данной статье. Перечислим кратко важнейшие из них: 1) пахотное орудие в северных районах — *умоч*, в южных — *сипор*; 2) лопата соответственно — *бел* и *қырақ*; 3) сноп соответственно — *банд* и *дарза*, также наличие термина *сатри* для полуснопа в южных районах, неизвестного в северных; 4) термин *фарам* для скирда в северных районах и термины *хау*, *хауча*, *шола* в южных; 5) термины *вал* и *хуп* для приемов обмолота в северных районах, *чапар* и *галагоу* — в южных (соответственно и орудия молотбы — *вал* и *чапар*).

В статье речь шла о различиях в сельскохозяйственной терминологии между северными (а также западными) и южными районами, населенными таджиками. Но существует и другая сторона вопроса — сходство ряда южнотаджикских терминов с сельскохозяйственными терминами припамирских народов. Например, как указывалось выше, термин *сипор* прослеживается и у припамирских народов, а термин *шеб* (для снопа), широко распространенный у последних, зарегистрирован и в бассейне р. Хингоу. Эти отдельные факты лишь раз подтверждают, что южные таджики и припамирцы — потомки носителей единой, называемой нами условно «тохарской» культуры. Однако сравнение сельскохозяйственной терминологии южных таджиков и припамирских народов представляет собой особую задачу, поскольку таджики и припамирские народы говорят на различных языках, и речь должна идти о выявлении взаимных влияний между этими языковыми группами.

²⁰ М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 79.

²¹ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 78.

²² И. И. Зарубин, Отчет об этнографических работах в Средней Азии летом 1926 г., «Изв. АН СССР», 1927, № 5—6, стр. 120; Н. А. Кисляков, Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу, сб. «Сов. этнография», II, 1939, стр. 149—170; «К вопросу об этногенезе таджиков», сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947, стр. 314—319; «Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков». «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXX, 1958, стр. 130—134; А. З. Розенфельд, Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, автореферат докторской диссертации, Л., 1966, стр. 25, и сл., см. также М. Е. Массон, К вопросу о северных границах государства «Великих кушан», Тезисы докладов и сообщений советских ученых на международной конференции по истории и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху, Душанбе, 1968, стр. 39—41.

З. Я. Можейко

КОЛЯДА В БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕССКОМ СЕЛЕ¹

Народный термин *коляда* издавна ассоциировался у полещан (и крестьян других районов южной и центральной части Белоруссии) с традиционными зимними праздниками: Рождеством, Новым годом и Крещением, когда пелись приуроченные к ним величальные поздравительные песни. Песни исполнялись перед каждым домом во время традиционного для этих праздников обхода дворов (колядки перед Рождеством и щедровки перед Новым годом).

В том же значении термин *коляда* сохранился и в современных полесских селах, но естественно, что в отношении полещан к этим традиционным зимним праздникам появились новые оттенки.

Мы не знаем, когда начали бытовать колядки и щедровки в качестве песен, приуроченных к традиционным зимним играм, но их описания содержатся в работах собирателей и исследователей быта дореволюционной белорусской деревни еще прошлого века.

Аналогичные сведения о колядках и щедровках есть и у исследователей украинской песенной культуры².

В быту современного полесского села *коляда* — любимая зимняя игра, своего рода сельский карнавал, в одинаковой мере увлекающий молодежь и людей пожилого возраста.

В экспедициях неоднократно приходилось наблюдать горячие споры между крестьянами полесских сел и местной интеллигенцией (культработниками, учителями), которая чаще всего относит колядки и щедровки к религиозным песням, а сам обычай колядования и щедрования считает проявлением культурной отсталости сельских жителей. В то же время, например, крестьяне с. Тонеж — одного из замечательных очагов полесской песенной культуры — горячо возражали против обвинения их в побириании, попрошайничестве и активно отстаивали «свои права» колядовать и щедровать: «Нельзя закрывать эту моду, она повелась с колишнего (издревле). Это же не то, что хлеба у нас нет, а поем потому, что без *коляды* вся зима скучная». В других полесских селах, как Бучка, Глушкевичи, Клетная, Семигостевичи, крестьяне «оправдывались» против обвинения их в бескультурье³: «Колядуем потому, что нам надо за что-нибудь зацепиться, чтобы погулять».

Решительно возражали колхозники всех обследуемых нами полесских сел и против какой-либо связи обычая колядования с религиозными предрассудками. Старые женщины-колядницы рассказывали нам, что в дореволюционном селе поп боролся с этим обычаем («выводил из моды *коляду*»), мотивируя свою борьбу тем, что колядование отвлекает крестьян от церкви и церковных рождественских песнопений. Кстати, в современном селе эти церковные песнопения мало кто помнит. «В церкви пели набожно, по книжному, а мы свое, простые песни» — объясняют старые женщины-колядницы.

¹ В основу статьи положены материалы стационарного обследования белорусского полесского с. Тонеж, а также непосредственные наблюдения над музыкальным бытом других полесских сел, которые проводились автором в экспедициях 1963—1968 гг.

² А. Потебня, Объяснение малорусских и сродних народных песен. II. Колядки и щедровки, Варшава, 1887, стр. 48.

³ Характерно, что и в тех (как правило, менее песенных) полесских селах, где наблюдать обычай колядования нам не удалось, воспоминания о *коляде* как веселом празднике живы в сознании крестьян, и последние откровенно сожалеют, что «такое веселье совсем уничтожается».

Колядная игра в селах белорусского Полесья делится на два этапа: 1) собственно колядование; 2) колядное пиришество.

Игровой тон «зимних святок» начинается с момента подготовки к колядованию. Каждый сельский житель становится участником своеобразного карнавала: будь то активный участник, «артист», будь то слушатель и зритель, который, однако в любой момент может перейти в активные участники игры. Кульминация этого стихийного карнавала наступает в момент собственно колядования «перед Рождеством».

Так же как в свадебной игре, в колядной игре имеются традиционные участники. Главные из них — это запевала «обходных»⁴ песен, а также центральная фигура ряженных — коза — один из лучших колядников-«артистов», одетый в вывернутый козуж, к которому прикреплена сверху сделанная местными мастерами голова козы с бородой, рожками и даже в очках.

По нашим наблюдениям, в селах Тонеж и Букче колядников с козой зазывают во все дома, так как всем интересно посмотреть «как представляет коза».

Как «обязательную программу» коза должна выполнить все основные действия, о которых говорится в специальной песне-колядке⁵ (нотный пример № 1)

Го-го-го каза,
го-го-го-гера,
дзе-ж ты, козаныка,
даже ты бывала?
— Я у бары-бары
ягдкі брала
Як прыбег ваўчок,
Ухапіў козаныку,
а ваўчанята за казенята.

Коза наклоняется пониже,
имитируя соби́рание я́год.

Козу обступают со всех
сторон.

— Як ты, козаныка,
як ты крычала?
— Так я крычала
Ме-ге-ге-ге-ге.
— Як ты, козаныка,
як ты ўцякала?
— Так я ўцякала
туп-туп-туп-туп-туп.

Коза кричит.

Коза изображает бег,
топая ногами.

Го-го-го каза,
го-го-го-гера,
не хадзі, каза,
пад гэта сьляцо.
Пад гэтым сьляцом
чатыры стральцы
радыцца іці
козаныку ўбіці.
Козаныку ўбіці,
шкуру аблупіці.
Сапагі пашыці,
да шчэй знасіці.
Ты, стара казішча.
Стань да расхадзіся,
Стань расхадзіся,
Развесяліся.
Старшаму хазяіну
У ногі пакланіся,
Шчэй гаспадыне,
Штоб добра дарылі.

Коза падает.

С козы снимают козуж.

Коза кланяется хозяину.

Коза кланяется хозяйке.

⁴ «Обходными» песнями белорусские крестьяне называют песни величально-приветственного и шуточного характера, которые в определенные традиционные праздники поются под окнами односельчан (с этими песнями обходят дворы). На юге Белоруссии — это колядки и щедровки, которые поют в ночь перед Рождеством и Новым годом. На севере Белоруссии — это волочебные песни, поющиеся весной, перед Пасхой. На Украине песни поздравительно-величального характера, с которыми в «зимний праздничный рождественско-новогодний период» крестьяне «обходят дворы», отмечает К. Квитка, хотя термин «обходные песни» он не употребляет (см. рукопись его очерка «Колядки», Архив кабинета народной музыки Московской государственной консерватории).

⁵ Интересно, что в русских местностях песни о козе бытуют как детские (см. П. Шейн, Великорусс в песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и

Рис. 1. Идут колядники
(фото И. Романовского)

Рис. 2. Коза представляет
(фото И. Романовского)

В конце песни изображающий козу пляшет под дудку (укр. сопилка), если она имеется у колядников, или же «под язык» (имитация голосом инструментального наигрыша, весьма распространенная в пении частушек без гармошки).

Если коза пляшет, кланяется и вообще движется недостаточно активно, ее погоняет палкой колядник-«дед».

В наиболее песенных селах, таких как Тонеж, Бучка, Глушкевичи, установились даже своеобразные соревнования колядников, чей «гурт» (группа певцов) больше накалирует (соберет даров).

Каждый гурт колядников старается заполучить себе известных на всю деревню старых колядниц-мастериц, знающих много вариантов колядок или, если это невозможно, хотя бы «проконсультироваться» с ними.

Неумение спеть вариант колядки по заказу хозяина считается большим позором для колядников и надолго «дисквалифицирует» их гурт.

В особенности сказанное относится к пожилым колядникам. Если для подростков вполне допустимо знать только основные бытующие в селе два-три варианта колядок, главным образом для хозяина и хозяйки дома, то пожилые колядники должны строго дифференцировать варианты колядок при их пении любому члену семьи хозяина. При этом нередко между хозяином и колядниками образуется своеобразный поединок, напоминающий свадебный поединок дружек невесты и жениха. Только на свадьбе дружки невесты и жениха «корят» друг друга песнями; а в наблюдаемой нами колядной игре поединок между хозяином и колядующими заключается в том, что хозяин и члены его семьи (если они видят, что колядники пришли их дразнить) стараются, по словам колядующих, «сбить их с толка», задавая им менее известные в селе варианты колядок, адресованные старой бабе, деду, животным и даже предметам домашнего обихода. Колядующие, в свою очередь, стараются выйти из этого поединка с честью, напевая по возможности больше шуточных вариантов, часто на ходу импровизируя новые, более злободневные строчки текста, «корящие» хозяина.

С вечера и до глубокой ночи звучат в песенных полесских селах «обходные» песни, величально-поздравительные и шуточные; в разных концах сельских улиц со всех сторон доносятся традиционные восклицания: «Добрый вечер вам, загадайте песню нам». Побеждает тот «гурт», который может напеть большее количество вариантов песен-колядок всем членам семьи хозяина дома, а также тот, у которого наиболее изобретательны на выдумки ряженные: коза, дед, журавль...

Слава этого «гурта» долго живет среди народных певцов села. А сами «гуртовщики» рассказывают не без гордости о своей победе: «Колядовали и представляли так, что не могли пирогов принести, торбу от земли оторвали».

Все песни колядки, бытующие в современном полесском селе, можно подразделить по их общественному назначению на две группы: 1) колядки величального характера, колядки-приветствия, с пожеланиями хозяину добра и довольства и 2) колядки шуточного характера, колядки-«дразнилки».

Пение под окнами первых — дань уважения хозяину и членам его семьи. В поэтических текстах этих колядок постоянно воспеваются трудолюбие хозяев; некоторые из них — настоящий гимн труду и природе. Во многих колядках хозяину на первый план выступают исторические мотивы, отголоски многочисленных войн, которые приходилось вести народам этих местностей. Особенно часто в подобных колядках упоминаются татары и турки. Так, в поэтическом тексте самой распространенной на Полесье колядки хозяину «слаўны панічок» конь упрекает хозяина за то, что хозяин хочет продать его в чужую сторону, такими словами:

...Не прадай мяне, да здумай ты тэ (вспомни то)
Як былі цябе туркі абнялі,
Туркі абнялі, шчэй з татарамі,
А я і скачыў, дай пераскачыў,
Не замачыў я ні ясень сядла,
Ні ясень сядла, ні цябе малайца.

т. п., т. I, СПб., 1900, стр. 13), в отличие от Белоруссии и Украины, где песни о козе, разыгрываемые ряженными в целую сцену, закреплены за традиционными «зимними святками».

А вот еще одна распространенная на Полесье колядка хозяину:

...Пакінь муляваць, ды ідзі ваяваць.
Ужэ-ж ваю дзевачку татары ўзялі.
Я-ж тых татарау мячом пасяку,
Я-ж тую дзевачку за себе вазьму.

Упоминание о татарах или турках встречаем мы и в лирических колядках-приветствиях хозяйке. Примером такой колядки может послужить колядка о трех (или семи) загадках, загаданных девушке. Она имеет поэтические и мелодические варианты среди лирических песен белорусского Полесья, а также Украины.

В большинстве колядок-приветствий молодой девушке вдохновенно воспевается ее красота:

Ой красна, красна каліна ў лузе,
А красней таго Галечка ў мамкі,
Па двару хадзіла, ўвесь дом красіла,
А ў сні ўвышла, сні зазялі,
А ў хату ўвышла, паны ўставалі,
Паны ўставалі, шапкі знімалі,
Шапкі знімалі, ў яе пыталі:
— Ці ты цароўна, ці каралёўна?

Распространены в колядках-приветствиях и свадебные мотивы, что сближает их по тематике с веснянками.

Вторую группу колядок, весьма распространенных в современном полесском селе, составляют колядки-«дразнилки». Они охватывают собой и собственно шуточные колядки, и переосмысленные в шуточные «серьезные» колядки (с нешуточным текстом).

Собственно шуточные колядки чаще всего адресованы старикам (деду, бабе):

Ой ты, бабачка, стара галачка,
На печи сядзі, нічога не рабі.
Чорны валішчэ, той дроу прывязе,
А кавянішчэ, то жар заграбе,
А памялішчэ, то печ замяце,
А дзеркачышчэ хату прыбярэ,
А ты, бабачка, стара галачка,
На печи сядзі, чырвонцы лічы (считай деньги).

Если колядки с шуточным текстом были распространены и в дореволюционном полесском селе, то переосмысленные в шуточные «серьезные» колядки получили свою новую жизнь уже в селе современном.

В особенности распространена в современном полесском селе «колядная критика» хозяев методом от противного: скупого как щедрого; ленивого как работающего; угрюмого как веселого и т. д. «Однако они (хозяева.— З. М.) хорошо знают, кому мы серьезно поем, а над кем смеемся»,— поясняют колядники.

Примечательно, что аналогичное название имеют и некоторые волочebные песни, бытующие в северных районах Белоруссии. Так, по рассказам крестьян из сел Аношки, Замошье, Столюги Лепельского района Витебской области, волочebники ждут традиционного дня когда поются волочebные песни, чтобы покритиковать того или иного односельчанина. Все крестьяне села с интересом ждут, что кому спокот в этот день. За волочebниками ходит свита односельчан. Иногда они, опережая волочebников, бегут предупредить хозяина («К тебе волочebники идут»), чтобы тот приготовился слушать. В этом плане интересно также приводимое В. Елатовым сообщение жителей дер. Ковали Сенненского района Витебской области о том, что вместе с волочebными песнями под окнами нерадивых односельчан-колхозников исполнялись сатирические частушки на тему колхозной жизни⁶.

Для колядок, критикующих односельчан, отбираются тексты, которым, благодаря соответствующим образом, легко может быть придано юмористическое значение. Например, для девушки, которая, по словам колядников, особенно «гонится за женихами», группы колядующей молодежи поют колядки о несметном количестве сватов:

...Первыя сваты, што за лугамі
Другі сваты, што за вароцьмі,
Трэція сваты, што у хаце сядзяць...

⁶ В. Е л а т о в, Ад песні да песні, Мінск, 1961, стр. 37.

В селах Тонеж, Букча, Глушкевичи особой любовью у колядников пользуется традиционная колядка:

Пане-гаспадар, бог цябе заве,
Бог цябе заве, дар табе дае,

текст которой дает возможность многооттеночного юмористического смещения. «Гурты» пожилых женщин обходят с этой колядкой не один дом, со смехом распевая о различных «дарах божьих»: нерадивому конюху бог дарует «вараных коней», растерявшему в лесу скот пастуху — «рахманных (смирненных) валоу», хозяину со сварливой семьей — «семью роунац, дай пакорную» и т. д.

Но что бы ни спели колядники хозяину и какие бы хлопоты ни причинила ему молодежь своими играми, обычная житейская обида в эти дни не должна иметь места.

В карнавально-игровой атмосфере каждый вправе свободно веселить себя и других. Нередко встречающиеся в традиционных колядках имена святых при этом также снижаются до житейского уровня, и в обращении с ними господствует вольный, непринужденный тон, лишенный даже тени благоговения. Возвышенный тон высказывания о «святых праздничках» сменяется буднично-деловым перечислением «даров», которых ждут от хозяина колядники:

...Ужо-м мы песеньку даस्याвалі,
Святыя празнічкі праважалі.
Адзін празнічак — свято рождество,
Другі празнічак — новы гадошак,
Трэці празнічак — свято крашчэнне.
Баці сварыўся, как не барыўся,
Маці казала, каб далі сала,
Мерачку ауса, наверх каубаса,
Сала паласа, песенька уся.

После обхода домов с песнями-колядками (собственно колядования) наступает второй этап колядной игры — пиршество. Чем больше наколядует (соберет в мешок даров) тот или иной «гурт», тем роскошнее пиршество. Обычно к группе колядников присоединяются слушающие и одаривающие их соседи-односельчане. Нередко в одну беседу-пир объединяются несколько «гуртов» колядников. Как и обход дворов, колядное пиршество отличается карнавально-игровым настроением. И здесь на первом плане — лучшие колядники-«артисты». Поддерживаемые всей компанией, они рассказывают забавные истории из своей жизни и жизни знакомых, высмеивают недостатки односельчан, разыгрывая в лифах комические сценки.

В отличие от собственно колядования, на колядном пире позволительно петь любые песни, однако преобладают здесь песни юмористического характера. Среди них немало создающихся экспромтом сатирических частушек и песен, в задорно остром тоне высмеивающих недостатки в работе местных организаций; неправильную оплату трудней, волокиту в работе, покрывательство недобросовестных работников и т. д. Весьма примечательна в этом плане юмористическая песня, записанная автором на колядном пире-беседе в с. Тонеж, в январе 1967 г. В песне остро и вместе с тем по-карнавальному задорно высмеивается правление местной конторы во главе с бригадиром, который за самогон готов простить воровство:

(Нотный пример № 2).

Я на гарэ жыта жала,⁷
А у далі не снапы клала.
Што наклала, то й пацёрла,
Узяла у торбу, дай паперла.
Як приходжу я да сяла,
Сустрэкае там старшыня.
Сустрэкае там старшыня,
Да й пытае — дзе-ж ты была?
— Я на гарэ жыта жала,
Трохі сабе абамяла.

Як павялі да каморы,
А з каморы да канторы.
А з каморы да канторы,
Састаўляюць пратаколы.
Старшыня кажа — судзіці,
Брыгадзір кажэ — прасціці.
Брыгадзір кажа — прасціці.
Бо не будзе ў каго піці.
Я-ж то жыта прарасціла,
Самагонкі наганіла.
Самагонка удалася,
Уся кантора напілася.

⁷ Первое полустихие каждого стиха повторяется дважды.

Общественная функция поющих в ночь под Новый год щедровок аналогична колядкам.

Новогодний и крещенский праздники в современном селе продолжают то игровое настроение, тон которому задает рождественский праздник.

Весьма примечательно, что в понятие «коляда», объединяющее традиционные зимние праздники, крестьяне полесского села включили и современный Новый год. Характерный в этом отношении пример являет собой новогодний праздник в с. Тонеж, где традиционные и новые обычаи переплетены в одном красочном карнавальном потоке. Новогодний бал-маскарад в сельском клубе в ночь с 31 декабря на 1 января молодежь заканчивает гаданиями-играми на улицах и у себя дома. А возле большой нарядной елки, установленной на центральной площади села, веселят односельчан ряженые, в центре которых — неизменные коза и дед.

Пение «обходных» песен, колядных пиршеств и представления ряженных органически дополняют игры и гадания. В современном полесском селе в особенности распространены игры, демонстрирующие ловкость и сметливость их участников. Так, по сообщению жителей из с. Глушкевичи, любимой колядной игрой молодежи этого села является игра «в цыган». Переодевшись в наряд, близкий цыганскому, и стараясь подражать манере цыганского говора, группа молодежи заходит к какой-либо хозяйке дома и, отвлекая ее всевозможными разговорами, похищает у нее какой-нибудь необходимый предмет домашнего обихода (метлу, сковороду, чепелу...). Хозяйка, в свою очередь, делая вид, что внимательно слушает «цыган», старается поймать их в момент похищения и высмеять их неловкость.

В большинстве колядных игр и во всех гаданиях на первый план выступают свадебные мотивы. Так, похищенный «цыганами» предмет домашнего обихода обычно подбрасывается в тот дом, где живет предполагаемая невеста (или жених), которая в будущем должна породниться с семьей обманутой хозяйки. Хозяйка, у которой вечером были «цыгане», посылает утром сына за пропажей в дом предполагаемой невесты, чем приводит его в смущение и вызывает смех у всех присутствующих⁸.

Бытование рассматриваемых нами зимних календарных песен, равно как и их музыкально-стилевые особенности, типичны для песен, строго приуроченных к определенному времени и обстоятельству. Песни эти возникают в сознании именно в данное и только в данное время, являясь своеобразным музыкальным символом определенного эмоционального состояния.

Во время летних экспедиций нам удавалось записать лишь очень немногие варианты бытующих на Полесье колядок и щедровок.

На просьбу спеть колядку певцы неизменно возражали: «коляда ведется, когда мороз трещит, а сейчас солнце печет»⁹. В прошлом такое строгое соблюдение установленной традиции было связано не только с боязнью общественного осуждения, но, вероятно, в какой-то мере и со страхом совершить грех.

В современном селе в результате отмирания религиозных предрассудков боязнь греха за неправильное выполнение обряда уже утрачена. Но нарушение традиционного порядка сельскому жителю представляется таким же противоестественным, нелепым и смешным, как, скажем, появление в жаркий летний день человека в шубе. Когда после уговоров и объяснений как певицам, так и всем присутствующим, что у собирателей нет возможности приезжать за каждой песней в соответствующее время года, певица наконец соглашалась спеть колядку летом, ее пение тем не менее сопровождалось смехом присутствующих. И пела она робко, оправдываясь, что «на полный голос ее не запоешь, потому, что скажут: сдурела что ли баба?!».

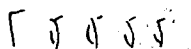
Зато в период зимних экспедиций традиционный обычай колядования и щедрования раскрыл себя во всем богатстве народной карнавально-игровой культуры.

⁸ По сообщению жителей Лепельского района Витебской области любимой игрой на зимние святки в северных районах Белоруссии продолжает оставаться «женитьба Терешки», инсценирующая настоящую свадьбу.

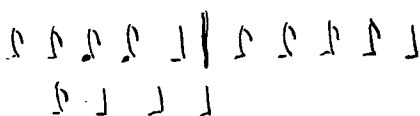
⁹ Заметим, что со свойственной народным певцам конкретной определенностью терминологии они употребляют здесь глагол «не ведется» (вместо не можем, не хотим, не умеем, не помним), как что-то, происходящее помимо их субъективного желания.

Для напевов колядок и щедровок (как и в целом песен, строго приуроченных к определенным датам и семейным обрядам) типична необычная емкость образной обобщенности.

Это типовые напевы, которые представляют собой лаконичную, неделимую, поразительно устойчивую мелодическую формулу, обобщающую несколько поэтических вариантов. Так, многочисленные поэтические варианты колядок, записанные мной в селах южного и юго-восточного Полесья, поются в основном на один типовой напев. (Нотный пример № 3). В основе его — неизменная ритмическая формула,

отмеченная, многими исследователями на материале песенной культуры различных славянских народов как типовая колядковая ритмоформула¹⁰. В нашем напеве поздравительных колядок ритмической структуре стиха 5+5+рефрен (4) соответствует дважды повторенная колядковая ритмоформула с характерным ритмическим перебоем в рефрене:

Ритмическая структура игровых колядок (см. нотный пример № 1) основывается на повторении колядковой ритмоформулы без рефрена.

Та же ритмоформула лежит и в основе типовых напевов большинства полесских щедровок.

Как особую выразительную окраску в зимних календарных напевах следует отметить стремление певцов завуалировать звук¹¹, а также различные звукоподражательные приемы (крик козы), связанные с разыгрываемыми театрализованными действиями. Тембровая нюансировка заставляет заиграть всеми гранями мелодическую формулу напева, повторяющуюся неизменно на протяжении длинного поздравительного или юмористического текста колядок и щедровок.

Только в естественных условиях бытования вместе с игровыми движениями и «игровой» голоса колядки в полной мере раскрывают красочность своего звучания.

Рассмотренные нами полесские колядки наглядно раскрывают неразрывную связь в народно-песенной практике, с одной стороны, стиливых особенностей песни, отражающих ее образное содержание, с другой — условий ее бытования, ее общественного назначения. Если каждый из таких напевов-символов возникает в сознании певца только в определенное время и при определенных обстоятельствах, то и в своем образном содержании он возрождается всякий раз только в определенном, отшлифованном веками звуковым облике.

Устойчиво сохраняя свою традиционную форму, вне которой они перестают быть символом определенного эмоционального состояния, колядки приобретают вместе с тем (как и обычаи, за которым они закреплены) новые оттенки осмысления. В сознании народных певцов Полесья они живут полнокровной современной жизнью. Механически относить эти песни (как и другие народные обычаи и песни, независимо от времени их возникновения) к «архаике» — значит прежде всего обеднять творчество современное.

¹⁰ См., например, А. Потебня. Указ. раб.; К. Квитка, Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен, в сб.: *З. Э в а л ь д. Песни народов СССР. Белорусы*, 1941.

¹¹ По сообщению крестьян некоторых полесских сел (Лясковичи, Дуброва, Липляны), а также сел центральных районов Белоруссии (например, с. Кукавичи Несвижского района Минской области), особым мастерством в пении зимних календарных песен считается маскировка звука до такой степени, чтобы хозяин не узнал голоса поющих. Но, к сожалению, непосредственно наблюдать эту манеру пения нам не удалось.

Нотный
пример 1

$\text{♩} = 120$

Го-го-го, ка-за, го-го-го, се-ра,
гре-ти, ко-за-нь-ка, гре-ти би-ба-ля?
а уба-ри, ба-ри а-гаг-ки бра-на.

Нотный
пример 2

$\text{♩} = 88$

а на за-ри жи-та, жи-на,
а на за-ри жи-та жа-вад,
тро-хи со-се а о-до-ме-на-го.

Нотный
пример 3

$\text{♩} = 138$

у на-зе-ле-нику по-ра-не-се-нику,
свя-ти ве-тар
по-за-гад-ва-ли усем на вой-на-нику,
свя-ти ве-тар.

ОБЕД НА ПОЛТОРА МИЛЛИОНА ПЕРСОН

(ЧТО ЕЛИ И ПИЛИ В КИТАЕ 800 ЛЕТ НАЗАД)

Впервые я приехала в Китай в 1958 году. В течение многих месяцев я испытывала радость соприкосновения с китайской культурой, которую прежде знала только по книгам. И удивительно было, с каким особым тщанием поддерживают китайцы свои памятники культуры, как берегут и знают они свои старые обычаи и национальные традиции. Мне нравилось в толпе людей бродить по старым рынкам, часами перебирать средневековые книги в книжных лавках; мои китайские учителя водили меня в харчевни старого Пекина — познакомиться с традиционной национальной кухней. Меня радовала многолюдная толпа, заполняющая в воскресные дни павильоны-музеи императорского города и дворцы парка Ихэюань. На палубе суденышка, плывшего по Янцзы, я слушала множество народных рассказов о героях Троецарствия; по дороге в Наньцзин вместе с актерами наньцзинской оперы праздновала день поэта Цюй Юаня и ела традиционное для этого дня кушанье — чжунцзы...

Через несколько лет, за 2 месяца до начала «культурной революции», я снова посетила эту страну. И я не увидела многого из того, что радовало исследователей культуры Китая в конце 1950-х годов. Под классическую музыку Пекинской оперы теперь разыгрывались примитивные сценки из армейской жизни; в классах Ханчжоуского художественного училища рисовали атомные взрывы и военные маневры; в Шанхае посетителей выставки прикладного искусства встречали оцетинившиеся стволы винтовок.

В камнерезной мастерской молодая женщина вытачивала из нефрита фигурку знаменитого поэта Ли Бо. Я спросила ее, что она делает. Оказалось — не знает. На каждом шагу мы сталкивались с тем, как жестокая рука уводила молодежь от гуманистических традиций, от культуры, от знаний. А образовавшийся вакуум насильственно забивался цитатами из произведений «великого кормчего». День за днем китайскую молодежь приводили в состояние иступленной истерии, «полного состояния готовности и полной свободы от всяких наук» (Салтыков-Щедрин). А через несколько месяцев хунвэйбины начали погромы, уничтожение интеллигенции, крестовый поход против всего лучшего, гуманистического, демократического, что было в китайской культуре. За несколько месяцев разгула было растоптано, разрушено, искромсано неисчислимое множество культурных ценностей, создаваемых веками. Сейчас, когда Китай превращен в казарму, где бедность, безличие и

тюремный паек возведены в счастье, где нет места для простых человеческих радостей, задача ученого, изучающего эту страну, писать не только о высоких духовных ценностях, но и о тех старых, милых сердцу китайских обычаях, которые украшали жизнь китайцев.

В этой статье воспроизведен лишь один фрагмент китайской традиции — его национальная кухня. Факты, здесь приведенные, относятся к XI—XIII вв., к той эпохе, когда расцветали в Китае торгово-ремесленные города, когда складывался традиционный для Китая тип города с рядами, торговых лавок, шумными рынками, увеселительными кварталами, экзотическими парками и чайными домиками. Даль веков скрыла от нас многие подробности быта этих городов. И средневековый город выступает перед нами как ценная, но полуразрушенная фреска, где безвозвратно утрачены многие детали.

Город, который пах имбирем

Средневековые китайские писатели весьма щедро и словоохотливо живописуют столичную торговлю, перечисляют съестные припасы, продававшиеся на городских столичных рынках Кайфына и Ханчжоу.

«Если идти на юг от моста Чжоуцзяо, на этой улице продают жидкую кашу, жареное мясо, сушеные фрукты и овощи. Перед Ванлоу идет торгова барсуками, дикими лисами, сушеным мясом, курами.

Семейства Мэй и Лу продают баоцзы¹ с начинкой из птичьих потрохов, требухи, зайчатины, угрей, рыбы, а также торгуют птичьим пером и почками — все это не дороже 15 вэней [мелкая медная монета. — Э. С.].

За воротами Чжоуцзяомэнь продают жареную баранину, священную рыбу, рыбы голозы, кишки и требуху, фрукты, печенье с красным сунюном, ледяные шарики, свиные ножки, приготовленные с перцем, перченую редьку.

В летние месяцы торгуют жидкой похлебкой, резаным сахарным тростником, зелеными бобами, прохладительными напитками, имбирем, ароматными сладкими фруктами. Все это возвышается в красных ящиках. Зимой торгуют зайчатинной на блюдах, жареной свининой, различными рыбными блюдами. свиной требухой».

Описание яств в этой цитате из книги Мэнь Юань-лао «Записи ярких снов о Восточной столице» («Дунцзин мэнхуа лу»), написанной в 1127 г., — точно горы обильной и вкусной снеди на фламандских натюрмортах.

У Цзы-му называл свою книгу о Ханчжоу «Записками о снах, приснившихся, пока варилась просяная каша» («Мэн лян лу»). В ней описания чайных и ресторанов, сырых продуктов и изысканных яств составляют едва ли не половину книги. Наши представления о жизни средневекового Кайфына дополняет и живопись: известный сунский мастер Чжан Цзе-дуань сумел передать в свитке «Праздник поминовения предков на реке Бяньхэ» всю естественность и неповторимость жизни Кайфына, вытянувшегося вдоль реки Бяньхэ (фрагменты этого свитка см. на стр. 138, 143).

Литературные источники XII—XIII вв. позволяют пролить свет на одну из сторон жизни средневекового горожанина-китайца: ответить на вопрос, что он ел и пил.

Продовольственная проблема — одна из важнейших и самых трудных в жизни средневековых городов, в особенности столиц. Для китайских городов, во много раз превосходивших европейские по числу жителей, она была особенно острой. В Кайфыне в конце XI — начале XII в.

¹ Баоцзы — круглые пирожки с начинкой, приготовленные на пару. На кружок тонкораскатанного теста клали фарш — мясо, смешанное с ароматной сырой зеленью, либо просто нарубленную зелень. Края лепешки собирали пальцами сверху и защипывали розеткой — получался невысокий усеченный конус.

Рис. 1. Харчевня в Кайфыне. Фрагмент свитка Чжан Цзе-дуаня. «Праздник поминования предков на реке Бяньхэ» (XII в.)

насчитывалось до полутора миллионов человек. Население Ханчжоу с предместьями к XIII в. достигало миллиона. Столетие разделяет Мэн Юань-лао, обитателя Кайфына XII в., и анонимных авторов, живших в южносунской столице Ханчжоу в XIII в. («Улинь цзюши» — «Старые предания из Улия», «Сиху лаожэнь фаньшэн лу» — «Записки о процветании, составленные старцем с озера Сиху» и др.). Однако те раздѣлы их трудов, где речь идет о продовольствии, удивительно сходны. Как видно, и столетие спустя перед другой китайской столицей стояли те же самые вопросы.

Обилие экзотических блюд, восторженное изумление современников перед горами рыбы и мяса может создать впечатление, что средневековый горожанин ел много и изысканно и был великим чревоугодником. Такое представление далеко от действительности: и Мэн Юань-лао, и У Цзы-му описывают еду парадную, ресторанный.

В будничные дни городское население, за исключением небольшой его части, ело умеренно и просто. Пища была источником радости, относились к ней с вниманием и уважением. И ремесленник, и чиновник, и носильщик начинали свой день с нескольких пампушек (маньтоу), приготовленных на пару, либо баоцзы с начинкой, либо лапши или жидкой каши, сваренной без соли (рисовой, пшеничной, просяной, иногда из чумизы или гаоляна, нередко с добавлением к зерну бобов или бобовой муки — для мягкости). Мучная пресная пища была главной в трапезе, а все остальные кушанья-приправы — лишь добавками к ней. Только богатые сдабривали эту пресную пищу мясом, рыбой и острыми солеными закусками, простолудины же чаще всего лишь горстью соленых овощей или проросших бобов.

Дневная и вечерняя трапеза не различались по составу блюд: лапша, каша или лепешки с добавлением овощной, мясной или рыбной закуска и похлебка — овощная, бобовая, реже мясная и рыбная. Описания городов позволяют сделать наблюдение, что в XI — XII вв. среди мучных блюд были уже лапша, маньтоу, баоцзы, разнообразные лепешки, блины одиннадцати сортов, сладкое фигурное печенье, шарики из рисовой муки со сладкой начинкой (юаньсяо), служившие обрядовым кушаньем во время праздника фонарей (отмечавшегося через две недели после наступления нового года).

2

Рис. 2. Чашка для пищи с глазурью типа селадон, кракелюром и багровыми пятнами. Печи Лунцюань, провинция Чжэцзян (XII—XIV вв.)

Большинство этих блюд сохранилось в рационе современных китайцев. Порядок блюд во время обеда и ужина был таким же, как и в современном Китае: сначала съедали закуска и кушанья с рисом или маньтоу («второе» — в нашем понимании), а затем — жидкий суп.

Широко распространены были овощи (капуста, редька, тыква, кабачки) и различные виды бобов, а также огромное количество всевозможных растений, семян, плодов дикорастущих трав и листьев кустарников и деревьев, которые использовались для приготовления сладостей, напитков, приправ к мясным, рыбным и овощным блюдам.

В Северном Китае, где овощей зимой не было, их в большом количестве заготавливали впрок: вялили, сушили на жарком солнце и в тени, но больше всего солили в деревянных ведрах и керамических жбанах. К мелко нарезанному, посыпанному крупной желтой солью овощам добавляли травы и пряности.

Мясо средневековые горожане употребляли и копченым, и сушеным, но чаще жареным. Варили мясо (для «второго» блюда) редко. Большинство мясных блюд готовили из мелко нарезанного мяса: жарили его в растительном масле на сильном огне, сдабривая острыми соусами и пряностями. Мясо на вертеле (большими кусками) жарили редко. Рыбу же в основном тушили или жарили целиком в остром или сладком соусе. Масла всегда недоставало, его покупали понемногу и тратили экономно, в одном и том же котле с маслом жарили продукты несколько дней подряд. В пищу употребляли свинину, баранину, говядину, а также мясо, оленя, лошади, собаки, лисы, кур, гусей, уток и дичи (например, перепелов и фазанов).

Мэн Юань-лао сообщает, что кайфынское население ежедневно поглощало несколько десятков тысяч черных свиней — их прогоняли по утрам через городские ворота, расположенные около свиной бойни. Безусловно, число это сильно преувеличено: видимо, автор просто хотел сказать, что свиней было много. Вместе с тем очевидно, что свинина была более распространена, чем всякое другое мясо.

Мясная туша использовалась чрезвычайно продуктивно. Все ее части шли в ход. Лучшие — в богатые рестораны, в дома знати и богачей. Похуже — в пищу мастеровому люду. Простолудины окраинных кварталов ели свиные кишки, бараньи головы и ноги, требуха шла на похлебку и в начинку для баоцзы.

Рыбу ловили в реках, прудах и озерах Кайфына и Ханчжоу, а также привозили с Хуанхэ и из приморских провинций. Ловили сетью, плете-

ной корзиной, удочкой. Чтобы ловить рыбу в городе, частные лица должны были покупать таблички с разрешением на ловлю. Из окрестностей на кайфынский рынок ежедневно доставлялось по несколько тысяч да-ней² рыбы. Лишь в «Описании Ханчжоу» («Линъань чжи») перечисляется 12 пород рыбы из озера Сиху, употребляемой в пищу жителями столицы. Рыбу ели свежей, соленой, вяленой, сушеной. Кроме рыбы в пищу шло много крабов, креветок, трепангов, различных моллюсков, черепах. Деликатесные в современном Китае блюда из черепахи в средние века не были редкостью, и ароматный черепаховый суп нередко украшал и трапезу простолюдина.

Из молочных продуктов источники XIII в. называют только один — сыр, да и он вряд ли был распространен широко (упоминания о нем единичны).

Названий фруктов в литературе встречается много: вэйчжоуские белые и наньцзинские золотые персики, сочные итанские дыни, апельсины, мандарины, гранаты, виноград, сливы, желтые, налитые соком, груши и китайские финики (ююба или жужуб), бархатистые шары личжи с полупрозрачной сладкой мякотью и твердой коричневой косточкой внутри. Чаще всего фрукты ели сырыми, но также сушили и вялили, готовили фруктовые напитки и отвары. Из личжи варили что-то вроде джема. Однако вряд ли мы ошибемся, если скажем, что фруктов по количеству было совсем немного. В питании горожанина они не имели большого значения, являясь, скорее, лакомством. Только мелкие груши да ююба, приготовленные на пару, иногда входили в меню обеда или ужина городских низов.

В источниках неоднократно встречается слово «сахар». По-видимому, речь идет о жидкой или вязкой сахарообразной массе из сахарного тростника и всевозможных сладостях, приготовляемых из нее. Вряд ли в XI—XII вв. китайцы умели варить твердый очищенный сахар. Повседневным лакомством (а у простолюдинов и составной частью трапезы) был нарезанный сахарный тростник. Известен был и мед — дети нередко лакомились жужубом, сваренным в меду.

Китайскому горожанину было знакомо и мороженое — ледяные шарики, которые продавались вместе с другими сладостями. Очевидно, средневековое мороженое изготовлялось из льда, смешанного с фруктами, соками и сахарообразной массой.

Обычай пить чай появился в Китае на рубеже нашей эры. Распространение он получил лишь в VII—VIII вв., а к XI—XII вв. стал уже повсеместным повседневным напитком. Наиболее употребителен был «доуча» (натуральный чай). Заваренный, он был светлым и прозрачным. Наверное, поэтому современники называли его «белым», а чайную посуду покрывали черными непрозрачными глазурями. Чайников для заварки еще не знали — они вошли в обиход не ранее XIV в. Однако обычай заваривать чай в чашке (иногда с крышкой) существует и поныне.

На первый взгляд, поражает изобилие продовольствия на столичных рынках. В «Сиху лаожэнь фаньшэн лу» перечисляется 150 различных готовых блюд, 7 сортов орехов и 53 названия фруктов и сладостей. У Цзы-му пишет, что на утренних рынках Ханчжоу продавалось 63 различных вида пищи.

Перечень упоминаемых продуктов позволяет сделать и другой вывод: недостаток основных продуктов — мяса, рыбы, злаков, бобовых — восполнялся тем, что в пищу использовалось все хоть сколько-нибудь пригодное: множество различных растений, семян, трав, мелкие морские и речные животные.

² Дань — мера веса, равная 59,6816 г.

Состав блюд, употребляемых горожанами в XII — XIII вв., позволяет сделать вывод, что к этому времени уже сложились основные элементы традиционной китайской кухни.

Воспоминание об отдельных городах часто ассоциируется с определенными запахами. Так, пражский квартал в воскресный день вкусно пахнет жареной свининой и капустой; Астрахань пропитана запахом рыбы и просмоленных лодок. Путешественника, сходящего на китайскую землю, обволакивают теплые и пряные запахи лессовой пыли, чеснока и кунжутного масла, непривычные для европейца. Наверное, в средние века китайский город пах имбирем. Имбирь был

основной пряностью — с ним готовили мясо, рыбу, овощи, сладкое печенье, настои и отвары. Различные блюда требовали разных сортов имбиря. На рынках тянулись длинные имбирные ряды, богатый торговый цех партиями скупал имбирь. Несколько уступал имбирю перец. Свиные ножки с перцем и перченая редька были любимым блюдом в торгово-ремесленных кварталах.

В списках съестного отсутствует соль — очевидно, в те времена, как и в современном Китае, не принято было употреблять ее в чистом виде, ставить на стол. Место солонки во время трапезы занимала чашка с острым соленым соусом, подавались также соленые овощи, вяленая рыба. На соляных промыслах в это время добывалась и чистая, кристаллическая «голубая» соль, и низкосортная желтая, плохо очищенная.

Пищевые продукты горожане хранили в деревянных и керамических сосудах с крышками. Деревянные сосуды обычно имели форму ведра или укороченного ведра, керамические — форму жбана.

Готовили пищу в керамических и железных котлах. Чтобы еда не остыла, ее иногда подавали на стол в сосудах-самоварчиках (котелках с тлеющими углями). Ели из керамических чашек-пиал и из тарелок. Для супа, риса, чая, вина существовали чашки разных размеров. Керамика формовалась из хорошо промешанных и обожженных глин разных цветов — от белого до черного. Ее украшали наlepным или гравированным орнаментом и покрывали глазурями — белыми, зеленоватыми, черными. Фарфор только начинал входить в быт, и фарфоровые чашки появились лишь в богатых домах и наиболее известных чайных.

Во время еды пользовались палочками и ложками. Ложки были (в отличие от современного Китая) распространены не менее широко, чем палочки. Напитки — вино, фруктовые настойки, воду — разносили и подавали в керамических, реже медных кувшинах. В это время в городской обиход входит и серебряная утварь, главным образом кувшины и чаши для вина. Ею пользовались не только при дворе и в домах знати: владельцы ресторанов и винных заведений старались приобрести серебро, чтобы перешеголять соседа.

Рассказывая о честности кайфынцев, Мэн Юань-лао отмечает, что винные лавки не боялись отпускать обитателям постоянных дворов вино

Рис. 3. Бытовая керамика эпохи Сун из печей Цычжоу

в серебряных кувшинах стоимостью 300—500 лян³. При входе в винную лавку вместо вывески висела обычно серебряная чаша.

У дворцовой знати утварь была роскошнее. В одном из сочинений Фань Чэн-да помещен забавный рассказ о ханчжоуском чиновнике Ян Цзине, который отправил сына в Кайфын, чтобы преподнести в подарок императору три сосуда для горячей пищи, инкрустированные перламутром. Однако непутевый сын продал подарки в монастыре Сянго-сы и вместе с сопровождавшими его лицами прокутил вырученные деньги.

В утвари императорского дворца была и немногочисленная стеклянная посуда. Однако упоминания о ней крайне редки. Сунский город, по-видимому, не знал ни стеклянной посуды, ни украшенный из стекла.

Трапеза происходила часто на открытом воздухе — в Кайфыне в теплое время года, а в Ханжоу, где позволял климат, нередко и круглый год. Многие харчевни, винные и чайные заведения представляли собой сооружения с черепичной крышей с загнутыми углами, открытые с трех сторон, иногда двухэтажные. А нередко это была просто циновка или кусок холста, привязанные по углам к четырем столбам.

Двухэтажные и трехэтажные дома только начинали входить в городской быт. Владельцы ресторанов побогаче старались строить помещение в два этажа. В этих двухэтажных ресторанах складывался и своеобразный этикет. Прибывший гость не должен был притрагиваться к закуске, а, поменяв некоторое время, принять приглашение подняться в главный зал, на второй этаж.

Одним из самых знаменитых мест, где устраивались официальные обеды, банкеты, приемы в честь вступления чиновников в должность, был кайфынский монастырь Сянго-сы. Хозяева монастырских харчевен были мастера на всякие кулинарные выдумки, поэтому чиновники, поэты и просто именитые бездельники приезжали туда поесть и развлечься.

Из поэзии и из описаний городов современниками складывается впечатление, что в средние века китайский горожанин пил больше вина, чем китаец XX в.

«Вино» изготовлялось из риса и проса и, по-видимому, представляло собой что-то вроде браги. Иногда такое «вино» настаивали на перце или на пахучих травах. Было оно не дешевым. В Кайфыне одна порция (цзяо) вина стоила 72 вэня, почти в пять раз дороже порции жареного легкого. Поэтому обитателям ремесленных кварталов и предместий были доступны самые низкие, разбавленные водой сорта вин. «Здесь в предместье слабые вина — пьяным легко трезветь», — замечает Бо Цзюй-и.

Обычно вина назывались по местности, откуда их привозили. Самыми дорогими и изысканными считались виноградные вина. Они появились лишь в VII — VIII вв. и было их мало. Им давались поэтические названия: «Ароматный цветок персика», «Белый жеребенок» и т. д. Обычно же вина назывались по местности, откуда их привозили: сяньское вино — из провинции Ганьсу, хойшаньское — из Цзянсу. Последнее называлось так потому, что при его изготовлении использовалась вода из трех знаменитых прудов Хойшаньцяоань в городе Хойшань уезда Уси, отличавшаяся особой чистотой и вкусом.

Многочисленные города нуждались в огромном количестве воды. Питьевую воду брали из колодцев. Однако вряд ли они могли обеспечить всех жителей — в Ханчжоу в XIII в. было всего 42 колодца. И население торгово-ремесленных кварталов, по-видимому, брало воду прямо из рек и каналов, как это делают в Китае до сих пор во многих городах.

³ Серебряная денежная единица весом в 37,301 г.

Рис. 4. Кайфынские водоносы у колодца. Фрагмент свитка Чжан Цзе-дуаня «Праздник поминовения предков на реке Бяньхэ» (XII в.)

Колодцы же принадлежали весьма состоятельным хозяевам, державшим работников-водоносов. За каждым водоносом была закреплена определенная улица или квартал, жители которых за плату получали питьевую воду. Воду разносили на коромыслах, в деревянных ведрах.

Население столиц нуждалось в колоссальном количестве продуктов. Но в отличие от многих городов средневековья ни Кайфын, ни Ханчжоу почти не производили продовольствия.

Если большая часть территории Новгорода в XII в. состояла из полей и огородов, то в описаниях сунских столиц вообще не упоминается об обработанной земле внутри городской стены.

Кое-где земли в пригородах были заняты под огороды и сады — в свитке Чжан Цзе-дуаня на окраинах Кайфына изоброжены обработанные участки. Однако получаемые с них продукты вряд ли составляли сколько-нибудь значительную долю в продовольственном снабжении столичного населения. Даже богатые районы провинции Чжэцзян вокруг Ханчжоу не могли прокормить город. Провинция Чжэцзян обеспечивала город рисом только на два месяца. Для Ханчжоу ежемесячно требовалось 145 тыс. даней риса, и он поступал в столицу из всех центральных и юго-восточных провинций.

Продукты и топливо доставлялись в Ханчжоу и морем и сушей. Морская бухта и устье р. Цзяньтан около Ханчжоу представляли собой оживленный порт. Морские джонки и тяжелые баржи, груженные рисом, углем, древесиной, морской рыбой и фруктами, поднимались вверх по реке до самой столицы. «Большие баржи непрерывно снуют вдоль морского побережья... и занимаются торговлей», — сообщает У Цзы-му. Лодки помельче скупали в порту товары с больших судов и везли их в город.

Постоянная нехватка пищи в столицах и крупных городах вынуждала государственные власти периодически принимать меры для привлече-

ния торговцев продовольствием. Чаще всего эти указы издавались в неурожайные годы. Когда север Китая был захвачен чжурчженями и императорский двор перебрался на юг, правительство было вынуждено прибегнуть к еще более активному поощрению торговли в новой столице Ханчжоу. Торговцы вином и съестным освобождались не только от налогов на товары и въездных пошлин, но и от выполнения трудовых повинностей.

В съестных рядах

Счет времени в китайских средневековых городах велся по водяным часам, установленным в центре города, в здании Колокола и Барабана. Каждые четверть часа отмечались ударом в барабан. Каждые два часа составляли «стражу». Звуки барабана отдавались в городских кварталах, множась в шелканье колотушек уличных сторожей, в гулких ударах о деревянную рыбу буддийских храмов (полый рыбообразный колокол).

Китайский горожанин просыпался от гортанных криков буддийских монахов, обязанностью которых было подымать горожан и криками извещать о погоде. «Монахи рахоятся по улицам, быют в деревянную рыбу или доску. Будят население и выкрикивают погоду», — повествует У Цзы-му. И это было очень важно: сквозь непрозрачную промасленную бумагу, вставленную в оконные рамы, или частую деревянную решетку не было видно, идет ли дождь или снег, и следует ли брать с собой зонт. А оконных стекол не было даже в самых богатых особняках.

Трудовой день мастерового, торговца и чиновника начинался и кончался тем, что он покупал на рынке, в уличной харчевне или прямо у разносчиков порцию готовой еды — супа, лапши, жидкой каши, риса с мясом, требухи, печенья, чая. Если завтрак съедали на ходу, то вечерняя трапеза в кругу семьи была неторопливой и обстоятельной — принесенную с рынка приготовленную пищу присоединяли к домашней снеди.

Мы приведем одно из многочисленных описаний повседневной торговли на кайфынских улицах:

«Ежедневно перед дверью всякого здания или двора продают баранье мясо, головы ... брюховину, почки, кишки, фазанов, зайцев и рыбу, креветок, крабов, ощипанных кур и уток, разные печеные изделия, конфеты и т. д. Продают шапки, гребенки, воротники, головные украшения, одежду, обиходные вещи, медные и железные сосуды, сундуки для одежды и другие товары».

Подобных описаний множество, и невозможно привести здесь хотя бы небольшую их часть.

Длинные списки товаров позволяют сделать заключение, что торговля продовольствием преобладала над торговлей ремесленными изделиями и всевозможными бытовыми предметами. Соотношение продуктов питания и изделий ремесла различно для Кайфына и Ханчжоу: в кайфынской торговле перечислено меньше ремесленных изделий, их ассортимент более скуден, в описании Ханчжоу мы находим свидетельства гораздо большего развития ремесла, и удельный вес ремесленных изделий по отношению ко всей торговле в Ханчжоу больше, чем в Кайфыне. Юг был богаче шелком и фарфором, в южных провинциях развивалось плетение из бамбука, лиановых ветвей и пальмового листа, по морю доставлялись иноземные изделия. Однако и для Кайфына, и для Ханчжоу несомненно преобладание продовольственной торговли над торговлей ремесленными изделиями.

В XII — XIII вв. мы уже не находим системы замкнутых, строго фиксированных рынков, которая существовала в танской столице Чань-

ани. Торговля перелилась через рыночные ограды, выплеснулась через глиняные стены кварталов, разлилась по городу и предместьям. И в Кайфыне, и в Ханчжоу появилось множество мест торговли и самые разнообразные типы рынков: торговля шла на ежедневных и на периодических рынках, у ворот, на мостах и на улицах, во дворах монастырей, в увеселительных кварталах и в пригородах, вразнос у входов в здания и с лодок — по берегам каналов. Торговали и утром, и днем, и даже ночью, и в будни, и по большим праздникам.

На эту повсеместную распространённость торговли обращают внимание сунские авторы:

в Ханчжоу «начиная от Главной улицы (Дацзе) повсюду во всех кварталах и переулках, большие и малые лавки стоят так тесно, что нет ни одного пустого места. Ежедневно, как только забрезжит рассвет, их открывают по обеим сторонам улицы, и народ выходит торговать и покупать...; Большие и мелкие лавки расположены рядами, они даже ворота заняли полностью. Нет ни одного пустого или не занятого лавкой дома».

Из многообразия рынков и форм торговли можно выделить несколько наиболее распространенных: и в Кайфыне и в Ханчжоу были специализированные рынки — рисовый, мясной, рыбный, овощной, фруктовый.

В тексте «Дунцин мэнхуа лу» упомянуты фруктовый рынок недалеко от центра Кайфына, имбирный рынок, расположенный к юго-востоку от императорского дворца; рынок по торговле скотом к востоку от улицы Фаньлоуцзе; рынок по торговле лошадьми, мясные и рыбные лавки во многих районах города.

На этих рынках значительное место занимала торговля сырыми продуктами, заключались крупные оптовые сделки между хозяевами местных продуктовых лавок и приезжими купцами.

В Кайфыне вся торговля рисом была сосредоточена в руках сотни купеческих семейств — так называемых «сильных домов», которые вели торговые операции на суммы в сотни тысяч связок монет.

На рисовых рынках Ханчжоу приезжие рисоторговцы продавали партии риса хозяевам городских и пригородных лавок, объединенным в корпорацию рисоторговцев, самую богатую среди городских цехов. Посредниками между приезжими и местными торговцами служили специальные маклеры или главы рисовых ханов (корпораций). Ежедневно ханчжоускими лавками продавалось не менее 1—2 тысяч даней риса.

Многие горожане, также объединенные в специальные корпорации, зарабатывали на жизнь перевозкой риса в лодках, доставкой ее в лавки, изготовлением мешков.

Другой тип торговли — рынки смешанные, где шла торговля всеми товарами подряд — и съестными, и ремесленными изделиями, и лекарствами. Торговали у ворот Чжоу, у храма Учэн-вана, в переулке

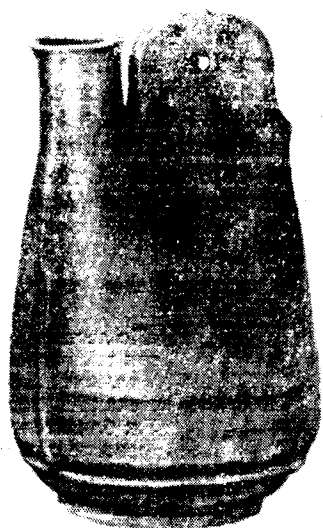

Рис. 5. «Петушинный гребень» — фляга для воды с отверстием для подвешивания к седлу. Северный Китай (X—XI вв.)

Пиньмин, на территории монастыря Сянгосы, за городской стеной в кварталах, заселенных простым людом. Мэн Юань-лао называет эти рынки «рядами, где торгуют ходовыми товарами».

Эти рынки были либо ежедневными, либо периодическими. Рынок на территории монастыря Сянгосы собирался пять раз в месяц.

Излюбленным местом торговли были мосты — высокие прочные сооружения из кирпича или белого камня. Стоявшие на мостах лавки были защищены от наводнений во время дождя. Там же толпились бродячие торговцы. Отсюда произошли и названия многих мостов — Мост рисового рынка (Мишицяо), Мост сладких лепешек (Танбинцяо).

Ночные рынки

«По лестницам и вверх и вниз снуют
три тысячи зеленых рукавов.
Миллионы золотых монет плывут,
стекаются сюда со всех сторон.
Уж близится рассвет. Когда ж конец
торговле оживленной той придет?
Всегда здесь слышен гул людской толпы
на тысячах различных языков».

Этими стихами начинается средневековая народная новелла «Чудачества Тан Иня». Полуосвещенные ряды ночных рынков, бойкая, а нередко и жульническая торговля при свете фонарей привлекали внимание и поэта и историка.

Китайскому горожанину показались бы нелепыми строгие запреты европейских цехов заниматься торговлей и ремеслом в вечернее и ночное время. Ночная жизнь больших городов была в Китае столь же оживленной, как и дневная. Ночные рынки известны были еще в танское время, а в сунское время они были уже весьма распространены.

Ночной рынок — это и место торговли, и место встреч, и убежище для сомнительных лиц, кому нельзя показываться на глаза властям и ночевать в уважаемых кварталах.

«В чайных до пятой стражи горят фонари. Повсюду идет торговля одеждой, различными вещами, картинами...».

Торговля продолжалась обычно до третьей, четвертой стражи (до часа-двух ночи), а иногда и до утра (до пятой стражи) или не прекращалась вовсе. Самой сомнительной репутацией пользовался ночной рынок на улице Лошадиного хана. «Люди называют его Чертовым рынком (Гуйшицзы)», — сообщает современник.

Любопытно, что на территориях ночных рынков торговля продолжалась и днем.

На ночных рынках преобладала торговля съестным, в особенности готовыми блюдами. Шел также торг изделиями ремесла, предметами первой необходимости. Современники пишут, что по изобилию, по богатству ассортимента ночные рынки не уступали дневным.

В какой-то степени эта поздняя торговля объяснялась климатическими условиями: полуденный зной прекращал работу, а продолжение ее и вечерние развлечения приходились на поздние часы. Однако торговля шла и в холодное время года:

«В зимние месяцы, хотя дул ветер со снегом и шел дождь, ночной рынок также открывался... До третьей стражи приносили кувшины и продавали чай, так как жители столицы из-за служебных и частных дел возвращались только глубокой ночью».

Очевидно, главной причиной существования ночных рынков было высокое развитие форм городской жизни: в городе допоздна шли представления и всевозможные развлечения, процветали азартные игры,

действовали рестораны, и возвращавшиеся поздно ночью горожане частенько посещали ночные рынки. Можно предположить, что действовал также фактор демографический — обилие населения в городах.

Ресторан на коромысле

Герой городской повести «Продавец масла покоряет Царицу цветов» Цинь Чжун, не имея средств для открытия собственной лавки, стал бродячим торговцем маслом. Масло он брал в одной из лавок и нес на коромысле на окраины города и в загородный монастырь, где его раскупали монахи и содержательницы веселых домов. Эта тор-

Рис. 6. Бродячий торговец сладостями. Фрагмент свитка Чжан Цзе-дуаня «Праздник поминовения предков да реке Бяньхэ» (XII в.)

говля позволяла ему ежедневно откладывать по две-три медные монеты на собственную лавку. Торговля вразнос была одной из самых распространенных в средневековых городах, а бродячий торговец — одна из типичных фигур средневековья. В городе он был посредником между лавкой, откуда брал товар, и городским жителем. В густонаселенных центральных районах столиц бродячие торговцы обеспечивали жителей уже приготовленной едой. В отдаленные районы и пригороды они несли сырое мясо, рыбу, масло из лавок, находящихся в центре.

«Рыбой торговали на улице. Носили ее в низких ведрах с водой и листьями ивы. Каждое утро через двое ворот приносили несколько тысяч даней рыбы — несли через плечо на коромыслах».

«...Есть продажа чая вразнос у дверей лавок и учреждений...»

«Есть еще на улице (торговцы) с блюдами, которые криками призывают купить, и это удобно и быстро для тех, кто живет в узких улицах и переулках».

Среди торговцев продовольствием вразнос были и жители соседних сельских районов, сбывавшие в городе часть своих продуктов. Разновидностью торговли вразнос была также торговля с ручных тележек и с лодок. Бродячие торговцы, проникавшие в отдаленные сельские районы, выступали также как своеобразные коммивояжеры — они сообщали покупателю о товарах, имевшихся на больших городских рынках, распространяя таким образом определенную информацию об этих рынках.

Бродячие торговцы в какой-то степени способствовали решению продовольственной проблемы, не представляя угрозы ни для государственной торговли, ни для «сильных домов». На коромысле много не унесешь, и такой торговец до конца жизни нередко жил с иллюзией основать в будущем собственное «дело».

Предметы торга как на рынках, так и у бродячих торговцев различались в зависимости от места торговли — вблизи императорского дворца и кварталов знати торговали более изысканными предметами и продуктами высокого качества; больше было мяса, рыбы, сладостей. В Кайфыне самым процветающим был рынок, находившийся поблизости от императорского дворца.

«Все, что нужно было для императорского дворца, — все покупалось здесь. Все продовольствие, свежие цветы и фрукты, рыба, креветки, съедобные черепахи, крабы, перепела, сушеное мясо, фрукты и овощи; золотые, яшмовые, жемчужные украшения — нет в Поднебесной таких диковинных вещей, которых не было бы здесь. Выбор необыкновенно большой. Если попросишь закуску к вину, моментально подадут 10—20 блюд», — сообщает Мэн Юань-лао.

Это описание любопытно еще и тем, что дает представление и о снабжении императорского двора. Очевидно, дворцовое хозяйство не обеспечивало двор всеми необходимыми продуктами, и часть их поступала непосредственно с рынка. В последующие века мы уже не встречаем подобных свидетельств.

На окраинах, где ютилась беднота, продавалась пища попроще: ростки бобов, просяное печенье, жидкие каши, требуха, груши и жужуб, вареные на пару.

«В лавках на рынке покупают готовую еду, а дома еды не готовят», — говорит источник о жителях Кайфына. «Семейства, имеющие на рынках свои предприятия, спешат в лавки и покупают там еду, потому что, как я слышал, это и быстро, и удобно», — сообщает автор «Мэн лян лу».

Бесчисленные описания торговли съестным в средневековых китайских городах позволяют сделать еще одно важное наблюдение: чрезвычайно широкое распространение получила торговля уже приготовленной едой. Многие жители городов ели не дома, а на рынках и в торговых рядах, в чайных и винных лавках.

В XII—XIII вв. размеры торговли приготовленной едой были весьма обширны: в южной части Ханчжоу сосредоточилось свыше сотни лавок, торговавших только едой, приготовленной из черепах. Распространение торговли готовой пищей было обусловлено большим количеством городского населения. Это население уже оторванное от сельского хозяйства и связанное с рынком регулярно и повседневно.

Немаловажным фактором развития торговли приготовленной пищей было также отсутствие достаточного количества топлива. Зимой на кайфынских угольных рынках толпы людей давили друг друга, пытаясь купить себе угля.

Упоминания о лавках и лавочках, принадлежавших семье или отдельному лицу, бесчисленны. Назывались они «пу» или «дянь». Иногда употреблялось название «пуси» — «циновки лавок», так как дверные проемы часто завешивались циновками.

Каждая из этих лавок и лавочек была и своеобразной «мастерской». За дверью или пологом первой «торговой» комнаты жарили мясо, варили похлебку, пекли блины и изготавливали сладости.

Как правило, хозяин такого «предприятия» обходился силами своей семьи (а иногда только своими собственными). Капиталы таких «предприятий» были ничтожны, и в источниках весьма часты упоминания о разорении того или иного хозяина, о продаже лавки и т. п.

Описания же предприятий, выходящих по размерам за пределы обычной лавки, крайне редки. Они были и в Кайфыне, и в Ханчжоу только в двух отраслях: торговле мясом и торговле печеными мучными изделиями. В описании Кайфына, в разделе «мясные ряды» говорится, что «в кварталах, переулках, на мостах и на рынках — везде есть столы (ань) для рубки мяса. В ряд стоят 3—5 человек и ножами разру-

бают по заказу сырое или вареное мясо. К вечеру блюда из мяса ...продают на рынке».

Почти в неизменном виде повторяется эта запись и в описаниях Ханчжоу, только приводится другое число — 5—7 человек. «Каждая мясная лавка имеет мастерскую» (цзофан), — сообщает «Мэн лян-ду». Это свидетельство позволяет предполагать наличие уже более крупного предприятия по разделке и продаже мяса — со своеобразным «мясным цехом», где работа была разделена между 5—7 работниками.

Рис. 7. Бытовая керамика эпохи Сун из печей цзюнь, провинция Хэнань

Еще более крупных размеров достигла торговля лепешками в Кайфыне. «В лавках, где пекут масляные лепешки, на каждый стол нужно 3—5 человек: они раскатывают и разделяют тесто, налепливают узоры, сажают в печь... У храма Учэн-вана только семейство Чжан из Ханчжоу [печет лепешки], а больше всего процветает семейство Чжэн около Хуанцзяньюаня; каждая семья имеет до 50 с лишним печей».

И здесь, как и в мясном деле, встречаемся мы с разделением труда в процессе «производства». Вряд ли такие масштабы торговли были в других отраслях, иначе обстоятельный автор «Дунцин мэнхуа лу» не прошел бы мимо них.

Предприятия торговцев съестным располагались нередко рядами по профессиональному признаку, как и лавки ремесленников. «В Ханчжоу есть чайные ряды, где продают различные сорта чая». Эти ряды стали основой для объединения в корпорации (ханы и туани).

Рыбная похлебка тетушки Сун-Пятой

Если вы будете в Самарканде, загляните на Сиабский рынок. И через много лет вы вспомните не только его разноголосый гомон и буйное разноцветье, но и знаменитый плов Мамадамина Рафиева. В Тбилиси вы увидите ослепительный спектр — от фиолетового до зеленого — разноцветных фруктовых напитков, созданных Лагидзе, в Гурзуфе на морском берегу съедите пельмени, которые лепит, варит и продает человек с широкой улыбкой и искусными руками. Это не просто «фирмен-

ные блюда». Здесь уже печать мастерства, виртуозности, частица неповторимого колорита города.

Таких умельцев, готовивших знаменитые и популярные блюда, было множество в средневековых китайских городах.

И в Ханчжоу, и в Кайфыне существовали самые разнообразные популярные и знаменитые блюда: в Кайфыне славилась баоцзы из лавки Ван Лоу, блины с мясом старухи Цао, разливной чай Ли-Четвертого, вино семьи Чжан. В Ханчжоу широко известны были семейство Гэ, торговавшее медовым жужубом, тетушка Сун-Пятая, продававшая рыбную похлебку, семейство Чжэ, варившее кашу с бараниной, лавка сладостей Чжоу У-лана и множество других. Это были небольшие лавки, рассчитанные на обслуживание более или менее скромного числа посетителей. Такие занятия, как правило, передавались в семье по наследству.

В Ханчжоу у Моста кошек была лавка, где многие поколения одной семьи торговали жареным мясом; такой же была лекарственная лавка Фань Цзе-ганя, лавка мучных изделий семьи Чжан.

С перенесением столицы в Ханчжоу здесь сложились также северная и южная кухни — для пришельцев и местных жителей. Так семья Ли-Четвертого торговала только северными блюдами, а семья Цзинь на Храмовом мосту продавала южную еду. В северной кухне было мало риса. Среди мучных блюд преобладали маньтоу и лапша, просыаная и гаоляновые каши. Даже к праздничному мясному блюду подавали вареное просо. «Мой старый друг на курицу с вином меня позвал...», — говорит поэт Мэн Хао-жань. Закуски были более пресными и менее разнообразными, чем на юге; употреблялось множество бобов, сушеных и соленых овощей.

Южная кухня отличалась прежде всего преобладанием риса, рисовой каши, жидкой и густой. Приправы были очень острыми, в пищу употреблялось множество экзотических животных и растений. На юге ели мясо змей, собаки, обезьяны. В южной кухне было больше свежих овощей и фруктов.

Эта традиционная торговля знаменитыми «фирменными блюдами» сохранилась в китайских городах вплоть до 1950-х годов.

Автор этих строк в конце 1950-х годов видел еще ресторанчики с кухней XVI и XVIII вв., приютившиеся в глубине Сиданя в Пекине, и в загородных парках Сучжоу. За воротами Пекинского университета вплоть до 1959 г. стояла крошечная харчевня, известная каждому обитателю университетского городка. Там готовили курицу с зеленым перцем, сладкое мясо, терпкий и ароматный лунцзинский чай. Уничтожены эти харчевни и ресторанчики были лишь в последние годы.

ИСТОЧНИКИ

На китайском языке: «Дунцин мэнхуа лу», «Мэн лян лу», «Улинь цзюшн», «Сиху лаожэнь фаньшэн лу», «Дучэн цзишэн» — в сб. «Дунцин мэнхуа лу», Шанхай, 1957; рукопись «Сянчунь Линьань чжи» (Рукописный фонд Гос. биб-ки им. В. И. Ленина, Скачковский фонд, № 274); «Сунхуйяо цзигао», шихо, 4, цзюань 17; Сюн Бо-люй, Разыскания о монастыре Сянгосы, Чжэньчжоу, 1963; Ли Цзянь-нун, Очерки по истории экономики Сунского, Юаньского, Минского времени, Пекин, 1957; «Очерки по истории производства керамики и фарфора в Цзиндэч-жэне», Шанхай, 1959.

На русском языке: Бо Цзюй-и, Четверостишия, М., 1949; сб. «Китайская классическая поэзия», М., 1956; сб. «Пятнадцать тысяч монет», М., 1962; сб. «Удивительные истории нашего времени и древности», М., 1962.

И. С. Ермаченко, Рынки Чаньяна — западной столицы империи Тан, «Краткие сообщения Института народов Азии», № 66, 1963; Э. П. Стужина, Китайский феодальный город в XII—XIII вв., VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964; В. С. Стариков, Материальная культура китайцев, М., 1967.

На китайском языке: Цюань Хань-шэн, История цеховой системы в Китае, б. м., б. г.; Цзюй Цин-юань, История казенного и частного производства в Китае в Танское и Сунское время, б. м., 1934; Чэнь Су-ло, Обзор городской экономики в Сунское время, «Лиши цзяосюэ», 1956, № 5; Ван Фан-чжун, Социально-экономический характер частных ремесел в Сунское время, «Лиши яныцзю», 1959, № 2; Чэнь Чан-юань, Развитие экономики в Кайфыне в Северо-Сунское время, «Шисюэ юэкань», 1956, № 6; То И-куй, Развитие общественной экономики в Южно-Сунское время и ее уровень, «Шисюэ юэкань», 1959, № 4; Като Сигэру, Исследования по истории китайской экономики, Шанхай, 1960; Фэн Сянь-лин, Обычай пить чай и изменение керамической и фарфоровой чайной посуды, начиная с династий Тан и Сун в свете письменных источников, «Вэнь у», 1963, № 1.

На японском языке: Сибэ Есисин, Анализ рисовых рынков в период Южно-Сунской династии, «Тоё гакухо», т. 39, 1956, № 3; Сибэ Есисин, Деревенские и прихрамовые рынки в Цзяннани в Сунское время, «Тоё гакухо», т. 44, 1961, № 2.

J. Gernet, La vie quotidienne en Chine a la veille de invasion mongole, 1250—1276, Paris, 1959; E. Balazs, Le foires en Chine. Les editions de la Librarie Encyclopedie S. R. R. L., Bruxelles, 1953; его же, Chinese civilization and bureaucracy, New Heaven and London, 1964.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В АРХАНГЕЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ

Летом 1967 г. филологический факультет Московского государственного университета продолжал экспедиционную работу в Архангельской области на Северной Двине и ее притоках. Об итогах экспедиции было рассказано на конференции, проведенной в марте 1968 г. кафедрой фольклора филологического факультета. Экспедиционную работу осуществляли три группы: первая — в Шенкурском районе (в верховьях Паденьги и по среднему течению р. Ваги в населенных пунктах Верхопаденьгского, Шеговарского и Усть-Сюмского сельсоветов); вторая — в Красноборском районе (в верховьях р. Устья в селах Новошинского сельсовета, в Пермогорье и по течению р. Уфтьги в населенных пунктах Куликовского и Верхнеустюгского сельсоветов, а также в Белослудском сельсовете) и частично в Великоустюгском районе Вологодской области (Лодейский сельсовет); третья — в Верхнетоемском районе Архангельской области (Кондратьевский, Бурцевский, Вознесенский, Ермолинский сельсоветы) и в Великоустюгском районе Вологодской области (Луженский сельсовет). Работой групп руководили В. П. Аникин и Н. И. Савушкина.

В первую группу входили С. Айвазян, О. Афанасьева, Е. Зелинская, М. Карпова, Ю. Круглов, Н. Невская, Л. Петрухненко, Н. Плотинова, Н. Римская-Корсакова, Е. Рогачевская, Л. Шенна и студент Московской консерватории М. Саленко; во вторую — Е. Богданова, М. Юхневич, Г. Иенсен, П. Климовицкая, Ю. Чекрызов, З. Зарецкая, С. Еремина, В. Степаненко, Л. Коланцева, Н. Митина, А. Яшкина, О. Видсва, студентка Московской консерватории Л. Перетрутова и студентка исторического факультета МГУ В. Шицлова; в третью — В. Савинский, Н. Юдина, Е. Токарева, А. Налепин, Т. Померанская, В. Шибаева и студентка Московской консерватории Т. Фрумкин.

В Шенкурском районе было записано более 3000 произведений, среди них балладных песен — 42, исторических (включая солдатские) — 11, сказок всех разновидностей — 62, быличек — 34, лирических песен с вариантами — 305, песен литературного происхождения — 161, частушек — около 1300, свадебных песен — 132, свадебных причетов — 174, хороводных песен — 111, календарных песен — 57, заговоров — 38, загадок — 189, разных произведений детского фольклора — 120; описаны также 20 местных свадеб. В Красноборском районе произведено более 3000 записей; в их числе 460 произведений устной прозы (259 сказок и анекдотов, 127 быличек, 41 легенда, 33 встных рассказа), около 500 песен (119 протяжных лирических, 127 игровых, плясовых и хороводных, 117 свадебных), 1186 частушек, 294 загадки, 82 пословицы, 82 заговора, 60 колядок и причитаний, 43 духовных стиха, 136 произведений детского фольклора. В Верхнетоемском районе записано около 1000 текстов: 54 произведения устной прозы, 86 хороводных песен, 36 колыбельных песен, 43 свадебных песни, 76 протяжных лирических, 124 загадки, 375 частушек, 37 заговоров, 31 произведение детского фольклора и пр.

По сравнению с районами, в которых велась собирательская работа в прежние годы, в Шенкурском районе гораздо меньше песенно-эпических жанров: исторических песен, баллад, не говоря уже о былинах (не зафиксировано даже свидетельств о прежнем бытовании их). Это заставляет предполагать, что и раньше былинная традиция была здесь непрочной, по всей вероятности, узко локальной или же занесенной сюда из соседних мест в позднее время и не укоренившейся. В большинстве сказок отсутствует какое-либо книжное влияние, преобладают сказки о животных и бытовые. Широко распространены произведения несказочной прозы: былички, предания (но не легенды). Наблюдается приблизительно равное соотношение народной лирики и городской романсовой — 50 к 50%, а не 75—80% к 25—20%, как это отмечено было, например, летом 1966 г. в Верховажском районе Вологодской области. Установлена

большая распространенность хороводов. Обильны и разнообразны формы замечательного в художественном отношении детского фольклора и нередко сходные с формами из центральных районов страны. Свадебная поэзия здесь беднее, чем в Верховажском районе Вологодской области, но богаче, чем в Онежском районе Архангельской области.

Различие фольклорного репертуара отдельных районов Архангельской и соседней Вологодской областей объясняется как конкретными историческими условиями, в которых он бытует (степень заселенности, близость больших населенных пунктов и пр.), так и разными культурными влияниями здесь в прошлом. В частности Шенкурский район испытывал сильное влияние центральных губерний России, а Онежский район был связан с Петрозаводским краем, с северными русскими губерниями — Новгородской и Петербургской.

Сравнение записей в населенных пунктах Усть-Сюмского и Шеговарского сельсоветов показывает неоднородность фольклорного репертуара в пределах одного края. Вероятно, это можно, в частности, объяснить разной историей заселения края. Песенный эпический и лирический необрядовый репертуар Красноборского и Великоустюгского районов не отличается архаичностью. В нем почти отсутствуют исторические песни и баллады. Записано всего 5 неполных текстов песен на три сюжета: «Поле чистое турецкое», «В Таганроге случилась беда» и литературная песня «Дело было под Полтавой». Среди 28 записей баллад преобладают сюжеты поздние: «Муж жену губил» (с зачином «Не огонь горит, не смола кипит, а муж жену губит»), «На берегу сидит девица» и др. Былинная традиция в обследованной местности не выявлена. Про богатырей знают из книг. Неоднократно встречалась в схематическом пересказе традиционная лубочная сказка об Илье Муромце (д. Константиново Великоустюгского сельсовета). Для местного свадебного обряда и сейчас характерен устойчивый цикл величаний-припевов: «Как у чарочки серебряной» (припевают гостям), «Чашечки литы, литы, литы» и «Не по столику рюмочки бренчат» (припевают молодым). Повсеместно был распространен обычай колядования. Сейчас он тоже встречается в отдельных селах, но совершается только детьми. В наших записях представлены и классические полные тексты «Виноградия» («Уж ходили мы ребята по святым вечерам») и краткие их варианты, сосредоточивающие внимание не на величании, а на просьбе одарить:

Наша коляда
не велика, не мала.
Во двери не входит,
Окошком шьет.
Дяденька, пирожка да шанежку,
Наверх денежку.

Большой интерес представляют записанные в большом количестве частушки разных видов, иногда с яркими приметами их местного происхождения:

На крылечике стояла,
Диву дивовалася:
Лесовать милый пошел,
Походкой любовалася.
Во слезах ему сказала:
«Вся истосковалася»
(Красноборский район)

Мне не дорог Устюг-город,
Только дорого сходить.
Мне не дорого подролиться
А дорого отбить.
(Великоустюгский район)

Наибольшую ценность представляют записи устной прозы. Участники экспедиции работали с 57 рассказчиками. Манера исполнения и обстановка рассказывания описывались и фиксировались на фотоленке. В результате удалось выявить общность исполнительских приемов и их своеобразие в зависимости от творческих устремлений сказочника, аудитории и репертуара. О богатстве и относительной сохранности местного сказочного репертуара свидетельствуют сопутствующие сказкам присказки: «Уточка-горожаночка», «Машка-Машенька» и другие. В материалах из Верхнетоемского района особый интерес представляют драматизированные жанры фольклора, хороводные песни, сказки, записанные и снятые в момент исполнения.

Участники экспедиции выступили с сообщениями и докладами. О. Афанасьева в докладе «Бытование свадебных песен в Шенкурском районе» сопоставила новые записи с публикациями в сборнике песен П. В. Киреевского¹. Сравнение обнаруживает утрату новейшими текстами значительной части повествования. Например, в песне «Не от ветру, не от вихоря», записанной в Верхпопаденьгском сельсовете,

¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», нов. серия, вып. I. М., 1911, № 54 и др.

утратилась часть о наехавших боярах и композиционно песня стала иной. Такие изменения вообще типичны для песен. С появлением новых форм быта свадебный обряд трансформируется, отдельные акты свадебной игры сливаются. Песня «Вскор-мил, всроил батюшка» стилистически соединила причет с лирической песней. «По нашим наблюдениям,— сказала О. Афанасьева — в Шеговарском сельсовете собственно лирическая песня не получила распространения, и свадебная лирика частично как бы выполняет ее функции». Особое внимание О. Афанасьева уделила зачину песни «Сырой грязью река пошла». В нем говорится, что река «подо все города подошла»: «Под Москву да под Вологду», «Да под славный Шенкурск-град». Упоминание Москвы, по мнению докладчицы, дает основание предполагать, что культура Московских земель оказала влияние на поэтическую культуру южных районов Архангельской области.

М. Карпова подвергла анализу свадебные причеты в Шенкурском районе, сравнила их с причетами, опубликованными П. В. Шейном в «Великоруссе». Как удалось установить по рассказам исполнителей, традиционный свадебный обряд бывал здесь еще в 1920—1922 гг. Женщины среднего возраста много слышали о свадьбах, но сами не исполняли причетов. Причеты записывались от женщин 70—80 лет; они охотно рассказывали как прежде «ухали» и «ревели», но сами сначала просто диктовали и, только войдя в роль, начинали причитать по-настоящему, со слезами. М. Карпова охарактеризовала особенности обряда отдельных местностей и насчитала 15 «сюжетов» в причитаниях. С поэтической точки зрения интересна встречающаяся в шенкурских причетах характеристика чужой стороны: «Чужая да чужаннина»; «Ходит она не одета, не обута»; «Есть сибирка-то рваная, Сапоги-то берестяные, Кулаки-то немтыгие, Рукава-то необитые»; распространены эпитеты, яркие сравнения: «Не громы-то грянули, по рукам-то ударили», повторы с уточняющей характеристикой: «У ворот стоит пьница. А у дверей-то пропоица, У приступчиков — пивушище».

С сообщением о шенкурских загадках выступила Е. Рогачевская. Она сопоставила записи, сделанные экспедициями прежних лет, с новыми записями. Почти все из записанных в 1967 г. загадок имеются в сборнике Д. Н. Садовникова², причем большинство текстов совпадает. Это позволяет говорить о хорошей сохранности загадок в Шенкурском районе. Распространенные здесь загадки ближе всего к северным вариантам, записанным в XIX в. в Новгородской, Вологодской, Псковской, Олонецкой, Архангельской губерниях, но есть и такие, которые повторяют варианты, встреченные в Казани, Симбирске, близ Москвы. Е. Рогачевская отметила, что все загадки были записаны от взрослых, поэтому их нельзя рассматривать как детский жанр.

Сообщение Н. Римской-Корсаковой было посвящено бытованию лирической песни в Шенкурском районе. Особое внимание она уделила определению места авторской литературной песни в репертуаре исполнителей, ее отношению к другим жанрам песенного фольклора, в частности к городскому мещанскому романсу. В трех обследованных сельсоветах Шенкурского района выявлены репертуарные различия: в Верховпаденьском преобладает свадебная лирика, далее следуют по степени убывания хороводные и плясовые песни, собственно лирическая песня, мещанский романс; в Шеговарском — основное место занимают хороводные и плясовые песни, затем идут свадебная лирика, собственно лирическая песня и мещанский романс; в Усть-Сюмском — то же соотношение, что и в Шеговарском сельсовете, но больше мещанских романсов, чем собственно лирических песен.

С. Айвазян рассказала о соотношении традиции и импровизации в сказках Шенкурского района. Это соотношение зависит от типа сказочника (рассказчик, вносящий в сказку творческие моменты, или простой пересказчик), от характера сказок (детские и взрослые) и их жанровой разновидности, а также от того, кто сказочник — мужчина или женщина.

Доклады и сообщения участников экспедиции, работавшей в Красноборском районе, были посвящены жанрам народной прозы. Ю. Чекрыжов в докладе о принципах записи устной прозы и ее бытовании в местах работы группы. Группой сделано более 270 записей разных жанров прозы (сказок, быличек, устных рассказов и т. д.). Записи производились в обстановке живого бытования. Практиковалась повторная запись сюжетов произведений от разных поколений в семье или от одного и того же исполнителя в разное время и в разной аудитории. Собранный материал дает возможность говорить о художественном своеобразии разных прозаических жанров и местных сказочных вариантов, о традиции и импровизации в исполнительском мастерстве сказочников.

Характеризуя бытование сказки в Красноборском районе (особенно в верховьях р. Уфтьюги), Ю. Чекрыжов отмечает, что подавляющее большинство исполнителей — женщины среднего возраста. В их репертуаре преобладают сказки для детей: «Ивашка и яга» (48 текстов), «Волшебная дудочка» (15 текстов), «Лиса на возу» (13 текстов),

² Д. Н. Садовников, Загадки русского народа, СПб., 1876, № 4а, 267, 3866, 430, 830, 1202е, 1396а, 1509в, 1552, 1921 и др.

«Морозко» (10 текстов). Многие сказки имеют книжный источник. По наблюдениям собирателя, сказка перестала заполнять досуг взрослых.

Е. Богданова рассказала о быличках из Красноборского и Великоустюгского районов, охарактеризовала обстановку, в которой производились записи. Она обратила особое внимание на отношение к быличкам рассказчиков, которое определяет особенности поэтической структуры текстов. Одни исполнители рассказывали былички как случаи, действительно происшедшие с ними или их знакомыми, другие относили действие к прошлому времени («раньше больше баловало»). Е. Богданова подчеркнула, что большинство рассказчиков скептически относится к суевериям и склонно реалистически толковать былички.

Круг персонажей быличек и количество ситуаций, связанных с каждым из них, очень невелики. Это свидетельствует о том, что с исчезновением веры быличка постепенно разрушается. Наиболее живой персонаж — леший (фигурирует более чем в 20 текстах). Связанные с лешим ситуации, приемы описания его повторяются, но в каждом тексте приводятся свои подробности (леший появляется в образе знакомого человека — потерявшегося мальчика, брата, соседки и т. д.). Из духов природы в быличках встречаются водяной, русалка («озерная Дуня») и полудница. К рассказам о духах примыкают рассказы о проклятых людях и животных, о колдунах. Интересна группа быличек о домовом (батамушке, батамушке, соседушке), который гоняет лошадей, пугает детей, давит спящих. С образом баенника («хозяйина бани») связаны различные запреты — не мыться вечером, не задерживаться и не ночевать в бане и т. д.

Е. Богданова отметила, что собранные материалы все же неполны, и поставила ряд вопросов, которые надо иметь в виду при записи быличек.

М. Юхневич охарактеризовала волшебные сказки в репертуаре сказочника А. Л. Антропова, 84 лет, жителя д. Новошино. От него записано 4 сказки, в которых присутствуют типичные мотивы и ситуации — змебегство, «ложный герой», «узнавание» и «утверждение» истинного героя, «чудесные помощники» и т. д. В то же время А. Л. Антропов пытается реально объяснить фантастические моменты. Так, реальные обоснования получает мотив чудесной помощи животного (герой долго тренирует кошку, которая затем выполняет обычные функции чудесного помощника). У сказочника есть свои «общие места», заменившие традиционные. М. Юхневич отметила особое внимание сказочника к моральной проблематике сказок, к идее равенства людей всех сословий, права свободного выбора в любви. В целом сказки Антропова содержат черты и волшебной, и авантюрной сказки. Очевидно, что это последний этап устной жизни волшебной сказки, предназначенной для взрослых.

Участники экспедиции, работавшие в Верхнетоемском районе, рассказали о бытовании и драматическом исполнении произведений фольклора.

Н. Юдина сделала доклад о драматизированном исполнении некоторых жанров фольклора. Ей удалось наблюдать исполнение сказки «Ворожея» опытным рассказчиком С. Г. Красавцевым и одной из его слушательниц Н. А. Сосновской и сравнить оба исполнения. Н. А. Сосновская старалась воспроизвести не только текст, но и манеру исполнения сказки, повторяла некоторые формулы и сопровождающие их жесты, однако такого богатства оттенков и такого контакта с аудиторией, как у С. Г. Красавцева, у нее не было. Н. Юдина рассказала также о наблюдениях над исполнением бытовой сказки для взрослых. У каждого исполнителя есть своя манера и излюбленные приемы. Так, для С. Г. Красавцева характерен жест, изображающий действие, он часто обращается к слушателям с вопросами, репликами; А. Н. Коврина обычно рассказывает сказки от первого лица, полностью перевоплощаясь в сказочный персонаж; Е. Я. Мелентьева в качестве основного приема использует интонацию, что характеризует ее как детскую сказочницу. В Верхнетоемском районе повсеместно бытует обычай ряжения, но теперь оно не носит массового характера. Импровизированные диалоги ряженных и их игра с трудом поддаются воспроизведению в неурочное время, однако все же удалось записать и тексты небольших сценок, и подробные рассказы о костюмах, гриме, реквизите. Так, Е. А. Гляденова (с. Пучуга) продемонстрировала весь процесс ряжения «кобылкой» — от «загибания кобылки» (из соломы) до разыгрываемой сценки; этому ее научил дед.

Е. Токарева посвятила свой доклад хороводным песням, которые в песенном репертуаре Верхнетоемского района занимают значительное место (записано 86 текстов). Особенно распространены песни: «В хороводе были мы», «Заскочил козел в огород», «Зайныка, погуляй», «Вдоль было по травонке». Большинство записей сделано от групп исполнителей, демонстрировавших и хороводы. Оказалось возможным классифицировать хороводные песни по способу их исполнения и показать особенности и трансформацию этого исполнения. В Верхнетоемском районе известен круговой хоровод с солистами, например «Ходил, гулял барин» (девушка с парнем выбирают себе родню). В ряде случаев (д. Красногорская, Малая и Большая Забудиха) хороводный круг деформировался. Очень распространен на территории района хоровод «походенцы» (под песни «Было в ручке счастье», «Во лужях», «Не катайте катанцы», «Из Москвы купец приехал» и некоторые другие). Одна и та же песня в разных деревнях исполняется по-разному.

Встречено и исполнение хороводной песни, сопровождающееся ряжением быком или конем, в соответствии с содержанием песни (с. Кондратовское). Особенностью

бытования хороводов в Верхнетоемском районе является их четкая приуроченность к определенным календарным праздникам. Так, строго выделяется круг «рождественских» хороводов: «По-за морюшку гоголюшка плывет», «Калинов мост мостили», «Вьюн на воде», которые не исполнялись весной и летом. Собранные материалы свидетельствуют о том, что, хотя богатая хороводная культура этих мест и ушла в прошлое, хороводы еще хорошо помнят и могут воспроизводить их во всей полноте.

Записи экспедиции дают материал для изучения фольклора бассейна Северной Двины и его сопоставления с фольклором бассейна р. Онеги, уже обследованным экспедициями МГУ.

Много внимания уделялось совершенствованию методов записи: последнюю стремились производить в обстановке, близкой той, в которой обычно исполнялись произведения тех или иных жанров, широко применялись магнитофоны, фото- и киносъемка.

Экспедиция обратила внимание на сложные процессы, происходящие в современном бытовании как арханческих, так и живых жанров фольклора.

В. П. Аникин, Н. И. Савушкина

СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

17—18 декабря 1968 г. в Новосибирском научном центре Сибирского отделения АН СССР состоялось заседание Научно-методического совета по организации социолого-лингвистических исследований. Подобные исследования впервые в отечественной и мировой научной практике были начаты в 1965 г. Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР совместно с Центральным статистическим управлением при Совете Министров РСФСР.

На первом этапе были разработаны общая схема и методика социолого-лингвистических исследований, цель которых состояла в комплексном изучении проблемы взаимодействия языков народов СССР на материалах Сибири и Дальнего Востока. Данная проблема, как часть более общей проблемы закономерностей развития национальных отношений в современную эпоху, представляет большой интерес как в теоретическом, так и в прикладном отношении, учитывая многонациональный состав населения нашей страны и бурно развивающиеся процессы культурно-языкового взаимодействия.

Исследования были задуманы как комплексное мероприятие, имеющее ряд различных, хотя и связанных между собой научных задач, а именно: выявление роли родного и русского языков в жизни народов Сибири (выделение статической и динамической, на момент исследования, модели); изучение факторов, оказывающих влияние на изменение и соотношения этих языков в современной жизни народов; научно обоснованные рекомендации в области языковой политики, вытекающие из объективных данных и мнения опрошенного населения.

В 1965—1966 гг. Институт истории, филологии, философии СО АН СССР провел пробные выборочные обследования группы сибирских народов (алтайцев, бурят, кетов, ненцев, селькупов, тофаларов). Полученные результаты были доложены Научно-методическому совещанию, созванному институтом в декабре 1966 г. В совещании приняли участие организаторы социолого-лингвистических исследований (ИИФФ СО АН СССР и ИСУ РСФСР), головные институты АН СССР (этнографии и языкознания), Академия педагогических наук РСФСР, гуманитарные институты и высшие учебные заведения Сибири и Дальнего Востока, издательства, партийно-советские органы, органы народного образования и культуры. Совещание признало актуальным постановку проблемы «Функциональное взаимодействие языков народов СССР на современном этапе» и высказало пожелание создать Научно-методический совет по организации социолого-лингвистических исследований в Сибири. Среди практических результатов на основе данных исследований было поддержано предложение Института истории, филологии, философии СО АН СССР о включении в программу предстоящей Всесоюзной переписи населения второго вопроса о языках, которыми, кроме родного, пользуется население в повседневной жизни¹.

¹ Это предложение, поддержанное широкой общественностью, было включено в программу переписи 1970 г.

Научно-методический совет с участием представителей указанных выше организаций был создан в начале 1967 г. На первом своем заседании он утвердил методику и конкретный план исследований, важнейшим звеном которых стало выборочное анкетирование населения. По договоренности с ЦСУ РСФСР было определено количество населения, подлежащего анкетированию:

у народов, насчитывающих более 150 тыс. чел.	—	2,5%
» » от 40 до 150 »	—	5,0%
» » от 15 до 40 »	—	10,0%
» » от 8 до 15 »	—	15,0%
» » от 3 до 8 »	—	25,0%
» » от 1 до 3 »	—	50,0%
» » менее 1 тыс. чел.	—	100%

Тогда же были утверждены анкета и инструкция к ней².

Как видно из анкеты, за единицу обследования принята семья. Это позволяет получить весьма полную информацию не только об языках населения, но также имеет значение для выяснения более широкого круга вопросов демографического и этнолингвистического характера.

Инструкцией предусмотрено составление на местах анкетирования достаточно подробной справки о национальном составе, численности и занятиях населения, а также о фактическом использовании родного и русского языков в практике школьного обучения, культурно-просветительной работе, местной печати и радио.

Уже весной и летом 1967 г. в различных районах Сибири и Дальнего Востока выехали научные сотрудники Института истории, филологии, философии СО АН СССР, преподаватели и студенты Новосибирского государственного университета и научные сотрудники других учреждений — участников анкетного обследования. Эта работа продолжалась и в 1968 г. В районах обследования были установлены деловые контакты с местными партийными и советскими органами, управлениями ЦСУ РСФСР, что содействовало более правильному выбору конкретных сельских советов в качестве объектов анкетирования. Учитывались, в частности, такие факторы, как характер географического расположения сельсовета (магистральный или периферийный) и численное соотношение этнических групп населения. Были подобраны анкетеры из местного населения; последнее было широко оповещено о задачах обследования.

По данным, имеющимся на декабрь 1968 г., обследовано 38,5 тыс. чел., преимущественно сельских жителей — представителей 23 (из 30) народов Сибири. Это составляет 94% запланированной численности. В ряде районов анкетирование продолжается и будет закончено в 1969 г. Одновременно начата обработка поступившего материала, что стало предметом обсуждения на состоявшемся заседании Научно-методического совета.

По характеру полученных предварительных результатов уже сейчас можно сделать ряд важных выводов. В первую очередь следует отметить, что большинство опрошенного населения признает родным язык своей национальности. Но при этом абсолютное большинство опрошенных в той или иной мере владеет также и русским языком, ставшим основным средством межнационального общения, повышения уровня образования и культуры. Интересно и то, что в различных сферах общественной и семейной жизни родному и русскому языкам принадлежит неодинаковое место. Так, у большинства опрошенных родной язык чаще всего преобладает в семье, но уступает русскому на производстве. Показательно, что родной язык бытует главным образом среди представителей старшего поколения и именно их следует иметь в виду при организации культурно-массовой работы на родном языке. Молодежь, как правило, значительно лучше владеет русским языком, чем старшее поколение, но и она в целом высказывается в пользу широкого применения, наряду с русским, родного языка.

Одним из аспектов исследования было выяснение мнения населения об обучении на родном языке и преподавании родного языка в качестве предмета в школе. По предварительным усредненным данным большая часть опрошенных высказывается за преподавание родного языка как предмета и меньшая — за обучение на родном языке, даже на первом году обучения. Пожелания жителей весьма существенно варьируются у отдельных народов; значительная часть опрошенных вообще не высказала какого-либо определенного мнения. Совершенно очевидно, что это объясняется сложностью самой проблемы.

Результаты предварительной и в основном ручной обработки материала, а также ход обсуждения продолженной работы на заседании Научно-методического совета убедительно свидетельствуют о перспективности данного исследования и возможности использования его результатов при решении многих сложных вопросов дальнейшего развития системы народного образования в национальных районах и повышения эффективности всех массовых форм работы с населением. На заседании подчеркивалась необходимость дальнейшего тщательного анализа всего материала, исходя не только

² См.: «Изв. СО АН СССР, серия обществ. наук». Новосибирск, 1967, № 6, стр. 147—148; сб. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967, стр. 29—46.

из усредненных показателей, но и из данных по каждому конкретному народу и его поло-возрастным, профессиональным и иным группам. Такие детализированные группировки не только позволят принимать различные научно обоснованные решения, но и могут быть положены в основу фундаментальных теоретических исследований по проблемам развития национальных отношений в современную эпоху.

Научно-методический совет наметил последовательность разработки анкетных материалов, а также пути их использования в научной и практической деятельности. Важным этапом социолого-лингвистических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке, успешно начатых Сибирским отделением АН СССР, явится планируемая на 1970—1971 гг. региональная конференция научно-прикладного характера на тему: «Функциональное взаимодействие языков народов Сибири и вопросы языковой политики на современном этапе».

Ю. Б. Стракач, В. А. Туголуков

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. А. Бутинов. *Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй)*. М., 1968, стр. 255 *.

Рецензируемая книга вышла в свет накануне знаменательной даты — столетия со дня отплытия из Кронштадта русского корвета «Витязь», доставившего на Новую Гвинею Н. Н. Миклухо-Маклая, знаменитого русского путешественника, ученого, борца за права угнетенных народов, положившего начало этнографическому изучению папуасов. С тех пор интерес этнографов к Новой Гвинее не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. Выявлены сотни своеобразных по языку и культуре племен. С тем большей остротой ощущается отсутствие обобщающих этнографических работ. Рецензируемая книга, посвященная хозяйству и общественному строю папуасов, первая не только в советской, но и в мировой науке попытка создать такую работу.

Написать обобщающую работу о папуасах Новой Гвинеи — дело нелегкое. Необходимо привести к одному знаменателю несходные, а подчас прямо противоположные, теоретические позиции разных авторов, разобраться в запутанной терминологии, когда одним термином называют разные явления, а разными — одно и то же. Приходится упомянуть и тот факт, что Н. А. Бутинов на Новой Гвинее не был. Последнее обстоятельство, впрочем, для обобщающей работы имеет, наряду с большим отрицательным, и некоторое положительное значение. Пребывание среди одного из многих папуасских племен может «травмировать» (как выражается Эдмунд Лич) исследователя, и он все многообразное население Новой Гвинеи станет представлять себе по образу и подобию этого частного племени. Так случилось, например, с Б. Малиновским — Э. Лич справедливо указывает, что для Б. Малиновского не только папуас, но и вообще «примитивный человек» — это тробрианец (Б. Малиновский изучал тробрианскую этническую общность)¹. В рецензируемой книге такой предубежденности нет, и автор в полной мере справился с той задачей, которую он перед собой поставил, — «обобщить результаты исследований хозяйственной жизни папуасов и их общественного строя» (стр. 5).

Н. А. Бутинов более двадцати лет работает над изучением этнографии Новой Гвинеи. Он принимал участие в подготовке к изданию пятитомного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (1950—1954 гг.), опубликовал статьи об этногенезе папуасов, об этнолингвистических группах на Новой Гвинее, выступал на международном конгрессе с докладом о роде на Новой Гвинее (Токио, 1968). Рецензируемая книга — итог его длительной работы над этой темой.

После общих сведений о стране и населении (гл. I, стр. 10—21) следует глава, посвященная этническому составу. Во введении к книге автор отмечает, что господствующее в буржуазной этнографии «мнение о сильной раздробленности коренного населения не соответствует действительности» (стр. 5). В главе II убедительно показана большая близость соседних языков — автор называет это цепной связью языков. Явление это характерно и для многих других народов, живущих в условиях общинно-родового строя.

Уместно отметить один факт, характеризующий критическое отношение автора к источникам, его научную самостоятельность. Изучая контуры племенных территорий, он был первым, кто обратил внимание на то, что место полевой работы этнографа обычно находится как раз в центре племенной территории. В книге приведен список, в котором указано 45 племен и столько же их «центров». Этот список был бы, вероятно, больше, если бы исследователи в своих публикациях всегда указывали место своей полевой работы. Каждый из них после поездки на остров вводил в науку новое,

* Публикуя две рецензии на дискуссионную книгу Н. А. Бутинова, редакция готова продолжить ее обсуждение. — *Ред.*

¹ E. R. Leach, *Rethinking anthropology*, London, 1963, p. 1.

им открытое, племя. Так постепенно сложилось представление о «лингвистических джунглях» на Новой Гвинее, о наличии там трехсот, пятисот и даже семисот племен. «Что можно сказать о таких племенах? По нашему мнению,— пишет Н. А. Бутинов,— данные не столь надежны, чтобы границы расселения этих племен можно было нанести на этническую карту. Не исключена возможность, что если бы этнографы жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы племенных территорий были бы иными» (с. 26). В науке уже чувствуется потребность в ином термине для этих групп: Хогбин и Веджеуд предлагают термин «фила»². Н. А. Бутинов — конэо (контактная этническая общность). В рецензируемой книге эта тема занимает немного места (стр. 24—27), но за этими страницами стоит большой труд автора по обобщению и анализу многочисленных источников³.

В главе III приведены сведения о размерах и типах деревень на острове, земельно-сельском цикле, обмене, прослежены изменения в хозяйстве и материальной культуре папуасов за последние сто лет, охарактеризованы такие новые явления, как папуасский рабочий класс и папуасские кооперативы.

Так автор постепенно подводит читателя к основной проблеме книги — социальной структуре папуасов, элементами которой в большинстве районов острова до сих пор являются община, семья и род. Глава IV посвящена папуасской общине, глава V — семейной жизни папуасов, глава VI — родовой организации, глава VII — терминологии родства.

Стержнем всего исследования является родовая община как основная экономическая ячейка доклассового общества. Это позволяет Н. А. Бутинову начать свой анализ общественных отношений у папуасов с того, что лежит в основе этих отношений — с экономики. Автор всесторонне рассматривает хозяйство папуасской общины — добывание средств к жизни, поло-возрастное разделение труда, хозяйственный цикл, межобщинный обмен, многообразные формы совместного труда, формы собственности.

Глава, посвященная общине, по объему составляет около трети книги. «Папуасская община,— пишет автор,— основная экономическая ячейка на всем острове, за исключением, конечно, городов и пригородных районов» (стр. 71). Вопрос о характере и судьбах папуасской общины имеет немалое практическое значение. В зарубежной этнографии папуасскую общину изучают мало, отводя основное место роду и семье. Автору пришлось по крупницам собирать материал по таким вопросам, как размеры общины, виды совместного труда в общине, характер взаимоотношений между общиной и семьей. На большом конкретном материале показаны шесть видов совместного труда в папуасской общине, в том числе максимальная хозяйственная функция — понятие, введенное в науку автором рецензируемой книги⁴. Столь же подробно проанализированы отношения собственности, владения и пользования. Исходя из этих данных (то есть видов труда и форм собственности), а также соотношения сил общины и семьи, автор выделяет три типа общины на острове: родовую, гетерогенную (или большесемейную) и соседскую, и, помимо суммарного описания, иллюстрирует каждый из них конкретными примерами. В качестве примера родовой общины он приводит общину племени нгаравапум, гетерогенной — общину тробрианцев, соседской — общины моту и конта. Насколько мне известно, это первая в мировой этнографической науке работа, где папуасская община подвергнута столь детальному и обстоятельному рассмотрению.

Большое внимание уделяет автор проблеме соотношения общины и рода на Новой Гвинее. Его решение этой проблемы широко известно среди специалистов. Так, Н. А. Кисляков резюмирует концепцию Н. А. Бутинова следующим образом: «У Н. А. Бутинова ядро общины совпадает с родом, и при этом община, как таковая, антагонистична семье (чтобы сохранить свое существование и хозяйственное единство, община «борется» с семьей, стремится всячески умалить роль семьи)»⁵.

На этом фоне особенно очевидна беспочвенность утверждения, будто Н. А. Бутинов, а заодно с ним и автор этих строк, «перешли на позиции «неопатриархальной» теории, в результате чего неизбежно обрекли себя на повторение в новой форме давно уже известных положений»⁶. В рецензируемой книге, напротив, предложено

² H. Ian Hogbin and C. H. Wedgwood, *Local grouping in Melanesia*, «Oceania», vol. LXIII, N 4, 1953, p. 253.

³ В рецензируемой книге нет подробного анализа условий полевой работы зарубежных авторов, нет географических карт, но все эти материалы можно найти в другой работе того же автора. См.: Н. А. Бутинов, *Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи*, «Труды Института этнографии», т. 80, М.—Л., 1962.

⁴ Н. А. Бутинов, *Разделение труда в первобытном обществе*, «Труды Института этнографии», т. 54, 1960. Эта статья издана отдельно на английском языке: N. A. Butinov, *Problems in the history of primitive society*, Jerusalem, 1962.

⁵ Н. А. Кисляков, По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 88.

⁶ Ю. И. Семенов, Проблема начального этапа родового общества, «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 175.

немало новых, оригинальных решений проблем первобытности, и нет даже намека на попытку рассматривать семью как исходный социальный институт, из которого развились род, племя, государство, как это было свойственно сторонникам патриархальной теории. Огромный фактический материал, собранный этнографами за последние десятилетия, подтвердил правильность вывода Энгельса о сосуществовании на низшей ступени варварства, то есть в неолите, рода и парной семьи⁷. По мнению некоторых археологов, признаки парной семьи можно найти еще раньше, в верхнем палеолите. Так, исходя из анализа стоянок и жилищ этой эпохи, Г. П. Григорьев пишет: «В верхнем палеолите существовала парная семья, палеолитические общины состояли из 5—10 таких семей, реже 15—25»⁸.

Если полностью доверять зарубежным источникам, то можно прийти к выводу, что основной экономической ячейкой у папуасов является индивидуальная семья. В действительности, однако, все основные виды хозяйственной деятельности — рубка леса, первичная обработка почвы, постройка хижин и т. д. — производятся совместно всеми или почти всеми трудоспособными членами общины. Семья не в состоянии справиться в одиночку с этими работами, и материалы, в изобилии приводимые в рецензируемой книге, показывают, что в экономическом смысле папуасская семья составляет часть общины, что она не является самостоятельной и независимой хозяйственной ячейкой общества. Вопросу о соотношении общины и семьи автор посвящает специальный раздел «Общинное и семейное начало в труде и собственности» (стр. 113—118). Здесь подробно и обстоятельно показано, как общинный принцип во всех важных сферах жизни одерживает верх над семейным. Но некоторые цитаты из трудов зарубежных авторов можно было бы, с моей точки зрения, снабдить дополнительными комментариями. Так, Н. А. Бутинов приводит слова Уильямса о племени пурари: «Семья обеспечивает себя всем, что ей жизненно необходимо» (стр. 47). Речь в данном случае идет об изготовлении изделий, которые стоят «по значению и по затрачиваемому времени на втором месте» по сравнению с добыванием пищи (там же). Однако недостаточно внимательный читатель может, вырвав эти слова Уильямса из общего контекста рецензируемой книги, прийти к ошибочному выводу, что семья у пурари является основной экономической ячейкой. На самом же деле такой ячейкой является община, которая не случайно стоит в центре исследования Н. А. Бутинова. «Подсечное земледелие, даже при наличии железных орудий, требует усилий по крайней мере большой семьи. У папуасов, с их каменными и деревянными орудиями, оно требует усилий всей общины» (стр. 79). А из совместного труда естественно вытекает коллективная собственность членов общины на землю. И в разделе, посвященном формам собственности, автор подробно анализирует отношения собственности в общине, показывая их подчас сложный характер, связанный с переплетением праг общины, части общины и семьи.

Разобраться во всем этом автору помогают применяемые им категории собственности, владения и пользования. Как убедительно показано в книге, фактическим субъектом собственности на землю в целом в большинстве папуасских общин является именно община. Семейная собственность на огороды подчинена общинной собственности на землю в целом. Это находится в соответствии с данной Энгельсом характеристикой собственности в родовом обществе как собственности, добытой своим трудом.

Выделение трех частей общины (постоянной, временной и пришлой), двух частей рода (локализованной и нелокализованной) и установление соотношения между ними — большая заслуга автора. Дело в том, что в источниках существует невероятная путаница, зачастую не отличающую не только части общины и части рода одна от другой, но даже род от общины, а если даже их различают по существу, то путают терминологически. «Одни авторы понимают под кланом родовую общину, другие — род, третьи — в одних случаях род, в других — родовую общину» (стр. 192). Немало пришлось потрудиться автору, чтобы не только в теории (это им было сделано раньше), но и фактически «зачеркнуть знак равенства между родом и родовой общиной» (стр. 169). Буквально на каждом шагу ему приходится вносить уточнения в свидетельства одних источников, опираясь на данные других (стр. 176—177), выяснять значение терминов путем их сопоставления (стр. 193). В результате этого огромного труда в новом свете предстают перед нами и отношения собственности в родовой общине. Вопреки утверждениям многих авторов, будто собственником земли является род, автор указывает, что речь идет лишь о локализованной части рода, а не о роде в целом (стр. 176). Что касается временной и пришлой частей общины, то они располагают правом пользования общинной землей. Такой порядок позволяет общине, несмотря на меняющийся ее состав (одни люди из нее уходят, другие в нее приходят), сохранять в целости и единстве принадлежащую ей землю.

Одно из достоинств книги — попытка автора проследить начатки социального расщепления в папуасской общине (стр. 136—142). Это — стадияльно самые ранние формы классовобразования и вместе с тем начало кризиса первобытнообщинного строя. Этно-

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 57.

⁸ Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 155.

графические материалы, связанные с этой очень важной в методологическом отношении проблемой, с каждым годом становятся все многочисленнее и требуют дальнейшего изучения и теоретического обобщения⁹.

В главе, посвященной семейной жизни папуасов, автор уделяет большое внимание институту экзогамии. Примечательно то, что он рассматривает этот институт в главе о семье. Это связано с его пониманием экзогамии как института, имеющего целью уменьшить хозяйственное значение семьи и тем усилить общину. Весьма ценно то, что автор дает сводку мнений самих папуасов о значении экзогамии. Затем он рассматривает такие вопросы, как выбор невесты, плата за невесту, локальность брака, отношения между супругами.

Однако противоречие между общиной и семьей, на наш взгляд, автором преувеличено. Так, согласно концепции автора, «смысл экзогамии в том, чтобы не допустить объединения в семье лиц, близких друг другу по кровному родству, фактическому или предполагаемому», и не будь экзогамии община состояла бы «из прочных семей, в немалой степени обособившихся друг от друга, и каждая из них — от общины в целом» (стр. 152). В действительности, как показывает сам автор в других главах своей книги, этого не происходит, прежде всего, в силу экономических причин, потому, что семья здесь еще не может существовать как самостоятельный и независимый хозяйственный, а следовательно, и социальный коллектив. То же самое и в силу аналогичных же причин имеет место и у тех отсталых в социально-экономическом отношении народов, где родовая экзогамия отсутствует. А когда экономические условия способствуют обособлению семьи от общины, семьи обособляются, несмотря на экзогамию. Мы усматриваем во взглядах автора явное противоречие: экономической обусловленности социальных отношений, хорошо и детально им показанной, противостоит его концепция фатальной противоположности семьи и общины. В таком понимании противоречие между общиной и семьей принимает характер чего-то извечно данного, как если бы извечно существовали некая абстрактная «семья» и некая абстрактная «община». В действительности же противоречие между общиной и семьей само является лишь одним из проявлений развития производительных сил в эпоху первобытного общества, оно постепенно возникает и углубляется с развитием собственности, с появлением прибавочного продукта и т. д. На ранних этапах развития родового строя этого противоречия еще не было, тогда как экзогамия уже существовала. У охотников и собирателей противоречие между общиной и семьей почти еще не ощущается. У земледельцев-папуасов этот конфликт выступает уже значительно рельефнее. Но если и здесь существует жизненная необходимость совместного труда на общинной земле, разве этого одного недостаточно для того, чтобы сплотить общину? Если же возникает необходимость еще в каких-то дополнительных мерах, то это означает, что семья уже хозяйственно окрепла, а необходимость совместного труда исчезает. Очевидно, дело не в экзогамии, не в том, что браки внутри общины запрещены, а в сравнительно низком еще уровне развития производительных сил. В этом — главная причина устойчивости родовой общины. Развитие производительных сил подрывает родовую общину, а вместе с ней и родовую экзогамию.

Трудно согласиться и с пониманием парной, в частности папуасской, семьи, как такой семьи, в которой муж и жена «по крови чужие друг другу» (стр. 167). Ведь это характерно для всякой семьи. В парной семье, по словам автора, муж и жена — «два разных в социальном отношении человека, и каждый из них все время сохраняет свою самостоятельность по отношению к другому» (там же). Если это верно для папуасской семьи, то в парных семьях менее развитых народов — охотников и собирателей — подобное положение наблюдается далеко не всегда.

Глава VI посвящена родовой организации у папуасов. Автор рассматривает род в тесной связи с родовой общиной и выделяет поэтому две части в нем: локализованную (родовое ядро общины) и нелокализованную (тех, кто уходит по браку в другие деревни). Отдельно рассмотрены функции каждой из этих частей рода. Затем рассмотрен характер рода в гетерогенной общине. Такой подход к папуасскому роду представляет немалый интерес, он позволяет вскрыть те его признаки, которые ранее были в тени. По сравнению с ними такой признак, как форма филиации (материнская или отцовская) (стр. 182—188), явно отходит на второй план по своему значению. Автором убедительно показано, что изучение рода не самого по себе, а в связи с общиной таит в себе большие возможности.

Глава VII посвящена терминологии родства. По мнению автора, в терминологию родства отражены не только семейные отношения, но также общинные и родовые, в том числе и такие, которые не являются родственными с генеалогической точки зрения, хотя и являются таковыми с точки зрения классификационной. Автор подробно говорит о имеющихся классификациях систем родства, методах их записи и анализа, и пытается, со своих позиций, дать объяснение некоторых их черт (различение мужской и женской линий, слияние мужской и женской линий, системы типа кроу-омаха).

Восходя от базиса родового строя к его надстройке — системам родства, — автор

⁹ Попытка такого обобщения некоторых новых материалов по Новой Гвинее была сделана и автором настоящей рецензии: В. Р. Кабо, Становление классового общества у народов Океании, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 57—68.

предпринимает оригинальную и убедительную, на наш взгляд, попытку выявить то, что он называет «производственной основой классификационного родства», связав, таким образом, родственную терминологию с производственным базисом общинно-родовой организации (стр. 203—206).

В главе VIII дана краткая характеристика источников и литературы. Весьма любопытна таблица на стр. 227—235, из которой следует, что в одном только 1965 г. в различных районах острова вели полевые исследования около 100 этнографов, антропологов, археологов, лингвистов. К сожалению, среди них не было ни одного советского исследователя.

Таким образом, рецензируемая книга является не только обобщающей работой по хозяйству и общественному строю папуасов Новой Гвинеи — значение ее гораздо шире. Автор ставит в ней (и пытается решить) целый ряд сложных, нередко дискуссионных, проблем, касающихся истории первобытнообщинного строя, сущности социальных институтов в эту эпоху. Дискуссионность книги, ее теоретическая смелость и широта являются, на наш взгляд, большим ее достоинством.

К сожалению, в книге нет резюме на иностранном языке. Правда, на английском языке появились доклады автора на различных конгрессах¹⁰, но они не дают полного представления о содержании книги.

¹⁰ N. A. Butinov, Community in New Guinea, XI Pacific Science Congress, M., 1966; е го же, Clan in New Guinea, M., 1968.

В. Р. Кабо

* * *

Автор рецензируемой работы видит ее особое значение в том, что в ней нашел применение принципиально новый подход к первобытности. Как утверждает Н. А. Бутинов, он в отличие от советских и зарубежных этнографов, принимающих за основную ячейку первобытного общества род, исходит из того, «что основной структурной единицей первобытнообщинного строя является родовая община, в рамках которой осуществляется производство материальных благ и которая не совпадает с родом» (стр. 71—72). Так как, по словам Н. А. Бутинова, «большинство зарубежных этнографов до сих пор убеждено, что у папуасов основной ячейкой является род» (стр. 169), то он видит свою задачу в том, чтобы «показать, что основной ячейкой у папуасов является община» (стр. 74).

Однако в действительности, вопреки утверждениям автора, подавляющее большинство зарубежных этнографов в настоящее время не рассматривает род как основную ячейку первобытного общества. В тех случаях, когда в их трудах встречается утверждение, что основной ячейкой того или иного конкретного общества является клан, то речь, как правило, идет не о роде как таковом, а о том самом объединении, которое Н. А. Бутинов именует родовой общиной. И этого не может не признать и он сам. «Лет сорок назад,— читаем мы в книге,— в этнографической литературе появилось новое определение рода (clan): „Социальная группа, состоящая из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка...“ По существу под кланом здесь понимается родовая община, но ни в коем случае не род» (стр. 192).

Но, может быть, принципиальная новизна подхода автора состоит в том, что он впервые стал обозначать род и родовую общину по-разному, в то время как зарубежные этнографы употребляли для обозначения и того, и другого один и тот же термин? Нет, еще до Н. А. Бутинова американский этнограф Дж. Мёрдок предложил, сохранив термин клан исключительно лишь для обозначения родовой общины, именовать собственно род sibom (sib)¹. Н. А. Бутинов упоминает своего предшественника, но своеобразно: «...Американский этнограф Д. Мардок также попытался отделить род от общины, но сделал это непосредственно. Мардок низвел общину до уровня второстепенного института, „компромиссной родственной группы“, что явно противоречит фактам» (стр. 169). В действительности же Мёрдок совершенно четко и недвусмысленно заявлял, что «община и малая семья суть единственные социальные группы, которые являются поистине универсальными»². Раскрывая отношение между кланом (т. е. родовой общиной) и sibom (т. е. родом), он особо подчеркивал, что главная, решающая роль принадлежит первому, а не второму, т. е. говорил то же самое, что Н. А. Бутинов в рецензируемой книге. И вообще у Н. А. Бутинова нет ни одного принципиального положения по вопросу о соотношении «родовой общины» и «рода», которое отсутствовало бы у Мёрдока³.

Если обратиться к трудам о папуасах Новой Гвинеи, то нетрудно убедиться, что авторы их даже в том случае, когда они говорят о клане, субклане и т. п. как об основных ячейках общества, имеют в виду не столько собственно род, сколько родовую общину, а нередко и исключительно лишь общину. Так, например, Браун и Брук-

¹ G. P. Murdock, Social structure, New York, 1949, p. 67—68.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 68—75.

филд, утверждая, что самой важной ячейкой в обществе чимбу является субклан, определяют его как группу «мужчин, связанных, главным образом, патрилинейным происхождением, вместе с их женами и незамужними дочерьми»⁴. Посписил специально предупреждает, что говоря о клане, он вкладывает в это понятие тот же смысл, что и Мёрдок⁵. В центре внимания Меггита, автора работы об энга, находится клан-поселение, которое он определяет как группу мужчин-сородичей с их женами и детьми, а также с проживающими на территории клана свойственниками и родственниками по матери⁶. А Гитлоу, например, совершенно не упоминая рода, прямо утверждает, что основной, фундаментальной ячейкой общества папуасов Хаген является локальная группа, которую он именует «коной»⁷.

Пройти совершенно мимо этого обстоятельства не смог и сам Н. А. Бутинов. Категорически заявив в главе о папуасской общине, что подавляющее большинство зарубежных этнографов считает основной ячейкой рода, а не родовую общину, он, по-видимому, забыв об этом, в главе о родовой организации в разделе «Ошибки в характеристике папуасского рода» уличает Уильямса, Элькина, Берндта, Браун, Брукфилда, Нилса, Райена, Посписила, Вирца и других исследователей в том, что все они, говоря о роде, фактически имеют в виду родовую общину (стр. 193—194). К этому следует добавить, что помимо конкретных исследований имеются и такие обобщающие работы, как труд Хогбина и Веджвуд «Локальное группирование в Меланезии», в котором на большом фактическом материале доказывается, что основной социальной ячейкой в Меланезии вообще и на Новой Гвинее в частности является вовсе не род, а то само образование, которое Н. А. Бутинов называет общиной, а авторы именуют «пэришем» (parish)⁸.

По мнению Н. А. Бутинова, «на Новой Гвинее наиболее широко распространена родовая община, характерная для первобытнообщинного строя периода его расцвета» (стр. 7). Что же касается «гетерогенной общины», свойственной стадии разложения первобытнообщинных отношений, то в развитом виде выступает она лишь у тробрианцев, «в целом же на острове можно наблюдать лишь самые начальные фазы ее развития» (стр. 6). Существует еще также и «соседская община», но лишь вблизи городов (стр. 142—144). Следует сказать, что Н. А. Бутинов очень часто совершенно забывает о существовании им же самим выделенных качественно отличных типов папуасской общины. Нередко мы находим у него характеристику папуасской общины вообще (без различия типов) как отличающейся совместным трудом, общей собственностью, коллективным распределением и потреблением (стр. 74 и др.). Ни к «соседской», ни к «гетерогенной» общинам эта характеристика, как явствует из книги, не может быть отнесена. Рассмотрим, насколько она верна в применении к родовой общине.

Главной категорией, из которой автор исходит при характеристике отношений, существующих в папуасской общине, в частности, в родовой, является понятие совместного труда. Для него совместный труд есть не что иное, как производственное отношение, причем основное (стр. 80, 98, 118—119). Уже само по себе такого рода утверждение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автор не имеет сколько-нибудь отчетливого представления о том, какой именно смысл вкладывает марксистская наука в понятие производственных отношений. Труд сам по себе не есть и не может быть производственным отношением.

В понятие «совместный труд в общине» Н. А. Бутинов вкладывает весьма широкое содержание: этим термином он обозначает и совместный труд членов общины в целом, и совместный труд членов семьи, и совместный труд членов нескольких семей и т. п. «Совместному труду» он противопоставляет лишь «одиночный труд», т. е. труд, совершаемый в одиночку (стр. 96). Таким образом, в качестве единственного и достаточного признака совместного труда у него выступает лишь одновременное участие в трудовом процессе нескольких человек, объединивших свои усилия, и больше ничего. Говоря о совместном труде, Н. А. Бутинов фактически имеет в виду определенные отношения между людьми, но отнюдь не производственные, не социально-экономические, образующие фундамент, основу общества, а технологические, организационно-трудовые. И самое главное — он эти технологические, организационно-трудовые отношения принимает за производственные, за социально-экономические, причем за самые главные, фундаментальные. Тем самым он закрывает себе дорогу к пониманию подлинных социально-экономических отношений, существующих в папуасской общине.

Для него факт совместного участия нескольких людей в трудовом процессе сам

⁴ P. Brown and H. C. Brookfield, *Chimbu land and society*, «Oceania», vol. XXX, № 1, 1959, p. 3.

⁵ L. Pospisil, *The Kapauku Papuans and their kinship organisation*, «Oceania», vol. XXX, № 3, 1960, p. 189.

⁶ M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, «Oceania», vol. XXVII, № 4, 1958, p. 263.

⁷ A. L. Gitlow, *Economics of the Mount Hagen tribes, New Guinea*, New York, 1947, p. 25.

⁸ H. I. Hogbin and C. H. Wedgwood, *Local grouping in Melanesia*, «Oceania», vol. XXIII, № 4, 1953, vol. XXIV, № 1, 1953.

по себе равнозначен наличию между ними коллективистических отношений. А между тем это ошибка. Совместное участие нескольких людей в трудовом процессе имеет место в любом обществе: первобытном, рабовладельческом, феодальном и т. д. — наличие или отсутствие его само по себе еще равным счетом ничего не говорит о существующих производственных отношениях. Участвующие совместно в трудовом процессе могут быть членами коллектива, могут быть самостоятельными мелкими хозяевами, объединившимися временно для решения задачи, которая не под силу каждому из них в отдельности, могут быть рабами, барщинными крестьянами, наемными работниками и т. п. «Совместный труд» может, таким образом, иметь разную социально-экономическую природу в зависимости от наличия в том или ином обществе тех или иных производственных отношений.

В какой-то степени этот факт не может не осознавать и Н. А. Бутинов. «При анализе форм совместного труда, — пишет он, — выявляется, что в некоторых племенах совместный труд начинает утрачивать взаимный характер и служит средством эксплуатации одними семьями других» (стр. 80). Однако, подменяя производственные отношения организационно-трудовыми, он оказывается фактически бессильным отграничить «совместный труд — средство эксплуатации» от «совместного труда — средства взаимной помощи». И в результате столь различные по своей социально-экономической природе явления, как труд всех членов «родовой» общины по расчистке земли под свои огороды и безвозмездный труд всех членов «гетерогенной» общины на огородах вождя зачисляются в одну и ту же рубрику — общинного труда (тамгогула), противостоящего как всем прочим видам совместного труда, так и одиночному труду (стр. 81).

Следует подчеркнуть, что такому виду «совместного труда», как труд всех членов общины (труд тамгогула) Н. А. Бутинов придает особое, можно даже сказать, исключительное значение в своей концепции первобытности. Такой труд по его словам, является главной, основной особенностью родовой общины, определяющей все остальные существующие в ней отношения. Переход ведущей роли от труда всех членов общины к труду части общины означает, по Н. А. Бутинову, начало разложения первобытнообщинного строя, начало перехода от родовой общины к гетерогенной. Естественно, что обоснованию тезиса о главенствующей, ведущей роли труда всех членов родовой общины Бутинов уделяет много внимания.

Как утверждает в книге Н. А. Бутинова, подавляющее большинство папуасских племен и в настоящее время живет «родовыми» общинами. Поэтому, казалось бы, в примерах, подтверждающих выдвинутый автором тезис, не может быть недостатка. Однако дело обстоит далеко не так. Автор приводит данные о существовании такого вида труда только у 16 (по его собственному счёту) племен (абелям, бонгу, бусам, вабаг, вогео, квом, кивай, куман, кутубу, майлу, манам, мбовамб, минье, нарегу, нгаравапум, тробрианцы), а точнее у 15, ибо нарегу есть одна из групп, объединяемых под названием куман. Из этих 15 племен 7 (абелям, бусам, вогео, киван, кутубу, манам, тробрианцы), т. е. почти половина, имеют, как явствует из других мест книги, не родовую, а гетерогенную общину.

Совершенно забывая свои же собственные утверждения о том, что совместный труд всех членов общины играл различную роль в «родовых» и «гетерогенных» общинах, что, во-первых, он был ведущим, а, во-вторых, если и существовал, то имел второстепенное значение, автор приводит данные по всем 15 племенам вперемежку, в алфавитном порядке, совершенно игнорируя различие между племенами с «родовой» общиной и племенами с «гетерогенной». Ему в данном случае важно одно — чтобы такой труд был, а в чем он состоял и какую роль играл — здесь ему совершенно безразлично. В одну группу он зачисляет такие явления, как, например, совместный труд в сфере земледелия — основной форме хозяйства папуасов и совместный труд по постройке мужского дома, который мог иметь место самое большое один раз в несколько лет. В частности, в отношениях четырех племен — трех с «гетерогенной» общиной (бусам, кивай, майлу) и одного с «родовой» общиной (мбовамб) он может указать на совместный труд только в области строительства. Но даже когда Н. А. Бутинов приводит примеры совместного труда всех членов общества в сфере земледелия, то это само по себе тоже ничего не говорит о ведущей роли такого труда в жизни общины. Во-первых, такие примеры приводятся и по племенам с гетерогенной общиной. Во-вторых, указывая, например, на то, что у нгаравапум «все члены общины заняты в расчистке участка леса под огород» (стр. 87), автор совершенно не упоминает, что таким образом расчищался участок под ямс, но не под плантацию бананов, являвшихся главной культурой, основой существования⁹.

Вполне понятно, что тезис о ведущей роли труда всех членов общины в родовой общине остается недоказанным. Мы узнаем лишь, что такой труд существовал у того или иного племени, но никак не более. Такой вывод напрашивался бы даже в том случае, если бы все приведенные автором данные оказались бы достоверными. Но, к сожалению, это далеко не так.

Применяемый Н. А. Бутиновым метод, состоящий в том, что из многообразия сведений, имеющихся о той или иной общине, берется лишь одно, которое в дальнейшем

⁹ K. E. Rea d, The political system of Ngarawapum, «Oceania», vol. XX, № 3, 1950, p. 196—197, 203.

рассматривается в отрыве от всех остальных, порочен даже в том случае, если все приводимые единичные факты сами по себе совершенно достоверны. Но дело еще больше усложняется, когда имеющиеся данные о том или ином объекте противоречивы. В таком случае исследователь, пользующийся характеризуемым методом, обычно выбирает такие сведения, которые его привлекают — в один момент одни, в другой — другие, умалчивая об остальных.

Наглядное представление о том, к чему это ведет, можно получить, ознакомившись, например, с тем, что сообщает Н. А. Бутинов о тробрианцах. «Огород у тробрианцев,— читаем мы на стр. 87,— обрабатывается следующим образом. Все мужчины идут в лес, рубят деревья и кустарники. Затем участок делится на доли по семьям. Сжигание деревьев производит каждая семья на своем участке самостоятельно... Затем вся община работает по одному дню на каждом из семейных участков: возводит забор, производит посадку». Казалось бы все ясно. Но шестью страницами раньше автор категорически утверждал, что «среди тробрианцев труд тамгогула встречается лишь на огородах, принадлежащих вождю или предназначенных для проведения праздников и обрядов (стр. 81)». А на странице 132 мы узнаем, что на о-вах Тробриан «на огороде семья работает самостоятельно и справляется со всем, включая расчистку участка. Только на огородах, принадлежащих вождю, применяется общинный труд (тамгогула)». И этот пример, к сожалению, не единичен.

Не отказывается Н. А. Бутинов и от использования для доказательства своих положений в числе прочих и от такого приема, как приведение со ссылкой на труды тех или иных этнографов таких сведений, которые в действительности в этих трудах отсутствуют. Так, ссылаясь на работу Меггита «Энга гор Новой Гвинеи», автор уверяет, что у этого племени «все члены общины участвуют в расчистке и обработке нового огорода» (стр. 84). Однако Меггит не только нигде не говорит об участии всех членов общины в расчистке нового огорода, но, наоборот, специально подчеркивает, что «каждая огородная ячейка или элементарная семья трудится самостоятельно и по своему»¹⁰, что в случае нужды в дополнительном труде глава семьи может совершенно уверенно рассчитывать на братьев, сестер и взрослых детей и с меньшей уверенностью на членов субклана, а также на родственников и родственников по матери¹¹. О возможной помощи со стороны всех членов клана он даже не упоминает. Среди племен, у которых существовал совместный труд всех членов общины, Бутинов упоминает нарегу со ссылкой на работу Браун и Брукфильд «Страна и общество чимбу». И в этом случае в самой работе об участии всех членов общины в расчистке участка не говорится ни слова. Основной группой, в пределах которой практикуется взаимная помощь при обработке земли, является, по мнению Браун и Брукфильда, не только не клан, рассматриваемый Н. А. Бутиновым как община, но даже и не субклан, а подразделение субклана¹². Чувствуя непрочность своей позиции, Н. А. Бутинов в абзаце, посвященном нарегу, говорит лишь об участии в расчистке участка группы в 20 семей, не характеризуя прямо их работу как совместный труд всех членов общины. Такая характеристика дается лишь в самом начале подборки примеров и самом конце, где автор уверяет, что им «приведены только те случаи, в которых несомненно участие в труде всех членов общины» (стр. 87). Тем же приемом он пользуется и при изложении данных о вогео, кутубу, куман (стр. 84—85).

Так обстоит дело с совместным трудом всех членов общины. Автор не только не доказал тезиса о его ведущей роли в жизни «родовых» общин, но не смог доказать даже того, что этот вид труда вообще существовал хотя бы в значительной части тех общин, которые охарактеризованы как родовые. Тем самым вся его концепция первобытности лишается фактической основы: ведь именно из совместного труда всех членов общины он выводит все остальные существующие в родовой общине отношения и прежде всего отношения собственности. Но самое, пожалуй, главное в том, что даже, если бы Н. А. Бутинов сумел доказать существование и ведущую роль труда всех членов общины, то и это мало бы приблизило его к пониманию сущности папуаского общества.

Действительно, вот его основные положения по этому вопросу. «Родовой общине,— пишет он,— свойственно наличие в хозяйстве таких жизненно важных функций, выполнение которых требует совместного труда всех ее членов (расчистка участка в лесу, обнесение его забором, охота на дикую свинью, некоторые способы ловли рыбы, постройка мужского дома, большой лодки). Соответственно этому существует общинная собственность на результаты совместной трудовой деятельности членов общины: огород, дичь, рыбу, мужской дом, большую лодку, большие сети» (стр. 118—119. Разрядка моя.— Ю. С.). Таким образом, существование общинной собственности Н. А. Бутинов выводит из совместного труда всех членов общины. Если встать на его точку зрения, то нужно признать, что там, где мы находим совместный труд, мы должны найти и коллективную собственность на его результаты. Спрашивается, как же объяснить, что у тробрианцев плоды совместного труда всех членов общины достаются не работникам, а вождю? Уже из этого ясно, что наличие или отсутствие совместного

¹⁰ М. J. Meggit, Указ. раб., стр. 305.

¹¹ Там же, стр. 310.

¹² P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 62—64.

труда само по себе ничего не дает, для объяснения существующих отношений собственности.

Поэтому все рассуждения Н. А. Бутинова о собственности в папуасской общине носят схоластический характер. Он без конца говорит об общинной собственности, приводит подборку данных о ней, построенную по тому же принципу и имеющую такую же научную ценность, что и рассмотренная выше подборка данных о совместном труде, однако понять, что собой представляет общинная собственность из его книги невозможно. Возьмем к примеру его утверждение, что совместная расчистка участка в лесу обуславливает общинную собственность на результат этой деятельности — огород. В чем же конкретно проявляется эта общинная собственность, если «в дальнейшем участок делится на семейные огороды, и каждая семья самостоятельно или с помощью ближайших родственников производит посадку, прополку, охраняет урожай и собирает его» (стр. 7) и если этот собранный «урожай принадлежит семье» (стр. 98).

Оборотной стороной собственности на средства производства являются отношения распределения и способы распределения. Можно было бы ожидать, что анализ отношений распределения прольет свет на отношения собственности на средства производства в общине папуасов. Но нас ожидает разочарование.

Н. А. Бутинов на каждом шагу повторяет, что существенным признаком папуасской общины вообще, родовой в особенности, является «коллективное распределение и потребление». Но вот дело доходит до фактов. И мы узнаем лишь, что у киваи распределение дичи является принудительным, что есть примеры, когда человека наказывали, если он, убив свинью, не поделился с другими, что у арапеш и мундугумор охотник, добыв дичь, должен отдать мясо другим и что в «племени сиане урожай, стоящий на корню, принадлежит владельцу огорода, но когда собран и принесен в деревню, он уже принадлежит общине в целом» (стр. 117). И это фактически все, что мы узнаем из книги Н. А. Бутинова о «коллективном распределении и потреблении» у папуасов.

Из всех сообщений лишь последнее относится к основной отрасли хозяйства папуасов — земледелию. Но о тех же самых сиане пятью страницами ранее сообщалось, что у них «мужчина владеет земельными участками, его жена их обрабатывает, ей принадлежит урожай» (стр. 112). А на странице 116, предшествующей той, где говорится о принадлежности урожая у сиане всей общине, утверждалось, что у папуасов семья «имеет хижину, очаг, утварь, огород, участок на общем огороде, свиней, саговые и кокосовые пальмы. Семья потребляет 90% урожая со своих огородов и лишь 10% отдает на нужды общины (на празднества, обряды, плату за невесту для другого общинника и т. п.)».

Вообще папуасское общество, каким встает оно перед нами со страниц книги Н. А. Бутинова, совсем не похоже на то, каким оно предстает в общих декларациях автора. В этом обществе или совсем нет совместного труда всех членов общины или он играет незначительную роль, нет в нем по существу и общинной собственности, фактически отсутствует и коллективное распределение и потребление. Как родовая, так и гетерогенная община предстают перед нами как объединения малых семей, каждая из которых владеет определенным числом участков земли, в значительной степени самостоятельно ведет хозяйство, полностью распоряжается урожаем. В том случае, когда семья не может самостоятельно справиться с тем или иным делом, она либо на время объединяется с другими семьями, когда все они в равной степени заинтересованы в решении этой задачи, либо просто привлекает к себе на помощь тех или иных людей. Отношения между хозяевами и помощниками выступают в примерах, приводимых автором, как строящиеся чуть ли не на коммерческих началах.

Вот, например, картина, которая должна, по мысли автора, дать нам представление ни о чем ином, как о совместном труде всех членов родовой общины, том самом, из которого вытекает общинная собственность и вообще коллективистические отношения, характерные для эпохи расцвета первобытного коммунизма: «Расчистка и обработка нового огорода превышают силы одной семьи и обычно предпринимаются всей группой. Владелец огорода должен вознаградить помощников — он либо помогает им взаимно, либо дает их женам участки для выращивания сладкого картофеля. Однако большая часть огорода остается в его владении, его жена производит посадку и собирает урожай» (стр. 85). И как бы ни призывал Н. А. Бутинов не принимать папуасскую семью за основную экономическую ячейку и даже вообще за экономическую ячейку (стр. 9, 145), она во всей его книге, независимо от его желаний, выступает именно как таковая.

Какая же из двух резко отличных картин папуасского общества верна: та, которую мы находим в декларациях автора, или же та, которая вырисовывается из приводимых в его книге материалов? Ни та и ни другая, обе неверны.

Социально-экономические отношения в обществе папуасов гораздо сложнее, чем они представляются Н. А. Бутинову. Их невозможно понять, если не обратить внимание на существующую у папуасов и имеющую по существу всеобъемлющий характер, очень своеобразную систему обмена. Эта форма обмена качественно отличается от товарообмена и может существовать как в отсутствии последнего, так и рядом с ним.

В трудах зарубежных этнографов, описывающих эту форму обмена, обмениваемый предмет чаще всего именуется даром, а сам обмен нередко называется обменом

даров. Так как в советской литературе никакого вообще термина для обозначения этой формы обмена не существует, а нужда в нем имеется, то мы будем называть его впредь дарообменом.

Роль дарообмена во всех без исключения обществах Новой Гвинеи столь огромна, что по существу нет ни одной сколько-нибудь крупной работы о папуасах, в которой ему не уделялось бы внимания¹³. Однако в книге Н. А. Бутинова места ему среди социально-экономических отношений папуасского общества не нашлось. И это объяснимо.

Дарообмен имеет двойственную природу: с одной стороны, в нем находит свое выражение факт существования коллективной собственности. С другой стороны, с развитием дарообмена необходимо связано возникновение имущественного, а затем и социального расслоения, выделение, с одной стороны, богатых и соответственно влиятельных людей, а с другой стороны, людей сравнительно бедных и маловлиятельных.

Н. А. Бутинов, если и говорит об имущественном неравенстве, то очень бегло и только в отношении племен с гетерогенной общиной. Однако имущественное и социальное неравенство (и по новогвинейским масштабам весьма значительное) почти повсеместно существовало и у племен с родовой общиной, что дало В. Р. Кабо основание для вывода о том, что не часть папуасов, а все они в целом «переживают переходную эпоху — историческую эпоху перехода от доклассового к классовому обществу»¹⁴. В качестве примера можно указать хотя бы на энга, главным богатством у которых, как и у многих других племен, были свиньи. Мы встречаем среди энга мужчин, которые не имели ни одной свиньи и которых соответственно презрительно именовали «рвань-людьми» (*rubbish-men*), и мужчин, владевших 8, 9, 10 и даже 15 свиньями и считавшихся «большими людьми» (*big men*)¹⁵.

Об этом и множестве подобных фактов, относящихся к племенам, находящимся, по мнению Н. А. Бутинова, на стадии расцвета первобытнообщинных отношений, в книге старательно умалчивается. Не получил соответствия в ней освещения и институт «больших людей», являвшийся, как подчеркивают почти все этнографы, занимавшиеся полевыми исследованиями в Новой Гвинее, одной из самых характерных черт папуасского общества. «Большие люди» упоминаются им лишь при описании родовой общины нгаравапум, причем так, что создается превратное представление. «Большую роль в деле укрепления единства общины,— пишет Н. А. Бутинов,— играют „большие люди“ (*garam tzigra*). Это, как правило, пожилые мужчины, которые охотно помогают другим, знают магические средства, древние предания» (стр. 126). Однако, как убедительно показывает Рид, на которого ссылается Н. А. Бутинов, даже у нгаравапум, у которых процесс имущественного расслоения только еще начался, одним из важнейших факторов, обеспечивающих человеку влияние, было богатство. Приведа целый ряд примеров, свидетельствующих об этом, Рид заключает: «Дорога к влиянию, таким образом, ведет через огороды. Лидерство достигается через накопление и раздачу богатств в форме пищи и в прежние времена через военную доблесть»¹⁶.

Свидетельства других авторов еще более определены. Идет ли речь о энга, кайяка, куман, джате, камано, усуруфа, форе, капауку (мы намеренно ограничиваемся лишь племенами с «родовой общиной»), авторы единодушно подчеркивают, что «большие люди» обязаны своим положением в обществе прежде всего богатству, заключающемуся в свиньях, больших огородах, особого рода ценностях, в частности раковинах, украшениях и т. д.¹⁷.

¹³ См. M. Mead, *The arapesh of New Guinea*. In: «Competition and cooperation among primitive peoples», New York and London, 1937, p. 29—34; H. I. Hogbin, *Tillage and collection*, «Oceania», vol. IX, № 3, 1939, p. 289—301; A. L. Gitlow, Указ. раб., стр. 52—70; J. Nilles, *The Kuman of the Chimbu region, Central Highlands, New Guinea*, «Oceania», vol. XXI, № 1, 1950, p. 40—48; A. P. Elkin, *Delayed exchange in Wabag sub-district, Central Highlands of New Guinea*, «Oceania», vol. XXIII, № 3, 1953; M. J. Meggit, *Enga political organisation*, «Mankind», vol. 5, № 4, 1957, p. 136—138; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, Yale, 1958, p. 47—57, 77—88; P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 46—54; K. E. Read, *Leadership and consensus in a New Guinea society*, «American anthropologist», vol. 61, № 3, 1959, p. 428—429; R. Bulmer, *Political aspects of the Moka ceremonial exchange system among Kyaka, people of the Western Highlands of New Guinea*, «Oceania», vol. XXXI, № 1, 1960 и др.

¹⁴ В. Р. Кабо, *Становление классового общества у народов Океании*, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 68.

¹⁵ M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, p. 287.

¹⁶ K. E. Read, *The political system of Ngarawapum*, p. 216. См.: его же, *Social organisation in the Markham Valley*, «Oceania», vol. XVII, № 2, 1946, p. 112—113.

¹⁷ См. J. Nilles, Указ. раб., стр. 40; W. H. Goodenough, *Ethnographic notes on the Mae people*, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 9, № 1, 1953, p. 35; M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, стр. 287; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, стр. 57, 80; R. Bulmer, Указ. раб., стр. 57, 80; R. M. Berndt, *Excess and restraint*, Chicago, 1962, p. 174—175 и др.

Именно богатство позволяет «большим людям» распространить свое влияние на более или менее значительное число людей, поставить часть из них в такие отношения зависимости, которые имеют тенденцию перерасти в отношения эксплуатации. Появление зародышевых форм эксплуатации можно наблюдать у капауку, каяка, энга и других племен¹⁸. Что же касается папуасов Хаген, то у них зафиксировано существование особого слоя людей, которые не имели ни земли, ни, как правило, семьи и были вынуждены работать за пищу в хозяйствах вождей¹⁹.

Естественно, что эти и другие сходные с ними факты в рецензируемой книге даже не упоминаются. Ничего в ней не сказано ни о погоне за богатством и престижем, ни о соперничестве как между «большими людьми», так и между теми, кто еще только стремится достигнуть такого положения в обществе. В книге, специально посвященной общественному строю папуасов, почти ничего не говорится о частых конфликтах и стычках внутри папуасских общин, связанных с такими, также замалчиваемыми явлениями, как воровство, нарушение границ земельных участков, преднамеренные и непреднамеренные убийства, нарушения супружеской верности со стороны женщины и т. п.²⁰. Не раскрывается соответственно в ней и механизм улаживания этих конфликтов, получивший детальное освещение во многих работах полевых этнографов. Ничего мы не узнаем о формировании норм обычного права, появлении разнообразных способов возмещения ущерба пострадавшей стороне и, в частности, возникновение «цены крови», т. е. улаживания конфликта путем передачи убийцей определенного количества ценных предметов родственникам убитого и т. п.²¹.

Не нашлось в книге Н. А. Бутинова места и анализу войн, которые вплоть до установления контроля колониальной администрации представляли собой обычное явление и сопровождалось убийствами, насилием, грабежами, сжиганием домов, уничтожением домашних животных, вытеснением посевов, вырубкой плодовых деревьев, а иногда и захватом земли и приводили в ряде случаев к уничтожению целых общин²². В отличие от реального папуасского общества в книге Н. А. Бутинова царят идиллические отношения как внутри, так и вне общины.

Упрощая отношения, существовавшие в папуасском обществе, автор в результате даже не может выделить являющуюся центром его внимания общину из числа других социальных образований; указать, в частности, на признаки, отличающую ее от части общины, с одной стороны, от объединения общин, с другой. «Найти общину,— пишет он,— нетрудно — чаще всего это жители одной деревни» (стр. 190—191). Однако из книги же мы узнаем, что деревня может состоять из кварталов, отделенных друг от друга лесом и столь далеко отстоящих, что «фактически это уже не кварталы деревни, а обособленные поселки» (стр. 38). Спрашивается, а почему эти поселки нельзя называть деревнями? Из-за небольших размеров? Но в книге упоминаются деревни с 2—3 хижинами и кварталы деревни с 12—13 хижинами. Может быть отличие в том, что поселок населяет не община, а лишь ее часть? Но пока нам известен лишь один признак, отличающий общину,— ее составляют жители одной деревни. И никакого выхода из этого порочного круга автор не указывает. Это открывает широкий простор для субъективизма в рассматриваемом вопросе. Положение еще более запутывается, когда мы узнаем, что в большой деревне может существовать не одна община, а несколько (стр. 76). По-видимому, с целью его упрощения Н. А. Бутинов категорически заявляет, что на Новой Гвинее выше общины могут существовать лишь союзы родов, которые носят племенной характер, не представляют в силу этого цельных социальных образований и ни в коем случае не могут быть названы племенами (стр. 198—199). Но как в таком случае быть с деревнями, включающими в свой состав несколько общин (стр. 76, 138—139), с белго упомянутым в книге племенем роро, члены которого занимали несколько деревень и возглавлялись одним вождем (стр. 140), с прочным и постоянным объединением пяти деревень нгаравапум, которое описывается в книге, но никак не характеризуется (стр. 122)? Никакого ответа на этот вопрос автор не дает. В своих теоретических построениях все эти факты он совершенно игнорирует. Между тем, существование у значительной части папуасов цельных социальных образований, включающих в свой состав несколько общин, является совершенно твердо установ-

¹⁸ M. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, стр. 295; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, стр. 44, 119; R. Bulmer, *Указ. раб.*, стр. 8—9.

¹⁹ A. L. Gitlow, *Указ. раб.*, стр. 35—37, 104.

²⁰ См. P. M. Kaberry, *Law and political organisation in the Abelam tribe, New Guinea*, «*Oceania*», vol. XII, № 4, 1942, p. 346; J. Nilles, *Указ. раб.*, стр. 39—40; K. E. Read, *The political system of Ngarawapum*, p. 210—216; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, стр. 145—276; P. Brown and H. C. Brookfield, *Указ. раб.*, стр. 40—43; R. M. Berndt, *Указ. раб.*, стр. 291—370 и др.

²¹ См. там же.

²² См. K. E. Read, *Cultures of Central Highlands, New Guinea*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», vol. 10, № 1, 1954, p. 5—6, 22—23; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, p. 88—93; D'Arcy Ryan, *Clan formation in the Mendi Valley*, «*Oceania*», vol. XXIX, № 4, 1959, p. 268; P. Brown and H. C. Brookfield, *Указ. раб.*, стр. 40—43; P. Brown, *Chimbu tribes*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», vol. 16, № 1, 1960, p. 27—28; R. M. Berndt, *Указ. раб.*, стр. 232—269 и др.

ленным фактом. Прочные и постоянные объединения деревенских общин были обнаружены, в частности, у папуасов долины р. Маркхема, капауку, гахуку-гама²³.

Не сумев ни выделить папуасской общины, ни воспроизвести существовавшие в ней отношения Н. А. Бутинов не смог дать и научной классификации общин.

В свете всего сказанного выше проводимое Бутиновым различие между подавляющим большинством племен, находившимся на стадии расцвета первобытнообщинного строя, и меньшинством, вступившим на путь разложения этого строя, теряет всякий смысл. Многие, если не подавляющее большинство племен с родовой общиной могут быть отнесены к стадии разложения первобытнообщинного строя ни чуть не с меньшим правом, чем племена с гетерогенной общиной. Неудивительно поэтому, что Н. А. Бутинов по существу не может дать критерия, который позволил бы отличить родовую общину от гетерогенной. Как мы уже видели, совместный труд всех членов общины присущ «родовой» общине не в большей степени, чем гетерогенной. Не меняет положения и утверждение автора, что в «гетерогенной» общине ведущее значение приобретает труд «большой семьи» (стр. 118), ибо о самой этой «большой семье» из его книги мы равным счетом ничего не узнаем. Забывая об этом своем положении, Н. А. Бутинов везде, где заходит речь о племенах с гетерогенной общиной, описывает лишь малую семью. «Подобно тому как папуасская деревня состоит из хижин,— читаем мы в начале главы, следующей за той, где описывалась гетерогенная община,— община (родовая, гетерогенная, соседская) состоит из семей, живущих в этих хижинах. Семья включает мужа, жену и их потомство» (стр. 145). О большой семье здесь нет и речи.

Наконец, как на важное различие между родовой и гетерогенной общинами Н. А. Бутинов указывает на то, что в первой все мужчины принадлежат к одному роду, а во второй — к нескольким (отсюда и названия — родовая и гетерогенная). Но буквально тут же в качестве примера классической, типичной «родовой» общины он приводит общину нгаравапум, в которой мужчины принадлежали не к одному роду, а к нескольким, т. е. общину по данному признаку являвшуюся не родовой, а гетерогенной²⁴. А с другой стороны, в общине капауку, в которой мужчины принадлежали к одному роду и которая по этому признаку должна быть отнесена к «родовым», мы наблюдаем появление заимодавцев и должников, зарождение процента, погоню за богатством и престижем, появление первых форм эксплуатации²⁵.

Объем рецензии вынуждает нас оставить без рассмотрения целый ряд разделов книги Н. А. Бутинова, которые написаны совершенно в том же духе, что и рассмотренные. Остановимся в заключении лишь на причинах постигшей автора рецензируемой работы неудачи. Их немало, но главная из них, на наш взгляд, состоит в том, что автор не понял, что собственно представляют собой производственные, социально-экономические отношения, составляющие базис любого общества, и соответственно оказался не в состоянии их найти, выделить из массы общественных отношений. А не сумев выделить базис общества, он не смог понять и его надстройки.

С этой причиной неразрывно связана и другая, а именно, некритическое восприятие им господствующей в современной зарубежной этнографии концепции первобытности, нашедшей свое наиболее четкое выражение в уже упоминавшейся книге Дж. Мердока «Социальная структура». Н. А. Бутинов принимает и положение об извечности индивидуального брака и малой семьи и соответственно об отсутствии в далеком прошлом человечества группового брака и промискуитета, и положение о том, что род никогда не был и не мог быть основной социальной ячейкой, и тезис о принципиальном равноправии материнского и отцовского рода²⁶. Однако в то же время он не желает принимать делаемого зарубежными учеными на этой основе вывода о том, что первобытного коммунизма в прошлом человечества не существовало. Более того, он пытается уверить и себя и других, что данная концепция вполне согласуется со взглядом на первобытное общество как на базирующееся на коллективистических отношениях. Такая цель стояла перед ним и при написании рецензируемой книги. Стремление во что бы то ни стало представить общество подавляющего большинства папуасских племен, как подлинно коллективистическое, первобытнокоммунистическое (в то время как в действительности они уже находились на различных ступенях разложения этого строя) толкнуло его на путь затушевывания тех сторон жизни папуасского общества, которые явно не вязались с его характеристикой как первобытнообщинного эпохи расцвета. Результат оказался печальным. Общество папуасов, как оно предстает в книге Н. А. Бутинова, одинаково далеко и от первобытного коммунизма и от реальной действительности.

²³ K. E. Read, Social organisation in Markham Valley, p. 93, 98; его же, Cultures of Central Highlands, p. 36—41; L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law p. 15, 63—68, 76.

²⁴ K. E. Read, The political system of Narawapum, p. 193—204.

²⁵ L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law, стр. 15—17, 77—88, 129—131.

²⁶ См. рецензируемую работу, стр. 6—8, 71—72, 151—152, 161—162, а также работы того же автора: Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинее, «Труды Ин-та этнографии», т. 80, М.—Л., 1962, стр. 180—182; Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты), сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.

И. А. Крывелев, *Происхождение религии*. М., 1968.

В нашей научной и научно-популярной литературе о происхождении религии некоторые вопросы остаются до сих пор еще недостаточно освещенными и их решение вызывает споры среди советских ученых. Можно указать в этой связи на вопрос о первоначальной и вообще ранних формах религиозных представлений и верований, на разногласия по поводу религиозного или «светского» значения ряда первобытных археологических памятников и т. д. По некоторым из этих вопросов мы находим интересные соображения в вышедшей недавно брошюре И. А. Крывелева «Происхождение религии». Коснемся первого из них.

В вопросе о первоначальной форме религиозных верований автор стоит на точке зрения, близкой к той, которую развивает в советской научной литературе Ю. П. Францев: он считает такой формой фетишизм. В ходе изложения автор дает довольно подробную характеристику этого понятия, причем подчеркивает, что первобытный фетишизм несравненно проще, элементарней, чем те фетишистские представления, которые фигурируют в качестве компонентов сложных и разветвленных систем позднейших магических религий.

Первобытный фетишизм, считает И. А. Крывелев, не связан ни с анимизмом, ни с антропоморфизмом или антрополатризмом в полном смысле этого слова. В фетишизме на начальной стадии его развития еще нет ни сложившихся оформлений религиозных верований, ни системы обрядово-культовых действий. Отношение почитания, а тем более обоготворения фетиша тоже возникает лишь в ходе последующего длительного развития. Первобытный же фетишизм характеризуется лишь тем, что предметам приписываются наряду с естественными и чувственно воспринимаемыми свойствами также и свойства, не воспринимаемые органами чувств, так что вещь оказывается в воображении человека, по выражению Маркса, «чувственно-сверхчувственной».

Автор ставит вопрос: можно ли считать такое отношение первобытного человека к фетишизируемым им предметам религиозным? И отвечает на него положительно: «Поскольку фетишист начальной стадии уже усматривает в предметах, которые мы называем его фетишами, свойства, принципиально отличные от эмпирически воспринимаемых им свойств обычных предметов, он наделяет эти предметы сверхъестественными свойствами. А это означает начало религии» (стр. 21). Такое решение вопроса автор подкрепляет соображением о том, что первобытно-фетишистские представления фактически немедленно после своего возникновения выливаются в магические действия. Фетишистское отношение к предмету выражается у первобытного человека одновременно и в сознании, и в поведении; поэтому мы находим здесь зародыши и религиозной мифологии, и культа.

В дальнейшем под влиянием прогресса и усложнения всех условий общественного бытия, а также логики своего внутреннего развития первобытный фетишизм приобретает новое качество: «если на первом этапе его развития сверхъестественными свойствами наделялся сам предмет, то теперь воображению фетишиста начинает все более определенно чудиться заложенный в этом предмете невидимый двойник, который и является носителем сверхъестественных свойств» (стр. 22). Фетишизм становится дуалистическим. Здесь концепция автора противопоставляется им анимистической теории Тэйлора и Спенсера, не только долгое время безраздельно господствовавшей в нашей литературе, но и теперь фактически разделяемой некоторыми исследователями¹.

С точки зрения анимистической теории религия начинается тогда, когда у человека возникает вера в существование душ у различных предметов видимого мира, в том числе и самого человека. В первобытном воображении происходит, таким образом, раздвоение мира, его разделение на материальное и духовное начала; души, освобождающиеся под влиянием тех или иных причин от непосредственной связи со своим телом, превращаются в духов, ведущих самостоятельное существование, а в дальнейшем духи превращаются в богов.

Автор подвергает эту концепцию критике. С его точки зрения, религиозное удвоение мира заключается в дуализме не материального и духовного, а естественного и сверхъестественного начал. Именно в этом он усматривает один из основных элементов отличия религии от философского идеализма. Действительно, в религиозных представлениях, а тем более в соответствующих верованиях первобытного человека невидимый двойник чувственно воспринимаемого предмета вовсе не является бесплотным духом, платоновской идеей; «здесь фигурирует представление не о душе, а о невидимом двойнике видимого предмета, менее телесном, чем этот предмет, но не лишенном свойств телесности» (стр. 23). Если это справедливо даже в отношении некоторых развитых религий, то тем более должно быть справедливо в отношении первобытного религиозного сознания, еще не способного «возвыситься до таких степеней абстракции, которые позволяли бы сконструировать понятие бесплотного духа» (там же).

¹ См., например, А. Д. Сухов, *Философские проблемы происхождения религии*, М., 1967.

Как известно, основоположник анимистической теории Тэйлор отождествлял анимизм со спиритуализмом, хотя приведенный им же самим обильный фактический материал опровергает такое отождествление: как правило, все те души, на представления о которых ссылается Тэйлор, обладают достаточно ярко выраженными свойствами телесности, даже весом. Игнорирование этого обстоятельства Тэйлором связано с его взглядом на первобытного человека как на «философствующего дикаря». И. А. Кривелев рассматривает данную форму верований не как анимистическую, а как фетишистско-дуалистическую. Именно этот дуалистический фетишизм он считает второй стадией развития фетишизма в целом.

Развитие и усложнение представлений о невидимых двойниках видимых вещей открывает перед фантазией огромные возможности религиозно-мифологического творчества. Невидимый двойник не связан условиями локализации в данном пространстве. Между такими двойниками могут возникать сложные взаимоотношения вплоть до взаимного перехода друг в друга. Возникают представления об оборотничестве, о всеобщей превращаемости. В этих условиях становится гносеологически возможным возникновение тотемизма. Человек, и раньше не выделявший себя из природы, в условиях родового строя получает социальное подтверждение и даже обоснование представлений о своей однопорядковости и родственности с животными.

Дуалистический фетишизм в соответствующих социальных условиях порождает тотемизм, а затем зоолатрию и теротемизм. Но в процессе своего развития он находит, с точки зрения И. А. Кривелева, и параллельную линию, притом такую, которой в дальнейшем ходе истории религии предстоит играть значительно большую роль. С возникновением соответствующих социальных условий (особое значение, приобретенное старейшинами, возвышение главы рода) возникшее ранее религиозное отношение к покойникам постепенно переходит в культ предков.

Заселение сверхъестественного мира колоссальным количеством невидимых двойников реальных предметов и явлений, а также идущий заодно процесс их спиритуализации логически приводит к тому, что в воображении человека мир оказывается ареной жизни и деятельности огромного количества существ, наделенных сверхъестественными свойствами. В отличие от принятого для них в литературе наименования духов, И. А. Кривелев именует их «демонами». Он считает, что старый термин, пользующийся распространением в богословской и религиозноведческой литературе, вводит в заблуждение относительно природы обозначаемых им сверхъестественных существ, так как последние фигурируют в религиозном воображении не как бесплотные идеи, а как существа особой, «эфемерной» телесности, но не лишенные телесности вообще.

Таким образом, то содержание, которое обычно вкладывается в понятие анимизма, автор разлагает на две формы, представляющие собой разные стадии развития религиозного сознания: дуалистический фетишизм и демонизм. Стадию же демонизма он считает непосредственно соприкасающейся со стадией политеизма и переходящей в нее. Специфика демонизма (на наш взгляд, здесь лучше подошел бы термин «полидемонизм») может быть установлена лишь на основе выяснения того, чем отличается понятие «бога» от понятия «демона». Разбирая указываемые в литературе специфические признаки, автор приходит к выводу, что это отличие очень условно и что, следовательно, грань между понятиями демонизма и политеизма подвижна.

Итак, перед нами еще одна схема развития ранних форм религии. Она представляет собой серьезную и позитивную попытку преодоления несомненно устаревшей, но еще пользующейся распространением анимистической теории. Вместе с тем нельзя не пожалеть, что размеры брошюры в ряде случаев не позволили автору рассмотреть поднятые вопросы во всем их объеме и, главное, надлежащим образом обосновать выдвинутые положения фактическим материалом. Поэтому следует пожелать, чтобы предположенная И. А. Кривелевым интересная концепция получила дальнейшую фундированную разработку.

В заключение укажем на один ляпсус, содержащийся в сноске на стр. 8: вместо нижнего и верхнего палеолита там говорится соответственно о палеолите и неолите. Это недоразумение тем более досадно, что в самом тексте этой страницы соотношение рассматриваемых понятий освещается правильно.

А. И. Першиц

Археолого-этнографический сборник, т. II. «Научные труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР». Грозный, 1968, 321 стр.

Прежде чем начать рассмотрение данного тома, напомним, что у него был предшественник — «Археолого-этнографический сборник», вышедший в 1966 г.¹ Этот сборник был встречен научной общественностью с большим одобрением, так как им началась систематическая публикация новых исследований по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. В нем, как и в рецензируемом сборнике, преобладали статьи по археологии, что отражает в какой-то степени соотношение изученности Чечено-Ингушетии этнографами и археологами. Северо-Кавказская археологическая экспедиция, работающая уже много лет, собрала обильные материалы по археологии республики, тогда как систематические этнографические исследования начаты недавно. В обоих сборниках есть также и фольклорные, и «чисто» исторические статьи. Мы рассмотрим прежде всего этнографические работы рецензируемого издания.

Сборник делится на три раздела: «Статьи», «Материалы», «Критика и библиография». В первом разделе внимание этнографов привлекают статьи М. Х. Багаева «Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII—XIV вв.)» и Н. Г. Волковой «Динамика численности вейнахских народов до XX века». Основанные преимущественно на археологических (у Багаева) и исторических (у Волковой) материалах, эти статьи посвящены важной этнографической проблеме: этническим процессам на территории Чечено-Ингушетии в период с конца раннего средневековья до XX в. Тематически статьи Багаева и Волковой тесно связаны: в первой рассматривается состав населения равнинной части современной Чечено-Ингушетии накануне одного из крупнейших переселений вейнахов с гор, а во второй — динамика численности вейнахов с XVII до XX в. Авторы помимо археологических и исторических источников умело используют обширные этнографические и лингвистические материалы.

М. Х. Багаев, на наш взгляд, в целом правильно характеризует этническую историю края. Он утверждает, что в позднем средневековье вейнахи переселялись на плоскость, где жили народы другого этнического состава. Дальнейшие исследования, возможно, выявят дополнительные аргументы в пользу этого положения.

Однако некоторые высказывания автора вызывают недоумение. Так, указывая на связь процесса переселения горских племен на плоскость с историческими событиями, он пишет: «Усиление кочевых народов алан (монголо-татар, кабардинцев) приостанавливал или сводил на нет этот процесс». Оставим без внимания грамматические неполадки предложения. Но почему монголо-татары и кабардинцы попали в состав алан? И почему аланы и кабардинцы фигурируют в качестве «кочевых народов»?

Статья Н. Г. Волковой вводит в научный оборот малоизвестные архивные материалы, такие, например, как рукопись Д. А. Милютина «Материалы по истории Кавказа. Чечня»², а также многочисленные разрозненные документы из публикаций XIX в. Тщательный анализ источников позволил Н. Г. Волковой проследить постепенное изменение численности вейнахских народов. В конце статьи приводятся две сводные таблицы о динамике численности вейнахских народов в 1830—1850-х гг. и в 1897—1912 гг.

В разделе «Материалы» этнограф заинтересует статья И. М. Саидова «Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей». Заслугой автора является уже сам факт обращения к сложной теме социальных отношений в Чечено-Ингушетии, привлечение внимания к ряду нерешенных или спорных вопросов. Разумеется, решить эти вопросы и даже только осветить их в небольшой статье трудно, да автор и не ставит перед собой такой задачи (стр. 263). Он лишь пытается выявить характер классовых отношений у чеченцев и ингушей в прошлом. И. М. Саидов широко привлекает литературные источники и данные своих полевых исследований, но анализирует материалы, на наш взгляд, не всегда глубоко. Некоторые вопросы он решает оригинально и правильно, например, о «лаях» — «рабах» и их взаимоотношениях с «озда-нах» — «свободными людьми» (лаи из с. Цикарой, озда-нах — из с. Макажой), другие же — освещены менее удачно. В работе есть спорные, слабо аргументированные положения. Этим и объясняется редакционное примечание к статье, призывающее специалистов выступить по затронутой И. М. Саидовым тематике. В примечании, в частности, оговорена недостаточная обоснованность положения о существовании княжеского сословия в горах.

Статья И. М. Саидова имеет несомненно большую научную ценность. Приведенный в ней материал открывает дорогу для дальнейшей разработки проблемы общественного строя вейнахов. Среди будущих исследователей этой проблемы хочется видеть и И. М. Саидова.

¹ «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР», т. VII, вып. 1—История, Грозный, 1966 (далее — «Археолого-этнографический сборник», 1966).

² Рукописный фонд Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 169, к. 81, д. 7.

В разделе «Материалы» этнографической является и статья Н. П. Гриценко «Современники середины XIX в. о Чечне и чеченцах». Используя литературные источники XIX в., автор приводит малоизвестные этнографические сведения о жизни и быте чеченцев, их хозяйстве, торговле, поселениях, жилищах, одежде и пище. В статье содержатся интересные материалы и о семейном быте чеченцев. Н. П. Гриценко отмечает добродетельное в целом отношение русских авторов к чеченцам. Воспоминания, записки и статьи русских авторов, написанные в разгар Кавказской войны, рисуют горцев трудолюбивыми, наделенными природным умом и смекалкой.

Две статьи сборника посвящены фольклору. Это работы Я. С. Вагапова «Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях» и Е. И. Крупнова «Несколько ингушских народных сказаний».

Я. С. Вагапов, тщательно анализируя эпические чеченские песни, приходит к выводу, что они «соответствуют тому типу эпоса, который советские ученые связывают с эпохой народной и государственной консолидации». Но автор не обнаруживает в песнях каких-либо свидетельств государственного объединения чеченцев, наличия у них могущественных князей периода развитого феодализма (хотя имущественное расслоение выражено достаточно четко). Он высказывает предположение, что «развитие государственности и форм личной зависимости бедного от богатого» шло здесь медленнее, чем развитие «сознания общенародного единства всех чеченцев». Это, как показывает приведенный в статье конкретный фольклорный материал, — период раннего феодализма.

Е. И. Крупнов публикует четыре ингушских сказания, которые могут быть использованы как источник и фольклористами, и этнографами, а возможно, и археологами (автор в предшествующем «Археолого-этнографическом сборнике» дал образец археологического анализа предметов материальной культуры, упомянутых в нарских сказаниях)³.

Статья В. Б. Виноградова «Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев (по материалам Центрального и Северо-восточного Кавказа сарматской эпохи)» представляет большой научный интерес. Автор анализирует многочисленные свидетельства о наличии египетских предметов у народов Кавказа и убедительно показывает связь духовной культуры населения Древнего Египта и Северного Кавказа. Общность религиозных воззрений египтян и жителей Северного Кавказа в сарматскую эпоху обусловила восприятие последними ряда египетских амулетов. Не совсем удачно, на наш взгляд, в группе «Части человеческого тела» объединены предметы, в сущности весьма различные по своей символике, подчас больше связанные с амулетами из других групп. Например, фаллические предметы оказались в одной группе с несущими иную символическую нагрузку амулетами с изображениями глаза или руки и в разных группах с фигурками лягушки — символа плодородия. Однако это замечание ничуть не умаляет значения исследования В. Б. Виноградова.

Н. А. Тавакелян в работе «О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России», помещенной в разделе «Статьи», приводит новые архивные документы, опровергающие точку зрения дореволюционных и некоторых современных буржуазных историков о якобы извечной вражде чеченцев и русских. Выводы автора хорошо аргументированы и достаточно убедительны.

Рецензируемый сборник содержит пять археологических статей: В. И. Козенковой «Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии», Р. М. Мунчаева «Раскопки Бамутских курганов в 1965 году», В. Б. Виноградова и В. И. Марковина «Могилиник „Ямаи-Су“ на границе Чечни и Дагестана», В. Б. Виноградова «Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.» и С. Ц. Умарова «Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии» (первая помещена в разделе «Статьи», остальные в разделе «Материалы»). Не будучи специалистом в области археологии, я не берусь судить о содержании этих работ. Позволю себе лишь еще раз отметить высокую активность археологов в исследовании Чечено-Ингушетии. Сборник завершается рецензией М. Х. Багаева, В. А. Петренко и С. Ц. Умарова на книгу А. И. Шавхелишвили «Архитектурные памятники средневековья и исторические места, связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии» (Грозный, 1966 г.). Рецензия очень резкая, но справедливая, и автору, по нашему мнению, следует сделать для себя серьезные выводы⁴.

В заключение хочется приветствовать начавшуюся систематическую публикацию этнографических и археологических материалов по Чечено-Ингушетии и подчеркнуть важность ее для развития исторической науки на Кавказе. Большая тщательность редактирования и корректуры текста позволит в дальнейшем избежать погрешностей стиля, которых в рецензируемом сборнике еще немало. Следует улучшить и качество иллюстраций, без которых невозможна публикация археологических статей, а также этнографических работ по материальной культуре народов.

³ Е. И. Крупнов, Изучение нарского эпоса и археология, «Археолого-этнографический сборник», 1966, стр. 29—41.

⁴ Напомним, что в предыдущем сборнике была помещена не менее резкая рецензия на другую работу А. И. Шавхелишвили. См. В. Б. Виноградов, А. А. Саламов, Об одной попытке освещения грузино-вейнахских связей, «Археолого-этнографический сборник», 1966.

Традиционная материальная и духовная культура пятимиллионного татарского народа получила широкое освещение в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (редакторы Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов), подготовленной коллективом научных сотрудников Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР.

По количеству разнообразных сведений о культуре и быте различных групп татар эту монографию можно назвать энциклопедией татарской этнографии. Здесь и история формирования татарского народа, и подробная характеристика хозяйства и материальной культуры. В книге впервые публикуются обобщенные сведения об общественных и семейно-родственных отношениях, духовной культуре и народном творчестве татарского народа.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья, по численности занимающие пятое место среди народов Советского Союза, неоднородны по своему составу. Они подразделяются на две основные этнические группы: казанских татар и татар-мишарей. В их составе имеются более мелкие подразделения (кряшены, касимовские, нохратские и др. среди казанских татар; ульяновские, мордовские, темниковские и др. среди мишарей). Происхождение всех этих групп связано с длительной и сложной историей формирования татарского народа.

По этнографии татар существует большая литература, относящаяся как к дореволюционному периоду, так и к советскому времени. Однако большинство работ посвящено анализу материальной культуры. Вопросы же общественных и семейно-родственных отношений, богатой духовной культуры народа почти не освещались в этнографической литературе. Незученными оставались и многочисленные этнические группы татар.

Не было и сводной монографической работы, где подводился бы итог изучению всего того огромного фактического материала, который был накоплен по традиционной этнографии татарского народа.

В рецензируемом труде делается первая попытка охарактеризовать все стороны материального, социального и духовного быта основных групп татар Среднего Поволжья и Приуралья, проследить историю формирования различных элементов культуры на протяжении длительного исторического периода и показать изменение их в зависимости от социально-экономических условий.

Авторы выбрали при этом правильный путь: в основу изучения положена материальная и духовная культура ведущей группы татар — казанских. Особенности же остальных групп даны на этом сравнительном фоне. Основное внимание отводится показу наиболее характерных для той или иной этнографической группы черт культуры.

Раздел I («Общие сведения» состоит из трех глав: «История формирования татарского народа», «Краткий исторический обзор» и «Расселение и численность»), написанный Н. И. Воробьевым, содержит много впервые публикуемых сведений по демографии и расселению татарского народа. На наш взгляд, более целесообразно было бы начать раздел с краткого историографического обзора. В этом разделе, где дан подробный обзор основной литературы по этнографии татар, хотелось бы видеть такой же детальный обзор и основных этнографических источников. К сожалению, о них, так же как и о методике сбора этнографических сведений о татарах, автор не говорит ни слова. Нет также не только обзора, но даже и упоминания об этнографических экспедициях, о районах и маршрутах их работы и т. д.

Глава «История формирования татарского народа» в основном правильно трактует проблему происхождения татар Поволжья и Приуралья. Ценной является мысль о том, что «основными предками татар Среднего Поволжья и Приуралья явились многочисленные кочевые и полукочевые, в большинстве тюркоязычные племена, которые приблизительно с IV в. н. э. стали проникать с юга-востока и юга в лесостепную часть от Урала до верховьев р. Оки, постепенно ассимилируя здесь древних аборигенов» (стр. 9). Действительно, полученные в последние годы новые, преимущественно археологические и палеолингвистические материалы, так же как и некоторые этнографические наблюдения, заставляют значительно «удревнить» время появления в крае тюркоязычных предков татар. Вероятно, эта древняя тюркоязычная основа, многократно обогащавшаяся за счет новых включений, и составила тот фундамент, на котором возникли и развились отдельные группы татар Поволжья и Приуралья, в том числе и ведущие группы — казанские татары и татары-мишары.

После присоединения края к Русскому государству в 1552 г. земли бывшего Казанского ханства стали заселяться русскими. Царское правительство, проводя жесткую русификаторскую политику, оттесняло татар из мест их первоначального расселения. Татары уходили в глубинные районы Поволжья и Приуралья, где у них постепенно складывались тесные экономические и культурно-бытовые отношения с жившими там народами (преимущественно тюркоязычными). Так образовались некоторые позднейшие этнические группы татар: темяри на территории Башкирии и северо-востоке Татарской АССР, каргалинские татары вокруг Оренбурга и т. д.

К сожалению, в рассматриваемой главе происхождение татар-мишарей фактически отрывается от происхождения казанских татар. Если последние определяются как непосредственные потомки тюркоязычного населения Волжской Булгарии, то первые в большей степени увязываются с золотоордынскими татарами, якобы переселившимися в XIII—XIV вв. с низовьев Волги (стр. 11). Однако этот вывод, не подтвержден-

ный никакими материалами, может рассматриваться лишь в качестве одного из недоказанных предположений. Между прочим, это понимает и сам автор, который считает возможным выделить в этносе и культуре мишарей и более древние, домонгольские пласты. Действительно, значительная близость быта, культуры и языка казанских татар и мишарей заставляет считать, что она имеет гораздо более глубокие корни и скорее всего связана с общностью происхождения обеих групп. Наличие на территории расселения мишарей древнетюркских памятников, в том числе и булгарских поселений домонгольского времени, при отсутствии каких-либо фактических сведений (письменных, археологических и т. п.) о массовых переселениях золотоордынских татар на север позволяет считать, что в своей основе татары-мишари представляют значительно более древнее этническое образование. Показательно в связи с этим резкое различие антропологического типа татар-мишарей (европеоиды понтийского типа) и татар Золотой Орды (монголоиды центральноазиатского типа). К сожалению, при построении схемы происхождения татар авторы монографии почти совершенно не учитывали материалы по антропологии, языкознанию, археологии. Их привлечение, возможно, позволило бы избежать отмеченных выше слишком прямолинейных суждений о татарском этногенезе. Это относится и к проблеме происхождения татар Приуралья, которые рассматриваются как результат позднего переселения, и касимовских татар, определяемых потомками ногайцев, и других групп татар (нохратские, бартымские и т. п.). Антропологическая характеристика татар, хотя бы в самом схематическом виде, нигде не дана. Устарели также и приведенные в книге археологические сведения. Так, на стр. 9 отмечается, что «на территории ТАССР из 38 городков домонгольского периода в Предкамье известны только 3 городка (скорее замка) булгарских феодалов, а в Предволжье — всего три». К 1965 г., т. е. к моменту написания книги, на территории ТАССР было известно 75 булгарских домонгольских городищ, в том числе 5 в Предкамье и 15 в Предволжье.

Раздел II («Хозяйство и материальная культура татар», состоит из четырех глав: «Занятия и промыслы», «Поселения и жилища», «Одежда и украшения» и «Пища»), написанный также Н. И. Воробьевым, представляет несомненный шаг вперед по сравнению с изданной в 1953 г. его книгой «Казанские татары». В разделе показывается высоко развитая и самобытная материальная культура не только казанских татар, но и татар-мишарей. Отмечается устойчивый сельскохозяйственно-ремесленный характер быта и культуры татар, сохранивших значительные элементы городской культуры.

Наряду с этим во II разделе фактически не содержится сведений о характерных особенностях хозяйства и материальной культуры татар Приуралья (Башкирии, пермских и нохратско-глазовских). При описании занятий и промыслов, поселений и жилищ, пищи почти не привлекается сравнительный материал по другим народам. В результате своеобразие этнографической культуры татар по существу не показано. В несколько выигрышном положении находится в этом отношении глава «Одежда и украшения». Здесь характерные черты татарской одежды и украшений сопоставляются с аналогичными чертами местных финно-угорских и некоторых других тюркоязычных народов. Но и в этой главе использованный для сопоставления материал обычно не анализируется. Поэтому нередко остается неясной проводимая этнографическая параллель. Так, например, отмечается, что «шейные украшения татарок в массе близки к таковым у соседних народов финно-угорской языковой группы» (стр. 160). Констатируя этот факт, автор им ограничивается и не указывает, в силу каких причин возникла эта близость. Является ли это результатом воздействия финно-угорской среды или же наоборот?

В большом III разделе «Общественные и семейно-родственные отношения» впервые в советской исторической литературе излагаются сведения об общественных отношениях татар (глава VIII — автор Г. М. Хисамутдинов), их семейно-родственных отношениях (глава IX — авторы А. А. Загадуллин и Р. Г. Мухамедова) и народных праздниках (глава X — автор Р. Г. Кашафутдинов).

На богатом фактическом материале Г. М. Хисамутдинов раскрывает процесс формирования общественных отношений у татар в дооктябрьский период. Интересны и оригинальны мысли автора о характере феодальных отношений у татар, о своеобразных группах зависимых людей типа «чура», которые Г. М. Хисамутдинов правильно рассматривает в качестве чужеродцев (рабов или военнопленных), посаженных на землю. Чрезвычайно любопытны в связи с этим широкие параллели в фольклоре народов Поволжья (шурале, арчури и т. п.).

Большой интерес вызывает прослеженный у большинства групп татар институт джененов, или сельских общин. Детальное изучение характера и распространенности джененов позволило автору высказать ряд важных замечаний о родо-племенных их основе, о существовании джененов еще во времена Волжской Булгарии и Казанского ханства, о специфичности формы общинной организации для тюркоязычных народов. Характерно, что джененная организация в той или иной форме зафиксирована в большинстве случаев лишь у народов лесостепной зоны, тогда как у монголов, а через них и у татар Золотой Орды эта система носила иной облик и имела название улусов, не свойственных для татар Поволжья и Приуралья.

При дальнейшем изучении джененов необходимо произвести сопоставление их названий и территориального размещения с соответствующим материалом по татарским семейным родословиям — шаджарэ. К сожалению, эти очень любопытные и весьма ха-

ракторные для тюркоязычной среды источники — шаджарэ — совершенно не использованы в рецензируемой монографии. Более того, о существовании такого интересного для исследования вопроса об общественных отношениях у татар источника в книге ни разу не упоминается.

Хорошее впечатление оставляет глава IX «Семейно-родственные отношения», достаточно колоритно рисующая свадебные обряды различных групп татар, приниженное положение татарской женщины до революции и некоторые стороны семейного воспитания. Исключительно богатый и интересный материал содержит заключительная часть главы — это обширная сводка терминологии родства и свойства у татар. Детальный анализ свадебного ритуала у ведущих групп татар позволяет сделать выводы о существенном различии его у казанских татар и татар-мишарей. Правы авторы и в том, что это различие выработалось в условиях разной культурно-экономической среды. Однако последняя мысль остается недоказанной, так как не приводятся конкретные параллели в свадебном ритуале той и другой этнической группы.

Р. Г. Мухамедова подробно рассмотрела терминологию родства и свойства. Все термины сведены в специальную таблицу. Приведенный сравнительный анализ терминов родства и свойства различных групп татар дал возможность сделать предположение, что в прошлом для обозначения степени родства у всех групп и подгрупп татар имелись специальные термины, которые с течением времени утратили значение родственными терминами и стали употребляться лишь в качестве форм обращения между родственниками разных степеней родства. В книге не ставилась задача выяснения древних форм семейных отношений, тем не менее приведенный материал может помочь выяснить отношения, некогда существовавшие между отдельными родственниками, т. е. поможет выяснить более древние формы семьи и брака.

Небольшой раздел посвящен народным татарским праздникам. Наиболее полно описан один из древнейших праздников татар — сабантуй. В противоположность некоторым авторам XIX в., считавшим сабантуй монгольским весенним праздником «обон», занесенным в Поволжье монгольскими завоевателями, автор данного раздела Р. Г. Кашафутдинов утверждает, что сабантуй в своей основе сугубо земледельческий праздник. Сравнительная характеристика сабантуя у различных групп татар и аналогичного праздника у соседних народов дала возможность сделать вывод о том, что сабантуй в древности был языческим праздником и был связан с земледелием. Рассматривая происхождение различных состязаний во время праздника, Р. Г. Кашафутдинов справедливо видит в них смешение элементов двух различных культур лесной, охотничье-земледельческой, и степной, кочевнической, которые, как известно, и составили основу культуры татарского народа.

В то же время трудно согласиться с мыслью автора, что сабантуй был праздником весеннего сева или яровых (стр. 93). Прежнее определение сабантуя как праздника пашни, праздника плуга, на наш взгляд, более правильно. Действительно, и у татар (сабантуй), и у марийцев (ага-парем), и у удмуртов (гырны-поток) этот праздник всегда совершался после весенней пахоты и носил название праздника плуга или сохи, иногда праздника пашни.

Большой раздел книги посвящен духовной культуре и народному творчеству. Здесь дана характеристика народных знаний, которые явились результатом повседневной практической деятельности многих поколений, а также описаны различные верования, музыка, народное изобразительное искусство.

Многие стороны традиционной духовной культуры татар (космогонические представления, народный календарь, народные приметы о погоде, народная медицина, пережитки языческих верований, просвещение и культура дореволюционного периода) нашли отражение в обширном разделе, написанном Г. В. Юсуповым и Г. М. Хисамудиновым. Богатый и разнообразный материал, значительная часть которого впервые опубликована в печати, показывает глубокие истоки культуры татарского народа.

Интересно написан раздел о татарском фольклоре, в котором нашли преломление думы, стремления и чаяния народа, отразились особенности хозяйственной жизни предков татар, обряды и обычаи далекого прошлого, религиозные воззрения патриархально-родового и раннефеодального общества. В разделе дан анализ свадебных песен, татарских пословиц, загадок, народных сказок. Особое место уделено рассмотрению байтов, повествующих в эпическом жанре о больших исторических событиях или отдельных эпизодах. Приводятся примеры байтов, в которых говорится о патриотизме народов России и их единстве, о тяжелой жизни трудящихся, их борьбе за счастливую жизнь, о героях, погибших в этой борьбе. Особенно выразительны байты, в которых создан образ татарской женщины, лишенной в прошлом всяких прав, вынужденной жить по реакционным законам шариата. В работе рассмотрено много солдатских и рекрутских песен, песен о тяжелом положении крестьян, батраков, рабочих, любовных песен и др. Весь раздел о фольклоре, написанный Х. Х. Ярмухаметовым и Ф. Урманчеевым, наглядно показывает длительный и сложный путь развития народа, говорит о конкретных событиях, происходивших в различные исторические периоды.

К сожалению, этот раздел написан без характеристики народного поэтического творчества отдельных групп татар. Ни слова не говорится также и о своеобразии татарского фольклора, о его близости или различии с народным творчеством других тюркоязычных народов. Нельзя почерпнуть из этой главы и сведений по истории формирования тех или иных жанров и т. п.

Значительно более историчными являются главы о народной музыке (автор М. И. Нигометзянов) и о народном изобразительном искусстве (автор Ф. Х. Валеев). Здесь наряду с показом богатой культуры народного музыкального и изобразительного творчества приводится обильный исторический материал, по которому можно судить об истоках и путях развития не только культуры, но и этнической психики татарского народа.

В рецензируемом труде имеются, на наш взгляд, и некоторые общие недостатки. Мы отмечали, что книга посвящена изучению традиционной культуры народа, которая сложилась ко времени Великой Октябрьской социалистической революции. Авторы справедливо считают, что характеристике современной культуры должна быть посвящена специальная работа. Тем не менее было бы желательно и в данном исследовании кратко дать некоторые основные изменения в направлении развития культуры народа в настоящее время. К этому обязывает и название книги. Правда, в работе это иногда делается, но очень неравномерно, без единой системы и далеко не во всех разделах. Книга значительно выиграла бы, если бы больше внимания было уделено этногенетическим вопросам, вытекающим из анализа приведенного в книге этнографического материала. Кроме того, описание ряда элементов культуры нередко дается в работе без сравнительной характеристики соответствующих элементов у других народов. Это не дает возможности авторам делать более широкие выводы и обобщения, связанные с происхождением того или иного элемента культуры, и показать культурно-исторические связи татар с другими народами.

Большим недостатком является слабая иллюстративная часть книги. Например, в разделе, характеризующем сельскохозяйственную технику, приведен лишь рисунок сабана (по Лепехину), относящийся ко второй половине XVIII в., а разнообразные традиционные средства передвижения татар не иллюстрированы вовсе. Как известно, в этнографических работах иллюстрации имеют значение не менее важное, чем текст. Обедняет книгу и отсутствие цветных врезок. Этот упрек мы адресуем как авторам, так и издательству, которое часто забывает о специфике этнографических изданий. Никакое самое красочное описание не может передать неповторимого впечатления от татарского национального орнамента, яркости национальных головных уборов, ичегов, различных украшений.

В целом выход в свет книги «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» — крупное событие не только в научной и культурной жизни Татарской АССР, но и всего многонационального Поволжья. Введенный в научный оборот новый обширный материал поможет этнографам, археологам, языковедам, историкам и др. более успешно решать сложные вопросы этногенеза. Книга с большим удовлетворением будет принята и массовым читателем. Знакомясь с книгой, проникаешься чувством глубокого уважения к таланту народа, который, несмотря на века угнетения, создал богатую, самобытную культуру, развил ее лучшие прогрессивные черты и в этих национальных формах строит сейчас социалистическую культуру.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«*Arbeit und Volksleben*», «*Veröffentlichungen des Instituts für mitteleuropäische Volksforschung an der Philipps-Universität Marburg/Lahn*», Bd. 4, Göttingen, 1967, 442 S.

В сборнике опубликованы доклады, прочитанные на состоявшемся в апреле 1965 г. в Марбурге-на-Лане (ФРГ), конгрессе Немецкого этнографического общества (Deutsche Gesellschaft für Volkskunde).

Из предисловия президента Общества известного западногерманского этнографа проф. Герхарда Хейльфурта мы узнаем, что в конгрессе, помимо ученых ФРГ и ГДР, приняли участие гости из 22 стран Европы, Азии и Америки. Всего в конгрессе участвовало 476 делегатов.

Организаторы конгресса преследовали две цели: во-первых, оживить исследовательскую деятельность комиссий, существующих в рамках общества, и, во-вторых, объединить участников конгресса, работающих в различных областях этнографии и фольклора, общей темой (в качестве таковой была избрана проблема «Значение труда для человеческого общества»).

На конгрессе работало 8 секций. Доклады этих секций составили соответствующие разделы сборника: «Жилище и поселения» (стр. 17—96); «Орудия» (стр. 97—163); «Народное искусство» (стр. 155—205); «Языковедение» (стр. 207—249); «Народная проза»

(стр. 251—302); «Песни и танцы» (стр. 303—342); «Обычаи» (стр. 343—374); «Этнография восточных немцев» (стр. 375—398).

Каждому разделу предшествует краткое, подводящее итоги работы сообщение руководителя соответствующей секции.

Сборник открывается докладом Г. Хейльfurта¹, посвященным теоретическим аспектам этнографического изучения трудовой деятельности человека.

Имя Г. Хейльfurта, создавшего ряд фундаментальных работ о социальной и культурной жизни немецких горняков², широко известно в странах Европы. Советские этнографы имели возможность познакомиться с ним на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в августе 1964 г.

Хейльfurт правильно определяет труд как сумму производственных действий, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей человека. Он предлагает комплексное изучение трудовой деятельности, которую этнограф, по его мнению, должен исследовать наряду с пищей, жилищем, играми, языком, нравами и т. д. Следует согласиться с комплексностью исследования анализируемой проблемы, что является одной из лучших традиций мировой этнографической науки, однако нельзя ставить знак равенства между экономическими и всеми остальными факторами в отношении их влияния на трудовую деятельность человека, как это делает автор.

Далее Г. Хейльfurт переходит к проблеме культуры, высказывая мысль, что успех в ее исследовании возможен лишь с учетом «эмпирического плюрализма культур» (стр. 3). Из дальнейшего хода его рассуждений видно, что многообразие культур обусловлено различными формами трудовой деятельности, удовлетворяющими разнообразные потребности человека в неодинаковых климатических зонах. Социально-культурные процессы происходят в больших и малых этнических группах, поэтому этническая специфика проявляется в комплексе социально-культурных форм, каждая из которых представляет собой конкретно-историческую познаваемую структуру, созданную деятельностью человека и проявляющуюся в повседневном образе жизни. Основой социальной и духовной истории этой структуры является труд.

Таким образом, Хейльfurт стоит на правильной позиции, беря труд за основу формирования многообразия культуры, понимаемой им как общественное явление, проявляющееся в разнообразных конкретно-исторических условиях. Однако при решении этого вопроса он придает слишком большое значение влиянию физико-географического фактора. Чтобы исследовать фактическую сторону проблемы, Хейльfurт обращается затем к конкретному материалу европейских стран. В частности, он приводит удачные примеры из области семантики европейских языков, многие слова которых обязаны своим происхождением трудовой деятельности. Формирование культуры в процессе труда прослеживается не только в языке, но и в других формах человеческой деятельности и прежде всего в сфере материальной культуры. Г. Хейльfurт отмечает, что социально-культурные процессы связаны с дифференциацией труда, которая особенно усилилась с момента возникновения городского образа жизни в средние века, когда началось разделение профессий в ремесленном производстве.

В эпоху промышленной революции, как отмечает Г. Хейльfurт, началось формирование пролетариата, что повело не только к интенсификации процесса урбанизации, но и к резкому разделению между трудовой деятельностью и домашним бытом. В связи с быстрыми социальными изменениями в жизни рабочих встал проблема свободного от трудовой деятельности времени, к изучению которой обратились социологи, в том числе и этнографы.

К сожалению, Хейльfurт не раскрывает содержания употребляемого им понятия «свободного времени». Между тем самое понимание конкретного содержания категории времени как общественного явления находится в прямой зависимости от способа производства и социально-политической структуры: отсюда и различный подход к данной категории в двух существующих на нашей планете общественно-экономических системах. Особенно наглядно это проявляется на примере свободного времени, усиленное исследование которого в буржуазном мире носит зачастую ярко выраженный утилитарный характер: приспособить сложившуюся структуру времени к нуждам капиталистической индустрии досуга.

Здесь уместно подчеркнуть, что только при социализме задача изучения свободного времени подчинена гуманной цели создания оптимальных условий, способствующих всестороннему развитию личности. Вместе с тем все же следует отдать должное Хейльfurту, считающему основой человеческой деятельности труд, а не досуг, как это делают некоторые современные буржуазные социологи³.

¹ Настоящая работа уже была опубликована в несколько сокращенном варианте. См.: G. Heilfurth, Die Arbeit als kulturalanthropologisch-volkskundliches Problem, «Die Mitarbeit-Zeitschrift zur Gesellschafts- und Kulturpolitik», Hf. 4, 14 Jahrgang, Juli — August 1965, S. 19—32.

² См., например, G. Heilfurth, Glückauf! Geschichte, Bedeutung und Sozialkraft des Bergmannsgrusses, Essen, 1958; G. Heilfurth unter Mitarbeit von Ina-Maria Greverus, «Bergbau und Bergmann in der deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas», Marburg, 1967 (см. рец. Л. Г. Барага в «Сов. этнографии», 1969, № 1).

³ См., например, M. Kaplan, Leisure in America. A social inquiry, New York, 1960.

Анализируя трудовую деятельность в связи с ее влиянием на развитие культуры, Г. Хейльфурт останавливается на проблеме отчуждения — одной из стержневых проблем в теории культуры. Как известно, вопрос об отчуждении личности в условиях товарно-капиталистических отношений рассматривался К. Марксом в «Экономико-философских рукописях 1844 г.»⁴. Маркс показал, что отчуждение личности при капитализме проявляется в отчуждении человека от человека, противоположности классовых, групповых, профессиональных и других интересов в буржуазном обществе. Вскрыв глубокие противоречия материального и духовного развития капиталистического общества, он пришел к выводу о необходимости революционной смены капитализма социализмом. Непонимание того, что только социализм создает предпосылки для всестороннего и гармоничного развития личности привело к большим трудностям в разработке вопросов культуры этнографами ФРГ. Современные буржуазные идеологи не отрицают факта отчуждения личности в капиталистическом обществе, но не ищут путей его преодоления. Глубокие противоречия культурно-исторического развития капиталистического общества возможно вскрыть лишь на основе марксистской постановки проблемы отчуждения. А этого как раз и недостает западногерманским этнографам.

Это видно хотя бы из того, что Хейльфурт, разбирая вопрос об отчуждении, считает, что проблема эта была разработана в равной мере Марксом и Гегелем. Ошибочность подобного взгляда не требует особых доказательств. Если Маркс видел возможность революционизирования жизни путем уничтожения экономического неравенства и социального антагонизма, то положения Гегеля в этом вопросе носили объективно-идеалистический характер, и в конечном счете вели к теологии.

Хейльфурт подчеркивает, что в немецкой этнографии очень долгое время игнорировалось изучение труда и связанных с ним проблем культуры, несмотря на усилия, предпринятые отдельными учеными и прежде всего В. Х. Рилем. Последний еще в 1861 г. призывал к исследованию трудовой деятельности для объяснения этнических и культурных различий разных народов. Риль указывал, что «каждый народ трудится на свой лад»⁵ и это проявляется в его характере. Однако мысли Рили так и не получили сколько-нибудь значительного дальнейшего развития.

В последние двадцать пять лет немецкая этнография (прежде всего благодаря уже упоминавшимся трудам Хейльфурта) стала постепенно приближаться к проблемам изучения рабочего класса, урбанизации, концентрации населения в городах. Довольно большое распространение получило изучение работников отдельных профессий, что повело к образованию специального направления в этнографии — изучению профессиональных групп (Berufskunde). Поворот к городам и промышленности объясняется тем, что большинство населения Германии занято в сфере индустриального труда, ведущего к созданию сложной социально-профессиональной структуры.

Какое же место отводится этнографии, когда дело касается изучения народов современных промышленно-развитых стран? По мнению Хейльфурта, и в развитом индустриальном обществе остаются задачи этнографического исследования проблем труда. Этим он признает, что трудовая деятельность является одной из проблем современной этнографии.

Г. Хейльфурт несомненно является сторонником применения в этнографии социологических методов. Однако из его доклада (равно как и из других материалов настоящего сборника) нельзя составить представление о том, насколько широко используются в немецкой этнографии статистические данные и математические методы, моделирование, теория игр и операций и другие специальные процедуры, присущие современному конкретно-социальному исследованию. Следует отметить, что многие из затронутых в докладе Хейльфурта вопросов разрабатывались в советской литературе уже в 20—30-х годах, а также и в последние годы. Однако из доклада создается впечатление, что автор совсем не знаком с работами советских ученых по этой проблеме.

Первый раздел сборника посвящен одному из наиболее исследованных в немецкой этнографии элементов материальной культуры — жилищу и поселениям.

В нем опубликованы доклады В. Хаарнагеля (ФРГ) «Тип хозяйства и трудовая жизнь в раннеисторическом поселении Феддерзен-Вирде», Г. Эйтцена (ФРГ) «Типы крестьянского дома и их связь с формой хозяйства», К. Баумгартена (ГДР) «Старые лагуны сельскохозяйственных рабочих в Мекленбурге», Г. Шилли (ФРГ) «Жилые постройки в поселках стеклотрувцов Шварцвальда периода 1600—1900 гг.», И. Ланге (ФРГ) «Формы и эволюция торняцкого дома с момента его возникновения до наших дней», В. Заге (ФРГ) «Влияния на образование типов бюргерского дома», Г. фон Шёнфельда (ФРГ) «К вопросу об образовании более современного типа крестьянского двора в период изменений форм сельского труда и хозяйства».

В докладах затронут целый ряд интересных для исследователя жилища вопросов — о времени возникновения типов жилищ, сохранившихся до наших дней; о фак-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 362.

⁵ W. H. R i e h l, Die deutsche Arbeit, Stuttgart, 1883, S. I.

⁶ Следует отметить, что эта проблема стоит и перед советскими этнографами. См.: С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5.

торах, влияющих на возникновение той или иной формы жилища; о взаимовлияниях сельских и городских построек; вопросы современного строительства и др.

В сообщении руководителя секции известного немецкого этнографа проф. Шира (ФРГ), после краткой характеристики предшествующих направлений и методов в исследовании жилища, говорится о том, что проблему «жилище и труд» можно решить, рассматривая ее с двух сторон — во-первых, дом как продукт труда (исследование строительных приемов и т. д.) и, во-вторых, дом как рабочее место. Проф. Шир отмечает слабую изученность второго аспекта проблемы из-за неразработанности методов исследований, хотя все же появился ряд работ о жилище стеклодувов, горняков, сельскохозяйственных рабочих и др.

Как видим, немецкие этнографы ищут новые пути и методы исследования, признавая, большое влияние трудовой деятельности человека на формы жилища. Отмечая, что все крупные явления из области народной материальной культуры составляют не изобретение одного народа, а плод труда нескольких этнических общностей (стр. 19), проф. Шир приводит, однако, примеры, которые невольно заставляют нас вспомнить о старых, изживших себя теориях («племенной», «гребнеровских «культурных кругов»»). Так, сходство формы амбара в различных районах Европы (от Скандинавии вплоть до северо-западных районов Испании) он объясняет почти исключительно миграцией культурных явлений. Кто же принес эту форму амбара в Леон и Астурию? Свезы?!

Вопрос о культурных славяно-немецких взаимовлияниях в области к востоку от Эльбы сводится к триаде — восточные германцы — славяне — восточные немцы. Ну а почему бы не заглянуть с помощью археологии и лингвистики и в более отдаленные времена, вместо того, чтобы искать истоки того или иного явления только у древних германцев?

Много интересного читатель найдет и во втором разделе («Орудия»). В докладах В. Хансена (ФРГ) «Создание и цели Комиссии по исследованию орудий труда», А. Люнига (ФРГ) «Полевые исследования орудий в Шлезвиг-Гольштейне», В. Якобейта (ГДР) «Инвентаризация крестьянских орудий труда», Г. Вигельмана (ФРГ) «Пространственный метод в исследовании орудий», Р. Пеша (ГДР) «К вопросу о преемственности трудовых навыков и орудий» рассматриваются главным образом вопросы методики сбора материала, а также проблемы исследования.

Как известно, эта отрасль немецкой этнографии сильно отставала вплоть до 50-х годов XX в. Поэтому понятна забота этнографов ФРГ и ГДР о создании научной базы для исследований и их тревога, что через 10—20 лет безвозвратно исчезнут предметы, которые сегодня еще можно собрать. Отсюда и выдвинут на первый план вопрос о координации деятельности музеев, университетов, научных институтов и других учреждений. Из докладов мы узнаем о полевой работе немецких этнографов, их техническом оснащении, достижениях и трудностях, с которыми они сталкиваются в своей работе. В докладе руководителя секции В. Хансена поставлен важный вопрос об определении задач этнографа при исследовании орудий в отличие от задач историка техники.

Вопросами народного искусства занималась секция, возглавлявшаяся Т. Гебхардом (ФРГ), прочитавшим, кроме того, доклад, посвященный народной мебели. В своем вступительном слове Т. Гебхард попытался провести классификацию разных видов народного изобразительного искусства, выделив при этом творчество профессиональное, самостоятельное и любительское. Он подчеркнул важность для изучения народного искусства проблемы исполнителя и потребителя и констатировал, что до сих пор между наукой и искусством наблюдается глубокая пропасть.

К его вступительному слову непосредственно примыкал доклад Г. М. Ритц (ФРГ), рассмотревшей те произведения стеклодувов, которые выполняются народными мастерами после работы, в свободное время, большей частью на том же рабочем месте и в том же стиле. Для обозначения этой продукции народных мастеров она вводит трудно переводимый термин «Feiertagsarbeit».

М. Бахман (ГДР) рассмотрел отражение горного дела и горняцкого быта в саксонской резьбе по дереву. Он констатирует деградацию этого искусства. В прошлом попытки спасти его не увенчались успехом. В настоящее время в горной Саксонии имеется 4 государственных школы и 70 кружков, в которых обучаются прикладному искусству 750 детей. Горняк — издревле центральная фигура местной резьбы. Наиболее характерные произведения местного искусства — движущиеся макеты, создаваемые семейными коллективами или группами резчиков. В некоторых из них, сделанных из разного материала, свыше 400 резных деревянных фигурок. Интересно, что образы горняков проникают в библейскую тематику, в которой в XIX в. настолько усиливаются местные черты, что волхвы изображаются как горняки. Кроме этого, мастерами изготавливаются вращающиеся пирамиды и люстры, украшенные фигурками, а также висячие светильники. Среди деревянных фигурок, украшающих эти декоративные предметы, редко встречаются ангелы и очень часто горняки в традиционных профессиональных костюмах, образы которых все более осовремениваются.

Доклад К. Писке (ФРГ) был посвящен рассмотрению народной религиозной графики (XVII—XX вв.). Сделана попытка выявить мастеров, дать их характеристику и выявить соотношение их творчества с народным искусством.

В докладе руководителя секции Т. Гебхарда рассмотрена народная мебель, связанная с определенными трудовыми процессами. Детально анализируется орнамент, укра-

шающий мебель, прослежена связь его истоков с определенными историческими эпохами Т. Гебхард подчеркивает, что развитие народного искусства определяется исторически-ми, хозяйственными и идейными предпосылками.

Работой языковедческой секции руководил Э. Э. Плосс (ФРГ). Общий доклад, введенный в круг проблем, дебатировавшихся в этой секции, был прочитан Х. Штегером (ФРГ) и посвящен связи языка с трудовыми процессами. В отдельных докладах рассматривались язык заводских рабочих (Д. Мён, ФРГ), язык эльбских речников (Г. Кеттман), ГДР), язык лесников и лесорубов (К. Кер, ФРГ), наконец, язык алхимиков (Э. Плосс, ФРГ). Все эти очень специальные доклады вместе с тем проливают свет на весь культурно-исторический процесс.

Доклады, посвященные народной прозе, открываются введением Л. Рёрха (ФРГ), который указывает на то, что тема труда в устной прозе может быть рассмотрена в разных аспектах, чем и объясняются различия в методе и композиции докладов, прочитанных в данной секции. Указывая на явное отрицание устной прозы, Рёрх утверждает, что тема «Рассказы о труде» может иметь главным образом исторический, ретроспективный характер. Тем интереснее, с его точки зрения, культурно-исторические перспективы изучения этой темы. Л. Рёрх указывает, что каждый жанр имеет свое специфическое восприятие и свою трактовку темы труда. Вместе с тем все они связаны со спецификой своего жанра — это народные рассказы, т. е. легенды, сказки и шванки.

Статья Э. Мозер-Рат (ФРГ) дает обзор темы «труд» в народных рассказах. Она показывает все многообразие этой темы и указывает на трудность разграничения традиции и влияний непосредственного трудового опыта.

Доклад З. Ноймана (ГДР) был посвящен народным рассказам — воспоминаниям о самом трудовом процессе. Нойман связывает появление новых видов повествовательной прозы с отрицанием ее классических жанров. В своем докладе он рассматривает фавулаты, повествующие о случаях, связанных с работой, и показывает разнообразие этих рассказов.

Интересен доклад Г. Вейссера (ФРГ) об отражении в преданиях отношения крестьянской бедноты к труду. Так же как в его диссертации (1954), в которой он использовал более 100 тысяч текстов, все внимание автора направлено на изучение данного социального слоя. Рассматривая разные типы преданий, автор приходит к выводу о положительном отношении крестьянской бедноты к труду как таковому.

К. Хайдинг (Австрия) изучил процесс рассказывания во время работы. По его наблюдениям, сказка живет более активной жизнью в среде батраков, странствующих ремесленников, чем среди крестьян. Он рассматривает виды труда, располагающие к рассказыванию, такие как прядение, обработка перьев и пуха, стирка, теребление льна, прополка, сбор хмеля и др. Он утверждает, что мужские и женские работы сопровождаются разным репертуаром. Рассматривает он и рассказывание при полевых работах, на мельнице, репертуар гончаров, пастухов, лесорубов, строительных рабочих. Он приходит к выводу, что пока существует повествовательная традиция, рассказы используются каждую возможность рассказывать во время труда и отдыха. С ростом всеобщей нивелирующей культуры угасает индивидуальное творчество и исчезают условия, способствующие рассказыванию.

Секцией, занимавшейся изучением песен, музыки и танца, руководил Р. В. Бредних (ФРГ). Все доклады, прочитанные в этой секции, были посвящены современности.

Э. Клузен (ФРГ) устанавливает в своем сообщении отрицание такого характерного для немецкого репертуара жанра как трудовые песни.

Доклад В. Зуппана (ФРГ) как бы продолжает предыдущий доклад и рассматривает возможности музицирования при современных процессах работы, а также стимулирующее влияние музыки, ее роль при организации трудового процесса. Музыка облегчает работу и как бы сокращает этим рабочее время. Он устанавливает, что только на высоких ступенях развития рабочих и песенный ритм соотносится, это отнюдь не свойственно примитивной культуре.

А. Андерлу (Австрия) доложил о видах трудовых песен, бытующих в Альпах.

Э. Штокман (ГДР) рассматривает значение народных инструментов в трудовой жизни народа, их зависимость от характера труда. Особенно детально он рассматривает музыкальные инструменты пастухов и охотников.

Большое внимание отражению процесса труда в обычаях было уделено на секции «Обычаи», где были зачитаны доклады Фр. Зиберга (ГДР) «Связи между трудом и обычаями», К.-З. Крамера (ФРГ) «Начало и окончание работы как основной элемент обычая», И. Вебер-Келлерман (ФРГ) «Трудовые обычаи и праздники молотильщиков» и В. Аренса (ФРГ) «Функция и социальная сила приветствия ремесленника».

И, наконец, в двух последних докладах, опубликованных в разделе «Этнография восточных немцев» (Ostdeutsche Volkskunde) — Г. Шведта (ФРГ) «Труд и социальная интеграция» и Ф. Кринса (ФРГ) «Восточнонемецкие вторжения в Рурскую область до 1945. Приспособляемость и самосохранение в новых рабочих условиях», рассматриваются главным образом социологические аспекты проблемы.

Само по себе чрезвычайно интересное в научном отношении исследование процессов взаимодействия местного населения и переселенцев было, к сожалению, использовано в ФРГ для раздувания реваншистско-шовинистических настроений. Так, в рамках

пресловутого «Остфоршунга»⁷ возникла такая отрасль этнографии, как «Volkskunde der Heimatvertriebenen» (по западногерманской терминологии), т. е. «Этнография изгнанных с родины», и часть этнографов и фольклористов ФРГ оказалась причастной к этому⁸.

В 1952 г. в ФРГ была создана «Комиссия по этнографии восточных немцев», которая вначале занималась преимущественно социологически-этнографическими проблемами, а позднее стала заниматься и фольклорными вопросами. В рамках этой комиссии и были подготовлены указанные доклады.

Доклад Г. Шведта рассматривает проблемы, связанные с переселением немцев в послевоенный период. Однако глубокий всесторонний анализ положения переселенцев в ФРГ автор подменяет анализом терминологии, выяснением отдельных понятий и их соотношением (включение < вживание < интеграция).

В докладе нашли отражение и широко распространенные в ФРГ идеи «классовой гармонии». Оказывается, восстановлением многих фирм в ФРГ промышленники обязаны «привязанности» рабочих к своей фирме, а не капиталам, нажитым на войне этими промышленниками и вкладываемым из-за океана, не эксплуатации рабочих (стр. 385).

Из доклада достаточно ясно, что положение переселенцев в ФРГ до сих пор значительно хуже, чем местного населения (меньший процент окончивших высшую школу, меньший процент среди высокооплачиваемых рабочих и т. д.). Но, судя по докладу, ответственность за это несут, оказывается, не те, кто вместо того, чтобы улучшить положение переселенцев, стремится нажиться на их трудностях политический капитал, а союзники большой коалиции, которые, переселив немцев, тем самым якобы их деклассировали.

В целом, несмотря на методологические противоречия, сборник, несомненно, интересен для советского читателя. Нам кажется весьма полезным проведение конференций именно такого типа, когда представители различных отраслей этнографии и фольклора объединяются общей темой. При исследованиях современных процессов совершенно очевидной становится необходимость сочетания этнографических и социологических методов.

⁷ См. «Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966.

⁸ См. журнал «Demos», 1962, № 2.

Э. В. Померанцева,
И. П. Труфанов,
Т. Д. Филимонова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Бартоломе де Лас Касас. *История Индий*, перевод с испанского. Издание, подготовленное В. Л. Афанасьевым, Я. И. Плавкиным, Д. П. Прицкером и Г. В. Степановым. Серия «Литературные памятники». Издательство «Наука». Л., 1968.

Habent sua fata libelli — имеют свою судьбу книги... «История Индий» — основной труд великого испанского гуманиста Бартоломе Лас Касаса, книга, которой он отдал без малого 40 лет жизни, была впервые опубликована спустя 309 лет после его смерти. Три с лишним века покоилась рукопись «Истории Индий» в «хронологической пыли» секретных испанских архивов, о выпуске в свет этой гнезной и яростной книги, разоблачающей чудовищные преступления испанских «цивилизаторов», совершенные в новооткрытых землях Нового Света, и мечтать не могли хранители литературного наследства Лас Касаса даже в середине XIX в.

И так уж сложились обстоятельства, что в нашей стране до самого последнего времени этот труд был известен лишь по его испанским и латиноамериканским изданиям и только небольшие отрывки, посвященные первым трем плаваниям Колумба, дошли до советских читателей в русском переводе¹.

Но вот в 1968 г., спустя два года после того, как отмечено было 400-летие со дня смерти неутомимого обличителя испанской колониальной экспансии, «История Индий» увидела свет в русском переводе. Издание это было подготовлено к печати группой высококвалифицированных ленинградских исследователей-испанистов и помимо перевода

¹ Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы, М., 1961, стр. 304—338; 397—422 (перевод автора этих строк).

ряда разделов «Истории Индии» включило в себя обстоятельные вступительные и специальные статьи, комментарии и указатели².

«История Индии» Лас Касаса была, есть и будет важнейшим источником по истории Латинской Америки колониального периода. Естественно, что появление этой замечательной книги в русском переводе — явление весьма отрадное, особенно если учесть, что издание это было подготовлено к печати исследователями, которые внесли значительный вклад в советскую испанистику.

К сожалению, отнюдь не по вине составителей и переводчиков русское издание «Истории Индии» подверглось в процессе своего зарождения хирургическим операциям, в результате которых живая плоть этого произведения была немилосердно изувечена. Редакция «Литературных памятников» ограничила объем русского издания «Истории Индии» 34 листами, а в силу этого в него включена была лишь четверть труда Лас Касаса.

Как известно, тексты литературных произведений — субстанция несжимаемая, и составителям волей-неволей пришлось действовать прокрустовым методом и отсекать все то, что не могло уместиться в скудных объемах русского издания.

Редакция «Литературных памятников» с академической добросовестностью оговорила это обстоятельство. Она уведомила читателей, что «составители отобрали для настоящего издания только те книги и главы «Истории Индии», в которых автор излагает события, непосредственно связанные с завоеванием Центральной и Южной Америки».

«История Индии» состоит из трех книг, причем, бесспорно, более всего связана с историей завоевания Нового Света первая книга. А между тем она полностью опущена в издании. Равным образом изъяты 46 из 68 (!) глав второй книги, а из 169 глав третьей книги в русское издание включены только 73 главы.

Кроме того, в ряде случаев составители были вынуждены давать некоторые главы 2-й и 3-й книг с изъятиями и сокращениями. Подобная практика подготовки к изданию исторического труда, в котором изложение ведется в определенной логической и хронологической связи, отнюдь не содействует сохранению его целостности, не говоря уже о том, что за рамками русского издания остались ярчайшие описания начального этапа зарождения испанской колониальной системы (1493—1500 гг.), очень ценные этнографические данные и ряд глав, в которых острой критике подвергнута была политика испанской короны и деятельность ведомств, наводивших «порядок» в заморских землях³.

Не увидел свет в русском переводе и органически связанный с «Историей Индии» памфлет Лас Касаса «Кратчайшее сообщение о разорении Индии». Одним словом, «Литературные памятники» вместо того, чтобы издать «Историю Индии» полностью, в двух томах, выпустили в свет фрагменты второй и третьей книг этого труда.

В итоге русское издание в значительной мере обесценено. Специалисты, несомненно, и впредь будут пользоваться полным испанским текстом «Истории Индии», а не предельно усеченным переводом. Но и широкие круги читателей не найдут в русском издании многих поистине великолепных глав, посвященных «освоению» Эспаньолы, открытиям Колумба, завоевательным походам на Пуэрто-Рико, Ямайку, в Дарьен, к северным берегам Южной Америки и характеристике главных зачинателей конкисты.

Переходя непосредственно к оценке рецензируемой книги, следует прежде всего отметить, что перед коллективом переводчиков стояла весьма нелегкая задача. Лас Касас — автор чрезвычайно трудный. Стиль его неровен, пишет он в манере старых кастильских хронистов, с многочисленными ссылками на Библию, неожиданными отступлениями, цитатами из трудов авторов классической древности. Длинные, порой запутанные периоды встречаются очень часто, нередки темные и неясные обороты, вызванные спешкой — труд свой Лас Касас стремился завершить как можно скорее, под конец

² Перевод осуществлен Р. А. Заубер, А. М. Косс, З. И. Плавкинским и Д. П. Прицкером. Автор вступительной статьи «Бартоломе Лас Касас и его время» В. Л. Афанасьев. Авторы статьи «История Индии» как памятник испанской литературы и языка» З. И. Плавкин и Г. В. Степанов. Примечания составлены З. И. Плавкинским и Д. П. Прицкером, указатели (имен и географических названий) — З. И. Плавкинским.

³ Так, сокращены главы 12, 13, 14, 18, 19 второй книги и главы 28, 52, 80, 83 третьей книги. В результате выпали такие важные места, как текст инструкции королевы Изабеллы от 20 декабря 1503 г., сведения о 17 испанских поселениях на Эспаньоле, резкие обвинения в адрес Совета Кастилии в связи с его отношением к индейцам, ряд мест, важных для суждения о деятельности Лас Касаса в 1515—1520 гг.

Впрочем, эти кулоны ни в какое сравнение не идут с полностью опущенными главами. При этих, более свирепых, изъятиях опущены такие места, как описание травли индейцев Пуэрто-Рико собаками, история печально знаменитого «рекеримьенто» — документа, освящавшего практику порабощения индейцев, разделы, в которых описывалась обстановка в стане кастильских правителей Эспаньолы в 1508—1517 гг., главы, посвященные истории борьбы вокруг бургосских законов (1512—1513 гг.), сведения о тяжбе наследников Колумба с кастильской короной, этнографические описания населения ряда островов Антильского архипелага и т. д.

жизни ясно сознавая, что задача эта невыполнима. Затрудняют чтение и перевод «Истории Индии» многочисленные реалии, не всегда легко поддающиеся истолкованию.

И тем не менее переводчики успешно преодолели многочисленные трудности и подготовили вполне удовлетворительный перевод этого произведения. При выборочной сверке фрагментов тринадцати глав перевода с текстом оригинала автор этих строк обнаружил лишь несколько мелких неточностей и одно единственное отступление от подлинника, впрочем, не столь уж существенное.

Ономастика оригинала (кстати говоря, весьма невыдержанная) дана в переводе в соответствии с принятыми правилами и нормами и никаких нареканий не вызывает.

Что важнее всего, переводчикам удалось передать дух этого яркого памятника испанской литературы XVI в., произведения, которое сочетает в себе элементы исторической хроники и политического памфлета, географического трактата и обвинительного акта, книги с сочными портретными характеристиками, емкими и насыщенными информацией описаниями природы Нового Света и своеобразного уклада его исконных обитателей.

Весьма содержательна вступительная статья В. Л. Афанасьева, вдумчивого исследователя творческой деятельности Лас Касаса и автора ряда работ об этом выдающемся представителе испанской общественной мысли эпохи великих открытий и кровавой конкисты⁴. В. Л. Афанасьев деятельность Лас Касаса рассматривает в тесной связи с бурными событиями века испанской заморской экспансии и с основными идейными течениями, которые возникли в то время в Испании в связи с проблемами «освоения» новооткрытых земель. По существу биография неистового обличителя испанского колониализма перерастает во вступительной статье В. Л. Афанасьева в биографию той эпохи. В. Л. Афанасьев переносит читателя в обстановку «Иберийских Афин» — Саламанки, университетского центра, где на исходе XV в. формировалось мировоззрение Лас Касаса, старой Саламанки, тесно связанной с очагами итальянского и немецкого гуманизма. В. Л. Афанасьев прослеживает влияние на Лас Касаса всей обстановки, в которой он и его соотечественники и сверстники жили в годы открытий Колумба. Быть может, недостаточно четко в статье охарактеризован переломный этап в жизни Лас Касаса, когда из заурядного колониста, осевшего в Новом Свете, он стал «апостолом индейцев» и бордом с испанскими колонизаторами всех степеней и рангов. Однако этот пробыл восполняется детальным обзором кипучей деятельности Лас Касаса в 40-50-х годах XVI в., когда он, работая над «Историей Индии», вел упорную борьбу с идеологом испанских рабовладельцев Сепульведой, отстаивал права индейцев на свободу, и один за другим выпускал в свет острые и яркие трактаты, в которых убийственной критике подвергалась теория и практика испанской заморской экспансии.

Особый раздел статьи посвящен литературному наследию Лас Касаса. В. Л. Афанасьев анализирует внутренние связи сочинений так называемого «малого круга», которые увидели свет в XVI в., создав Лас Касасу репутацию негисбаемого защитника индейцев Нового Света, и опубликованных много позже произведений «большого круга» — «Истории Индии», «Апологетической истории» и «Сокровищ Перу». Касааясь «Истории Индии», В. Л. Афанасьев выявляет основные источники, положенные в основу этого труда, и подчеркивает, что Лас Касас помимо бесчисленных свидетельств очевидцев и данных собственных наблюдений широко использовал документы Колумбийской библиотеки в Севилье и Симанского архива кастильской короны. В. Л. Афанасьев прослеживает связи автора «Истории Индии» с его идейными противниками, хронистами Гонсало Эрнандесом де Овьедо-и-Вальдесом и Франсиско Лопесом де Гомарой, но, к сожалению, лишь вскользь затрагивает вопрос о влиянии «Истории Индии» на хронистов младшего поколения, и в частности на Антонио Эрреру-и-Тордесильяса, который широко использовал в ту пору неопубликованный труд Лас Касаса. Полемизируя с современными «ниспровергателями» Лас Касаса, утверждающими, будто великий гуманист сознательно сгустил краски, рисуя картины беспощадного истребления колонизаторами коренного населения Америки, В. Л. Афанасьев убедительно доказывает, что «История Индии» несет точную и правдивую информацию о событиях первых десятилетий испанской экспансии в Новом Свете. В. Л. Афанасьев указывает и на недостатки «Истории Индии» — идеализацию королевны Изабеллы и суждения о пользе христианизации индейцев Нового Света, справедливо указывая, что Лас Касас, несмотря на свои передовые воззрения, разделял многие иллюзии и заблуждения позднего средневековья. Вступительная статья В. Л. Афанасьева дает четкое и ясное представление о личности великого гуманиста и о характере его главного труда — «Истории Индии».

Особенностям стиля и языка «Истории Индии» посвящена небольшая статья З. И. Плавксина и Г. В. Степанова «„История Индии“ как памятник испанской литературы и языка». Статья эта тем более уместна в рецензируемой книге, что до настоящего времени и в зарубежной, и в советской литературе такие своеобразные памятники испан-

⁴ См. работы В. Л. Афанасьева «Молодые годы Бартоломе де Лас Касаса» и «Литературное наследство Бартоломе де Лас Касаса и некоторые вопросы истории его опубликования» в сборнике «Бартоломе де Лас Касас», М., 1966, стр. 64—92 и 180—220.

ской прозы, как произведения Лас Касаса, рассматривались лишь в качестве исторических источников.

Совершенно справедливо авторы статьи отмечают, что для «Истории Индий» характерно перелетение двух линий: одной, идущей от патетической речи проповедника-обличителя, и другой, тесно связывающей его с традициями гуманистической утопии. С первой линией сопряжены приемы дегероизации конкисты, чрезвычайно смелые и действенные. Для Лас Касаса характерны гиперболы, которые в необычайной степени усиливают его негативные описания и создают нужные ему эффекты, когда он ведет огонь по организаторам конкисты и защитникам системы эксплуатации коренного населения новооткрытых земель. В ключевых произведениях утопического жанра, возрожденного в XV и XVI вв. итальянскими и испанскими гуманистами, описаны в «Истории Индий» жизнь, быт и нравы индейцев. Отмечая это обстоятельство, авторы статьи, быть может не вполне правомерно, подчеркивают идеалистические топа, которые, по их мнению, определяют у Лас Касаса картины жизни аборигенов Нового Света. Споры нет, Лас Касас охотно идеализировал индейцев, но эта идеализация не мешала ему зорко подмечать реальные особенности их уклада. Именно эти наблюдения представляют и в настоящее время огромный интерес для этнографов.

Авторы статьи уделяют немало внимания «Истории Индий» как «документу, отражающему проникновение туземной индейской лексики в словарь испанского языка». Анализ состава индеанизмов, содержащихся в «Истории Индий», приводит авторов статьи к весьма любопытному выводу, что в эпоху Лас Касаса «распространение лексических антилизмов, как это ни покажется парадоксальным, было результатом прогрессирующей испанизации „Индий“, а вместе с тем и фактором унификации лексики американского варианта, поскольку антильская лексика вытеснила не только местные наименования малого радиуса действия, но и слова авторитетных индейских языков».

Важно для этнографов и вывод авторов статьи, что «запись индейских слов и непереносимые сведения по акцентологии, остроумные и подробные толкования экзотических лексем, сведения о семантической эволюции исконного словаря поставили «Историю Индий» в ряд наиболее надежных источников изучения американизмов в составе единого испанского языка».

Не без прискорбия добавим, что вследствие ускорения трех четвертей текста «Истории Индий» большинство этих лингвистических данных остается недоступным для читателей русского издания...

Стремление редакции «Литературных памятников» всемерно сжать объем публикаций пагубно отразилось и на комментариях к тексту перевода. Объем их не превышает полуплиста, а в силу этого далеко не все, что нуждалось в объяснении и истолковании, объяснено и истолковано.

Отметим также, что в примечаниях допущены ошибки. Обязанности инквизиторов (прим. 24), как правило, выполняли монахи доминиканского, а не францисканского ордена. Доминиканцы называли себя «господними», а не божьими людьми (прим. 34). Сын Колумба дон Диего в 1509 г. добился не восстановления в наследственных правах, а временного назначения на пост правителя Индий (прим. 37). Великие магистры управляли орденами не единолично, а при посредстве и участии орденовских капитулов (прим. 52). Маккавеи воевали не с римлянами, а с сирийцами (прим. 75).

Неточности имеются и в аннотированном указателе имен. Давид не просто библейский персонаж, подобный Адаму или Ною, а царь Израильско-иудейского государства, действительно живший на рубеже II и I тыс. до н. э. Иуда — персонаж евангельский, а не библейский. Карл V отрекся от престола в 1556 г. и, следовательно, не правил Священной Римской империей до 1558 г. Лазарь, так же как Иуда, персонаж евангельский. По общепринятой традиции Орозия следует именовать не Паулусом, а Павлом. Непонятно, почему Пелайо назван легендарным королем. Совершенно неясно, по каким соображениям завоеватель Перу Франсиско Писарро стал «одним из руководителей в завоевании (?) различных стран Центральной и Южной Америки». Плутарх не только моралист. Стефан отнюдь не библейский персонаж, а римский папа, живший в III в. и причисленный к лику святых. В 79—81 гг. в Риме правил не Тит Квинтий, а Тит Флавий Сабин Веспасиан. Филипп I Красивый умер не в 1505, а в 1506 г. Корону Кастилии унаследовал не он, а его жена Хуана Безумная.

В целом, коллектив составителей и переводчиков, несмотря на печальный императив редакции «Литературных памятников», сделал все возможное, чтобы ознакомить советских читателей с самым выдающимся произведением Лас Касаса.

Так как в обозримом будущем редакция «Литературных памятников» вряд ли переиздаст «Историю Индий» в полном объеме, имеет смысл включить в план издания «Наука» другое произведение Лас Касаса — «Апологетическую историю», ценнейший источник по этнографии Нового Света. Публикация этого труда в неурезанном виде возместит тот ущерб, который причинен советским исследователям выпуском в свет крайне усеченного русского издания «Истории Индий».

Я. Г. Свет

W. Forman und B. Brentjes. *Alte afrikanische Plastik*. Leipzig, 1967.

Каждая книга об африканском искусстве, в создании которой принимает участие известный мастер фоторепродуцирования скульптур В. Форман, вызывает живой интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей. Такова и «Древняя африканская пластика», вышедшая в свет в 1967 г. Текст книги, изобилующий фактическими сведениями, интересными примерами и сопоставлениями, содержащий ряд смелых, хотя и не всегда бесспорных догадок, написан Б. Брентьесом. Работа эта является одним из первых изданий, специально посвященных древним и древнейшим скульптурам, найденным на территории современной Нигерии.

Предлагаемые авторами публикации нокских и ифских скульптур, подавляющее большинство которых сосредоточено в нигерийских музеях, не могут не обрадовать исследователей и ценителей африканского искусства, тем более, что эти публикации выполнены на высоком художественном и полиграфическом уровне. Особенно хороши цветные репродукции, убедительно передающие колористическое богатство памятников, темную патину латуней, бархатистую теплоту терракот. В книге воспроизведены также бенинские скульптуры и некоторые произведения народного искусства из музеев Нигерии, Британского музея, Музея народоведения Берлина и Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Древненигерийские скульптуры представляют собой материал, весьма сложный и для исследования, и для популяризации. «Они,— пишет Брентьес,— открывают нам мир форм, который кажется чуждым тому, что излюблено африканской деревянной пластикой» (стр. 8). Особенно серьезные затруднения возникают при попытках объяснить принципиальные отличия, существующие, несмотря на ряд явно сходных черт, между многими древними скульптурами и произведениями традиционной народной пластики. Крупнейшие знатоки нигерийского искусства, в частности У. Фэгг, становятся чрезвычайно сдержанными, когда, например, заходит речь о том, что же дало возможность ифским ваятелям, унаследовавшим некоторые традиции искусства Нок, подняться в своем творчестве до классически ясного по форме индивидуального портрета. В последнее время, кстати, даже сама эта портретность стала подвергаться сомнению. Целый ряд иных вопросов, связанных с древними скульптурами и имеющих первостепенное значение, еще далек от своего разрешения. Ясно, что перед автором, стремившимся не просто познакомить читателя с выдающимися и недостаточно широко известными памятниками, но и совокупно рассмотреть основные связанные с ними проблемы, причем в такой форме, которая была бы доступна не только специалистам, стояла весьма сложная задача.

Брентьес хорошо ориентируется в материале. Последовательно излагая его, он всячески стремится подчеркнуть преемственность традиций, связывающих между собой отдельные памятники. Он неоднократно возвращается к мысли, что шедевры Нок, Ифе и Бенина, великолепные латуни из Тада, Джебба и Игбо-Укву — не разрозненные феномены высокого искусства, а свидетельства того, что на обширных пространствах в Западной Африке с глубокой древности развивалась самобытная культура, давшая многие ответвления, значительная часть которых остается еще неизвестной нам. Всем ходом своих рассуждений, постоянным стремлением рассматривать древнеафриканское искусство в развитии Брентьес возражает тем, кто, умаляя достижения традиционной культуры африканских народов, объявляет ее «застойной». Еще среди древнейших наскальных изображений Алжира,— указывает автор,— имеются такие, в которых главным является передача пластики движений, грации человека (стр. 8). В искусстве Африки издавна находили свое проявление различные изобразительные принципы; оно отнюдь не ограничивалось «причудливыми», «абстрагированными» формами, характерными для многих произведений народной резьбы по дереву. Древненигерийские скульптуры, как считает Брентьес, в некоторых отношениях сопоставимы с наскальной живописью.

Вопрос о стилистике рассматриваемых скульптур, об истоках их реалистичности — один из центральных в книге. Автор считает, что характер древненигерийской пластики (как, впрочем, и древней наскальной живописи) был предопределен двумя основными причинами — специфическим содержанием, диктовавшим именно такую, а не иную форму, и, во-вторых, влияниями извне.

Было бы безусловно неверным доказывать, что культура западноафриканских народов развивалась в полной изоляции от внешнего мира. Однако повторять вслед за Фробениусом, что «в этом искусстве (в древненигерийской пластике.— Н. К.) чуждая инициатива объединяется с африканским духом и художественной волей» (стр. 8), Брентьес отводит непропорционально большую роль возможным, но недоказанным иноземным влияниям (стр. 52), совершая тем самым серьезную ошибку. Очевидно, она коренится как в противоречивости позиции самого автора, так и в запутанности вопроса о границах приложения реализма и условности в изображающих конкретных людей традиционных африканских скульптурах, характерной для некоторых работ последнего времени. Ведь нельзя забывать, что «реальные» формы существуют в самой действительности, что при наличии определенных требований содержания они могут быть «заимствованы» непосредственно из нее.

Брентьес уделил много внимания вопросу о зависимости реалистичности древних памятников от их практического назначения и смыслового содержания. Но приходится отметить, что страницы, посвященные этой теме, могут стать предметом спора. Автор прав, указывая, что реалистичность особенно характерна для скульптур, связанных с заупокойными ритуалами и культом мертвых. Однако он еще более суживает сферу приложения реалистичности, считая ее отличительной особенностью лишь тех изображений, которые создавались для распространенных среди народов Западной Африки ритуалов вторичного погребения (стр. 25). Подобное суждение сильно упрощает существо дела. Брентьес ссылается на исследованные Ф. Уиллетом фигуры *ако*, играющие важную роль в похоронных ритуалах знатнейших лиц йорубского города Ово¹, а также на фигуры того же названия из Бенина. Однако если изображения из Ово действительно очень реальны, бенинские же, напротив, чрезвычайно далеки от того, чтобы быть портретными, они условны до крайности². В Бенине во время исполнения заупокойного обряда, если он совершается по простому, смертному, умершего может замещать даже не изображение, а связанные в узел из белой материи мел, каури и волосы и ногти, срезанные с трупа³. Этот узел, называемый *акпа*, конечно, не может претендовать на сходство с тем, кого он призван «заменить». Следовательно, реалистичность не есть неперменное качество изображений, используемых при вторичном погребении. С другой стороны, маленькие ифские терракотовые головки явно не предназначались для этого ритуала. Тем не менее они выполнены с той же высокой мерой реализма, что и большие бронзовые (относительно последних Брентьес придерживается довольно распространенного мнения, что они, дополненные деревянными телами, погребались подобно фигурам *ако*).

Гораздо более оправданной точкой зрения на этот вопрос представляется иная, а именно, что и в культуре Нок, и в древнем Ифе, и в Бенине, и в современном Ово (как и во многих других местах Африки) скульптура, изображающая конкретного человека, будь она предназначена для вторичного погребения или для того, чтобы стоять на алтаре и служить объектом культа, должна была быть наделена каким-либо качеством, позволяющим ей «отождествляться» в сознании людей с тем, чьим изображением она является. В Ифе и современном Ово таким качеством стало портретное сходство, что потребовало от ваятелей достижения очень большой меры реализма. В то же время в искусстве Бенина «отождествление» изображения строилось на иных принципах, сходных с теми, что господствуют в традиционном народном африканском искусстве.

Брентьесу можно предъявить и некоторые претензии более частного характера. Так, малоубедительны его замечания относительно древнепереднеазиатского происхождения двух распространенных в бенинском искусстве сюжетов — леопарда и человека, побеждающего зверя (стр. 51). Ведь сама охота и леопарды не были импортированы в Бенин из Передней Азии. Нетрудно понять стремление автора локализовать сообщение Геродота о похоронных обрядах «долгоживущих эфиопов». Однако параллель между их обмазанными гипсом мумифицированными трупами и большими нокскими терракотовыми фигурами (стр. 23) выглядит все же сильной натяжкой.

Приходится выразить сожаление и иного рода. Введенные в большом количестве скульптуры из Музея антропологии и этнографии АН СССР в значительной своей части представляют специфический интерес. Однако несмотря на это они не получили должного отражения в тексте книги.

И все же отмеченные недочеты вполне искупаются заинтересованностью автора своим предметом, живостью изложения и рядом очень интересных мыслей. Заслуживает внимания его сомнение в общепринятой хронологии искусства Ифе. Брентьес достаточно обоснованно ставит вопрос о том, что хронологические рамки этого искусства надо существенно раздвинуть в ту и другую сторону от отводимых ему XIII—XIV вв. Представляются не лишними основания и предположения относительно того, что культура Нок могла применять в своем искусстве металлическое литье и что ее границы были шире районов, где до сих пор находили памятники этой культуры. Главное же достоинство книги — и это необходимо в равной мере признать заслугой и Брентьеса, и Формана — в том, что она дает яркое представление о древней нигерийской пластике и о многих связанных с нею проблемах.

¹ F. Willett, On the funeral effigies of Owo and Benin, «Man», vol. I, 1966, No 1, p. 35.

² F. Willett, Ife in the history of West African sculpture, New York, 1967, p. 26.

³ R. E. Bradbury, The Benin Kingdom and the Edo-speaking peoples of S.-W. Nigeria, London, 1957, p. 51.

П. И. Пучков. *Формирование населения Меланезии*. М., 1968, 226 стр.

Объектом исследования в рецензируемой книге является Центральная и Южная Меланезия. Автор рассматривает современный этнический состав населения входящих в нее архипелагов, определяет численность выделяемых на каждом из них этнических общностей (что оказалось далеко не простым делом), дает характеристику этнических процессов, протекающих в этой части земного шара.

Книга состоит из введения и шести глав. Во введении автор характеризует степень этнической изученности Центральной и Южной Меланезии. К сожалению, введение слишком кратко (всего 5 стр.), и это не дало автору возможности более детально проследить историю изучения, показать недостаточную изученность архипелагов, отдельных островов, отметить белые пятна, которых особенно много на Соломоновых островах и Новых Гебридах.

Следует согласиться с автором, что в целом современное состояние изученности «дает возможность выявить этническую картину Меланезии» (стр. 10). К этому можно добавить, однако, что многие детали этой картины не вполне ясны, а источниковедческая база разнородна, противоречива и подчас не безупречна: немалое место в ней занимают случайные наблюдения и поспешные выводы. Я хочу этим подчеркнуть, что написать рецензируемую книгу было нелегко. Список литературы, приведенный в конце книги, далеко не исчерпывает, конечно, всех протрудированных ее автором трудов, причем нужные сведения приходилось собирать в них по крупицам. Но несмотря на все эти трудности, П. И. Пучков в максимально-возможной при существующих условиях мере решил стоявшие перед ним задачи.

Глава 1 посвящена общей характеристике Меланезии и содержит краткий географический обзор, некоторые исторические сведения, демографический очерк, классификацию меланезийских языков, краткую характеристику типов этнических общностей и процессов современного этнического развития в Меланезии. Эта глава служит как бы продолжением введения, она подводит читателя к основным четырем главам, которые посвящены отдельным архипелагам: Британским Соломоновым островам (глава 2), Новым Гебридам (глава 3), Новой Каледонии (глава 4) и островам Фиджи (глава 5).

Проблема классификации океанийских языков весьма сложна, и во взглядах различных ученых на этот счет отнюдь нет единства. Как отмечает П. И. Пучков, «особенно сильный разноречивой наблюдается при попытках классифицировать меланезийские языки» (стр. 33). Можно добавить, что попытки эти имеют один недостаток: они основаны на признании процесса расхождения языков от языка-предка, но не учитывают процесса сближения языков рядом живущих этнических групп. Между тем оба эти процесса протекали одновременно и привели к появлению цепной связи языков, наблюдаемой не только на Новой Гвинее, что отмечает автор (стр. 30), но и в Меланезии. Создался сложнейший языковой клубок, распутать который с помощью лексико-статистического метода, не учитывающего процесса сближения языков, невозможно. «Предложено,— констатирует П. И. Пучков,— много... классификационных систем, сильно различающихся между собой» (стр. 40).

Характеризуя этнические процессы, протекающие в настоящее время в Центральной и Южной Меланезии, автор различает два вида этнической консолидации: во-первых, упрочение этнических связей внутри уже единого народа (например, у фиджийцев) и, во-вторых, слияние нескольких этносов в один народ (например, у новокаледонцев). Далее он подчеркивает, что процесс слияния может протекать по-разному: в одних случаях распространение единого языка опережает общественно-политическую консолидацию населения (например, на островах Банкс), а в других — отстает от нее (например, на о. Танна). Наконец, автор разграничивает микроконсолидацию, т. е. слияние этносов в рамках отдельных островов или небольших островных групп, и макроконсолидацию, т. е. слияние этносов в рамках целых архипелагов. Вводимые автором новые понятия и термины свидетельствуют о сложности и многообразии этнических процессов в Центральной и Южной Меланезии и, в частности, о невозможности свести эти процессы к чисто языковым.

Говоря о типах этнических общностей, автор также вводит новое понятие «этно-территориальное образование», близкое к понятию племени, но все же отличное от него: в племени, полагает автор, люди связаны общностью происхождения, а в этнотерриториальном образовании «внутренняя связь строится на территориальной основе» (стр. 60).

Есть два понятия племени: племя как этническая общность и племя как социальная организация. П. И. Пучков хорошо знает об этом и весьма справедливо пишет: «Отсутствие на многих островах Меланезии постоянной племенной организации принималось нередко за отсутствие племен вообще» (стр. 15). Но затем сам автор вступает на подобный путь, считая общность происхождения обязательным признаком племени как этнической категории, тогда как, по нашему мнению, — это признак племени как социальной организации, да и то необязательный: он имеется, например, у маори (сами названия племен говорят об этом: нгатипору — потомки человека по имени Пору, нгапухи —

потомки Пухи и т. д.), но его нет у меланезийцев, как нет, между прочим, и у ирокезов. Общность происхождения — признак рода, но племя этим признаком не обладает¹. Противопоставление племени этнотерриториальному образованию, когда речь идет о племени как этнической категории, неправомерно, потому что наличие отдельной территории — один из основных признаков племени, и связи между членами племени строятся также и на территориальной базе. На примере тех же ирокезов можно показать, что кровнородственные связи, с одной стороны, уже племени (общность происхождения — признак рода, или группы родственных родов), а с другой — шире племени (те же роды есть и у соседних племен). Ту же картину мы наблюдаем и у меланезийцев.

Представляется, что оснований для введения нового понятия «этнотерриториальное образование» пока нет. Племя — это и есть этнотерриториальное образование, и все выделенные автором этнотерриториальные общности можно считать племенами.

Наибольшее число вопросов вызывают главы, в которых говорится о Соломоновых островах и Новых Гебридах. Дело в том, что население этих архипелагов слабо изучено, и дать ответ на все вопросы автор мог бы лишь в том случае, если бы сам побывал на этих архипелагах.

Вызывает сожаление тот факт, что автор рассматривает не весь архипелаг Соломоновых островов, а лишь Британские Соломоновы острова, т. е. исключает из книги два острова: Бука и Бугенвиль. Мне кажется, что в данном случае географическое деление, являющееся одновременно в какой-то мере и этническим, можно было бы предпочесть административному.

Если объединить приводимые по Британским Соломоновым островам демографические и этнические данные, то получается, что на о. Малаита на один диалект приходится в среднем 2700 человек, на Гадалканале — 1200, на Санта-Исабель — 800, на Шуазели — 300, на Нью-Джорджии — 120 человек. Чем объясняется столь различная на разных островах языковая дробность? На этот вопрос ответа пока нет.

В следующей главе, посвященной Новым Гебридам, соединение демографических и этнографических данных вызывает сомнения в точности некоторых из использованных автором материалов. Так, по этим данным получается, что на острове Вануа-Лава 490 человек говорят на 12 диалектах, на острове Мота 329 человек говорят на 5 диалектах, на острове Урепарара 106 человек говорят на 4 диалектах (стр. 90, 94). Одно из двух: либо демографические и этнические данные относятся к разным периодам, либо число диалектов сильно преувеличено. Так, по А. Кэпеллу, на острове Вануа-Лава было всего 5 диалектов².

Не вполне ясен вопрос о едином языке на островах Банкс. П. И. Пучков пишет, что таковым, возможно, станет язык мота (стр. 95). Но Кэпелл приводит другие сведения: «Начиная с 1917 г., английский язык все более и более заменяет собою язык мота в религиозном обучении, так что сейчас язык мота, хотя еще используется учителями Меланезийской миссии, в значительной мере утратил свое значение»³.

Главы, посвященные Новой Каледонии и островам Фиджи, построены на значительно более обширной, многосторонней и достоверной фактической базе. Даже по списку литературы нетрудно видеть, что эта часть Меланезии изучена более основательно, чем другие. Здесь читатель получает весьма подробную информацию об этническом составе и этнических процессах.

Наряду с демографическими и этническими данными в книге встречаются краткие сведения об уровне социально-экономического развития населения архипелагов, о характере родовой организации. Степень изученности этих проблем не везде одинакова, и неудивительно, что в книге встречаются иногда неточности.

Так, исходя из того, что в северной части Новых Гебрид преобладает матрилинейность, а в южной — патрилинейность, автор пишет, что южная группа архипелага (острова Эроманга, Танна, Анейтея) достигла более высокого уровня социально-экономического развития, чем северная (стр. 81). Однако избранный им признак (матрилинейность, патрилинейность) не является, на наш взгляд, достаточно надежным критерием для определения уровня развития. Например, на Новой Гвинее матрилинейные тубрианцы выше по уровню развития многих патрилинейных племен.

Касаясь социального строя северной части Новых Гебрид, автор допускает неточность, когда утверждает, что «обычно каждый род живет в отдельной деревне» (стр. 81). Даже там, где есть родовая община (например, на Новой Гвинее), в одной деревне живет только часть членов рода, а другая часть, вступая в брак, уходит жить в другие деревни. А для Новых Гебрид характерна не родовая, а гетерогенная община, и в одной деревне живут члены многих частей родов (субкланов).

¹ Одни советские этнографы включают общность происхождения в число признаков племени, другие — нет. См. Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 100—101; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 104.

² A. Capell, A linguistic survey of the South-Western Pacific, Noumea, 1962, pp. 204—206.

³ A. Capell, Указ. раб., стр. 207.

Подчас, характеризуя социальный строй, автор проявляет чрезмерную осторожность. Так, говоря о фиджийской явуса, он пишет, что одни считают ее племенем, другие — фратрией, и не высказывает своего мнения. Между тем на одном Вити-Леву было более 600 явуса, на каждую в среднем приходилось по 200 чел.⁴ Для племени это слишком мало, к тому же на Вити-Леву было всего около 30 диалектов. Каждая явуса состояла из нескольких матангали, которые автор справедливо считает родами⁵. Видимо, явуса — это не племя, а группа родственных родов.

В шестой главе, последней, автор высказывает предположение «о будущем этническом развитии рассматриваемого района» (стр. 197). Эта глава невелика (всего 3 стр.), что вполне естественно, так как трудно предвидеть будущее. Негативные выводы автора весьма убедительны: пиджин-инглиш нигде не станет единым языком, франко-новокаледонцы вряд ли в ближайшем будущем сольются с меланезийцами, а фиджийцы — с индийцами. Что же касается позитивных выводов, то они по необходимости более осторожны. Слишком много неизвестных пока величин принимает участие в формировании будущих этнических общностей.

Заключают книгу два указателя: этнических и лингвистических, а также географических названий.

Книга П. И. Пучкова, несмотря на имеющиеся в ней отдельные неточности, представляет собой важный вклад в изучение Центральной и Южной Меланезии. Несомненно, она станет настольной книгой для этнографов-океанистов. Автор нарисовал этническую картину Центральной и Южной Меланезии с той степенью детализации и достоверности, как это позволяют сделать имеющиеся источники.

⁴ Даже меньше, если учесть, что в западной части острова этой социальной единицы до европейской колонизации не было (A. Capell and R. H. Lester, *Local divisions and movements in Fiji*, «Oceania», vol. XI, 1941, № 4, p. 318).

⁵ Досадная неточность допущена в томе «Народы Австралии и Океании» (М., 1956), где явуса трактуется как более мелкая, чем матангали, родовая группа (стр. 458).

Н. А. Бутинов

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РСФСР

Авсеев А. А. Своеобразие русской народной деревянной пластики XIX в. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 106—132.

Алексеев Н. П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). «Вопр. науч. атеизма», вып. 3, 1967, с. 131—150.

Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. М., Изд-во Моск. ун-та, 1968, 104 с. с граф.

Архипов Г. А. Научная сессия по этногенезу марийского народа. [Йошкар-Ола. Дек. 1965 г.]. «Сов. археология», 1967, № 1, т. 317—321.

Бусыгин Е. П. и Шамрай Г. Ф. Вятная земельная община в Казанской губернии XIX века. «Геогр. сб. Казан. ун-та», № 1, 1966, с. 142—143.

Бусыгин Е. П. и Зорин Н. В. К вопросу о русских ясачных крестьянах бывшей Казанской губернии. «Геогр. сб. Казан. ун-та», № 1, 1967, с. 139—140.

Бусыгин Е. П. и Зорин Н. В. Формы связи жилого дома с надворными постройками как исторический источник. «Геогр. сб. Казан. ун-та», № 1, 1966, с. 140—142.

Вавилова М. А. История развития сюжета сказки о попе в козлиной шкуре. «Уч. зап. Вологод. пед. ин-та», т. 31, 1967, с. 182—206.

Власова Г. М. Мастерские костерезов в Звенигороде. «Зап. Одес. археол. о-ва», т. 2, 1967, с. 228—235.

Воронин Н. Н. Древняя Русь: история — искусство. «Вопросы истории», 1967, № 2, с. 45—58. Резюме на англ. яз.: с. 220—221. Библиогр. в подстроч. примеч.

Воронов В. С. Статьи В. С. Воронова 1921—25 гг.: Крестьянское бытовое искусство. — Крестьянское искусство и кустарная промышленность. — Качество и искусство. С предисл. ред. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 287—309.

Галин С. И. Песни и годы. [О фольклоре]. Уфа, Башкиргиздат, 1967. 158 с. На башк. яз.

Громов Г. Г. Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. (По графическим источникам). «Вестник Моск. ун-та». История, 1967, № 3, с. 62—78 с илл.

Гурьянов А. Как умирают боги в колхозной Нечаевской. [О преодолении религ. предрассудков в сознании колхозников]. Письма с Владимирщины. «Наука и религия», 1967, № 6, с. 2—13; № 7, с. 16—23.

Дмитриева С. И. Традиционный песенный фольклор Владимирской области (в связи с социально-экономическими условиями и историей заселения). — В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 33—36.

Доля Т. Г. и Теплов Е. Ф. Словообразование в топонимике Заонежья Карельской АССР. «Уч. зап. Петрозавод. ун-та», т. 14, вып. 7. Лингвист. сб., 4, 1966 [изд.: 1967], с. 76—84.

Дружкова В. П. Системы населенных пунктов Боровичско-Окуловского района Вологодской области. «Доклады отделений и комис. Геогр. о-ва СССР», вып. 1, 1967, с. 74—87. Библиогр.: 6 назв.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Сост.: В. П. Жуков. Изд. 3-е, стереотип. М., «Сов. энциклопедия», 1966 [вып. дан. 1967], 535 с. Библиогр.: с. 522—535.

Рец.: Сидоренко М. И. — «Рус. яз. в школе», 1967, № 4, с. 116—118.

Земцовский И. Искатели песен. Рассказы о собирателях нар. песен в дореволюц. и Советской России. Л., «Музыка». Ленингр. отд-ние, 1967. 11 с.; 1 л. илл.

Иванов Л. А. Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей. «Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР», вып. 31, 1966, с. 156—180.

Иванова И. и Ильин М. Новое в изучении древнерусского искусства. «Искусство», 1967, № 8, с. 63—65.

Иванова Н. Н. Выставка «Русская народная одежда XVIII—XIX вв.» в Музее народного искусства. Москва. 1964 г. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 361—371.

Игнатов В. И. Отражение социальной и национальной борьбы начала XVII в. в былинном сюжете о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 62, 1966, с. 3—20.

Искусство приносит радость. Декоративно-прикладное искусство РСФСР. Вторая выставка «Советская Россия». Альбом. Авт. текста В. В. Лыжина. Вступит. статья Ж. Э. Каганской. Л., «Художник РСФСР», 1967. 130 с. с илл.

История, археология, этнография мари. Сб. статей. Отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола, Маркнигиздат, 1967.

210 с. с илл.; 1 л. схем. (Марийск. НИИ яз., литературы и истории. Труды Вып. 22).

История, этнография, социология. Сб. статей. Чебоксары, Чувашкиниоздат, 1967. 280 с. (НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. Уч. зап. Вып. 36).

Как у Дона, у реки... Советский Дон в нар. творчестве. Сб. Сост.: Л. В. Домановский и Н. А. Трифонова. Послесл. и примеч. Л. В. Домановского. Ростов н/Д., Кн. изд-во, 1967. 218, [5] с. с илл.

Капитонов Е. И. О некоторых изменениях в географии сельского населения Курской области по данным переписей 1939 и 1959 годов. «Уч. зап. Курск. пед. ин-та», т. 24, 1966, с. 97—105 с карт. Библиогр.: 6 назв.

Капустин Н. С. Пережитки древних религиозных верований и борьба с ними. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1968. 60 с.

Карельские народные сказки. Южная Карелия. Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 520 с. (АН СССР. Петрозаводск. ин-т языка, литературы и истории). Библиогр. в примеч.: с. 517—518. Текст парал. на карел. и рус. яз.

Кваша А. Я. Динамика численности населения РСФСР за 50 лет. «Здравоохранение Рос. Федерации», 1967, № 12, с. 10—13.

Кожевников Л. А. Народное ткачество Кокшеньги (Вологодская область). «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 179—213.

Колесников П. А. Из истории крестьянства и ремесленников Европейского Севера в XVI—XVIII вв.—В кн.: Материалы по истории местного края, Вологда, 1967, с. 5—34.

Колесников П. А. О некоторых источниках для изучения [истории] местного края. «Уч. зап. Вологод. пед. ин-та», т. 32, вып. 2, 1967, с. 134—150.

Колчин Б. А. Художественное дерево древнего Новгорода.—В кн.: Тезисы докладов на заседаниях посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966, с. 30—32. (АН СССР. Отд-ние истории, наук. Ин-т археологии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Коновалов А. А. Географические названия в берестяных грамотах. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 84—98.

Краснов Ю. А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 3—21. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кубанские станицы. Этнические и культ.-бытовые процессы на Кубани. Отв. ред. К. В. Чистов. М., «Наука», 1967. 356 с. с илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Авт. глав: Н. А. Дворникова, С. И. Дмитриева, М. С. Кашуба, Е. Ф. Тарасенкова, Л. Н. Чижикова, Е. П. Шейнина.

Реш.: Бусыгин Е. П.—«Сов. этнография», 1968, № 4, с. 161—165.

Куза А. В. Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян.—В кн.: Тезисы докладов на конфе-

ренции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль-1967 г. М., 1967, с. 55—58.

Кустов Г. Ярославская чернолащенная [керамика]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 12, с. 27.

Кучкин В. А. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 289—295.

Лебедева А. А. Научная конференция «Памятники культуры русского Севера». Архангельск. Июль. 1966 г. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 117—122 с илл.

Леонов Л. М. «Люлька, в которой взлеял». [О рус. нар. прикл. искусстве. Беседа с писателем Л. М. Леоновым]. Записала Т. Кравченко. «Наука и жизнь», 1966, № 10, с. 44—49.

Линевский А. Двадцатые годы [в жизни археолога и историка культуры Севера А. Я. Брюсова]. «Север», 1967, № 6, с. 96—102.

Липец Р. С. К вопросу о генезисе былин (город в русском эпосе). «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 42—52. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Литература о Вологодской области за 1966 год. Сост. В. В. Печенская. Вологда, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. 158 с. (Вологод. обл. 6-ка им. И. В. Бабушкина. Справочно-библиогр. отдел).

Мавродин В. В. Советская историография древнерусского государства. (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси). «Вопросы истории», 1967, № 12, с. 53—72. Резюме на англ. яз., с. 222. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мазохин В. На «Щель» в Мангазею. [Экспедиция М. Е. Скороходова и Д. А. Бутерина на карбасе «Щель» по следам древнего торгового пути поморов из Архангельска в Мангазею]. «Наука и религия», 1967, № 12, с. 6—11.

Макарова Г. Г. О миграциях населения Удмуртской АССР. «Уч. зап. Перм. ун-та», № 3, 1966, с. 139—154.

Мальнева В. С. Социальная структура советского колхозного крестьянства (на материалах социологических исследований в Рязанской области). «Вестник Моск. ун-та». Философия, 1967, № 4, с. 12—19.

Марийские народные загадки. Сост. и авт. вступит. статьи А. Е. Китиков. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1967. 182 с. (Марийск. НИИ яз., литературы и истории). На марийск. яз. Вступит. статья на рус. яз.

Мельц М. Я. Русский фольклор. Библиогр. указатель. 1960—1965. Сост. М. Я. Мельц. Под ред. А. М. Астаховой и С. П. Луппова. Л., 1967. 539 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ордена Трудового Красного Знамени 6-ка АН СССР).

Микляев А. М. Идол из Усвятского торфяника. [Невел. район Псковской обл.]. «Сов. археология», 1967, № 4, с. 287—291. Библиогр. в подстроч. примеч.

Миронова В. Г. Языковые жертвоприношение в Новгороде. [По данным археол. раскопок]. «Сов. археология», 1967, № 1, с. 215—227.

Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., «Наука», 1967. 28 с.; 9 л. илл. (АН СССР. Ин-т археологии). Текст парал. на рус. и англ. яз.

Муравьев А. По северному серебру. [Соврем. искусство чернения по серебру в Великом Устюге]. «Молодая Гвардия», 1967, № 7, с. 281—288.

Мы празднуем. [Сб. статей о новых обрядах]. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1967. 40 с. с илл. (М-во культуры Коми АССР. Метод. кабинет культпросветработы).

Народы Поволжья.— В кн.: Государственный музей этнографии народов СССР. Путеводитель. М.—Л., 1967, с. 12—14.

Некрасова М. А. Искусство Палеха. М., «Сов. художник», 1966. 331 с. с илл. Резюме на англ., нем. и франц. яз. Библиогр. в примеч.: с. 294—298.

Рец.: Павлов В. Новая книга о художниках Палеха. «Искусство», 1968, № 3, с. 67—69.

Никонов В. А. Личные имена в современной России. «Вопр. языкознания», 1967, № 6, с. 102—111.

Носова Г. А. Опыт этнографического изучения бытового православия (на материалах Владимирской области). «Вопр. науч. атеизма», вып. 3, 1967, с. 151—163.

О калмыцком прикладном искусстве. Ред. коллегия: И. И. Орехов и др. Волгоград, Н.-Волжск. изд-во, 1967, 52 с.; 7 л. илл. (Калм. НИИ яз., литературы и истории). Авт. разделов: И. И. Трошин и Д. В. Сычев. Библиогр.: с. 51—52.

Орешкин П. Кимрский музей местного края. Путеводитель. Кимры, 1967. 114 с. с илл.

Осетров Е. И светит и греет. Галерея шедевров. [Об искусстве рус. нар. керамики]. «Смена», 1967, № 16, с. 28—30.

Осетров Е. Королевство игрушек. [О творчестве мастеров — художников по дереву с Богородского. Загор. район Моск. обл.]. «Культура и жизнь», 1966, № 11, с. 44—45.

Осятинский А. Раннее градостроительство на Волге. [IX—XIII вв.] «Волга», 1967, № 6, с. 188—191.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Октябрьский период. Глав. ред. Н. В. Устюгов и др. М., «Наука», 1967. 479 с. с илл. и карт.; 2 л. илл. и карт. (АН СССР. Ин-т истории. Калм. НИИ яз., литературы и истории).

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Под ред. Б. А. Рыбакова. М., «Сов. Россия», 1967. 296 с. с илл. и карт. (Труды Гос. ист. музея. Вып. 43).

Павлов Д. А. О внедрении новых обрядов в Калмыцкой АССР.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Тезисы докладов научно-практ. конференции. Вып. 2. Улан-Удэ, 1966, с. 33—34.

Панеях В. М. Кабальное холопство на

Руси в XVI веке. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 160 с. (АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние). «Список кабальных книг и записных книг старых крепостей XVI в.»: с. 145—148.

Пармон Ф. От Вологды до Тотьмы. [Об изделиях нар.-прикл. искусства XIX в. в деревнях Тотемского района Вологодской обл.]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 6, с. 39—41. Резюме на англ. яз.

Патрушев А. С. Об общинном землевладении в Марийском крае в конце XIX—начале XX вв. «Труды Марийского НИИ яз., литературы и истории», вып. 22, 1967, с. 107—114. Библиогр. в подстроч. примеч.

Песенный фольклор Мезени. Тексты. Изд. подгот. Н. П. Колпаковой и др. Вступит. статья Н. П. Колпаковой. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 367 с. с нот. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Памятники русского фольклора). Библиогр. в примеч.: с. 363—366.

Петренко А. Г. Материалы к истории животноводства в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Средней Волги и низовий Камы. «Уч. зап. Перм. гос. ун-та», № 148, 1967, с. 187—196 с табл.

Плющевский Б. Г. Организация крестьянских отхожих промыслов в крупных вотчинных хозяйствах нечерноземного центра (вторая четверть XIX века). «Уч. зап. Перм. гос. ун-та», № 158, 1966, с. 110—122. Библиогр. в подстроч. примеч.

Поздеев П. К. Думы рождают, сердца тревожат. [Разбор нар. песен]. Ижевск, «Удмуртия», 1967. 72 с. На удмурт. яз.

Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским НИИ яз., литературы и истории. 23—25 дек. 1965 г. Ред. Г. А. Архипов и Д. Е. Казанцев. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1967. 308 с. с илл. и карт.; 1 л. илл.

Прохоров А. Каргополь. [Об искусстве каргопольских мастеров. Арханг. обл.]. «Знание — сила», 1967, № 5, с. 44—45.

Разина Т. М. Творческие семинары с мастерами «Северной черни». «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 18—33.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 241 с. с илл. и карт.; 1 л. илл. (АН СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 140).

Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 110, 1967, с. 3—9.

Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношениях с эпосом Востока и Запада. Народная оригинальность и междунар. типология. Доклад на V Междунар. ассоциации по сравнит. литературоведению. Белград. 1967 г. «Изв. АН СССР». Серия литературы и яз., т. 26, вып. 3, 1967, с. 209—226. Библиогр. в подстроч. примеч.

Розова Л. К. Выставка богородского искусства резьбы по дереву. Москва. 1964. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 349—361.

Рудных Е. И. Типы аффиксации в микропонимике Устьянского района Архангельской области. «Уч. зап. Уральск. ун-та», № 49. Серия филол., вып. 3, 1967, с. 35—47.

Руководство по сбору материалов башкирского народного творчества. Сост. А. Кыреев (К. Мэргэн). Уфа, 1967. 20 с. (Башк. гос. ун-т. Кафедра башк. литературы). На башк. яз.

Русские сказки. Илл.: Т. Маврина. М., «Худож. лит.», 1967. 131 с.; 9 л. илл.

Русский советский фольклор. Антология. Сост. и авт. примеч. Л. В. Домановский и др. Предисл. Б. Н. Путилова. Вступит. статья Л. В. Домановского. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 190 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)). Библиогр. в примеч.: с. 165—181 и с. 185—186.

Рыбаков Б. А. Язычество и христианство в Древней Руси.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам годовых исследований 1965 года. М., 1966, с. 3—5. (АН СССР. Отд-ние историч. наук. Ин-т археологии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Савватеев Ю. А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, Карел. кн. изд-во, 1967. 167 с. с илл.; 12 л. илл. Библиогр.: с. 166.

Рец.: Пименов В. В.—«Сов. этнография», 1968, № 3, с. 150.

Сангаджиева Н. Б. Джангарчи. Элиста, Калмиздат, 1967, 36 с. с портр. Библиогр.: с. 35 (26 назв.).

Сборник студенческих работ Вологодского пед. института. Вып. 5. Материалы межвузовской фольклорно-диалектологической студенческой конференции. (10—12 апр. 1967 г.). Вологда, 1967. 96 с. (М-во просвещения РСФСР). Библиогр. в конце статей.

Сепеев Г. А. Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных мари-йцев. «Труды Марийск. НИИ яз., литературы и истории», вып. 22, 1967, с. 194—209 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сепеев Г. А. К вопросу о переселении мари-йцев в Прикамье и Приуралье. «Труды Марийск. НИИ яз., литературы и истории», вып. 22, 1967, с. 115—129. Библиогр. в подстроч. примеч.

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, Кн. изд-во, 1967. 50 с. с илл.; 23 л. илл. Библиогр.: с. 47—48.

Рец.: Дьяконицын Л. Труд всей жизни.— «Искусство», 1967, № 12, с. 69—70.

Сидельников В. М. Русское народное поэтическое творчество советской эпохи. Учеб. пособие. М., 1967. 206 с. (Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра рус. и зарубежной литературы).

Сидоров П. А. Численность, состав и динамика населения Чувашской АССР. «Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР», вып. 31, 1966, с. 203—210.

Симонов А. Г. Расселение русских в Привытском районе Татарской АССР. «Геогр. сб. Казан. ун-та», № 1, 1966, с. 145—146.

Слово народа правдиво. Татар. нар. творчество об исламе. Сост. Ф. В. Ахметова, Х. Х. Гатина, Ф. И. Урмаишев. Казань, Таткнигоиздат, 1967. 215 с. с илл. На татар. яз.

Смирнов В. Деревенские перемены. [Коренные изменения культуры и быта сельского населения Калининской области]. М., «Моск. рабочий», 1967, 111 с.

Смирнова Э. С. Культура древней Руси. Л., «Просвещение», 1967. 303 с. с илл. и карт.; 8 л. илл. Библиогр.: с. 299—302.

Рец.: Муравьев А. В.—«Преподавание истории в школе», 1968, № 3, с. 105—109.

Соловьева Г. Ф. О восточной границе древовичей. [По материалам археол. исследований]. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 110, 1967, с. 10—13.

Татарские народные пословицы. В 3-х т. Т. 3. Собрал, сост. примеч. и авт. вступит. статьи Н. Исанбет. Казань, Таткнигоиздат, 1967. 1014 с. На татар. яз.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. Отв. ред. Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов. М., «Наука», 1967. 538 с. с илл. и нот. илл.; 1 л. карт. (АН СССР. Казан. ин-т яз., литературы и истории). Авт. глав: Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов, А. А. Загидуллин и др. Библиогр.: с. 514—531.

Ташнинов Н. Ш. О донских калмыках. «Вестник Калм. НИИ яз., литературы и истории», № 2, ч. I (серия историч.), 1967, с. 98—109. Библиогр. в подстроч. примеч.

Трапезников П. Г. Ростки нового быта в современной колхозной деревне Башкирии.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 2. Челябинск, 1967, с. 91—100.

Три богатыря. Былины. Вступит. статья Б. А. Рыбакова. М., «Худож. лит.», 1967. 127 с. с илл. (Нар. б-ка).

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., «Наука», 1966. 416 с. с илл.; 1 л. илл.

Рец.: Мартынов В. В.—«Вопросы языкознания», 1968, № 1, с. 126—130.

Уварова И. Русь-67. [Об изделиях декоративно-прикл. искусства на выставке «Советская Россия». Москва. Сент.-ноябрь 1967 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 12, с. 1—10. Резюме на англ. яз. вкладка.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8-ми т. Т. 3. Ч. 2. Эзянские сказки. Сост., предисл. и примеч. А. И. Маскаева. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1967. 382 с. (НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР).

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8-ми т. Т. 4. Ч. 1. Пословицы, присловья и поговорки. Предисл.,

вступит, статьи, запись большинства текстов и их систематизация, пер. на рус. яз., примеч. и указатели К. Т. Самородова. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1967. 375 с. (НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР).

Уткин П. И. Русские ювелирные украшения из цветного и черного металла второй половины XVIII — начала XIX вв. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 133—151.

Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 5. Серия историческая. Ч. 1. Дооктябрьский период. Историография и методология. Элиста, 1967. 154 с. Библиогр.: с. 153.

Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 5. Серия филология. Элиста, 1967. 238 с.

Хохлова Е. Н. Национальные черты в современном конаковском фаянсе. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 34—47.

Чемерис В. П. Выездное заседание Бюро Отделения истории АН СССР в Уфе. (21—22 ноября 1966 года). «Вопросы истории», 1967, № 5, с. 132—137.

Черныш М. И. О поземельном устройстве вогулов (манси), проживавших в Пермской губернии (1861—1917 гг.). «Уч. зап. Перм. ун-та», № 158, 1966, с. 221—230. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., «Наука», 1967. 341 с.

Рец.: Лихачев Д. Впервые изучается в монографии. «Вопросы литературы», 1968, № 6, с. 213—215.

Чувашия за 50 лет советской власти в цифрах. Стат. сб. Чебоксары, Чувашкиноиздат, 1967. 104 с.; 4 отд. л. илл. (ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Чуваш. АССР).

Чудак Г. С. Калмыцкие танцы. Описание. Элиста, Калмиздат, 1966. 75 с. с илл. и нот.

Чусова И. Н. Названия частей тела человека в тульских говорах. «Уч. зап. Моск. пед. ин-та», № 264, 1967, с. 306—319.

Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке. «Труды Ленингр. отделения Ин-та истории АН СССР», вып. 10, 1967, с. 128—176. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ширинский С. С. Этнические и культурные контакты восточных славян по материалам древнейших погребений. — В кн.: Тезисы докладов на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». Февраль 1967 г. М., 1967, с. 103—109.

Шкаровская Н. Абашевские игрушки. [Из коллекции Н. М. Церетели]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 11, с. 48—49.

Шкаровская Н. Обаяние подлинника. [Об экспонатах выставки нар. прикл. искусства. Москва. Сент. 1967 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 12, с. 11—16. Резюме на англ. яз., вкладка.

Шмидт Е. А. К истории скотоводства и земледелия на территории Смоленской области (по археологическим данным). «Уч. зап. Смол. пед. ин-та», вып. 17, 1967, с. 140—153. Библиогр.: 8 назв.

Шмидт Е. А. Хозяйственные и культурные связи племен, населявших Смоленщину в раннем железном веке. «Материалы по изучению Смол. области», вып. 6, 1967, с. 241—251.

Шурганов М. Село шагает в завтра. [Прошлое и настоящее с. Шошки Сыктывдин. района]. Очерк. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1967. 63 с. с илл.

Элиаш Н. М. Истоки обряда и песен русской народной свадьбы. «Уч. зап. Орлов. пед. ин-та», т. 30, 1966, с. 281—315.

Юхнева Н. В. О принципах группировки населения русского города конца XIX — начала XX в. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. отд-ние) за 1966 г. 11—13 апреля 1967 г. Л., 1967, с. 67—68.

Яковлева Е. Г. Некоторые вопросы современного развития народного искусства. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 4, 1967, с. 5—18.

Ярми Х. Татарское народное поэтическое творчество. Казань, Таткиноиздат, 1967. 308 с.; 1 л. портр. (АН СССР. Казан. ин-т яз. литературы и истории). Библиогр.: с. 290—307. На татар. яз.

Яснопольский Н. А. Вопреки совети и убеждению. (О вреде религ. обряда крещения). Чебоксары Чувашкиноиздат, 1966. 40 с. На чуваш. яз.

Яшкин И. А. К характеристике процесса развития мордовской социалистической нации на современном этапе. «Уч. зап. Горьк. пед. ин-та», вып. 86, 1966, с. 56—72.

Акцарин В. А. Марийская народная драма и ее роль в возникновении и становлении марийской драматургии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1967. 20 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Авторефераты

Алексеев В. П. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. М., 1967. 60 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. (К вопросу о происхождении народа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1967. 22 с. (АН СССР. Ин-т археологии). Список работ автора: с. 21—22.

Горбачева Р. М. Формирование новых черт быта колхозного крестьянства. (По материалам социол. исследований в Ставропольском крае). Автореферат дисс.

на соискание учен. степени канд. философ. наук. М., 1967. 24 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

Дружкова В. П. География населения и населенных пунктов Боровичско-Окуловского района Новгородской области. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. географ. наук. М., 1967. 15 с. (Лен. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Никитин А. В. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей. (Опыт анализа топонимов — ориентиров). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1967. 24 с. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской). Список работ автора: с. 23—24.

Пархачева Э. К. Исторический опыт осуществления некапиталистического пути развития к социализму коми народа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Л., 1967. 20 с. (Лен. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Петренко А. Г. К истории домашних животных у древнего населения Волжско-Камского края. (По данным остеол. материала археол. памятников). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. биол. наук. Казань, 1967. 19 с. (Казан. гос. вет. ин-т им. Н. Э. Баумана).

Рахимнулов М. Г. Мотивы башкирского фольклора в русской литературе XIX — начала XX вв. (К проблеме русско-башк. лит.-фольклорных связей). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Уфа, 1967. 23 с. (Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября). Список работ автора: с. 22—23.

Руднев В. А. Деятельность КПСС по коммунистическому переустройству быта и утверждению новых традиций и обычаев 1961—1966 гг. (На материалах парт. организаций Рос. Федерации). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Л., 1967. 21 с. (Лен. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Самойлов Ю. Г. Архитектура русского народного жилища Горьковской области XIX — 1-ой половины XX века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. архитектуры. Л., 1967. 26 с. (Акад. художеств СССР. Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. В. И. Ленина).

Семенова Л. Н. Мастерские и рабочие люди Петербурга в первой половине XVIII века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч.

наук. Л., 1967. 17 с. (АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние).

Труфанов И. П. Современный быт рабочих Ленинграда. (По материалам исследования работников машиностроения). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Л., 1967. 16 с. (Лен. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Юдин Ю. И. Поэтика русского героического эпоса. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Л., 1967. 13 с. (Лен. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Рецензии

Голубева Л. А. [Рец.]: Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965. 262 с.—«Сов. археология», 1967, № 1, с. 305—309.

Гордин А. [Рец.]: Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966. 341 с.—«Воспитание школьников», 1967, № 4, с. 96.

Козлова К. И. [Рец.]: Очерки истории Марийской АССР. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. 363 с.—«Вопросы истории», 1967, № 5, с. 153—155.

Коротков В. [Рец.]: Педагогическое творчество народа. Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966. 341 с.—«Нар. образование», 1967, № 8, с. 113—115.

Лазутин С. Г. [Рец.]: Современный русский фольклор. Сб. статей. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., «Наука», 1966. 256 с.—«Сов. этнография», 1967, № 5, с. 195—198.

Рождественская С. Б. [Рец.]: Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в. М., 1965. 266 с. с илл.—«Сов. этнография», 1967, № 6, с. 143—147.

Сабурова Л. М. [Рец.]: Колхоз — школа коммунизма для крестьянства. Комплексное социальное исследование колхоза «Россия». М., 1965. 359 с.—«Сов. этнография», 1967, № 3, с. 168—170.

Чистов К. В. [Рец.]: Новое в изучении карельской сказки. Конikka У. С. Карельская сатирическая сказка. М., «Наука», 1965.—«Вопросы литературы», 1967, № 1, с. 228—230.

Составитель Р. В. Каменецкая

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей (Москва), О. И. Шкаратан (Ленинград). О соотношении истории, этнографии и социологии	3
Л. Н. Терентьева (Москва). Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях	20
А. Н. Жилина (Москва). Традиционные черты в современном жилище Хорезма	31
Б. Х. Кармышева (Москва). Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX века)	44
Г. Я. Мовчан (Москва). Камень и дерево в старинном жилище Аварии	51
Г. Л. Хить (Москва). Материалы по дерматоглифике русских Сибири	65
А. Ф. Гаврилова (Москва). Своеобразие процессов урбанизации в Нигерии	74
Г. Л. Арш (Москва). Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в.	85
М. Баряктарович (Белград). Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косове и Метохии (Южная Сербия)	96
Дискуссии и обсуждения	
Ю. М. Рапов (Москва). Была ли вервь «Русской правды» патронимией?	106
Сообщения	
Н. А. Кисляков (Ленинград). Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков	118
З. Я. Можейко (Минск). Коляда в белорусском полесском селе	127
Поиски, факты, гипотезы	
Э. П. Стужина (Москва). Обед на полтора миллиона персон	136
Научная жизнь	
В. П. Аникин, Н. И. Савушкина (Москва). Научная конференция по итогам фольклорной экспедиции Московского университета в Архангельскую область	152
Ю. Б. Стракач (Новосибирск), В. А. Туголуков (Москва). Социолого-лингвистические исследования в Сибири	156
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
В. Р. Кабо (Ленинград), Ю. И. Семенов (Москва). Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй)	159
Общая этнография	
А. И. Першиц (Москва). И. А. Крывелев. Происхождение религии	171
Народы СССР	
А. Г. Трофимова (Москва). Археолого-этнографический сборник, т. II, «Научные труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы»	173
Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков (Казань). «Татары Среднего Поволжья и Приуралья»	175
Народы зарубежной Европы	
Э. В. Померанцева (Москва), И. П. Труфанов (Ленинград), Т. Д. Филимонова (Москва). «Arbeit und Volksleben»	178

Народы Америки

- Я. М. Свет (Москва). Бартоломе де Лас Касас. История Индий 183

Народы Африки

- Н. Н. Кощевская (Ленинград). W. Forman, B. Brentjes. Alte afrikanische Plastik 187

Народы Океании

- Н. А. Бутинов (Ленинград). П. И. Пучков. Формирование населения Меланезии 189

Новая литература по народам Европейской части РСФСР 192

На первой странице обложки: Гвинейская женщина с ребенком (фото ТАСС)

SOMMAIRE

- Yu. V. Bromley (Moscou), O. I. Chkaratan (Léningrad). De la corrélation entre l'histoire, l'ethnographie et la sociologie 3
- L. N. Térentiëva (Moscou). Sur le choix de la nationalité par les adolescentes dans les familles binationales 20
- A. N. Jilina (Moscou). Les traits traditionnels de l'habitat moderne à Khorème 31
- B. Kh. Karmychëva (Moscou). Les types d'élevage dans les régions méridionales d'Ouzbékistan et Tadjikistan (fin XIX-ème — début XX-ème siècle) 44
- G. Ya. Movtchan (Moscou). Pierre et bois dans l'habitat ancien de l'Avarie 51
- G. L. Khit (Moscou). Les matériaux sur la dermatoglyphique des Russes-Sibériens 65
- A. F. Gavrilova (Moscou). L'originalité de l'urbanisation en Nigérie 74
- G. L. Arch (Moscou). Emigration grécque en Russie (fin XVIII-ème — début XIX-ème siècle) 85
- M. Barjaktarovič (Belgrad). Collectivités sociales traditionnelles et détermination ethnique en Kossovo et Métokhie (Serbie Méridionale) 96

Discussions et délibérations

- Yu. M. Rapov (Moscou). La vëry de la «Pravda russe» était-elle une patronymie? 106

Communications

- N. A. Kislakov (Léningrad). Quelques matériaux sur la terminologie agraire chez les Tadjiks 118
- Z. Ya. Mojeïko (Minsk). Kolada (chant rituel de Noël) dans le village biélorusse en Polëssië 127

Recherches, faits, hypothèses

- E. P. Stoujina (Moscou). Un dîner pour un million et demi de personnes 136

Vie scientifique

- V. P. Anikine, N. I. Savouchkina (Moscou). Conférence scientifique sur les résultats de la mission folklorique en région d'Arkhanguelsk organisée par l'Université de Moscou 152
- Yu. B. Strakatch (Novosibirsk), V. A. Tougoloukov (Moscou). Les recherches socio-linguistiques en Sibérie 156

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

- V. R. Kabo (Leningrad), Yu. I. Sémenov (Moscou), N. A. Boutinov. Les Papous de la Nouvelle-Guinée (économie et régime social) 159

Ethnographie générale

A. I. Perchitz (Moscou). I. A. Kryvéliov. Les origines de la religion 171

Peuples de l'URSS

A. G. Trofimova (Moscou). Recueil archéologo-ethnographique, t. II, «Travaux scientifiques de l'Institut d'histoire, langue et littérature de Tchétchéno-Ingouchéti» 173

Ye. P. Boussyguine, A. Kh. Khalikov (Kazan). Les Tatars des régions de la Volga Moyenne et de celles contiguës aux monts Ourals 175

Peuples de l'Europe étrangère

E. V. Pomérantzéva (Moscou), I. P. Troufanov (Léningrad), T. D. Filimonova (Moscou). «Arbeit und Volksleben» 178

Peuples de l'Amérique

Ya. M. Svet (Moscou). Bartolome de Las Casas. Histoire des Indes 183

Peuples de l'Afrique

N. N. Kochtchevskaja (Léningrad). W. Forman, B. Brentjes. Alte afrikanische Plastik 187

Peuples de l'Océanie

N. A. Boutinov (Léningrad). P. I. Poutchkov. Formation de la population en Mélanésie 189

Nouvelles publications sur les peuples de la partie européenne de la RSFSR 192

Sur la couverture: Une femme quinéenne avec un enfant (cliché APN)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 14/III-1969 г.	Т-08139	Подписано к печати 2/VI-1969 г.	Тираж 2185 экз.
Зак. 5589	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 17,5 Бум. л. 6 ¹ / ₄	Уч.-изд. листов 20,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР производит в 1969 году прием аспирантов по следующим специальностям:

с отрывом от производства — этнография народов зарубежных стран и антропология.

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет.

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Поступающие в аспирантуру подвергаются приемным испытаниям по истории КПСС, общей этнографии или антропологии, одному из западно-европейских языков и представляют письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Поступающие в аспирантуру по зарубежным странам сдают, кроме того, экзамен по языку изучаемой страны.

Прием заявлений с 1 мая по 15 сентября 1969 г.

**Заявления и документы направлять по адресу: г. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт этнографии АН СССР.
Тел. 126-05-80; 126-94-46; 126-94-75.**